

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
Часть I. Доктринально-правовые проблемы регулирования разработки и применения систем искусственного интеллекта и роботизированных технологий	9
1.1. Социальная природа права и робототехника: особенности предмета правового регулирования	11
1.2. Право и технологическая реальность	16
1.3. «Цифровые следы» человека и их использование в политическом управлении	24
1.4. Искусственный интеллект в правоприменении с точки зрения юридической эпистемологии	29
1.5. Правовое регулирование в условиях цифровой реальности: возможные риски	36
1.6. «Искусственный интеллект» в современной политической и правовой жизнедеятельности общества	43
1.7. Правовая политика в сфере искусственного интеллекта: актуальные проблемы выстраивания в Российской Федерации ...	57
Часть II. Этическое и деонтологическое кодирование процессов разработки и применения систем искусственного интеллекта и роботизированных технологий	67
2.1. К вопросу об этических принципах использования искусственного интеллекта.....	69
2.2. «Субъектность» роботов versus субъектность человека: этические пределы «Subjectivity» of robots versus human subjectivity: ethical limits	71
2.3. Робот и человек «третьей» природы: существуют ли естественные ограничения для искусственного интеллекта	74
2.4. Онлайн-романтика: этические проблемы внедрения технологий искусственного интеллекта в сервисы знакомств ...	79
2.5. Enlarging of the Subject Composition of Socio-Legal Relations: Probable Ways of Development	84
2.5. Расширение субъектного состава социально-правовых отношений: вероятные пути развития.....	85
2.6. Искусственный интеллект как суперсимулякр и деонтологизация кота Шрёдингера.....	91

Часть III. Правовые проблемы регулирования систем искусственного интеллекта и обеспечения кибербезопасности	95
3.1. Эффективность правового регулирования в условиях LegalTech-революции.....	97
3.2. К вопросу о направлениях правового регулирования роботизации	103
3.3. Использование искусственного интеллекта для обеспечения кибербезопасности в банковском секторе (некоторые технические и организационно-правовые аспекты)	107
3.4. Киберпреступность как деструктивный феномен цифровой трансформации социальных отношений в контексте международно-правового противодействия	115
3.5. Pedra Branca: Resolving southeast Asia's maritime jigsaw puzzle	126
Часть IV. Правовое регулирование внедрения и использования систем искусственного интеллекта и роботизированных технологий в общественное взаимодействие	129
4.1. Автоматизация процесса обучения в вузе: плюсы и минусы...131	
4.2. Проблемы ответственности за нарушение порядка партийного финансирования в условиях развития современных технологий	136
4.3. Электронные технологии в суде присяжных заседателей: реалии и перспективы развития.....	141
4.4. Запрет операций с криптовалютой: сравнительно-правовой аспект	147
4.5. Цифровые технологии в избирательном процессе	153
4.6. Структура описания данных о базах знаний и задачниках для алгоритмов искусственного интеллекта как объектов авторского права	160
4.7. Стратегическое управление конкурентоспособностью перерабатывающих предприятий в эпоху цифровизации	168
4.8. Комплексный подход к автоматизации нейросетевых и нейрокогнитивных методов исследования ценностных и психологических характеристик присяжных	174
Часть V. Исследования молодых ученых	191
5.1. Технический прогресс: право — тормоз или вектор развития....193	
5.2. Инновационные технологии в туризме: проблемы и перспективы (Innovative technologies in tourism: problems and prospects)	201
5.3. Искусственный интеллект в XXI веке	207
5.4. Киберугрозы как новые политические реальности	210
5.5. Права человека vs права роботов: теоретико-правовой анализ ...215	
5.6. Роль цифровых технологий в формировании современных методов регулирования и отслеживания миграционных процессов	220

5.7. Направления развития цифрового права в России и за рубежом	224
5.8. Информационные войны в цифровом пространстве как современный аспект «мягкой силы» на примере конфликта в Южной Осетии.....	232
5.9. Особенности языка интернет-общения как разновидности сленга в современном китайском языке.....	241
5.10. Проблема определения «национальная безопасность» в современной научной литературе	247
5.11. О целесообразности применения цифровых технологий в избирательном процессе Российской Федерации.....	252
5.12. Трудовые правоотношения в эпоху роботизации.....	258
5.13. Влияние цифровых технологий на японское общество: пагубное влияние информационного пространства на социальные явления японского сообщества.....	264
5.14. Электронное государство в современной России: проблемы и перспективы.....	270
5.15. Проблемы достаточности профессиональной компетенции выпускников-юристов для начала своей трудовой деятельности	276
5.16. Использование необитаемых подводных аппаратов в Арктике	279
5.17. Правовые и этические проблемы внедрения беспилотного транспорта на дороги общего пользования.....	283
5.18. Тенденция корпоративных инноваций в эпоху цифровой экономики	294
5.19. Маленькие дети, большие данные и будущее городов Little children, big data and the future of cities.....	302
5.20. Анализ современных педагогических технологий, используемых для подготовки будущих юристов	308
5.21. Современные технологии и развитие государственно- правового регулирования экономических отношений.....	311
5.22. Реабилитирующие основания для прекращения уголовного дела в уголовном процессе Украины	317
5.23. Общая профилактика сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенного с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»): на примере Приморского края.....	322
5.24. Некоторые вопросы регламентации института допустимости доказательств.....	331
Информация о вузе проведения I Дальневосточного международного форума «Роботы заявляют о своих правах»	340
Сведения об авторах.....	345

ПРЕДИСЛОВИЕ

Орудия труда существуют только по отношению к смесям, которые они делают возможными или которые делают возможными их.

Стремя влечет за собой новый симбиоз человека и лошади, каковой, одновременно, влечет за собой новое вооружение и новые инструменты.

Орудия труда неотделимы от симбиозов или слияний, определяющих машинную сборку Природа — Общество.

Жиль Делёз и Феликс Гваттари

14–19 ноября 2019 года во Владивостокском государственном университете экономики и сервиса проходило масштабное по своему событию и составу участников мероприятие — *I Дальневосточный международный форум «Роботы заявляют о своих правах: доктринально-правовые основы и нравственно-этические стандарты применения автономных роботизированных технологий и аппаратов»*.

В работу в разнообразных форматах — очном, заочном и интерактивном (в формате вебинаров) внесли свой вклад более 150 участников из различных субъектов Российской Федерации (Москва, Санкт-Петербург, Самара, Волгоград, Ростов-на-Дону, Иркутск, Барнаул, Архангельск и др.), а также из дальнего и ближнего зарубежья (Южная Корея, Китай, Малайзия, Тайвань, Германия, Украина, Таджикистан и др.).

Данный форум проходил в рамках реализации гранта *Российского Фонда Фундаментальных Исследований на проведения научных мероприятий, проект № 19-011-20072*. В течение практически недели исследователи, представители бизнеса, политических, профессиональных и других общественных организаций обсуждали риски и угрозы цифровой трансформации общества, социального взаимодействия, правовые и этические проблемы разработки и применения роботизированных технологий, систем искусственного интеллекта и автономных алгоритмов и аппаратов.

Участники конференции в рамках дискуссии пришли к заключению, что современная цифровая трансформация общества ведет к кардинальным, а порой к революционным изменениям не только в технологиях и способах производства, но и в мировоззренческих установках, в ценностно-нормативных системах, в традиционных основаниях порядка (правового, экономического, социального) и режима общественного взаимодействия. *Мир стремительно изме-*

няется! Конечно, эта скорость распределена по-разному, в разных сферах общественной жизнедеятельности, но не замечать кардинальных трансформаций, как согласились участники дискуссий, уже не только наивно, но и весьма опасно для дальнейшего воспроизводства общества и его организации.

В данном сборнике опубликованы доклады, которые были представлены на форуме и вызвали оживленную дискуссию. Практически каждый доклад высвечивает проблематику кардинальных изменений и моделирует возможные риски и угрозы, на которые должно обратить внимание человечество. И это важно, поскольку верная постановка проблемы имеет ключевое значение для последующего адекватного доктринально-правового и этического регламентирования процессов разработки и внедрения современных сквозных цифровых технологий. Исследователи обращают внимание на спектр ключевых цифровых трендов:

- возникновение в социальной реальности новых цифровых сущностей (цифровых агентов, юнитов, электронных акторов), активно влияющих на трансформацию социально-политической, экономической и иной жизнедеятельности общества, которые выходят на авансцену истории, двигают мировой и технологический прогресс, изменяют нашу коммуникацию и мировоззренческие модели;
- формирование новых форм и способов взаимодействия, которые опосредованы цифровыми технологиями (например, цифровая агрегация частноправовых и публично-правовых отношений, электронные формы обеспечения правопорядка, общественного контроля и проч., где автономные цифровые алгоритмы уже получили «совещательные права», а в некоторых странах и «распорядительные функции»);
- появление новых угроз, рисков, вызовов стабильному существованию и воспроизводству общественных систем и, соответственно, новых объектов и субъектов безопасности, принципиально новых форм, технологий в обеспечении социальной безопасности (как широкого понятия, включающего не только безопасность человека, общества, но и всего того, что «втянуто» в социальный мир человека, является его значимой частью);
- происходят стремительные институционализации новых форм и сфер общественного взаимодействия, кардинально преобразовывающие социальную организацию, понимание и суть общественных институций, соединение цифровых и биотехнологий ставит на повестку дня вопрос о пределах человеческого и границах социального.

Так или иначе, представляемые в данной коллективной монографии доклады содержательно обосновывают, что в настоящее время разворачиваются (в различных сферах с разной интенсивностью) процессы конвергенции (от лат. *«convergo»* — смешивания, сплавления) социального и технологического, которые «выводят» на авансцену истории новых акторов (цифровых субъектов, роботизированных технологий, автономных алгоритмов, «нечеловеческих актантов») и новых объектов социальной (внутригосударственной и международной) безопасности. В моделировании будущего прослеживается одна устойчивая тенденция: в скором времени люди, технологии, машины совместно будут создавать особые режимы функционирования, специфические отношения, в контексте которых формируются, опосредуются, опредмечиваются и определяются каждая из этих сущностей.

Доктор политических наук, кандидат юридических наук,
профессор Института права ВГУЭС,
председатель организационного комитета Форума,
А.Ю. Мамычев,
+7(984) 149-49-13,
mamychhev@yandex.ru

ЧАСТЬ I

**Доктринально–правовые
проблемы регулирования
разработки и применения
систем искусственного интеллекта
и роботизированных технологий**

1.1. Социальная природа права и робототехника: особенности предмета правового регулирования

Мордовцев А.Ю.

Право как особая, связанная с развитием и функционированием властных институтов регулятивная форма культуры сопровождает развитие человечества достаточно давно. Само возникновение права так или иначе связано с эволюцией, а точнее — деформацией иных регулятивно-культурных форм и, прежде всего, морали, обычая, традиции, религиозных канонов и др. На определенном историческом этапе развития разных народов, этносов, наций последние в силу действия разных факторов просто утрачивают свой активный регулятивно-охранительный ресурс и уже не могут в полной мере обеспечить упорядочивание всё более и более усложняющихся общественных отношений.

«Историческое право родилось в смутном историческом потоке событий, в борьбе искаженных, злых и нечистых интересов», — заметил Н.Н. Алексеев¹.

Именно в рамках этого процесса и начинается эпоха *юридических форм*: ранее «неюридические» социальные связи теперь переводятся в правовую сферу и уже «живут» по иным принципам. Ясно, что параллельно с этим достаточно большая часть таких общественных отношений «огосударствляются», так как право (несмотря на разного рода естественно-правовые подходы к его сущности) — инструмент государственной власти, способ ее проведения (диктатора, властных элит или всего народа) и обеспечения ее воли. В этом контексте, например, совершенно ясно, почему сторонники разных анархистских идей говорили не только об объективном характере «отмирания» государственной машины, но и об уходе права и закона из мира человеческого бытия (можно вспомнить, например, дискуссии о праве и законе в ранний период существования Советского Социалистического государства в России, когда Е.Б. Пашуканис, П.И. Стучка и ряд иных правоведов утверждали, что вместе с отмиранием буржуазного права и государства «юридический момент в отношении людей» неизбежно исчезнет, «социалистическая революция берет курс на свертывание правовой формы»).

Однако право — социальный фактор, при разных политических трансформациях, экономических метаморфозах оно всегда сохраняет свое логическое содержание («применение равного масштаба к неравным людям»), приобретая отличающиеся внешние характеристики. Между разными типами правопонимания различие

¹ Алексеев Н.Н. Основы философии права. — СПб., 1999. — С. 222–223.

состоит в определении первичных источников права — Бог (теологическая теория права), народный дух (историческая школа права), воля законодателя (юридический позитивизм), судебные правоотношения (социологическая юриспруденция) и др. Понимание же предмета правового регулирования и, соответственно, основных признаков права, раскрывающих его социально-регулятивную и охранительную природу, в целом остается одинаковым.

«За искусственной установленностью положительного права социолог открывает некоторую социальную необходимость. Постигание этой необходимости приводит к познанию некоторой истинной реальности права, которая есть не что иное, как реальность социальной жизни... наука о праве теряет свою условность, перестает быть наукой о юридическом словоупотреблении, наукой номинальной... становится наукой о действительных фактах»¹. В этом плане и само «право является одной из функций общественной жизни и обладает социально обусловленным характером»².

Однако эта в полной мере органичная для права **«социальная привязка»** традиционно имела несколько важных для заявленной темы «прочтений»:

- активная организующая роль права в жизни социума: правотворческая и правореализационная динамика;
- само по себе право не создает, а только регулирует, охраняет, стабилизирует сложившиеся в силу действия иных факторов общественные отношения, т.е. в правовой сфере не может быть применен принцип *«опережающего развития»* (некий принципиальный «правовой контур» создается как юридическая модель до появления соответствующих ей общественных отношений), в противном случае в юридической науке следует признать возможность построения предметной области **«юридической футурологии»**, о возможности создания и развития которой, правда, уже стали упоминать в последние годы некоторые и зарубежные, и российские правоведы;
- общим предметом **правового регулирования** является совокупность фактических отношений между людьми и их организациями (субъектами права и правовых отношений), направленных на достижение и обеспечение своих интересов через реализацию правил должного и возможного поведения, обеспеченных в необходимых случаях силой государственного принуждения. Этот общий предмет дифференцируется, т.е. получает отраслевую привязку, порождая широкий круг соци-

¹ Алексеев Н.Н. Основы философии права. — СПб., 1999. — С. 25–26.

² Там же. С. 26.

альных отношений, объективно нуждающихся в правовом регулировании: властно-управленческих, трудовых, семейных, земельных, жилищных и др.

В свете соприкосновения права и продуктов развития **робототехники** (этот процесс неизбежен) даже в первом приближении возникает несколько вопросов:

- 1) право как социальный феномен, очевидно, сохраняет свою регулятивно-организующую роль, соответствующую правотворческую и правореализационную динамику, т.е. значение права в новых видах общественных отношений («человек — робот», «корпорация — робот», а в дальнейшем, возможно, и «робот — робот»), скорее всего, будет велико;
- 2) в контексте возникновения новых социальных реалий (роботизации общества) общий предмет правового регулирования должен быть, несомненно, пересмотрен и, вероятно, расширен за счет включения в него кроме собственно физических и юридических лиц еще и постоянно совершенствующихся роботизированных конструкций, которые, в свою очередь, должны быть наделены статусом физических лиц или каким-либо новым, еще отсутствующим в современном отечественном и зарубежном законодательстве, *статусом* (предмет юридической футурологии). Так, коренным образом должна быть пересмотрена теория субъектов права и субъектов правоотношений (концепция правосубъектности), изменены подходы к правоспособности и дееспособности лиц, а значит, и содержание наследственных правовых отношений, институт семьи и брака и т.д.;
- 3) соответствующим образом должна быть пересмотрена *теория юридических норм*, особенно в части их соотношения с *техническими регуляторами*, а также в рамках определения юридикотехнических норм.

В явно еще немногочисленной литературе, посвященной исследованию юридического измерения робототехники и искусственного интеллекта, чаще всего обращают внимания на два основных аспекта этой проблемы:

- использование робототехники и, соответственно, искусственного интеллекта в юридической практике, судебном процессе для их совершенствования, повышения качества «юридического продукта» в правотворческой и правоприменительной сфере. Это *инструментальный подход*, который хотя и требует законодательного регулирования, но, разумеется, не предполагает радикального пересмотра содержания базовых юридических категорий, норм, институтов и способов правового

регулирующих общественных отношений. Законодательное регулирование здесь, конечно, объективно необходимо, причем создание нормативно-правового акта (НПА) в сфере робототехники должно следовать *принципу предосторожности*, который представляет своего рода «презумпцию вины»: новые изобретения должны быть ограничены или даже вовсе запрещены до тех пор, «пока их разработчики не смогут доказать, что они не причинят ущерб лицам, группам, определенным субъектам, культурному пространству и экологии, не станут противоречить различным существующим законам, нормам или традициям»¹. Такой, по сути своей, консервативный взгляд на механизм правового регулирования робототехники просто необходим в плане понижения социальной и технологической рискогенности. Выгоды искусственного интеллекта не могут быть поставлены выше безопасности общества, в этой связи представляется важным решение не только собственно юридических проблем, но и целого ряда вопросов нравственно-этического характера (для отечественного социально-правового пространства, национальной правовой ментальности этот момент вообще имеет огромное значение). Заметим, что не только частная жизнь граждан, но и публично-правовая сфера может находиться под угрозой законодательно не ограниченной экспансии искусственного интеллекта и робототехники;

- менее отражен в современной литературе, тем более в юридических научных источниках, вопрос о глобальной опасности бурно развивающегося искусственного «сверхразума». Речь идет о признании абсолютного преимущества сверхмощного искусственного интеллекта и его носителей, на основании чего делается вывод о реальной возможности выхода роботов из-под контроля человечества, что приведет к экзистенциальной катастрофе, крушению цивилизации. Такой аспект даже для предметной области «юридической футурологии» представляется весьма «экзотическим», пока лишенным какой-либо научной основы (так, вряд ли юристы, носители современного правового сознания и правового мышления, будут серьезно обсуждать замену «живого судьи» на искусственный судейский «супер-разум», абсолютно рациональный, но, естественно, напроочь лишенный эмоционально-нравственных основ — «чистый правовой разум»). В настоящее время он рассматривается, конечно, за рамками правовой науки, в источ-

¹ Морхат П.М. Право и искусственный интеллект. — М., 2018. — С. 138.

никах (часто зарубежных) иного плана¹. Однако специфику правового регулирования взаимодействия человека и робота в стратегическом (положительном и отрицательном) плане необходимо уже всесторонне осмысливать, так как допущения браков с роботами («всё, что не запрещено, то разрешено»), заключения с последними трудовых отношений, другие формы праворегулируемых связей, имеющие место в ряде передовых в технологическом отношении государствах, обуславливают такого рода исследования, стимулируют поиск ответов на многие, собственно, юридические и нравственно-правовые вопросы.

Список литературы

1. *Алексеев Н.Н.* Основы философии права. — СПб., 1999. — С. 222–223.
2. *Бостром Н.* Искусственный интеллект: Этапы, Угрозы, Стратегии. — М., 2016.
3. *Морхат П.М.* Право и искусственный интеллект. — М., 2018. — С. 138.

¹ *Бостром Н.* Искусственный интеллект: Этапы, Угрозы, Стратегии. — М., 2016.

1.2. Право и технологическая реальность

Васильев А.А., Шпопер Д.

В то время как значительная часть жизни человека изменилась под влиянием цифровых и технологических новаций, стала переходить в виртуальную сферу, правовые системы мира и юриспруденция в силу свойственного для них консерватизма действуют без учета архитектуры той цифровой реальности, в которой оказался современный человек¹. Наблюдается правовой вакуум и низкая эффективность правового регулирования в таких сферах, как интернет, виртуальная валюта и собственность, безопасность информации и др. Возникает закономерный вопрос о принципиальной возможности упорядочить эти области человеческой деятельности с помощью права.

Разработка адекватных моделей и средств правового регулирования возможна при условии учета того социального и технологического контекста, в котором предстоит действовать праву. Становится настоящей задачей доктринального обоснования цифрового права — права, направленного на упорядочения социально значимых отношений в цифровом пространстве.

Прежде всего, совершенно изменилась среда действия права. Отношения стали приобретать виртуальные черты, и изменились условия деятельности человека. Возникла проблема определения юридического статуса виртуальной (электронной) личности и идентификации пользователей интернета, определения автоматизированных систем (ботов). Новая архитектура цифровой интернет-среды не имеет привычных качеств времени и пространства. Это сфера горизонтального сетевого взаимодействия, которая не имеет иерархии и подчинения. Сама архитектура интернета транснациональна и связана с построением вневременных горизонтальных отношений. Как следствие, привычная модель государства и права не вписывается в цифровое взаимодействие. С одной стороны, на физическом уровне существуют технические устройства и программное обеспечение, с другой стороны, реальные правоотношения перемещаются в электронную сферу, что создает новую реальность. В первую очередь, сетевое взаимодействие строится на базе программного кода и механизмов саморегулирования. Во многом интернет-сфера развивалась на основе технических норм и правил саморегулирования (обычаи, этические правила, правила

¹ *Келли К.* Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее. — М., 2017; *Росс А.* Индустрии будущего. — М., 2017.

игры). Причем следует отметить достаточную эффективность такого саморегулирования.

Серьезного решения требуют так называемые системные проблемы интернет-права: охрана персональных данных, защита авторского права, социальные сети и медиа, охрана информации, блокчейн, виртуальная собственность и криптовалюта, игровая индустрия в сети и др.¹

Среди вызовов для права и власти особое место занимает проблема цифровизации государственно-правового взаимодействия. Интернет взаимодействие человека и власти становится более оперативным, открытым и доступным. Иерархические отношения уступают место отношениям равных субъектов. Государство утрачивает свою монополию на господство, на первый план выходит сетевое сообщество. Наряду с концепцией электронного государства как новой формы взаимодействия личности власти появляется идея сетевого устройства властеотношений и социальных структур без иерархии, централизации и принуждения².

Серьезный вызов для права — появление искусственного интеллекта и роботов. При этом такая технология, как искусственный интеллект, порождает философские и этические вопросы онтологического порядка для будущего человечества. Прогнозы о будущем «умных роботов» различаются от предсказания конца человеческой эры и начале эпохи машин (С. Хокинг), появления киборгов (человеко-роботов) с бессмертием (Р. Курцвейл), «восстания и тирании машин» (Д. Баррат), грядущей тотальной безработицы (М. Форд) до приоритетной роли человека в создании и работе машин (Д. Минделл). Вместе с тем технология искусственного интеллекта повсеместно внедряется в различных сферах, предрекая передачу «умным машинам» рутинных операций — беспилотные транспортные средства, программы постановки диагноза и выработки методики лечения больных, использование ИИ как способа создания сценариев, картин (иных объектов интеллектуальной собственности, роботов-помощников с эмоциями для детей и людей с ограниченными возможностями (няни, сиделки и др.), нейронные сети, которые занимаются делами о банкротстве, страховании, предсказании

¹ *Архинов В.В.* Интернет-право: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. — М.: Издательство Юрайт, 2018. — 249 с.

² *Киселев А.С.* История зарождения и формирования идеи электронного управления государственными делами в России и за рубежом: сравнительно-правовой аспект // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 4. С. 39–45.

судебных решений и т.п.¹ Распространение технологии искусственного интеллекта (машинного обучения) обуславливает научно-теоретическое осмысление данного феномена с точки зрения этики и права, а также разработку соответствующих правовых актов, определяющих природу искусственного интеллекта (субъект права, объект права или нечто иное), последствия использования «умных машин» в правовой сфере (приобретение права и обязанностей, возмещение вреда, связанных с использованием искусственного интеллекта, замещение роботами рутинного труда и высвобождение рабочей силы, в том числе потенциальная возможность применения искусственного интеллекта в юридической профессии. Значимость заявленной проблемы связана с приоритетами государственной политики России в сфере технологий, информационного общества. В Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития на период до 2024 г.» и Стратегии информационного общества от 2017 до 2030 г. среди приоритетных задач в сфере цифровой экономики предусмотрена разработка системы правового регулирования цифровой экономики и использования искусственного интеллекта. В Государственной программе «Цифровая экономика» (распоряжение Правительства РФ от 28 июня 2017 г.) среди сквозных цифровых технологий предусмотрены нейротехнологии и искусственный интеллект, робототехника и особо оговаривается необходимость системного нормативно-правового обеспечения применения цифровых технологий. При этом в Российской Федерации отсутствует необходимая юридическая основа для использования технологии искусственного интеллекта. Налицо вакуум правового регулирования в данной сфере, в то время как искусственный интеллект уже находит свое применение и в мире, и в России, порождая вопрос о его правосубъектности.

Прежде всего, на текущий момент в правовых системах мира отсутствует адекватный правовой инструментарий для упорядочения использования искусственного интеллекта. В большинстве стран мира приняты лишь программные документы по развитию робототехники и технологии искусственного интеллекта. Исключениями являются такие акты, как закон Эстонии о роботах-курьерах, закон Южной Кореи о развитии робототехники, резолюция Европарламента о применении гражданского права к роботам,

¹ Aletras N., Tsarapatsanis D., Preoțiuc-Pietro D., Lampos V. Predicting Judicial Decisions of the European Court of Human Rights: A Natural Language Processing Perspective, Peer J Computer Science.

закон ФРГ о беспилотных автомобилях и ряд других актов. Ни в одном из актов роботы с искусственным интеллектом не наделены правосубъектностью, лишь резолюция Европарламента ставит вопрос о необходимости решения данного вопроса в будущем.

В Российской Федерации был разработан «закон о робототехнике» (Гришина), который не был вынесен на рассмотрение Государственной Думой. Законопроектом предлагалась дуальная природа роботов в качестве имущества и робота-агента со специальной правосубъектностью в отдельных сферах гражданского оборота. При этом стратегические документы России определяют в качестве одной из задач создание адекватной системы правового регулирования в сфере применения искусственного интеллекта. Так, Прогноз научно-технологического развития России до 2030 г. среди перспективных сфер научных исследований называет машинное обучение и создание прототипов биоподобных, антропоморфных роботов, способных к самообучению и взаимодействию с человеком, создание искусственной нервной системы роботов. Кроме того, в сфере юридических исследований использования искусственного интеллекта остаются нерешенными такие вопросы, как понятие и правовая природа технологии ИИ, остается дискуссионным вопрос о наличии правосубъектности ИИ и подходах к правовому регулированию — от запрета на применение ИИ до опасности регулирования как сдерживающего фактора в развитии технологий или придании ИИ статуса электронного лица. При этом в юриспруденции практически нет специальных исследований, посвященных технологии искусственного интеллекта. Приходится констатировать следование юриспруденции в фарватере философской и общественной дискуссии относительно природы и будущего искусственного интеллекта. Среди преимуществ технологии ИИ называют освобождение человека от рутинного умственного труда ради творчества, сокращение случаев ошибки (человеческого фактора) и субъективизма в различных областях (медицина, управление сложными механизмами и т.п.), решение сложных для интеллекта человека задач (анализ больших данных, выработка средств лечения от неизлечимых заболеваний и т.д.), выполнение работ опасных для человека (подводные, космические и прочие виды деятельности). Среди рисков внедрения искусственного интеллекта называют: опасность потери контроля в отношении ИИ, проблему гуманизации роботов и экзистенциальный кризис человечества, проблему доверия роботам, безопасность роботов в гражданской сфере и использование боевых роботов для ведения войны или применения насилия, возможную безработицу и др.

Следует отметить, что искусственный интеллект ставит вопрос о судьбе самой юридической профессии. Искусственный интеллект вполне способен выполнять типичные юридические действия по заданному алгоритму: составление сделок, исковых заявлений и проч. Крупные компании в России, в том числе Сбербанк, ВТБ, планируют широко использовать нейронные сети для такого рода работы. Естественно, в принципе заменить человека искусственный интеллект не может, поскольку не рассчитан на решение нестандартных ситуаций с учетом сугубо человеческих свойств — совесть, справедливость, милосердие и пр. Хотя ведущие разработчики в сфере искусственного интеллекта серьезно заявляют о том, что загруженные базы данных (законодательство, судебная практика, доктринальные источники) для нейронных сетей позволят искусственному интеллекту сформулировать и применить принципы права. Американские исследователи полагают на основе эксперимента по анализу решений ЕСПЧ искусственным интеллектом, что он способен предсказывать решения судов, в 79% искусственный интеллект смог предсказать решение ЕСПЧ на основе изучения материалов дела.

Этическая проблема отношения к искусственному разуму как личности, равной человеку, приводит к вопросу о признании за ним статуса юридической личности. Во многом решение этих вопросов зависит от понимания человеческого интеллекта и его особенностей. Только полное принципиальное тождество человеческого и искусственного интеллекта может привести к признанию за искусственным интеллектом качеств личности как в этическом, так и правовом отношении. Очевидно, что при всем многообразии определений интеллекта и разума искусственный интеллект не обладает такими качествами, как сознание и эмоции, которые определяют человеческую природу.

При этом возникает предварительный вопрос определения разума, его качеств и соотношения со смежными категориями — машинное обучение, нейронные сети, который может быть решен только через консенсус представителей различных отраслей знания на основе широкой дискуссии (философия, психология, нейробиология, этика, юриспруденция, кибернетика и т.д.).

Признание личностного статуса за искусственным интеллектом с непреложностью приведет к гуманизации отношения к умным машинам. Как следствие, такие умные роботы могут быть признаны квазилицами (юридическими лицами) с соответствующими правовыми последствиями — правосубъектность, способность

вступления в правоотношения и возникновения деликтной ответственности.

Среди вопросов, которые нуждаются в научном, а впоследствии и нормативном решении, выступают:

1. Юридическая дилемма — умный робот есть субъект права с собственной волей или объект правоотношения?
2. Логическим следствием выступает вопрос о возможности робота вступить в правоотношения и возложения на него ответственности за неисполнение обязанностей и причиненный вред. Либо умный робот — это субъект как юридическое лицо с ответственностью (закрепление за ним имущества и страхование ответственности), либо объект (посредник) с возложением ответственности на одно из лиц (программист, продавец, собственник, сервисная служба, страховая компания и т.п.).
3. Еще одним интересным вопросом выступает роль технических и технико-юридических норм в создании и применении искусственного интеллекта. Отказ от признания за умным роботом прав лица будет означать применение к нему технических и технико-юридических норм. Так, в скорейшей фиксации нуждаются на национальном и международном уровне правила относительно недопустимости причинения роботом вреда человеку. В цифровой код умного робота должен быть включен внутренний ограничитель — «совесть робота», отключающий устройство при угрозе нанесения вреда человеку. Требуется разработка стандартов безопасности искусственного интеллекта в сочетании с государственным контролем за их соблюдением. Этот вопрос приобретает особую остроту, поскольку отсутствует полная информация о последствиях применения искусственного интеллекта. До конца неясно — возникнет ли у умного робота самоидентификация или желание приобрести человеческое естество, и не сможет ли он стать полностью автономным и неуправляемым человеком?
4. Последствия внедрения искусственного интеллекта в юридическую профессию.

Плюсы:

- освобождение юристов от рутинных операций и возможность занятия творческим трудом;
- обработка массивов правовой информации — устранение противоречий и дублирования;
- вспомогательный ресурс для решения юридических дел;
- нейтрализация негативных последствий субъективного фактора в юридической профессии.

Минусы и проблемы:

- угроза потери работы юристами;
- недоверие к умным машинам как судьям и проч.;
- вопрос о возможности получения с использованием искусственного разума справедливого решения дела и проявлении именно человеческих качеств при разрешении споров (милосердие, добросовестность, справедливость и т.п.).

Следует отметить, что появление цеха юристов во многом связано с необходимостью поиска, истолкования и применения юридических норм в ситуации правовой неопределенности возникшей конфликтной ситуации. Для корпорации юристов всегда был характерен кастовый и закрытый характер. Не случайно знание первых законов, ведение судебного календаря и судебных исков было тщательно охраняемой профессиональной тайной первых римских юристов — жрецов-понтификов. И даже публикация первых правовых текстов не привела к ликвидации юридического сословия, поскольку не была снята сама проблема неопределенности содержания норм права. Значение юристов в тем большей мере возрастало, чем более непонятной, массивной и противоречивой становилась система правовых норм. Совершенно очевидно, что английское прецедентное право имеет выгоды исключительно для массы английских юристов, а не их клиентов, которым гонорары солиситоров и барристеров обходятся весьма недешево.

Полагаем, что применение искусственного интеллекта в сфере правотворчества может минимизировать фактор правовой неопределенности и приведет к трансформации «человеческого права» в машинный алгоритм, вполне допускающий математическую точность и логику. В таком случае и применение права может быть организовано на основе алгоритмов, исключающих усмотрение и произвол. Как следствие, места человеку в такой правовой системе не остается, поскольку все юридически значимые действия будут определяться цифровым кодом, применяемым умными роботами.

Здесь мы сталкиваемся с более важной проблемой, чем будущее право и юридическая профессия. Речь идет о таком социальном укладе, при котором поступки человека будут изначально прогнозироваться и корректироваться с точки зрения соответствия некоему эталону — алгоритму при тотальном контроле за поведением человека с помощью умных машин. Такой социальный порядок будет подобен действию технических устройств на основе инструкций. Возможно, в таком технологическом тоталитаризме и не будет места социальным отклонениям, но и человек потеряет свою природу в поиске смысла жизни, поскольку его жизнь будет мелочно и скрупулезно предрешена суперкомпьютером.

Видимо, человечеству в ближайшее время необходимо разрешить для себя эту дилемму — бессмысленный порядок или осмысленный человеческий хаос с возможностью свободы воли; предопределенность или страх перед неизвестным.

1. Отдельной проблемой выступает защита информационной безопасности личности, общества и государства от опасной и деструктивной информации и кибератак. По мнению ведущих экспертов, основным вызовом для государства и корпораций выступают киберпреступления, способные причинить необходимые материальные и финансовые разрушения. При этом одинаково важно разрабатывать меры защиты на аппаратно-программном уровне и на уровне мер правового регулирования оснований привлечения к ответственности за компьютерные преступления.
2. Виртуализация юридического образования за счет перехода к дистанционным технологиям и онлайн-курсам. При всех преимуществах удаленного обучения возникает проблема контроля за самостоятельностью обучения и принципиальной возможности обучения права без живого общения.
3. Наконец, особое значение стала играть проблема порабощения человека машинами (гаджетами), особенно несовершеннолетних детей, и выхолащивание настоящего человеческого общения между людьми.

Список литературы

1. *Архипов В.В., Наумов В.Б.* Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. — 2017. — № 6.
2. *Бостром Н.* Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. — М., 2016.
3. *Морхат П.М.* Искусственный интеллект. Правовой взгляд. — М., 2017.
4. *Понкин А.В., Редькина А.И.* Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. С. 91–109.
5. *Aletras N., Tsarapatsanis D., Preoȃiuc-Pietro D., Lampos V.* Predicting judicial decisions of the European Court of Human Rights: a Natural Language Processing perspective. PeerJ Computer Science [Electronic resource]. — URL: <https://doi.org/10.7717/peerj-cs.93>.

1.3. «Цифровые следы» человека и их использование в политическом управлении

Ветренко И.А.

Понятие «цифровые следы» в научном плане впервые появилось в области криминалистики и уголовного права, оно подразумевает совокупность информации, которую человек оставляет, запрашивает и потребляет в сети, это сведения о посещениях и вкладе пользователя во время его пребывания в цифровом пространстве. Криминалисты используют цифровые следы в интересах раскрытия, расследования преступлений и установления истины по делу. Очень часто их связывают в первую очередь с технической составляющей, но цифровые следы имеют этические и даже политические компоненты, которые в совокупности можно определить как гуманитарные.

Так, О.В. Флеров отмечает: «Сегодня цифровой след помимо технической стороны имеет не менее значимую сторону гуманитарную. Дело в том, что помимо узкоспециализированных вопросов (например, вопросы безопасности, рекламно-маркетинговые вопросы и проч.) увеличивающийся во времени и сетевом пространстве цифровой след фактически выступает «отпечатком жизни и личности человека»: в нем явно видны интенции человека, его интересы, потребности, социальный и интеллектуальный уровень развития, уровень культуры человека; коммуникация человека в Интернете также позволяет судить о его психологических свойствах. Всё это обусловило зарождение такого понятия, как цифровая личность, основной вопрос вокруг которого состоит в том, как она соотносится с личностью «реальной»¹.

Цифровые следы можно использовать и как источник информации о человеке, и как способ информационного воздействия на саму личность. Иными словами, речь идет о формировании и дальнейшем использовании таких массивов цифровой информации, которые при соответствующем технологическом применении способны обеспечить влияние на практически любой аспект жизни интернет-пользователей, включая политическую составляющую.

При этом массивы данных имеют важные отличительные признаки: они являются не просто набором статистических данных, но описывают цифровые социальные отношения в сетевом про-

¹ Флеров О.В. Цифровой след человека в интернете: основные гуманитарные подходы // Образовательные ресурсы и технологии. — 2018. — № 4 (25). — С. 79–82.

странстве. Данные генерируются самими интернет-пользователями в процессе их онлайн-активности (пользователи самостоятельно формируют цифровые следы), что позволяет постоянно не только поддерживать базы данных в актуальном состоянии, но и отслеживать динамику, а также выявлять тренды в массовом восприятии социально-политической реальности в режиме реального времени в разрезе различных электоральных групп с точностью до конкретного человека, что позволяет в дальнейшем осуществлять эффективный таргетинг любого информационно-коммуникационного воздействия¹.

Безусловно, такого рода возможности анализа больших объемов данных об особенностях восприятия и поведения интернет-пользователей не могли остаться незамеченными крупными акторами политического управления, основная задача которых заключается в осуществлении поставки определенного контента своему электорату, мониторинге реакции на него и, как результат, осуществлении политического участия.

Использование цифровых следов позволяет сегодня не только проводить соответствующие исследования электоральных аудиторий и с весьма высокой точностью описывать особенности моделей их ожиданий, представлений и реакций, но и активно применять имеющиеся данные для формирования коммуникационных стратегий и механик, учитывающих данные особенности. Еще в 2012 г. сотрудник Центра психометрии Кембриджского Университета Михал Косински доказал, что анализа 68 лайков в Facebook достаточно, чтобы определить цвет кожи испытуемого (с 95% вероятностью), его гомосексуальность (88% вероятности) и приверженность Демократической или Республиканской партии США (85% вероятности). Данные даже позволяли узнать, развелись ли родители испытуемого до его совершеннолетия или нет².

Сегодня мы можем констатировать переход от информационно-коммуникационной работы на основе таргетирования гомогенных электоральных групп к точечному информационно-коммуникационному влиянию на электоральные аудитории, выделенные по иным принципам, например психотипу конкретных интернет-поль-

¹ Володенков С.В. Total data как феномен формирования политической постреальности // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. Т. 15. № 3. С. 409–415.

² «Текст года»: Как Трамп стал президентом США благодаря Big Data [Электронный ресурс]. — URL: <http://gordonua.com/publications/tekst-goda-kak-tramp-stal-prezidentom-ssha-blagodarya-big-data-162924.html> (дата обращения: 29.06.2019).

зователей, именно цифровые следы дают возможность установить данный психотип. Речь идет о появлении такого феномена, как точечный политический микротаргетинг нового типа, базирующегося на психометрических моделях. По сути, речь идет об отказе от демографических характеристик избирателей в пользу психометрических в рамках современных политических digital-проектов.

Посредством использования полученных данных формируются возможности тотального управления общественным сознанием в мировом масштабе путем принудительного формирования персонализированной информационной картины мира для каждого пользователя интернет-ресурсов, а также отслеживания на основе огромного массива информации политических трендов на любой территории для последующего их использования в интересах субъектов глобального политического управления

В качестве примера можно привести резонансный эксперимент Facebook¹, в рамках которого 689 000 пользователей без их ведома получали на своих страницах специально сформированную персональную ленту новостей, имевшую различную эмоциональную окраску. В дальнейшем исследовалась реакция пользователей и их поведенческая активность в собственных аккаунтах с целью выявления зависимостей реакций от типов эмоциональной окраски новостных сообщений.

Очевидно, что подобного рода эксперименты по изучению влияния различных моделей информационно-коммуникационного воздействия на поведение пользователей в дальнейшем будут активно применяться и другими социальными сервисами для разработки наиболее эффективных методик управления индивидуальным сознанием.

В целом мы можем сделать вывод о том, что на сегодняшний день наибольшие шансы на успех будут иметь те политические акторы, которым будут доступны более полные, качественные и точные базы пользовательской активности в Интернет-пространстве, необходимые для использования алгоритмов Big Data, связанных с психометрией, и трансформации массового сознания под влиянием социальных медиа.

Исходя из анализа актуальной практики использования Big Data в процессах воздействия на массовое сознание, мы можем прийти к выводу о том, что на сегодняшний день Интернет превратился из

¹ Facebook conducted secret psychology experiment on users' emotions // The Telegraph [Electronic resource]. — URL: <http://www.telegraph.co.uk/technology/facebook/10932534/Facebook-conducted-secret-psychology-experiment-on-users-emotions.html> (access date: 20.07.2019).

открытого инструмента демократизации в манипулятивную среду, в рамках которой осуществляется не только контроль, но и активное формирование общественных представлений о политической реальности, а также выгодных моделей массового политического поведения. При получении ведущими технологически развитыми державами возможностей формирования глобальных цифровых массивов данных об интернет-пользователях независимо от территории их проживания возникает угроза реализации сценария тотального управления массовым сознанием в интересах контролирующих Big Data политических сил.

Очевидно, что уже в ближайшее время современное общество столкнется с проблемой сохранения конфиденциальности личности в глобальных масштабах, которая будет сопровождаться технологическим переходом к пост-приватному будущему, в рамках которого феномен пост-приватности¹ лишь дополнит существующий уже сегодня феномен пост-правды, создавая замкнутый цифровой каркас существования индивида, в котором будет осуществляться замкнутый цикл получения таргетированной персональной информации и «выдачи» приватной информации об индивидуальных особенностях личности, которая, в свою очередь, позволит корректировать и повышать эффективность воздействия цифровых технологий убеждающей коммуникации на конкретного пользователя.

При этом такая цифровая фиксация психотипа и разнообразных индивидуальных особенностей личности на основе его цифрового поведения не требует согласия² и может осуществляться в скрытом экстерриториальном режиме, формируя новые общественные нормы, ценности, смыслы, представления и ожидания в интересах политических акторов, контролирующих уже не цифровые следы и Big Data, но и Total Data, представляющие собой объединенное в единую систему множество цифровых массивов данных из различных сфер жизнедеятельности общества и позволяющие описывать и структурировать в режиме реального времени глобальную совокупность представителей мирового сообщества,

¹ *Почепцов Г.* Победа над массовым сознанием и мышлением: как работает объективный инструментальный на субъективной основе // Хвиля [Электронный ресурс]. — URL: <http://hvylya.net/analytics/society/pobeda-nad-massovym-izoznaniem-i-myishleniem-kak-rabotaet-obektivniy-instrumentariy-na-subektivnoy-osnove.html> (дата обращения: 15.08.2019).

² *Kosinski M., Stillwella D., Graepel Th.* Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2013. Vol. 110, no. 15, pp. 5802–5805.

а также каждого гражданина, проявившего любую активность во внешней среде.

Разумеется, всё вышеизложенное порождает огромное количество этических вопросов. Использование цифровых следов без согласия тех, кто их оставляет, манипулирование на основе полученной информации — это всё только верхушка айсберга, но уже и этого достаточно для того, чтобы начать системную работу по формированию некоего этического кодекса в отношении использования цифровых следов политическими акторами.

Список литературы

1. «Текст года»: Как Трамп стал президентом США благодаря Big Data [Электронный ресурс]. — URL: <http://gordonua.com/publications/tekst-goda-kak-tramp-stal-prezidentom-ssha-blagodarya-big-data-162924.html> (дата обращения: 29.06.2019).
2. Facebook conducted secret psychology experiment on users' emotions // The Telegraph [Electronic resource]. — URL: <http://www.telegraph.co.uk/technology/facebook/10932534/Facebook-conducted-secret-psychology-experiment-on-users-emotions.html> (access date: 20.07.2019).
3. *Kosinski M., Stillwella D., Graepel Th.* Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2013. Vol. 110, no. 15, pp. 5802–5805.
4. *Володенков С.В.* Total data как феномен формирования политической постреальности // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. 2017. Т. 15. № 3. С. 409–415.
5. *Почепцов Г.* Победа над массовым сознанием и мышлением: как работает объективный инструментарий на субъективной основе // *Хвиля* [Электронный ресурс]. — URL: <http://hvylya.net/analytics/society/pobeda-nad-massovyim-soznaniem-i-myishleniem-kak-rabotaet-obektivnyiy-instrumentariy-na-subektivnoy-osnove.html> (дата обращения: 15.08.2019).
6. *Флеров О.В.* Цифровой след человека в интернете: основные гуманитарные подходы // *Образовательные ресурсы и технологии*. 2018. № 4 (25). С. 79–82.

1.4. Искусственный интеллект в правоприменении с точки зрения юридической эпистемологии¹

Овчинников А.И.

Одну из самых актуальных проблем современности, использование искусственного интеллекта (далее — ИИ) для автоматизации правоприменительного процесса, часто рассматривают вне главного вопроса — специфики интеллектуального процесса подведения общей нормы к частному случаю. В области права считают данный вопрос центральным и наиболее важным для юридической эпистемологии. Юридическая, или правовая, эпистемология — раздел философии права, посвященный анализу процесса правового познания, правового мышления и правопонимания с гносеологических, методологических, когнитологических и иных позиций. Перспективы использования искусственного интеллекта на современном этапе его проектирования, точнее сказать, обоснование этой возможности, и пределы его использования обусловлены изучением эпистемологических характеристик правового мышления, логических аспектов правоприменительной деятельности, логическим анализом правового мышления, правоприменительного познания. Дело в том, что искусственный интеллект не обладает важнейшими предпосылками, свойствами и качествами человеческого интеллекта и сознания, а именно: подсознанием, переживанием, страхом смерти и потери близких, состраданием, чувствами, эмоциями, интуициями, словом, всем тем, что лежит в основе человеческого понимания, смыслообразования и творчества. Именно в юриспруденции особенно важным является творческий компонент мышления, иррациональная основа принятия решений.

Между тем, Евросоюз уже принял «Этическую хартию искусственного интеллекта в судебных системах»². Парадокс в том, что, как выяснилось, искусственные судьи еще более, чем люди, зависят от различных предустановок, например расовых, социально-экономических, конфессиональных и иных предрассудков, так как прогнозируют поведение человека, исходя из таких фактов, как личный статус, уровень образования, занятость и т.д. Человеческое

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-011-00820 (а) «Правовая политика российского государства, ее приоритеты и принципы в условиях цифровой экономики и цифрового технологического уклада: концептуальные, методологические, отраслевые аспекты цифровизации права и правового регулирования».

² *Бекетов А.* Искусственный интеллект в суде [Электронный ресурс]. — URL: <https://ru.euronews.com/2019/01/28/eu-robojudge-courts>.

мышление оказалось значительно гибче, точнее и глубже, определяя правовые выводы.

Решение вопроса об ИИ неизбежно замыкается на проблемах юридической эпистемологии, философии познания и юридического мышления. Если бы правоприменение подчинялось логике, то вполне возможно было бы внедрение технологии искусственного интеллекта в юридическую деятельность не только на этапе подготовки к решению дела (сбор информации, оформление материалов дела, обобщение документов, электронный иск и т.д.), но и на стадии принятия решений, о чем «мечтают» сторонники ИИ в юриспруденции. Однако только логическим юридическое мышление быть не может, ему требуется помимо логики «здоровый смысл», «чувство правоты», «внутреннее убеждение», «правовая интуиция», «сопереживание» и другие важные атрибуты интеллектуальной деятельности юриста.

В юридической литературе давно «прижилась» точка зрения, будто применение нормы к конкретному случаю представляет собой логическую процедуру, и правоприменительная деятельность, рассмотренная как интеллектуальная деятельность, будто бы состоит из трех стадий. При этом стадия — это строго определенная последовательность совершения комплексов действий в процессе правоприменения. Традиционно выделяют три стадии: установление фактических обстоятельств дела; установление юридической основы дела; решение дела. Соотнесение нормы и факта в юридическом мышлении традиционно называется термином «субсумция» в зарубежной литературе¹, в отечественной юриспруденции используется понятие «квалификация»².

Чаще всего процесс правоприменения рассматривается как силлогистический вывод. Еще в дореволюционной юридической литературе подчеркивалось: «Логическое строение судебного решения представляет собой не что иное, как силлогизм, в котором роль большой посылки играет норма права, малой посылки — конкретное бытовое отношение»³. «Логическое строение судебного решения идет от большой посылки через малую к заключению. Психологический процесс при судебном решении начинается с малой

¹ *Alexy R.* On Balancing and Subsumption: A Structural Comparison // *Ratio Juris*. 2003. Vol. 16, no. 4, pp. 433–449; *Schauer F.* Balancing, Subsumption, and the Constraining Role of Legal Text // *Law and Ethics of Human Rights*. 2010. Vol. 4, no. 1, pp. 34–45; *Stuck H.* Subsumtion und Abwägung // *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie*. 1998. Bd. 84, h. 3, s. 405–419.

² *Черданцев А.Ф.* Логико-языковые феномены в юриспруденции. — М.: Норма; Инфра-М, 2012. — С. 206–213.

³ *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. — М., 1912. — С. 699.

посылки и идет через большую посылку, к заключению»¹. В современной литературе эта точка зрения продолжает доминировать. Например, С.С. Алексеев пишет: «С формально-логической стороны решение юридического дела представляет собой умозаключение, в котором конкретные факты (обстоятельства дела) подводятся под норму права»². Решение юридического дела, таким образом, строится в соответствии с силлогизмом, в котором большой посылкой является юридическая норма, малой посылкой — обстоятельства дела, а заключением — решение дела.

На самом деле, правоприменение лишь внешне имеет логический вид, не являясь логической процедурой по природе. Применение права в рациональной форме, являясь предметом рационально-логического исследования, действительно выглядит как силлогизм, однако на самом деле таковым не является. Действительно, представить правоприменительное решение в виде силлогизма, логического вывода очень удобно для «успокоения» сомнения в объективности правовых квалификаций. С.И. Вильнянский полагал, что «объективно правильное применение законов требует применения логики»³. Аналогичную точку зрения высказывает и С.С. Алексеев: «Характеристика решения как заключения, совершаемого по правилам силлогизма, имеет существенное значение для последовательного утверждения начал социалистической законности»⁴. В самом деле, логический вывод не предполагает субъективного фактора, так как вывод совершается с логической необходимостью. Но ведь от того, что мы называем золотом кусок камня, он не превращается в золото. Сам же С.С. Алексеев подчеркивает творчество при применении права: «Если не видеть в решении конкретных дел определенных творческих моментов..., то окажется совершенно непонятной та роль, которую выполняет юридическая практика в правовом регулировании... Итак, решение юридических дел — это нечто большее и более значимое, чем простые логические действия по решению силлогизмов»⁵. Однако признание творческого характера правоприменения не привело к признанию его неявного правотворческого статуса. По всей видимости, исключительно в силу позитивистского формализма отвергался правотворческий характер правоприменения.

¹ *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. — М., 1912. С. 703–704.

² *Алексеев С.С.* Проблемы теории права. — Т. 2. — С. 281.

³ *Вильнянский С.И.* Значение логики в применении правовых норм // Ученые записки Харьковск. юрид. инст. 1948. Вып. 3. С. 110.

⁴ Там же. С. 281.

⁵ *Алексеев С.С.* Указ. соч. Т. 2. С. 284–285.

Для дедуктивного умозаключения необходимо, чтобы обе посылки обладали истинностью. В случае применения нормы права первая посылка (диспозиция нормы) и вторая посылка (фактический случай) не могут быть рассмотрены в качестве силлогизма, так как предписывающее суждение (норма или диспозиция) не может рассматриваться как утверждение, обладающее критерием истинности или ложности. Это веление, долженствование, предписание.

Дело в том, что утверждение и его объект могут находиться между собой в двух противоположных отношениях: либо с точки зрения истинности (ложности), либо с позиции оценки¹. В первом случае отправным пунктом сопоставления является объект, утверждение выступает как его описание и определяется в терминах истинностных понятий. «Понятие истины характеризует другую сторону отношения субъекта к объекту, отношение теоретическое. Оно квалифицирует соответствие знаний об объекте свойствам самого объекта...»². Это — знание описывающее (дескриптивное). Оно может быть истинным или ложным в описании объекта. Это знание — результат мышления, объектами которого являются позитивное право, взаимосвязь его норм, система и т.п.

Во втором — исходным является утверждение, функционирующее как оценка, стандарт, план. Соответствие ему объекта хранится в оценочных понятиях. Основание оценки составляет ценность — объект значимый для конкретного человека. Знание предписывающее (прескриптивное) не может быть истинным или ложным, оно ничего не описывает. В первом случае обращение к субъекту аргументации обязательно (так как ценность — соответствие объекта требованию субъекта), а во втором — обязательно устранение всего субъективного (так как познание объекта требует всеобщего). В первом случае это — знание не об объекте, а о себе, точнее, об отношении к каким-либо явлениям со своей стороны. Поэтому нельзя не согласиться с В.И. Курбатовым, полагающим, что «приписывание ценности истинностных критериев в высшей степени некорректно»³.

Далее, в случае правоприменения дедуктивный силлогизм был бы возможен лишь тогда, когда все ситуации, возможные в социальной действительности, были бы описаны конечным множеством. То есть чисто логический процесс был бы возможен, если бы

¹ *Ивин А.А.* Ценности и понимание // Вопросы философии. 1987. № 8. С. 32.

² *Курбатов В.И.* Социально-политическая аргументация (Логико-методологический анализ). — Ростов н/Д, 1991. — С. 109.

³ Там же. С. 113.

общая норма целиком и полностью подходила по своим признакам для конкретного случая (причем признакам, не предполагающим оценки), и не было бы проблем с ее соотносимостью с ним. Неслучайно римская юридическая наука четко придерживалась доктрины: «закон всегда нуждается в толковании, и оно должно быть делом сведущих юристов»¹. По сути, это — признак недоверия возможностям одного правила быть пригодным на все случаи жизни. В современной юридической литературе, посвященной толкованию правовых норм, признается необходимость последнего в каждом случае реализации права. Также признается ошибочность принципа «только неясные законы подлежат толкованию»².

Норма права является лишь подсказкой правоприменителю, творчески устраняющему отдельные несовпадающие с гипотезой черты казуса, определяя их важность интуитивно. Р. Лукич совершенно справедливо указывает: «как правило, почти каждая норма, пусть даже в минимальной степени, меняет свое значение при ее применении в конкретных случаях, каждый из которых имеет свои отличительные черты»³. Например, чтобы чисто логически в сплошном потоке признаков ситуации выявить те, которые имеют юридический статус, т.е. образуют фактический состав, требуемый нормой, необходимо знать нормы, строго их указывающие. Хорошо, если в законе эти признаки четко определены (как, скажем, возраст уголовной ответственности), но если они носят оценочный характер или требуют аналогии в силу того, что законодатель не может предусмотреть все их виды (например, перечислить все случаи «непреодолимой силы»), то процесс сопоставления фактических и юридических обстоятельств дела принимает интуитивный, а не строго логический характер. Точнее, он имеет форму логического и рассудочного, но лишь до определенных границ: до границ здравого смысла, очевидности, интуиции, «общего чувства». Вряд ли искусственный интеллект сможет обладать такой интуицией. Ее наличие противоречит правилам логики.

Ограниченность логики и оценочный характер правового мышления, на наш взгляд, еще более наглядно проявляют себя в случае аналогии. Создание, по сути, новой нормы на основе имеющихся предписаний, подходящих под аналогичный случай, более четко демонстрирует общие черты творческих процессов заполнения пробела в праве и толкования.

¹ *Бартошек М.* Римское право: Понятия, термины, определения / Спец. науч. ред. З.М. Черниловский. — М., 1989. С. 6.

² *Черданцев А.Ф.* Толкование советского права. — М., 1979. — С. 12.

³ *Лукич Р.* Указ. соч. — С. 292.

Подведение случая под правило при наличии полного соответствия между ними И. Кант относил к простейшей форме познавательной способности человека — рассудку. Логически мыслить, «представлять себе нечто посредством понятий», т.е. обладать «правильным рассудком» достаточно для слуги или чиновника, выполняющего определенные распоряжения¹. Но иное дело, когда норма позитивного права содержит лишь общее правило, и необходимо создание частной нормы для решения данного случая. Или налицо «пробельность» права, и нужна аналогия закона или аналогия права. Здесь необходимо то, что И. Кант называл способностью суждения: «Офицер, которому для порученного ему дела предписано лишь общее правило и который должен сам решить, как ему поступать в том или ином случае, должен обладать способностью суждения...»². В самом деле, если бы применение нормы, а в случае малейшего расхождения с описываемой ситуацией в норме оно уже будет иметь в некоторой степени характер аналогии, носило логический характер, то необходимы были бы четкие правила, описывающие критерии соответствия признаков той ситуации, которая в норме, и признаков наличной ситуации. То есть нужны правила, по которым можно было бы распознать, подходит ли к данному случаю правило или нет. «А это отодвигало бы тот же вопрос, — по меткому замечанию И. Канта, — всё дальше и дальше в бесконечность»³. Поэтому в основе аналогии лежит сложный мыслительный процесс, в котором переплетаются и дискурсивные, и оценочные мыслительные акты, что и позволяет нам говорить о невозможности полной абстрактности, отвлеченности правового мышления, как, например, мышления математического. Более того, применение алгоритмического метода для решения правоприменительных задач очень опасно — нет ничего более бесчеловечного, чем отстраненный и равнодушный судья, применяющий право «на автомате».

Список литературы

1. *Alexy R.* On Balancing and Subsumption: A Structural Comparison // *Ratio Juris*. 2003. Vol. 16, no. 4, pp. 433–449.
2. *Schauer F.* Balancing, Subsumption, and the Constraining Role of Legal Text // *Law and Ethics of Human Rights*. 2010. Vol. 4, no. 1, pp. 34–45.
3. *Stuck H.* Subsumtion und Abwägung // *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie*. 1998. Bd. 84, h. 3, s. 405–419.

¹ *Кант И.* Соч.: В 6-ти т. — Т. 6. — М., 1966. — С. 437.

² Там же.

³ Там же.

4. *Алексеев С.С.* Проблемы теории права. — Т. 2. — С. 281, 284–285.
5. *Бекетов А.* Искусственный интеллект в суде [Электронный ресурс]. — URL: <https://ru.euronews.com/2019/01/28/eu-robotjudge-courts>.
6. *Вильнянский С.И.* Значение логики в применении правовых норм // Ученые записки Харьковск. юрид. инст. 1948. Вып. 3. С. 110, 281.
7. *Ивин А.А.* Ценности и понимание // Вопросы философии. 1987. № 8. С. 32.
8. *Кант И.* Соч.: В 6-ти т. — Т. 6. — М., 1966. — С. 437.
9. *Кант И.* Указ. соч. — С. 437.
10. *Курбатов В.И.* Социально-политическая аргументация (Логико-методологический анализ). — Ростов н/Д, 1991. — С. 109, 113.
11. *Лукич Р.* Указ. соч. — С. 292.
12. *Черданцев А.Ф.* Логико-языковые феномены в юриспруденции. — М.: Норма; Инфра-М, 2012. — С. 206–213.
13. *Черданцев А.Ф.* Толкование советского права. — М., 1979. — С. 12.
14. *Бартошек М.* Римское право: Понятия, термины, определения / Спец. науч. ред. З.М. Черниловский. — М., 1989. С. 6.
15. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. — М., 1912. — С. 699, 703–704.

1.5. Правовое регулирование в условиях цифровой реальности: возможные риски

Миннирес И.А.

Цифровая реальность — это та реальность, в которой нам предстоит жить в обозримом будущем и к которой нужно быть готовыми. Прямое неприятие этой реальности ни к чему не приведет. Когда во времена промышленной революции рабочие ломали станки на фабриках, потому что те отнимали у них рабочие места, это не остановило технический прогресс.

Несомненные плюсы распространения процесса цифровой реальности имеют и обратную сторону, что может проявляться в различных сторонах жизни общества. В связи с этим необходима адекватная ответная реакция на происходящие процессы, в том числе и в сфере правового регулирования.

Как точно отмечает Академик РАН Т.Я. Хабриева, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, «в российской науке также заметен интерес к этой теме. Исследования нацелены на освоение отдельных, относительно узких, хотя бесспорно важных и требующих решения проблем, связанных с использованием цифровых технологий в правовой сфере... Для эффективного решения обозначенных стратегических задач развития Российского государства и права необходимо представить общую картину происходящего»¹.

Думается, прежде всего, необходим надлежащий механизм правовой защиты прав и интересов граждан в условиях цифровой реальности. В России, к сожалению, сложилась негативная практика вольного обращения с приватной информацией, что порождает определенные риски.

Проблема рисков в информационной сфере уже была объектом исследования ряда российских ученых.

Так, М.Ю. Родимцевой, консультантом Управления Президента Российской Федерации по применению информационных технологий и развитию электронной демократии, с учетом показателей проникновения информационных технологий в повседневную жизнь людей проведен анализ рисков, возникающих в информационном обществе. Среди рассматриваемых рисков автор выделяет следующие:

- цензура с использованием сервисов крупных информационно-телекоммуникационных компаний;

¹ Хабриева Т.Я. Право перед выбором цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16.

- сложность в защите прав пользователей при отсутствии постоянных официальных представительств, оказывающих услуги в сети Интернет-компаний на территории стран проживания пользователей;
- использование персональных данных информационными брокерами без уведомлений субъектов таких данных.

По мнению автора, необходима разработка способов защиты от манипуляций в сети Интернет, создание модели управления Интернетом всеми заинтересованными государствами, обеспечение равного доступа каждого к информации и информационным технологиям, повышение информационной культуры пользователей Всемирной сети для оценки собственных рисков онлайн, необходимо создание механизма защиты прав пользователей в сети Интернет. М.Ю. Родимцева справедливо полагает, что такие вопросы можно разрешить только на высоком международном уровне, например под эгидой ООН¹.

И.Л. Бачило и М.А. Шмаков рассматривают проблемы научно-академического исследования трансформации государственно-правовых институтов в условиях цифрового общества XXI в., учитывая объективные причины изменений в понимании смысла концептов «государство» и «право». Такими объективными факторами авторы считают пространство, время, массы: «Информационное пространство имеет тенденцию к расширению в рамках планеты Земля и за ее пределами, а время катастрофически сужается, сжимается и требует ускорения процессов принятия и реализации решений. Третья же константа «массы» демонстрирует такую активность населения и его ассоциаций, которая меняет понятия и суть демократии, гражданского общества, личности, прав человека и гражданина. Эти перемены и события дня не нуждаются в комментарии»².

В этих условиях возникают риски не только информационного, но и геополитического характера. Концептуальные вопросы развития информационного общества, поднимаемые Институтом государства и права РАН, учитывают необходимость интеграции информационных ресурсов и выход на горизонт их рационального применения. Одним из важнейших направлений деятельности в этой области И.Л. Бачило и М.А. Шмаков считают обеспечение

¹ Родимцева М.Ю. Регулировать нельзя манипулировать (о рисках информационного общества) // Государство и право. 2016. № 7. С. 67–72.

² Бачило И.Л., Шмаков М.А. О трансформации институтов «государство» и «право» в информационном обществе // Государство и право. 2017. № 11. С. 82–83.

нового уровня развития безопасности общества, государства, личности и совершенствование законодательства в области правового обеспечения информационной безопасности¹.

С таким подходом трудно не согласиться.

В.Н. Лопатиным на основе сравнительно-правового и экономического анализа с позиций обеспечения информационной безопасности выделяются и исследуются проблемы, возникающие при определении и реализации целей и задач построения цифровой экономики как на национальном, так и на межгосударственном уровнях. Автор выделяет четыре группы рисков интеллектуальной собственности и предлагает меры в области информационной безопасности².

Риски интеллектуальной собственности, о которых пишет автор, это всего лишь одно из проявлений существующей проблемы. Однако сравнительно-правовой анализ является в данном случае одним из самых перспективных направлений исследования.

В зарубежной юриспруденции существует множество интересных работ в этой области. Обратимся лишь к некоторым из них.

Так, профессора Университета Сарагосы (University of Zaragoza) Ф. Галиндо и Х.Г. Марко в статье «Свобода и Интернет: наделение граждан полномочиями и решение проблемы отсутствия прозрачности информационно-поисковых систем» ставят вопрос о том, может ли Интернет способствовать упрочению свободы выражения мнения и обмена информацией без ограничения свободы воли его пользователей? Авторы статьи обоснованно пишут, что повсеместное использование информационно-поисковых систем и автоматизм, этому присущий, с одной стороны, облегчают доступ к различной информации, хранящейся в Интернете, и таким образом способствуют упрочению свободы. С другой стороны, они порождают проблемы, связанные с конфиденциальностью, отсутствием прозрачности использования информации и контроля со стороны пользователей.

Ф. Галиндо и Х.Г. Марко правы в том, что ключевые слова запроса в совокупности со связанными с ними метаданными могут дать возможность практически любому получить информацию о пользователе, включая его интересы, привычки и предпочтения. И более того, некоторые запросы могут содержать идентификато-

¹ Бачило И.Л., Шмаков М.А. О трансформации институтов «государство» и «право» в информационном обществе // Государство и право. 2017. № 11. С. 85.

² Лопатин В.Н. Риски информационной безопасности при переходе к цифровой экономике // Государство и право. 2018. № 3. С. 77–88.

ры и квазиидентификаторы, которые позволяют связать их с конкретным человеком¹.

Таким образом, риск распространения конфиденциальных данных весьма велик.

О проблемах конфиденциальности пишет и эксперт в области сетевой безопасности Х. Абельсон в статье «Ключи под ковриком: конец безопасности вследствие предоставления Правительству доступа к данным коммуникациям», опубликованной в Оксфорде. Автор статьи утверждает, что вред, который нанесет предоставление исключительного права доступа к информации правоохранительным органам, будет очень серьезный. Помимо ожидаемых технических уязвимостей будет возрастать количество сложностей, связанных с общим регулированием, и нет гарантий, что сохранятся принципы уважения прав человека и верховенства закона².

Западные исследователи обращают внимание на то, что проблема обеспечения конфиденциальности находится в постоянном развитии.

Бывший старший аналитик Бюро Конгресса по анализу технологий, а ныне профессор университета Дж. Мейсона (George Mason University) П. Риган в статье «Возрождение института государственного попечения и его применение в политике конфиденциальности информации» делает вывод, что политические события 1980–1990-х гг. определили траекторию направления политики конфиденциальности: доминирование индивидуализма в сфере защиты данных, отказ от ее прямого регулирования со стороны правительства с целью не допустить торможение развития технологий. Однако в XXI в. такая политика ставится под вопрос. Представление о том, что конфиденциальность — это не только субъективное право, но и объект общественного интереса, получило широкое распространение в политической, философской и юридической литературе. За последние несколько лет ценности персональных данных и их защиты начали переосмысливаться. Вопрос XXI столетия заключается в том, какой способ обеспечения конфиденциальности информации является наилучшим из-за стремительного развития Интернета. Традиционное саморегулирование, сочетающееся с правительственным вмешательством, породило

¹ Galindo F., Marco J.G. Freedom and the Internet: Empowering citizens and addressing the transparency gap in search engines // European journal of law and technology. Belfast, 2017. Vol. 8, no 2, pp. 1–18.

² Abelson H. Keys under doormats: Mandating insecurity by requiring government access to all data and communications // Journal of cybersecurity. Oxford, 2015. Vol. 1, pp. 69–79.

ряд вопросов и коллизий, которые требуют своего разрешения. Наиболее подходящим, по мнению автора, представляется метод государственного попечения. П. Риган обоснованно полагает, что процесс создания системы регулирования, в которой гармонично сочетались бы государственное участие и автономия физических и юридических лиц, требует значительных исследований в этой области. Этот путь предстоит пройти человечеству в XXI столетии¹.

Во многом созвучна этой позиции концепция публичной приватности, о которой пишет директор проекта внутреннего наблюдения ЕРІС Дж. Скотт в статье «Социальные медиа и государственный надзор: концепция усовершенствованной защиты неприкосновенности личной жизни в рамках нового общественного пространства».

Автор обращает внимание на то, что наше общество всё больше и больше погружается в интернет-пространство, а правительство всё больше и больше контролирует общедоступные данные, размещаемые в социальных сетях. Бесспорно, столь высокий уровень государственного надзора подрывает права личности на свободу слова и компрометирует так называемую демократию. Массовый контроль и анализ общедоступной информации имеют далеко идущие последствия для общества, особенную опасность они представляют для различных меньшинств и лиц с оппозиционными взглядами. По мнению автора, необходимо разработать набор базовых правил как на федеральном, так и на местном уровнях, который позволит контролировать передовые технологии, используемые в правительственном надзоре. Более того, именно на федеральном уровне требуется закрепить базовую защиту граждан от чрезмерного государственного мониторинга социальных сетей и других общедоступных данных².

Некоторые исследователи ставят вопрос еще шире. Так, П. Бош (Universität Passau) в статье «Правовой режим конфиденциальности данных: международный аспект» не без оснований полагает, что для того чтобы обеспечить защиту данных в ситуации взаимодействия различных правовых культур и различного концептуального понимания конфиденциальности, необходимо международное правовое регулирование. Культурные различия, влияющие на существенное понимание определяемых в ходе исследования задач, дик-

¹ *Regan M.P.* Reviving the public trustee concept and applying it to information privacy policy // *Maryland law review*. Maryland, 2017. Vol. 76, no 4, pp. 1025–1043.

² *Scott J.D.* Social media and government surveillance: The case for better privacy protections for our newest public space // *Journal of business & technology law*. Baltimore, 2017. Vol. 12, no 2, pp. 151–164.

туют необходимость разработки общего для всех понятия конфиденциальности¹.

Из приведенных высказываний видно, что названные проблемы находятся в поле постоянного внимания российских и зарубежных исследователей.

Какие же риски видятся автору настоящей статьи? Что вызывает наибольшее беспокойство? К таким возможным рискам следует отнести:

Человеческий фактор. Информация на цифровых носителях не появляется сама по себе, она заносится туда человеком. При самых детальных инструкциях и жестком контроле сохраняется высокая вероятность занесения ошибочной информации. Опасность состоит в том, что в условиях цифровой реальности эта ошибочная информация в кратчайший срок может быть продублирована на огромном, не поддающемся учету количестве других электронных носителях информации.

Риск состоит в том, что это, во-первых, невероятно затрудняет возможность и процедуру устранения начальной ошибки, и, во-вторых, порождает высокую вероятность совершения ошибочных действий тех лиц, которые обратились к носителю ошибочной информации.

Риски в правовой сфере. Информационная свобода — это неотъемлемый элемент демократизации общества. Однако в рамках этого процесса возникает целый комплект рисков правового характера.

Так, считается очень демократичным и прогрессивным размещать в сети проекты нормативно-правовых актов, которые находятся на рассмотрении правотворческих органов. Это позволяет заинтересованным организациям и гражданам знакомиться с этими проектами, в рамках установленных законом процедур участвовать в их обсуждении.

Однако пассивность большей части населения может привести к тому, что этой демократической процедурой могут воспользоваться недобросовестные участники этого процесса, так называемые негативные субъекты — организованное преступное сообщество, недобросовестные участники товарного рынка и т.п.

Инициировав видимую активность обсуждения по важным для них вопросам, они могут создать ложное впечатление о заинтересованности якобы большей части населения в решении определенной проблемы определенным образом. Плюс к этому — лоббиро-

¹ *Boshe P.* Data privacy law: An international perspective // *Information and communications technology law.* L., 2015. Vol. 24, no 1, pp. 118–120.

вание интересов этих «негативных субъектов». Всё это может привести к искажению реальной картины.

И наконец, самый большой риск, о котором в середине XX в. говорил Альберт Эйнштейн: «Я боюсь, что настанет тот день, когда технологии превзойдут простое человеческое общение. И мы получим поколение идиотов».

Список литературы

1. *Abelson H.* Keys under doormats: Mandating insecurity by requiring government access to all data and communications // *Journal of cybersecurity*. Oxford, 2015. Vol. 1, pp. 69–79.
2. *Boshe P.* Data privacy law: An international perspective // *Information and communications technology law*. L., 2015. Vol. 24, no 1, pp. 118–120.
3. *Galindo F., Marco J.G.* Freedom and the Internet: Empowering citizens and addressing the transparency gap in search engines // *European journal of law and technology*. Belfast, 2017. Vol. 8, no 2, pp. 1–18.
4. *Regan M.P.* Reviving the public trustee concept and applying it to information privacy policy // *Maryland law review*. Maryland, 2017. Vol. 76, no 4, pp. 1025–1043.
5. *Scott J.D.* Social media and government surveillance: The case for better privacy protections for our newest public space // *Journal of business & technology law*. Baltimore, 2017. Vol. 12, no 2, pp. 151–164.
6. *Бачило И.Л., Шмаков М.А.* О трансформации институтов «государство» и «право» в информационном обществе // *Государство и право*. 2017. № 11. С. 82–83.
7. *Лопатин В.Н.* Риски информационной безопасности при переходе к цифровой экономике // *Государство и право*. 2018. № 3. С. 77–88.
8. *Родимцева М.Ю.* Регулировать нельзя манипулировать (о рисках информационного общества) // *Государство и право*. 2016. № 7. С. 67–72.
9. *Хабриева Т.Я.* Право перед выбором цифровой реальности // *Журнал российского права*. 2018. № 9. С. 5–16.

1.6. «Искусственный интеллект» в современной политической и правовой жизнедеятельности общества¹

Воронцов С.А., Мамычев А.Ю.

В наше время большинство цивилизованных стран мира вошло в период четвертой промышленной революции. Клаус Шваб, президент Всемирного экономического форума в Давосе, в предисловии к своей книге «Четвертая промышленная революция» отметил, что «мы стоим у истоков революции, которая фундаментально изменит нашу жизнь, наш труд и наше общение. По масштабу, объему и сложности — это явление, которое я считаю Четвертой промышленной революцией, не имеет аналогов во всем предыдущем опыте человечества»².

Четвертую промышленную революцию характеризуют такие базовые составляющие, как полная цифровизация жизнедеятельности общества, отношений, услуг, виртуализация общественных связей и взаимосвязей, цифровая алгоритмизация подавляющего большинства социальных процессов, систем управления и проч. Как известно, революция в любой сфере деятельности неминуемо влечет за собой глубокие качественные изменения как в мировоззрении общества, формах его жизнедеятельности, так и в изменении основополагающих методов и инструментариев, используемых в организации и осуществлении социальной деятельности, поддержании целостности и воспроизводства общественных систем.

Последнее можно полностью отнести и к качественному изменению правоохранительной деятельности. Цифровизация данной деятельности сводится не к рационализации и автоматизации разнообразных процессов в правоохранительной сфере, а к кардинальным структурным изменениям, затрагивающим как отношения между элементами правоохранительной системы, так и между правоохранительной системой и обществом. Именно этим проблемным вопросам и моделированию направлений, перспектив, а также ключевых проблем цифровой трансформации юридической деятельности и посвящена данная работа. В частности, в статье анализируются противоречия и перспективы внедрения систем искусственного интеллекта в специфическую социально-правовую

¹ Статья публикуется при поддержке гранта РФФИ «Национально-культурные и цифровые доминанты развития политических отношений в XXI веке» (№ 19-011-31031).

² Шваб К. Четвертая промышленная революция. — М.: Изд-во Эксом, 2019. — 208 с.

деятельность, связанную с охраной прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

В этой связи вполне уместно вспомнить высказывание, приписываемое французскому математику, философу, физиологу, механику и физику, чьи идеи сыграли ключевую роль в развитии сразу нескольких научных отраслей Рене Декарту: «определив точно значения слов, вы избавите Человечество от половины заблуждений»¹. Представляется, что высказывание Декарта в полной мере относится к необходимости определения понятия «искусственный интеллект» в связи с тем, что отсутствует строгое определение понятия «естественный интеллект».

Интеллект — понятие, которое имеет много смыслов и концептуальных трактовок. Так, согласно Универсальному словарю слово «интеллект» заимствовано из немецкого или французского в первой трети XIX в. Французское *intellect*, немецкое *intellekt* восходит к латинскому *intellectus*, производному от *intellege* — «понимать, иметь понятие»². В Толковом словаре интеллект определяется как ум, мыслительная способность, умственное начало у человека³. В энциклопедическом словаре интеллект трактуется как познание, понимание, рассудок. Это способность мышления, рационального познания⁴.

Содержание понятия «интеллект» можно классифицировать в зависимости от сферы, где это понятие используется. Так, в сфере философии, интеллект раскрывается как разум, способность мыслить, проницательность, совокупность тех умственных функций, которые превращают восприятия в знания или критически пересматривают и анализируют уже имеющиеся знания.

Фома Аквинский полагал, что интеллект подчиняет себе волю человека. Дунс Скот и Уильям Оккам считали, что интеллект подчинен воле. Г. Гегель связывал интеллект с познанием, пониманием, способностью к абстрактному анализу. Э. Кант связывал интеллект со способностью к образованию понятий. Сегодня преобладает представление, что, хотя интеллект, так же как и воля, зависит от соответствующих обстоятельств, он, как относящийся к сфере духа, выше воли, относящейся к сфере психического⁵.

¹ Мудрые мысли. Рене Декарт [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.erwg.ru/quotauthor/517/txt3.php>.

² Этимологический словарь. Универсальный словарь по русскому языку. — СПб.: ИГ «Весь», 2000. — С. 1070.

³ Толковый словарь. Универсальный словарь по русскому языку. — СПб.: ИГ «Весь», 2000. — С. 792.

⁴ Естествознание. Энциклопедический словарь. Сочет. В.Д. Шолле. — М., Научное изд-во: «Большая Российская энциклопедия», 2002. — С. 145.

⁵ Философский энциклопедический словарь. — М.: ИНФРА-М, 2000. — С. 182.

С.Н. Труфанов отметил, что интеллект — это творческая мастерская нашего духа. Его задача: а) производить знания об окружающем мире; б) хранить (помнить) их; в) преобразовывать их в различные планы и проекты по переустройству мира¹.

В сфере биологии под интеллектом понимают способность тех или иных объектов проявлять адекватную реакцию при воздействии внешних раздражителей. По словам Бергсона, «интеллект неизменно ведет себя так, как будто он зачарован созерцанием инертной материи. Интеллект — это жизнь, смотрящая вовне, становящаяся вне относительно самой себя, принимающая как принцип приемы неорганизованной природы, чтобы применять их в действии»².

В сфере психологии содержание интеллекта связывают с состоянием умственного развития человека, позволяющим принимать решения в адекватно складывающейся вокруг него обстановке, выбирать оптимальные варианты действий, уметь строить взаимоотношения с окружающими³.

В общей психопатологии интеллект — это совокупность процессов памяти и мышления, обеспечивающая познавательную деятельность человека. Познавательная деятельность подразумевает наличие того, кто познает (субъекта) и его волевою состоятельность. Хороший пример — шизофрения. При этой патологии интеллект не страдает, но разрушается воля и эмоциональная сфера. В этом состоянии интеллект не может проявиться. Врачи говорят о специфическом «шизофреническом слабоумии».

Таким образом, интеллект представляет собой инструмент *личности*, которая, в свою очередь, представляет собой систему врожденных и приобретенных качеств, характеризующих человека как объект и субъект биосоциальных отношений, наделенного *сознанием* и *психикой*, носителя *разума* и *воли* субъекта.

Содержание термина «сознание» также зависит от сферы, в которой оно рассматривается. Философы трактуют сознание как свойство высокоорганизованной материи (мозга), раскрывающее субъективный образ объективного мира, формирующее субъективную реальность⁴.

¹ Труфанов С.Н. Что такое интеллект? // Прикладная психология и психоанализ: электрон. науч. журн. 2012. № 4 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.prip.idnk.ru>.

² Бергсон А. Интеллект. Инстинкт. Интуиция. — М.: ИНФРА-М, 1998.

³ Интеллект в психологии: определение, структура, теории [Электронный ресурс]. — URL: <https://psycholic.ru/lichnostniy-rost/intellekt-v-psihologii.html>.

⁴ Национальная философская энциклопедия [Электронный ресурс]. — URL: <http://terme.ru/termin/intellekt.html>.

Социологи понимают под сознанием отображение в духовной жизни людей интересов и представлений различных социальных групп, классов, наций, общества в целом¹.

Психологи раскрывают сознание как особый, высший уровень организации психической жизни субъекта, выделяющего себя из окружающей действительности, отражающего эту действительность в форме психических образов, которые служат регуляторами целенаправленной деятельности. Важнейшей функцией сознания является мысленное построение действий и предвидение их последствий, контроль и управление поведением личности, ее способность отдавать себе отчет в том, что происходит как в окружающем, так и в собственном духовном мире. Важной составляющей сознания выступает разум, позволяющий путем познавательной деятельности раскрывать сущность действительности, формировать новые идеи, выходящие за пределы сложившихся систем знания.

Психика (от греч. «*psychikos*» — душевный) представляет собой форму взаимодействия животного организма с окружающей средой, опосредствованную активным отражением признаков объективной реальности, способность человека отражать в своем сознании реальность, создавать модели этой реальности и на основе таких моделей строить и регулировать свои поведение и деятельность².

Обобщая изложенное выше, можно утверждать, что интеллект представляет собой мыслительную составляющую психики, отражающую восприятие разумной деятельности людей. Данный вывод говорит о том, что принципиально невозможно создать модель искусственного интеллекта, отражающую всю полноту психики человека, так как для этого пришлось бы моделировать не только человека, но и всю систему его социально-общественных отношений.

Искусственный интеллект — искусственный инструмент. В определениях искусственного интеллекта звучит идея о том, что это продукт, моделирующий живой интеллект³.

Впервые термин «искусственный интеллект» был введен в 1956 г. американским информатиком Джоном Маккарти. В широком смысле это способность машин имитировать поведение человека,

¹ Национальная социологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. — URL: <http://voluntary.ru/termin/intellekt.html>.

² Психология политической деятельности: Учеб. пособие / Н.А. Косолапов; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Каф. полит. теории. — М.: МГИМО, 2002. — С. 105.

³ Методологические основы теории искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. — URL: <https://uchebniki-besplatno.com/knigi-upravlenschieskie-resheniya/541-metodologicheskie-osnovyi-teorii-10522.html>.

воспринимать информацию, принимать решения; это система алгоритмов, основанная на машинном обучении¹.

Искусственный интеллект отличается от обычных компьютерных алгоритмов тем, что он способен обучать себя на основе накопленного опыта. Эта уникальная функция позволяет искусственному интеллекту действовать по-разному в аналогичных ситуациях, в зависимости от ранее выполненных действий. Поэтому в большинстве случаев эффективность и потенциал искусственного интеллекта довольно неясны².

Каждый из авторов, высказывающихся на тему искусственного интеллекта, по-своему понимает, что вкладывается в это понятие.

Программисты рассматривают интеллект через призму цифр и символов. Психологи — через систему реакций личности на раздражители извне. Гуманитарии зачастую воспринимают искусственный интеллект как некую панацею — нажал кнопку, и высший разум всё сделает в точности с законом и безукоризненно с точки зрения юридической техники.

Юриспруденция — феномен, который в восприятии и обывателей, и профессионалов имеет формальные цели и задачи. Не всегда эти цели и задачи в полной мере осознаны, но они тем не менее исторически обусловлены, сформированы и сохранялись на протяжении всего существования человечества. Появление новых технологий не меняет целей и задач юриспруденции в глазах большинства индивидов.

Моделирование познавательной деятельности человека в полном объеме невозможно по мнению многих авторов, так как человеческое познание, мышление всегда контекстуально, обусловлено системой установок, убеждений и зависит от эмоционального обеспечения. Искусственный интеллект — не более чем технология, облегчающая обработку, хранение, контроль, использование и обмен информацией. Применение этой технологии представляется логичным и целесообразным в условиях нарастающего тотального информационного «завала».

С технической, правовой и нравственной точек зрения недопустимо разрабатывать и тем более применять технологии оценки соответствия поступков нравственным, этическим стандартам, совести в условиях отсутствия общепринятого и достоверного понимания природы нравственности, этики, совести. Именно эти феномены имеют значение для разработки критериев эффективности правовой системы.

¹ Интеллект и закон [Электронный ресурс]. — URL: <http://strategyjournal.ru/articles/intellekt-i-zakon/>.

² *Cerka P., Grigiene J. & Sirbikyte G.* Liability for Damages Caused by Artificial Intelligence. *Computer Law & Security Review*. 2015. Vol. 31 (3), pp. 376–389.

Если право — это система общеобязательных, формально определенных юридических норм, устанавливаемых и обеспечиваемых государством и направленных на урегулирование общественных отношений¹, то каким образом технологическая оптимизация хранения, обмена, использования, контроля и доступа к информации может влиять на оценку и изменение правил и норм индивидуального и общественного поведения?

Использовать термин «искусственный интеллект» в реализации права и правоприменительной деятельности», по мнению многих юристов, весьма проблематично потому, что право, помимо строгих и жестких формулировок, явление психоэмоциональное². По сути, при решении правовых вопросов мы пытаемся найти истину, а она часто лежит в мертвой зоне — вроде как и существует (учитываемая реальность), но не воспринимается³.

Поэтому искусственный интеллект в обозримом будущем не заменит полностью юриста, ибо в правоприменительной и правоохранительной деятельности есть такие факторы, как эмоциональное восприятие, навыки в интерпретации речи, эмоций, интерпретации определенных слов и выражений, которые пока что недоступны машинам и, вероятно, никогда не будут им доступны. Но ускорить работу и повысить ее качество эти алгоритмы помогут⁴. Следовательно, термин *«искусственный интеллект»* допустимо употреблять лишь в качестве научной метафоры.

В. Зорькин в упомянутом выше интервью «Российской газете» отметил, что компьютеры могут выполнять ряд типовых юридически значимых процедур, в том числе подготовку различного рода документов, и стать, следовательно, эффективным помощником юриста. Занимаясь много лет информационным обеспечением оперативной-розыскной деятельности, созданием межведомствен-

¹ Национальная философская академия [Электронный ресурс]. — URL: <http://terme.ru/termin/pravo.html>.

² Baranov P., Mamychhev A., Plotnikov A., Vershinina S. et al. Interactive communication and modernization technologies of governmental administration in modern society: main contradictions and direction of development // Herald NAMSCA. 2018. No 2, pp. 458–464; Зорькин В.Д. Право в цифровом мире // Российская газета. 2018. 30 мая. [Электронный ресурс]. — URL: <http://alrf.ru/news/pravo-v-tsifrovom-mire-vystuplenie-valeriya-zorkina-na-pmyuf/>.

³ Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 94; Pasquale F. The Black Box Society: The Secret Algorithms Behind Money and Information. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015. — 320 p.

⁴ Искусственный интеллект на страже закона: Новейшие технологии в сфере права. ФАН-ТВ [Электронный ресурс]. — URL: <https://riafan.ru/1044435-iskusstvennyi-intellekt-na-strazhe-zakona-noveishie-tekhnologii-v-sfere-prava-fan-tv>.

ных баз данных, автоматизированных информационно-поисковых систем и АРМ аналитикой, можно согласиться с мнением В. Зорькина. Ключевая задача устройств «искусственного интеллекта» — создание моделей для облегчения деятельности правоохранителей, обеспечение их полной и всеобъемлющей информацией для решения задач судопроизводства, технического аудиовизуального документирования преступной деятельности, ускорения проведения экспертиз и исследований. А, по сути, создание такой базы данных поспособствовало бы объективному и полному изучению обстоятельств и условий совершения преступления, выявлению причин и факторов, их продуцирующих, предупреждению чрезвычайных происшествий и техногенных катастроф¹.

По мнению специалистов, искусственный интеллект в ближайшее время войдет в юридическую практику по принципу *«robots will take your work, not your jobs»*, т.е. роботы будут брать на себя рутинные операции, но не отнимать рабочие места у людей. Речь идет о роботизации таких процессов, как управление затратами на приобретение доступа к информации, поиск правильной внешней экспертизы для получения доказательной юридической базы и определение соответствия документов нормативным требованиям².

Вернемся к процитированным выше словам Президента России В. Путина о том, что искусственный интеллект открывает *«колоссальные возможности и трудно прогнозируемые сегодня угрозы»*, в том числе и в сфере права, где в последние годы приняты поправки в нормативные акты о противодействии терроризму, существенно, хотя и спорно, позволяющие при помощи электронных технологий накапливать и использовать информацию провайдеров и операторов связи. Совершенствуются цифровые технологии в оперативно-розыскной деятельности и криминалистике. Всё это, безусловно, отвечает сути нашего времени. И одновременно порождает у некоторых правоохранителей и научных работников впечатление, что скоро раскрывать преступления можно будет не выходя из кабинета, а судить людей в виртуальном пространстве: нажал кнопку, и машина сама обработает материалы, проведет предварительное расследование, экспертизы, сама всё докажет и вынесет приговор.

¹ Размышление на полях Петербургского международного юридического форума. Российская газета — Столичный выпуск № 7578 (115).

² Юриспруденция и искусственный интеллект: наступает эра беспрецедентных вызовов. 2017 [Электронный ресурс]. — URL: <http://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/yurisprudentsiya-i-iskusstvennyy-intellekt-nastupaet-epokhabespretsedentnykh-vyzovov/>.

Да, мы научились даже на бытовом уровне использовать систему распознавания лиц. Очень часто социальные сети сами привязывают конкретного человека к фотографиям на сайтах, предлагают новых знакомых, напоминают людям об их прошлом... Мы решаем большой объем задач, не выходя из квартиры: оплачиваем квитанции, переводим деньги, ведем диалоги с государственными учреждениями.

Недавно были продемонстрированы новые технологии, позволяющие с помощью сканирования определять не только лица людей, но и проникать дистанционно в их карманы и по находящимся там банковским картам получать данные о их расходах, проведенных транзакциях и покупках.

Но демонстрация таких возможностей выходит далеко за рамки действующих законов Конституции России, да, честно говоря, и за рамки элементарной человеческой порядочности. Так в чем тогда заключается декларированное Конституцией России право на личную жизнь, тайну переписки, банковскую тайну? Совершенствуя машины, мы не совершенствуем человека.

Не приведут ли процессы цифровизации к так называемой цифровой наркомании, когда лица, имеющие отношения к данной сфере будут стремиться всё к большей дозе информации? Допустимо ли с точки зрения закона погружение в безнравственное созерцание чужой жизни, чужих тайн и секретов, если это не санкционировано судебными органами в связи с раскрытием преступления? Где тот порог нравственности в цифровизации, на котором человек должен остановиться?

Может случиться так, что, когда мы наконец осознаем все последствия «цифровой революции» для личности и общества и попытаемся ввести процесс цифровизации в правовое русло, будет поздно. Значительная часть программ будет работать не на благо личности, общества, государства, а на его разрушение. История с невозможностью бороться с мессенджером «Телеграм» подтвердила, что цифровой мир на отдельных направлениях ушел в отрыв от человеческого разума. Проблемы блокировки десятков тысяч сайтов, о которых регулярно рапортуют правоохранительные органы, также вызывают много вопросов. Что толку от данной работы, когда все эти сайты восстанавливаются через 30 минут?

В. Зорькин справедливо отмечает, что ч. 4 ст. 29 Конституции РФ гарантирует каждому право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом; при этом перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется Федеральным законом. Эта нор-

ма во взаимосвязи с положениями Конституции о прирожденных, неотчуждаемых правах человека, осуществляемых на основе равенства и справедливости (ст. 2, ч. 3 ст. 17, ст. 19, ч. 3 ст. 55), означает, что законодатель обязан гарантировать указанное конституционное право и может вводить лишь такие ограничения, которые в России, как демократическом правовом государстве, необходимы для защиты конституционных ценностей с соблюдением критериев соразмерности (пропорциональности) и баланса конкурирующих прав и интересов¹.

Немаловажным является то, что программы для искусственного интеллекта разрабатываются на импортной элементной базе, а следовательно, на уязвимом «железе». Программисты уже бьют тревогу, что сегодня опасность исходит не от вредоносных программ (с ними научились бороться), а от возможности воздействия на «сердце и душу» самого процессора. Представим себе ситуацию, когда при обновлении или просто выходе в интернет все айфоны, айпады и IOS будут заблокированы. Это угрожающая реальность.

Без создания собственной аппаратно-программной базы все наши мультимедийные и виртуальные «проекты» — это опасная забава. А рассуждения о глобальной цифровизации в рамках все-российского масштаба напоминают стремление СССР построить коммунизм в отдельно взятой стране.

Еще одна проблема — мир цифровых технологий крайне прозрачен. И как бы мы ни пытались «паролить» базы данных и устанавливать уровни доступа, вероятность проникновения к ним посторонних лиц весьма реальна. Всегда найдутся каналы, через которые можно проникнуть к самым большим государственным секретам. Достаточно вспомнить, что доморощенные хакеры проникли к информации Пентагона и Госдепа.

Рассуждая о будущем искусственного интеллекта в правоохранительной сфере, следует также иметь в виду, что цифровизация — это лишь средство. Без человеческой эрудиции, опыта, даже при наличии необходимых технических средств она безжизненна. Легко рассуждать о перспективах цифровизации в больших городах, где функционирует надежный интернет, имеется много программистов, места массового нахождения граждан обеспечены достаточным количеством видеокамер, сканеров и др. А как быть правоохранителям в глубинке, где один участковый на 40 кв. км? О какой цифровизации там может идти речь сегодня?

¹ Зорькин В.Д. Право в цифровом мире // Российская газета. 2018. 30 мая [Электронный ресурс]. — URL: <http://alrf.ru/news/pravo-v-tsifrovom-mire-vystuplenie-valeriya-zorkina-na-pmyuf/>.

И последнее — работать в цифровом пространстве могут люди квалифицированные и подготовленные. А кто готовит сегодня по проблемам цифровизации сотрудников для судов, прокуратуры, следственного комитета, спецслужб? Сколько оперативных работников, следователей, судей и прокуроров поднялись на ступень выше пользователя компьютера? Насколько уровень образования, нравственные и деловые качества исполнителей соответствуют условиям работы с устройствами, обладающими искусственным интеллектом?

Президент России В. Путин в Послании Федеральному Собранию от 20.02.2019 четко сформулировал пути решения данной проблемы: «Масштабная программа национального уровня должна быть запущена в области искусственного интеллекта. Нам необходимы специалисты, способные создавать и использовать прорывные решения. Для этого нужно обеспечить подготовку кадров»¹.

Поэтому параллельно с цифровизацией структур и процедур в сфере права должна быть организована работа по подготовке сотрудников правоохранительных органов, а главное их руководителей, к работе с устройствами, обладающими искусственным интеллектом. Следует согласиться с мнением ректора РАНХиГС при Президенте России, В. Мау, в том, что в ближайшие годы будет востребованы те специалисты, деятельность которых непосредственно связана с процессом цифровизации всех сфер нашей жизни².

Таким образом, понятие «искусственный интеллект» является весьма расплывчатым и, как правило, во многих исследованиях используется в качестве научной метафоры, употребляется без какой-либо четкой концептуализации. При этом содержательная широта и контекстуальность использования данного понятия в разных сферах жизнедеятельности и отраслях наук не позволяет сформировать ключевые стратегии развития этой цифровой технологии, обеспечить ее деонтологическое и нормативно-правовое регулирование. Кроме того, следует учитывать и то, что современный теоретико-методологический инструментарий не способен «схватить» в единстве многообразие смысловых вариаций и практически разрабатываемых технологий, области и контексты их внедрения. Последнее связано и с тем, что система искусственного интеллекта характеризуются «текучестью» (т.е. постоянно изменяет форму и релевантные контексты применения, неслучайно

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019 «Послание Президента Федеральному Собранию» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318543/.

² Владимир Мау: успешные люди очень часто не работают по специальности [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.vladimirmau.ru/speak/796>.

данные технологии маркируют как «скользящие» или «сквозные» цифровые технологии) и «проницаемостью» (т.е. могут встраиваться и конвергировать с другими системами и технологиями — социальными, биологическими и проч.).

Так или иначе, системы искусственного интеллекта порождают новые формы организации и режимы управления, размещающие власть за обществом, вне сложившейся и действующей системы социальных, политических, правовых и иных отношений, что требует кардинального переосмысления основ политико-правовой организации общества в XXI в. Очевидно, что современные отношения опосредуются и регламентируются уже не столько социокультурными, ценностно-нормативными, правовыми и иными кодами, сколько сложной инфраструктурой цифровых кодов, алгоритмов и проч. (которые скрыты, находятся за разворачивающимися в обществе процессами).

Поэтому четвертая промышленная революция ведет к кардинальной трансформации нормативных и мировоззренческих оснований правового и политического порядка. В этом контексте главная проблема, как отмечалось выше, заключается в формировании нового теоретико-методологического инструментария, позволяющего описывать современные процессы, а также в разработке принципиально новых проектов нормативных правовых актов, деонтологических кодексов и этических стандартов, регламентирующих процесс разработки и применения сквозных цифровых технологий и, в частности систем искусственного интеллекта. Сегодня уже невозможен искусственный перенос сложившихся и устойчивых нормативных моделей на принципиально новые отношения.

Соответственно должны меняться и образовательные системы, подготавливающие общество к новым цифровым вызовам и рискам. Вузы должны ставить перед собой задачу давать студентам не только качественные фундаментальные знания, но и универсальные компетенции, обладание которыми могло бы не только облегчать адаптацию выпускников к полученной профессии, но и помогать самостоятельно и осмысленно строить свои индивидуальные профессиональные траектории в изменяющемся мире.

Список литературы

1. *Baranov P., Mamychyev A., Mordovtsev A., Danilyan O., Dzeban A.* Doctrinal-legal and ethical problems of developing and applying robotic technologies and artificial intelligence systems (using autonomous unmanned underwater vehicles) // Вісник Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв. 2018. № 2, pp. 465–472.

2. *Baranov P., Mamychev A., Plotnikov A., Vershinina S.* et al. Interactive communication and modernization technologies of governmental administration in modern society: main contradictions and direction of development // Herald NAMSCA. 2018. No 2, pp. 458–464.
3. *Cerka P., Grigiene J. & Sirbikyte G.* Liability for Damages Caused by Artificial Intelligence. Computer Law & Security Review. 2015. Vol. 31 (3), pp. 376–389.
4. JPMorgan Software // Bloomberg. 28.02.2017 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-02-28/jpmorgan-marshals-an-army-of-developers-to-automate-high-finance>.
5. *Pasquale F.* The Black Box Society: The Secret Algorithms Behind Money and Information. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015. — 320 p.
6. *Бергсон А.* Интеллект. Инстинкт. Интуиция. — М.: ИНФРА-М, 1998.
7. Владимир Мау: успешные люди очень часто не работают по специальности [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.vladimirmau.ru/speak/796>.
8. *Глебов И.Н.* Искусственный интеллект [Электронный ресурс]. — URL: <https://humanlaw.ru/9-article/26-artificial-intelligence.html>.
9. *Гринфилд А.* Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. — 424 с.
10. *Деланда М.* Война в Эпоху разумных машин. — М.: Кабинетный ученый, 2014. — 338 с.
11. Естествознание. Энциклопедический словарь. Сост. В.Д. Шолле. — М., Научное изд-во: «Большая Российская энциклопедия», 2002. — С. 145.
12. *Зорькин В.Д.* Право в цифровом мире // Российская газета. 2018. 30 мая [Электронный ресурс]. — URL: <http://alf.ru/news/pravo-v-tsifrovom-mire-vystuplenie-valeriya-zorkina-narpuuf/>.
13. Интеллект в психологии: определение, структура, теории [Электронный ресурс]. — URL: <https://psycholic.ru/lichnostniy-rost/intellekt-v-psihologii.html>.
14. Интеллект и закон [Электронный ресурс]. — URL: <http://strategyjournal.ru/articles/intellekt-i-zakon/>.
15. Искусственный интеллект в сфере российского права [Электронный ресурс]. — URL: <https://ohranatruda.ru/news/901/254606/>.

16. Искусственный интеллект на страже закона: Новейшие технологии в сфере права. ФАН-ТВ [Электронный ресурс]. — URL: <https://riafan.ru/1044435-iskusstvennyi-intellekt-na-strazhe-zakona-noveishie-tehnologii-v-sfere-prava-fan-tv>.
17. Методологические основы теории искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. — URL: <https://uchebniki-besplatno.com/knigi-upravlencheskie-resheniya/541-metodologicheskie-osnovyi-teorii-10522.html>.
18. Мудрые мысли. Рене Декарт [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.epwr.ru/quotauthor/517/txt3.php>.
19. Национальная социологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. — URL: <http://voluntary.ru/termin/intellekt.html>.
20. Национальная философская академия [Электронный ресурс]. — URL: <http://terme.ru/termin/pravo.html>.
21. Национальная философская энциклопедия [Электронный ресурс]. — URL: <http://terme.ru/termin/intellekt.html>.
22. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019 «Послание Президента Федеральному Собранию» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318543/.
23. Психология политической деятельности: Учеб. пособие / Н.А. Косолапов; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Каф. полит. теории. — М.: МГИМО, 2002. — С. 105.
24. Путин: лидер в сфере искусственного интеллекта станет властелином мира [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20170901/1501566046.html>.
25. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума. Российская газета — Столичный выпуск № 7578 (115).
26. Судья Конституционного Суда рассказал о будущем роботов в юриспруденции. [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20170515/1494332513.html>.
27. Толковый словарь. Универсальный словарь по русскому языку. — СПб.: ИГ «Весь», 2000. — С. 792.
28. Труфанов С.Н. ЧТО ТАКОЕ ИНТЕЛЛЕКТ? // Прикладная психология и психоанализ: электрон. науч. журн. 2012. № 4 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.prip.idnk.ru>.
29. Философский энциклопедический словарь. — М.: ИНФРА-М, 2000. — С. 182.
30. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 94.
31. Шваб К. Четвертая промышленная революция. — М.: Изд-во Эксон, 2019. — 208 с.

32. Этимологический словарь. Универсальный словарь по русскому языку. — СПб.: ИГ «Весь», 2000. — С. 1070.
33. Юриспруденция и искусственный интеллект: наступает эра беспрецедентных вызовов. 2017 [Электронный ресурс]. — URL: <http://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/yurisprudentsiya-i-iskusstvennyy-intellekt-nastupaet-epokha-bespretsedentnykh-vyzovov/>.

1.7. Правовая политика в сфере искусственного интеллекта: актуальные проблемы выстраивания в Российской Федерации

Затонский В.А.

Неуклонно продолжающиеся в России демократические преобразования, выражающиеся в немислимых в дореформенные времена преобразованиях, требуют проведения тщательно выстроенной, сбалансированной правовой политики, основным предназначением которой является оптимизация механизма правового регулирования в важнейших сферах общественных отношений.

В современных условиях особую актуальность приобретает комплекс задач, связанных с развитием процессов интеграции роботизированных технологий и аппаратов, основанных на искусственном интеллекте, в социальную жизнь общества. При этом общемировой сегодня является проблема практически полного отсутствия нормативного правового регулирования и нормативного технического регулирования основ, условий и особенностей разработки, запуска в работу, функционирования и деятельности, интеграции в другие системы и контроля применения технологий искусственного интеллекта¹. Разработка и принятие целого пакета нормативно-правовых актов, которые бы обозначили общие правовые рамки развития роботизированных технологий и искусственного интеллекта в современном обществе, по мнению многих специалистов, станет ключевой задачей ближайшего десятилетия².

Устоявшегося общепризнанного определения понятия «искусственный интеллект» сегодня не существует. В своей основе этот термин имеет больше гуманитарных корней, чем технических, но по причине частого употребления в речи прижился и в технической сфере. Под искусственным интеллектом чаще всего подразумевается система, способная принимать самостоятельные решения в некоторых ситуациях³, обладающая свойствами субстантивности,

¹ Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91.

² Мамычев А.Ю., Гайворонская Я.В., Мирошниченко О.И. Современные доктринально-правовые и этические проблемы разработки и применения роботизированных технологий и систем искусственного интеллекта (на примере автономных обитаемых подводных аппаратов) // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2018. № 3. С. 147.

³ Возможности искусственного интеллекта в работе юриста [Электронный ресурс]. — URL: https://zen.yandex.ru/media/info_law_society/vozmojnosti-iskusstvennogo-intellekta-v-rabote-iurista-5c372a04fefdcc00ae51f7b8 (дата обращения: 25.09.2019).

автономности, а также возможностями воспринимать и анализировать данные, самообучаться¹.

Данная совокупность отношений остро нуждается в выведении ее на уровень правовой политики, которая, по определению А.В. Малько, представляет собой «научно обоснованную, последовательную и системную деятельность государственных органов и институтов гражданского общества по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры и правовой жизни общества и личности»². «Правовая политика, — подчеркивает А.В. Малько, — это <...> деятельность, связанная с выработкой стратегии правового регулирования и ее осуществлением»³. Сфере искусственного интеллекта насущно необходима такая стратегия. Только на этой основе соответствующий механизм правового регулирования может быть достаточно эффективным.

Исходя из приведенного определения общей правовой политики, может быть сформулировано определение правовой политики в сфере искусственного интеллекта. Это научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных органов и институтов гражданского общества по выработке стратегии и тактики правового регулирования, созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в целях оптимизации сферы применения роботизированных технологий и систем искусственного интеллекта, обеспечения процессов интеграции данных технологий и аппаратов, основанных на искусственном интеллекте, в социальную жизнь.

Чтобы любая правовая политика могла воплощаться в жизнь, ее нужно выстроить, т.е. выработать ее идейно-целевую основу⁴.

Выстраивание правовой политики в сфере искусственного интеллекта — это деятельность государственных органов, осуществляемая с привлечением институтов гражданского общества и направленная на выработку, концептуальное и нормативное оформление и закрепление правовых идей стратегического характера, сориентированная на наиболее приемлемую для данного общества

¹ Понкин И.В., Редькина А.И. Указ. соч. С. 91–92.

² Малько А.В. Теория правовой политики: монография. — М., 2012. — С. 32.

³ Там же.

⁴ Давыдов П.А. Субъекты правовой политики в Российской Федерации: монография. — М., 2014. — С. 29–30.

и государства организацию сферы применения роботизированных технологий и систем искусственного интеллекта.

Механизм выстраивания правовой политики в сфере искусственного интеллекта — это комплекс политико-правовых, научных и других средств, методов, приемов, посредством которых выражается отношение субъектов к проблеме искусственного интеллекта, проектируются необходимые новации данной сферы общественных отношений, вырабатывается, концептуально и нормативно оформляется стратегия ее развития.

В качестве основной цели данной деятельности выступает оптимальная для данного общества степень интеграции роботизированных технологий и аппаратов, основанных на искусственном интеллекте, в жизнь общества, выработка стратегии правового развития данной сферы в расчете на определенный временной период, ее концептуальное и нормативное (юридическое) оформление.

Какие же положения следует учитывать при выстраивании правовой политики в сфере искусственного интеллекта?

В настоящее время Россия находится в самом начале эпохи передачи людьми полномочий в самых разных областях системам под управлением искусственного интеллекта. Применительно к правовой жизни — это такие, например, вопросы, как «принятие решений роботами в области гражданского делопроизводства и применения силы при отсутствии этической прозрачности, существующей в мире людей»¹.

В ходе дискуссий, активно ведущихся в Интернете, отмечается, что «к 2020 году почти три четверти информации будет создаваться электронными устройствами. <...> Уже сейчас появляются прототипы роботов-водителей, полицейских, музыкантов, врачей, космонавтов, юристов и брокеров, и в будущем этот список будет расширяться. Встает вопрос о правах и обязанностях роботов, а также о том, могут ли информационные объекты обладать свободой воли/выбора»².

Есть все основания утверждать, что искусственный интеллект в ближайшее время войдет в юридическую практику. Роботы будут брать на себя рутинные операции, но не отнимать рабочие места у людей. Речь идет о роботизации таких процессов, как управление

¹ Закрытая экспертная дискуссия клуба «Валдай» и АО «РВК» «Юриспруденция: что ждет право в эпоху роботов и искусственного интеллекта?» [Электронный ресурс]. — URL: <http://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/yurisprudentsiya-i-iskusstvennyy-intellekt-nastupaet-epokha-bespretsedentnykh-vuzovov/> (дата обращения: 21.09.2019).

² Там же.

затратами на приобретение доступа к информации, поиск правильной внешней экспертизы для получения доказательной юридической базы и определение соответствия документов нормативным требованиям. Иными словами, искусственный интеллект возьмет на себя то, что приносит юристам наименьшее профессиональное удовлетворение, позволяя им креативно заняться бесчисленными новыми вызовами, которые возникнут с приходом искусственного интеллекта в юриспруденцию.

Существенным препятствием на пути выстраивания правовой политики в рассматриваемой сфере являются российская система права и постоянные изменения в законодательстве. Например, считается, что нейросеть легче обучить на законодательной базе США, поскольку изменения в законодательстве там происходят намного реже, а судебная практика стабильна¹.

Тем не менее искусственный интеллект и в нашей стране уже делает определенные успехи. Президент РФ В.В. Путин поручил правительству продумать *национальную стратегию развития искусственного интеллекта*. Соответствующий пункт содержится в опубликованном 31 января 2019 г. на сайте Кремля перечне поручений по итогам заседания наблюдательного совета Агентства стратегических инициатив, состоявшегося 15 января. Президент установил сроком исполнения этого поручения 25 февраля 2019 г. В тот же день — 31 января, когда было опубликовано поручение Президента России, на сайте ООН был представлен первый Доклад Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), посвященный развитию искусственного интеллекта. С середины 50-х гг. прошлого века изобретатели и исследователи подали заявки на почти 340 тыс. изобретений на основе искусственного интеллекта. Более половины всех изобретений, связанных с искусственным интеллектом, были запатентованы после 2013 г.²

Эксперты отмечают, что в последнее время увеличилось число патентных заявок на использование искусственного интеллекта в робототехнике. В 2013 г. их было 622, а в 2016 — уже 2272. Ведущее место занимает транспортный сектор: в 2016 г. на его долю приходилось 8764 патента. 6684 поданных заявки были связаны со

¹ Автоматизация права: сможет ли искусственный интеллект справиться с юридическими задачами? [Электронный ресурс]. — URL: https://zakon.ru/blog/2018/3/20/avtomatizaciya_prava_smozhet_li_iskusstvennyj_intellekt_spravitsya_s_yuridicheskimi_zadachami (дата обращения: 23.09.2019).

² Овчинский В., Бинецкий А. Судья с искусственным интеллектом [Электронный ресурс]. — URL: http://zavtra.ru/blogs/sud_ya_s_iskusstvennim_intellektom (дата обращения: 15.09.2019).

сферой коммуникаций. В медицине, где искусственный интеллект активно применяется, например, в роботехнике, число заявок в 2016 г. достигло 4112, что на 40% больше, чем в 2013 г. В секторе персональных устройств, вычислительной техники и взаимодействия человека с компьютером число заявок в 2016 г. составило 3977, что на 36% больше, чем в 2013 г. В числе лидирующих направлений использования искусственного интеллекта — сфера безопасности. Применение искусственного интеллекта в юриспруденции находится в самой нижней строке рейтинга¹.

Российские и зарубежные исследователи проблем использования искусственного интеллекта в правосудии и правоохранительной деятельности нередко задаются вопросами об этичности этого процесса. Высказываются предположения о том, что использование ИИ в правосудии таит опасность сделать человека, его права и свободы уязвимыми, а само правосудие бесчеловечным и формальным.

Для того чтобы развеять эти сомнения, в мировом сообществе делаются первые шаги. Так, в декабре прошлого года Европейской Комиссией одобрена Европейская Этическая Хартия использования искусственного интеллекта в судебной и правоохранительной системах.

Европейская комиссия официально приняла пять фундаментальных принципов, содержащихся в Европейской Этической Хартии использования искусственного интеллекта в судебной и правоохранительной системах. Эти принципы, как представляется, могут быть положены в основу при выстраивании правовой политики в сфере искусственного интеллекта.

Принцип первый — уважение фундаментальных прав. Необходимо убедиться, что разработка и использование инструментов и услуг искусственного интеллекта совместимы с основными правами личности. О необходимости развивать сферу искусственного интеллекта таким образом, чтобы максимально защитить человека от нарушения им норм права в автоматическом режиме, пишут многие ученые-юристы².

Принцип второй — недискриминация.

Принцип третий — качество и безопасность. Принимая закон о робототехнике, законодатель должен максимально учитывать все возможные проблемы, которые могут возникнуть при обеспечении

¹ Овчинский В., Бинецкий А. Судья с искусственным интеллектом [Электронный ресурс]. — URL: http://zavtra.ru/blogs/sud_ya_s_iskusstvennim_intellektom (дата обращения: 15.09.2019).

² Голоскоков Л.В. Теория сетевого права: практика и перспективы ее внедрения в России // Власть закона. 2019. № 1. С. 20–41.

безопасности использования роботов в потенциально сильно изменившейся окружающей человека среде¹.

Принцип четвертый — прозрачность. В судебной системе и правоохранительных органах искусственный интеллект может использоваться только в том случае, если его реализация обеспечивает прозрачность, включая доступность и понятность исходных больших данных.

Принцип пятый — пользовательский контроль. При применении искусственного интеллекта в судебной и правоохранительной сферах необходимо сделать так, чтобы все пользователи системы были проинформированы участниками и эксплуатировали искусственный интеллект только в том случае, если могут разобраться в алгоритмах и способах его применения. Судебные работники всегда должны понимать и знать, на чем основываются выводы, которые предлагаются им как автоматизированное экспертное мнение.

Вопрос применения искусственного интеллекта в правовой жизни, особенно в судебной и правоохранительных сферах, — это не вопрос технологий и информационной политики, а политическая и отчасти социально-психологическая проблема.

В России противники применения искусственного интеллекта в судебной системе апеллируют к тому, что у нас не прецедентное право, поэтому нельзя основываться в судебных решениях на аналогии уголовных дел. При этом игнорируется то, что судьи всегда основываются на своем прошлом опыте по делам об аналогичных составах преступления, опыте региональных судей, решениях Конституционного Суда РФ и постановлениях Президиума Верховного Суда РФ, которые по сути своей — разновидность прецедентного права².

Так почему же российским судам нужен искусственный интеллект?

Выступая 12 февраля 2019 г. на совещании-семинаре судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов России председатель Правительства РФ Д.А. Медведев подчеркнул, что «в стране продолжается работа по цифровизации судебной системы. В банке автоматизированной системы ГАС «Правосудие» уже более 80 млн дел. В прошлом году суды общей юрисдикции приняли бо-

¹ *Филипова И.А.* Правовое регулирование искусственного интеллекта: регулирование в России, иностранные исследования и практика // Государство и право. 2018. № 9. С. 79–88; *Голоскоков Л.В.* Философское осмысление проблем безопасности в контексте внедрения информационных технологий // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14 / РАН. ИНИОН; Отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2019. Ч. 2. С. 166–171.

² *Гук П.А.* Судебный прецедент как источник права. — Пенза, 2003; *Гук П.А.* Судебное нормотворчество: теория и практика. — Пенза, 2009.

лее 500 тыс. заявлений в электронном виде, и более 250 тыс. заявлений поступило в арбитражные суды. Активно ведется работа по размещению в Интернете решений судов. В базе данных Верховного суда уже более 600 тыс. дел»¹.

На наш взгляд, это только первые шаги, которые должны вести к использованию российскими судами искусственного интеллекта. Многие задачи, которые выполняют юристы и адвокаты, очень трудоемкие, утомительные и дорогостоящие. При этом существует риск ошибок и неточностей в работе специалистов.

Создание и использование искусственного интеллекта не является попыткой заменить человека (судью, прокурора, следователя и адвоката) в процессе принятия решений по всем направлениям судопроизводства.

Главная цель — максимальная объективность и сокращение сроков на принятие решений или получения достоверной информации с помощью искусственного интеллекта. На уже упомянутом совещании — семинаре судей Д.А. Медведев особый акцент сделал на нагрузке судей. Если в 2017 г. 33 тыс. судей страны рассмотрели 28 млн дел, то в 2018 г. уже более 31 млн дел. Причем прогнозируется постоянный рост числа дел для рассмотрения.

Внедрение искусственного интеллекта, таким образом, может рассматриваться как вынужденная мера для обеспечения качественной и эффективной судебной защиты прав наших граждан. Полноценное его внедрение дает колоссальные возможности по изменению ситуации в правосудии как по уголовным, так и по гражданским делам.

Противники внедрения ИИ в судопроизводство часто говорят: если мы не можем научить человека, как стать идеальным судьей, почему мы думаем, что сможем обучить этому искусственный интеллект? Нам кажется, что это — ложное утверждение.

Судьи имеют определенную свободу при принятии решений, которая не подчиняется алгоритмам. Искусственный интеллект может подсказать судье, допустим, как принять решение по конкретному делу на основе анализа прецедентов или судебной практики по данной категории процессов. Или же — дать совет сторонам решить спор до суда.

¹ Выступление Дмитрия Медведева на совещании-семинаре судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов России 12 февраля 2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://government.ru/news/35709/> (дата обращения: 25.09.2019).

Качественный искусственный интеллект резко снижает произвольное толкование норм права и многократно уменьшает возможности административного давления на следователей прокуроров и судей, а с другой стороны, позволяет выявлять сомнительные решения и приговоры (скажем, на предмет коррупционной составляющей или даже в случаях самооговора). Внедрение искусственного интеллекта может существенно изменить всю картину восприятия гражданами системы правосудия в России.

По описанным выше обстоятельствам правовое обеспечение искусственного интеллекта должно развиваться последовательно (хотя и интенсивно), с учетом предварительного исследования всех рисков, которые возможно предположить на современном этапе развития технологий, и специфики использования искусственного интеллекта в различных сферах жизни. При этом существенно важно, необходимо обеспечить баланс между интересами общества и отдельными индивидами, в том числе безопасность и необходимость развития инноваций в интересах общества.

Характерной чертой современного общественного развития является то, что всё большее и определяющее место во всех социальных процессах занимает информационный ресурс. Объективным условием прогресса становится адаптация институтов государственной власти, государственного управления, всех социальных институтов управления с обеспечением баланса различных слоев и групп общества на основе более глубокой информированности и появления общего понимания сложностей современного эффективного функционирования и необходимости мобилизации гуманитарных механизмов на их преодоление. Организующим центром в этих процессах остается государство и его способность взаимодействовать с другими активизирующими субъектами общества.

В информационной проблеме тема государства обозначена как «электронное правительство» (более точно — «электронное управление»). Особое значение в деле повышения эффективности российской государственности имеет включение технологий, связанных с искусственным интеллектом, в систему властных, организационных структур общества в целях концентрации усилий всех ветвей и механизмов государственной власти, повышения качества их информирования, информативности принимаемых ими решений и информационного взаимодействия с другими институтами общества в процессе деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления. Эти задачи самым непосред-

ственным образом включают рассматриваемую сферу в ткань административной реформы.

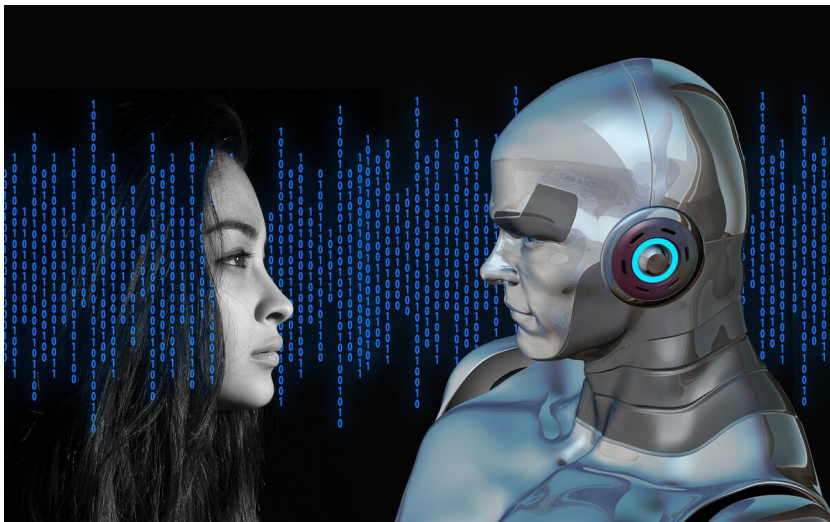
В условиях высокого уровня правового нигилизма граждан, с одной стороны, и низкого уровня авторитета государственной власти в современном обществе, с другой, особое значение приобретает поиск новых правил и форм взаимодействия государства и общества в интересах сохранения их целостности и для безопасного развития всех и каждого. Речь идет о государстве, имеющем в своем арсенале информационную функцию, одним из важнейших направлений реализации которой является обеспечение открытости органов государственной власти для граждан, решение проблемы информационного взаимодействия органов власти как между собой, так и с гражданами. Особенно перспективным в этом плане становится «электронное управление» (*e-government*), т.е. новая интерактивная форма взаимоотношений субъектов в области государственного управления (взаимоотношения государства с гражданами и их объединениями, а также государственных органов между собой).

Современный образ государства — «активизирующее государство», оставляющее как можно больше места для общества и гражданской активности (прежде всего в правовой жизни), функционирующее под девизом: активизировать, а не администрировать. То, что общество может сделать не хуже или даже лучше, чем государство, оно должно делать само. Следовательно, реальное существование информационной функции государства предопределяет необходимость ее четкого правового оформления. Это позволит поднять на более высокий качественный уровень отношения между личностью и государством, создать новый порядок, тип этих отношений, который можно назвать электронной (цифровой) демократией. Вполне может идти речь об электронном государстве — качественно новом уровне конституционного правового социального государства.

Роль государства и его властных структур в этом процессе невозможно недооценивать. Все задействованные в деле общественного прогресса ресурсы государства, призванные реагировать и обеспечивать соответствующие процессы социальной жизни, в первую очередь связаны с информацией. Поиск путей ее наиболее рациональной организации и использования, формирование и обеспечение качества той ее части, которая оформляет направления государственной, публичной организации — прежде всего правовой информации, — важнейшая задача субъектов выстраивания правовой политики.

Список литературы

1. *Голоскоков Л.В.* Теория сетевого права: практика и перспективы ее внедрения в России // *Власть закона.* 2019. № 1. С. 20–41.
2. *Голоскоков Л.В.* Философское осмысление проблем безопасности в контексте внедрения информационных технологий // *Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14 / РАН, ИНИОН; Отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2019. Ч. 2. С. 166–171.*
3. *Гук П.А.* Судебное нормотворчество: теория и практика. — Пенза: Информационно-издательский центр Пензенского гос. ун-та, 2009. — 148 с.
4. *Гук П.А.* Судебный прецедент как источник права: монография. — Пенза: Информационно-издательский центр Пензенского гос. ун-та, 2003. — 176 с.
5. *Давыдов П.А.* Субъекты правовой политики в Российской Федерации: монография. — М.: Юрлитинформ, 2014. — 232 с.
6. *Малько А.В.* Теория правовой политики: монография. — М.: Юрлитинформ, 2012. — 328 с.
7. *Мамычев А.Ю., Гайворонская Я.В., Мирошниченко О.И.* Современные доктринально-правовые и этические проблемы разработки и применения роботизированных технологий и систем искусственного интеллекта (на примере автономных необитаемых подводных аппаратов) // *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.* 2018. № 3. С. 135–150.
8. *Понкин И.В., Редькина А.И.* Искусственный интеллект с точки зрения права // *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки.* 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.
9. *Филипова И.А.* Правовое регулирование искусственного интеллекта: регулирование в России, иностранные исследования и практика // *Государство и право.* 2018. № 9. С. 79–88.

ЧАСТЬ II

**Этическое и деонтологическое
кодирование процессов
разработки и применения систем
искусственного интеллекта
и роботизированных технологий**

2.1. К вопросу об этических принципах использования искусственного интеллекта

Волобуев С.

В соответствии с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта разработка этических правил взаимодействия человека и искусственного интеллекта является одним из приоритетов.

Следует учесть при разработке соответствующих этических норм, а самое главное — в практике, следующие принципы:

1. Принципы достоинства, свободы и прав человека должны неукоснительно соблюдаться во всех сферах жизнедеятельности человека, общества и государства, в том числе при внедрении в них систем искусственного интеллекта.
2. Искусственный интеллект является продуктом разумной человеческой деятельности, проекцией свойств человеческой природы, и его ценность ни при каких обстоятельствах не может быть выше ценности человека или равной ценности человека.
3. Информация о человеке, обществе, мире никогда не является исчерпывающей при любых ее объемах, поэтому следует избегать рассмотрения результатов ее обработки системами искусственного интеллекта в качестве безальтернативных, не подлежащих критической оценке и пересмотру.
4. Результаты деятельности систем искусственного интеллекта подлежат общественному этическому контролю. Решения систем искусственного интеллекта, отрицающие достоинство, свободу и права человека, ценность каждой человеческой личности и жизни, открытость и многовариантность будущего, ничтожны, а их практическая реализация должна преследоваться по закону.
5. Использование систем искусственного интеллекта во всех сферах жизнедеятельности человека, общества и государства должно соотноситься с ценностными и культурными стандартами, разделяемыми большинством граждан.
6. При использовании систем искусственного интеллекта должны быть исключены риски нарушения фундаментальных прав и свобод человека и гражданина, политических, социальных и экономических прав.
7. Использование систем искусственного интеллекта не должно создавать угроз и рисков для исторически-сложившихся социальных общностей: семейно-родственных, национальных, культурных, территориальных.

8. Использование систем искусственного интеллекта не должно создавать угрозу свободе предпринимательской, трудовой, иной законной хозяйственной деятельности.
9. Использование систем искусственного интеллекта в сфере распространения массовой информации должно способствовать максимальной реализации прав граждан на информацию, культурных и образовательных прав.
10. Использование систем искусственного интеллекта для преднамеренной дезинформации граждан должно преследоваться по закону.
11. Передача любых властных полномочий системам искусственного интеллекта не допускается.

Наделение систем искусственного интеллекта, а также иных технических систем, правосубъектностью, правами и свободами недопустимо.

2.2. «Субъектность» роботов versus субъектность человека: этические пределы «Subjectivity» of robots versus human subjectivity: ethical limits

Беспалова Т.В.

До чего дошел прогресс — было времени в обрез,
А теперь гуляй по свету, хочешь с песней, хочешь без.
Позабыты хлопоты, остановлен век
Вкалывают роботы, счастлив человек...

В Великобритании в Салфордском университете прошла первая в мире научная конференция «Технологии и близость: выбор или принуждение», посвященная сексу с роботами. Несколько дней ученые обсуждали самые различные проблемы возможности любви и брака с роботами. Очевидно, что при таком подходе преодолевается сам человек, так как для любви годится его имитация, происходит разрушение не только религиозных и этических принципов, человек теряет свои родовые качества¹.

Первые идеи о возможности паритетных отношений человека и роботов возникают в сфере культуры, когда появляются идеи наделить робота человеческими качествами — умением мыслить, говорить, чувствовать. Изначально соблазн наделить роботов одушевленными чертами возникает в фантастической литературе, в литературно-философских утопиях, кинематографе («Приключения Электроника», «Боевой ангел» и др.) и, в конце концов, проникает в реальность, к которой человек оказался не совсем готов в моральном и этическом плане. Можно сказать, что сейчас соперничают две крайние мировоззренческие позиции по вопросу трактовки взаимодействия с роботизированными системами: восторженность от новых неограниченных возможностей человека, которые станут доступны с применением роботизированных систем, и страх перед возможным доминированием «неуязвимого» робота перед «слабым» человеком. Необходима выработка пограничной позиции, которая позволит осмыслить перспективы применения искусственного интеллекта с учетом иерархии значимых для человека ценностей.

Культурологические практики роботехники, национально-культурные основы кибербезопасности — в XXI в. эти и многие другие вопросы всё чаще становятся предметом научных исследований.

¹ Михайлов В.В. Интимные технологии как высшая форма самоуни(что)жения человека // Вестник Российского философского общества. 2019. Вып. 1–2 (89–90). С. 142.

Думается, что утопические прогнозы по поводу доминирования роботизированных систем в жизни человека сильно преувеличены, хотя бесспорно XXI в. уже стал временем, изменившим смысл привычных ценностей человека.

Как изменится восприятие важнейших ценностей человека (труд, свобода, счастье и т.д.) в условиях масштабного применения в сфере услуг роботизированных систем? Что должно было произойти с человеком, допустившим мысль о возможности вмешательства роботизированных систем в его духовное и душевное пространство? Можно ли доверить роботам поиск любви?¹ Каким должно быть этическое обоснование новой реальности с учетом необходимости сохранения сущностных черт человека? Каковы этические принципы разработки и применения роботизированных систем? Как сохранить человеческую природу?

Роботизированные системы — это не продолжение человека, а технология, которая позволяет решать сложные задачи, недоступные человеку. «Искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма)...»² Ключевое слово — «имитировать», а имитация мысли не имеет отношения к подлинному бытию.

В ноябре 2019 г. президент России Владимир Путин на конференции Artificial Intelligence Journey предложил сформулировать свод этических правил взаимодействия искусственного интеллекта и человека. Вести речь о взаимодействии не совсем точно. Понятие «взаимодействии» предполагает в рассматриваемом контексте обусловленность действий робота и человека, которая обнаруживается через проявление определенных свойств взаимодействующих сторон только в этом процессе. «ИИ как комплекс технологических решений» не может выступать паритетной стороной в этом взаимодействии, ИИ — это продукт интеллектуальной деятельности человека. Наиболее приемлемым представляется вести речь о *разработке и применении искусственного интеллекта человеком на основе разработанных учеными этических принципов*, поэтому считаем необходимым изменение п. 49 ж) Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. в соответствии с вышесказанным.

Роботизированные системы должны быть вписаны в иерархию значимых ценностей российской цивилизации и человеческой цивилизации в целом, что потребует преодоление человеком «пост-человеческого» в себе.

¹ Online романтика в сфере знакомств и т.д.

² П. 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ 10 октября 2019 г. № 490.

Список литературы

1. *Михайлов В.В.* Интимные технологии как высшая форма само-уни(что)жения человека // Вестник Российского философского общества. 2019. Вып. 1–2 (89–90). С. 142.
2. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденная Указом Президента РФ 10 октября 2019 г. № 490.

2.3. Робот и человек «третьей» природы: существуют ли естественные ограничения для искусственного интеллекта

Мордовцева Т.В.

Идея размежевания двух культур научного познания — гуманитарного и естественно-технического — принадлежала Ч. Сноу, который 60 лет тому назад высказывал глубокое сожаление о том, что ученые и гуманитарная интеллигенция оторваны друг от друга, между ними стоит «стена непонимания», затрудняющая продвижение обеих сторон в познании и понимании мира. Как утверждал Ч. Сноу, «среди художественной интеллигенции сложилось твердое мнение, что ученые не представляют себе реальной жизни и поэтому им свойствен поверхностный оптимизм. Ученые со своей стороны считают, что художественная интеллигенция лишена дара провидения, что она проявляет странное равнодушие к участи человечества, что ей чуждо всё, имеющее отношение к разуму, что она пытается ограничить искусство и мышление только сегодняшними заботами»¹. На этом основании он сделал вывод, что в середине XX в. без сближения двух культур познания и мировоззрений невозможно совершить прорыв в изучении тайн мироздания и человеческой души.

К концу же XX в. стало очевидным, что сближение двух культур востребовано не только логикой научного поиска, но и гуманитарными пределами научных экспериментов, затронувших сферу морали и права. Одной из самых ощутимых тенденций обогащения двух культур стала область информационно-технологической реконструкции мира, который, с одной стороны, создан по «объективным законам бытия», но, с другой стороны, зависим от выбора и положения субъекта как творца множественной неопределенности мира. Факт человека-творца, его технического гения, создавшего искусственный интеллект, стал необходимым условием новой реальности, ставшей, по сути, в наши дни «третьей» природой человека. Если «первой» природе — миру биологической материи, животных и человека разумного — некогда было противопоставлена «вторая» природа — мир культуры, возникший с момента «приручения» огня человеком, одомашнивания животных и появления орудий труда, — то теперь на его смену пришла «третья» природа — мир информационных технологий и роботов, воплотивший мечту человечества о достижении совершенных способностей.

¹ Сноу Ч.П. Две культуры и научная революция // Портреты и размышления. — М., 1985. — С. 196.

Таким образом, человек как феномен попал в пересечение трех миров, в равной мере определяющих его сущность и функции: человек — это результат биологической эволюции, продукт культуры и носитель цифровых технологий. Реальность, в которой живет человек, трехмерна — биосфера, культура, искусственный интеллект, каждая из них функционально определяет назначение и смысл людей. В биосфере главной задачей человека является продолжение рода, что обусловлено законами биологического разнообразия, в культуре — преобразование мира путем прироста материальных артефактов, что связано с принципами наследования социального опыта, в мире же искусственного интеллекта — создание сверхчеловека, популяции агрегатов (машин), нивелирующих различные ограничения естественного человека.

Как бы ни вытесняли друг друга каждая из указанных сфер, они определяют сущность человека и являются его неотъемлемой частью в равной мере, что гарантирует нам некую уверенность в границах их влияния. Однако оценивая агрессивные темпы экспансии цифровых технологий, вытесняющих традиционную культуру практически из всех зон ее прежнего распространения, исследователи видят очевидную угрозу ее тотального распространения и полного замещения природных объектов их цифровыми симулякрами. В своих прогнозах футурологи¹ рисуют перспективы практически полной подмены естественного мира искусственным интеллектом, а человечества — роботами. Чтобы каким-то образом предупредить возможные риски и угрозы, общество предлагает уже сейчас, пока искусственный интеллект находится под контролем, а роботы не претендуют на замещение основных жизнедеятельных функций человека, обосновать адекватную систему регуляции, создать такой нормативно-правовой механизм, который бы гарантировал соблюдение пределов и границ воздействия новых «агентов» на прежних субъектов юридических отношений.

Миметическое значение конструкта «Роботы заявляют о своих правах» свидетельствует о том, что человек готов им придать значимый статус и наделить полномочиями, а вместе с тем и приблизить к своему антропному облику. Очевидным трендом робототехники является как раз антропоморфизация автоматизированных механизмов, участвующих в непосредственной коммуникации с человеком. Желание человека сделать робота своей пока только «внешней» и когнитивно-функциональной копией отвечает глубинному (бессознательному) стремлению достижения совершенства. И в этом смысле он создает не просто новый мир, в котором

¹ *Келли К.* Эпическая история технологий.

его естественные, природные ограничения будут усовершенствованы за счет альтернативных, безграничных возможностей актантов, но и новую религию, основанную на вере во всемогущество искусственного интеллекта. Причем в этом стремлении поклоняться «умной машине» с человеческим обликом мы по-прежнему выступаем продуктами «второй природы», т.е. культуры. Вообще антропоморфное измерение робототехнических конструктов поражает своей направленностью на воплощение «культурного идеала». Поэтому мы смело можем утверждать, что в настоящее время «третья» природа существует в неотрывной связи со «второй», а человек всё еще увлечен разгадкой тайны собственного бытия, его, как и сотни веков назад, интересуют вопросы: кто он, и каково его предназначение на Земле?

Именно метафизическое непонимание сущности самих себя обрекает на «неизбежность» (К. Келли) гуманитарных пределов роста цифровой цивилизации. Конечно, широкомасштабное распространение роботизированных технологий, автономных цифровых алгоритмических систем с выходом на создание цифрового интеллекта промышленного типа можно признать неизбежным трендом ключевых изменений в ближайшие три или пять десятилетий, но их влияние вряд ли будет столь тотальным и господствующим. Вера в превосходство кибернетического интеллекта, способного полностью исключить или устранить человеческий разум из факторов прогрессивного влияния на развитие цивилизации на Земле, останется именно верой, а точнее утопической иллюзией техногенного мышления человека, «застрявшего» в пределах и ограничениях собственной идентичности.

Не случайно, говоря о ведущих тенденциях будущих десятилетий, К. Келли отмечал, что в это время человечество будет испытывать на себе непрекращающийся кризис идентичности, вызванный необходимостью поиска ответа на вопрос — зачем нужны люди? Если «программа» во всех сферах деятельности сможет заменить человека, то что тогда, по сути, утверждает ее человеком? Отвечая на этот вопрос, мы будем вынуждены признать, «что самой большой пользой от применения искусственного интеллекта в повседневной бытовой жизни будет не увеличение продуктивности, или создание экономики изобилия, или новый подход к науке», но то, что «он поможет определить природу человека. Искусственный интеллект нужен людям, чтобы понять, кто мы»¹.

¹ Келли К. Неизбежное. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее. — М., 2017. — С. 63–64.

Весьма спорное с философской точки зрения рассуждение К. Келли об идентичности человека опасно еще и тем, что гипертрофирует тотальность одного признака, элиминируя множество других. Когнитивная редукция «природы» человека оборачивается полным забвением его остальных психических проявлений: ощущений, восприятия, воображения, эмоциональности, настроения и т.п. Не будем забывать, что интеллект человека не изолирован от высшей нервной деятельности, от психических функций мозга, которые и определяют в совокупности «природу» и «сущность» человека.

Что же касается искусственного интеллекта, то перечисленные выше признаки для него излишни, поскольку его предназначение ограничено когнитивным функционалом в совершении конкретных вспомогательных действий, помогающих человеку в достижении поставленных им целей и задач. Фантастичность сценария психоэмоционального симулирования антропоморфных механизмов или автоматизированных систем программирования заключается именно в том, что умная машина не нуждается в теле желаний. Поэтому идентичность с ней человека полностью исключена. Более того, весьма вероятно, что эксперименты антропоморфного изобретения робототехнических систем управления очень быстро прекратятся по причине их нецелесообразности. Поскольку, чтобы роботу быть «роботом, заявляющим о своих правах», ему не обязательно становиться похожим на человека.

В качестве аргумента в защиту тезиса о скором отказе от антропоморфных робототехнических изобретений можно привести пример с роботом «Федором» (FEDOR — Final Experimental Demonstration Object Research), который не так давно стал участником космического эксперимента, а до этого он прошел испытание, включавшее в себя преодоление полосы препятствий, перемещение и действия в условиях городской инфраструктуры, манипулирование ручными инструментами и вождение автомобиля. Несмотря на то, что Федор в отличие от других роботов был более успешен в части того, чтобы самостоятельно забраться внутрь машины и выбраться наружу, поскольку имел нижние конечности, имитирующие человеческие, для выполнения задач в космосе «ноги» оказались излишними. В одном из отчетов о работе Федоре отмечалось, что «новое поколение Федоров будет другим, не таким антропоморфным. У роботов отберут ноги: оказывается, на МКС они особо и не нужны <...> То есть не было никакого смысла посылать именно человекоподобную

машину»¹. К такому заключению пришли специалисты, для которых помощь робота как умной машины оценивалась с точки зрения технической полезности, а не утопической идеи изобретения внешне подобной копии человека.

Аналогично можно сказать, что программирование искусственных психических функций, включая способности эмоционального ответного реагирования в различных коммуникативных ситуациях у таких типов роботов, как гуманоиды и андроиды, не станет определяющей функцией и, вероятнее всего, останется в пределах использования в качестве умной игрушки или аниматора при организации различных мероприятий.

И тем не менее появление роботизированной техники, автономных управляемых систем, искусственного интеллекта, имеющих большее или меньшее фенотипическое сходство с человеком, стало частью «третьей» природы, в которой человек заново определяет свою идентичность и устанавливает пределы роста новой цивилизации. Именно пределы цифровой тотальности должны сейчас рассматриваться как ключевая проблема сохранения баланса «второй» и «третьей» природы, безопасности естественной среды организмов, имеющих объективные ограничения своей жизнедеятельности и функционирования при условии гипертрофированного роста цифровых аналоговых систем, устраняющих «недостатки» естественного интеллекта.

Список литературы

1. *Келли К.* Неизбежное. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее. — М., 2017. — С. 63–64.
2. *Келли К.* Эпическая история технологий.
3. *Осовцов Д.* Что ты такое? Зачем на самом деле нужен робот Федор (кроме мемов) [Электронный ресурс]. — URL: www.https://4pda.ru/2019/08/28/360913/ (дата обращения: 19.09.2019).
4. *Сноу Ч.П.* Две культуры и научная революция // Портреты и размышления. — М., 1985. — С. 196.

¹ *Осовцов Д.* Что ты такое? Зачем на самом деле нужен робот Федор (кроме мемов) [Электронный ресурс]. — URL: www.https://4pda.ru/2019/08/28/360913/ (дата обращения: 19.09.2019).

2.4. Онлайн-романтика: этические проблемы внедрения технологий искусственного интеллекта в сервисы знакомств

Панкратова Л.С.

Обеспечение демографической безопасности и сохранение института семьи в качестве основной единицы социальной структуры общества являются одними из приоритетных задач современной российской государственной политики. Усилия государственных институтов направлены как на социально-экономическую поддержку уже сложившихся союзов, так и на формирование у населения представлений о привлекательности и важности семейного образа жизни. Последнее имеет особую актуальность в настоящее время в условиях происходящих глобальных кардинальных культурных трансформаций в сфере интимных и эротико-эмоциональных отношений — сексуальной, семейной и гендерной революций. Выполнение функций социального института семьи (социализации, экономической, психоэмоциональной и проч.) возможно вне рамок зарегистрированных официальных отношений. Либерализация сексуальной морали, постепенное исчезновение двойных стандартов в вопросах полового поведения, супружеских обязанностей и родительства для мужчин и женщин, возрастание роли интимности (эмоциональной, интеллектуальной, физической близости) в качестве основного мотива для образования пары приводят к структурным и содержательным изменениям процесса создания социальных связей в частной жизни.

В то время как внимание экспертов и государства привлекает вопрос поддержания устойчивости семьи, ключевым проблемным моментом в обществе, на наш взгляд, оказывается возникновение и институционализация собственно пары (от знакомства до начала совместного проживания, момента установления постоянных отношений). Перед индивидом стоит проблема того, где и как найти партнера. Данные опросов, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), демонстрируют доминирование среди населения успешности использования личных, частных (друзья, родственники) и профессиональных (коллеги по работе, учебе) социальных сетей в поиске второй половины — 35%, и 26% респондентов соответствующими способами нашли своих партнеров. При этом набирающим популярность, особенно среди молодежи и молодых взрослых (представителей возрастных групп 18–35 лет), альтернативным пространством для

романтических знакомств становится Интернет (социальные сети, сайты и приложения для знакомств и проч.). Согласно информации, опубликованной на сайтах ведущих сервисов данных услуг, количество зарегистрированных пользователей по состоянию на август 2019 г. составляет более 445 млн во всем мире в социальной сети знакомств Badoo (11 млн посещений в месяц в российском сегменте по состоянию на январь 2019 г. в соответствии с аналитическими отчетами компании SimilarWeb), более 40 млн в системе Mamba (количество посещений в месяц в Рунете также превышает 10 млн).

Подобный вектор модернизации схем работы сервисов онлайн-знакомств — агрегирование и использование большого объема информации о пользователях (в том числе той, которую они не стремились делать общедоступной) с помощью технологий искусственного интеллекта, а также роботизация романтического общения, — позволяет говорить о растущей уязвимости индивида в коммуникативном пространстве сети Интернет. В этой связи актуализируются вопросы об этических принципах, культурных нормах и ценностях, определяющих процессы разработки и применения систем искусственного интеллекта и роботизированных технологий в индустрии онлайн-знакомств. Особого внимания заслуживают проблемы и возможности политико-правового регулирования в сфере обеспечения информационной безопасности граждан.

Цель настоящего доклада заключается в выявлении, концептуализации и проблематизации этических аспектов деятельности индустрии онлайн-знакомств в связи с тенденцией внедрения технологий искусственного интеллекта в современные сервисы, а также рассмотрении направлений и возможностей ее деонтологического кодирования в современном российском обществе.

Для концептуализации и выработки понимания того, каким образом сервисы онлайн-знакомств (ре)организуют социальную реальность, представляется целесообразным обратиться к теории макдональдизации общества, предложенной современным американским социологом Джорджем Ритцером. Предлагаемая логика рассмотрения вектора развития общества — рост формальной рационализации во всех сферах жизни, в том числе частной, — позволяет определить принципы, лежащие в основе функционирования данных сайтов и приложений, а также паттернов коммуникативного поведения их пользователей. Рационализация предполагает эффективную организацию деятельности социальных субъектов для достижения поставленных целей: вы-

бор оптимальных средств для решения задачи; просчитываемость (количественное измерение успешности и качества); предсказуемость (единообразие и понятность алгоритма действий); контроль (регламентация и управление действиями человека). Рационализация интимной жизни как тенденция современности заметна в повседневном и научном дискурсах о поиске романтического, сексуального, брачного партнера в реальном и виртуальном пространствах.

Дискурс, с одной стороны, отражает реальность, а с другой — участвует в ее конструировании. Нередко описание представлений и опыта подбора, выбора второй половинки в Интернете осуществляется индивидами в экономических терминах, метафорах рынка, законах маркетинга: определение сцены как брачного рынка, личного профиля — как витрины магазина; проведение оценки собственной стоимости на рынке онлайн-знакомств, а также стоимости потенциальных кандидатов; поиск стратегий продвижения себя в сети и т.д. Поиск романтического партнера на специализированных ресурсах построен в соответствии с алгоритмом потребления товаров в магазине («relationshopping»). Таким образом, индустрия онлайн-знакомств предстает как система организации массовых романтических «встреч», т.е. позволяет знакомить большое количество людей в ограниченные сроки.

Использование систем искусственного интеллекта и роботизированных технологий на платформах онлайн-знакомств становится всё более отчетливым трендом развития данной индустрии (активное распространение чат-ботов, возможностей распознавания лиц, анализ персональной информации в социальных сетях и т.д.), отражающим логику макдональдизации романтических отношений в современном обществе. Интересным и показательным примером является американское приложение онлайн-знакомств Artificial Intelligence Matchmaking Service (AIMM), название которого можно перевести на русский язык как «Сервис поиска пары на основе искусственного интеллекта».

Для реализации социокоммуникативных задач в приложении AIMM используются следующие технологии:

- суперкомпьютер IBM Watson, распознающий естественный язык благодаря встроенным системам искусственного интеллекта, что позволяет осуществлять вербальную коммуникацию между пользователем и сервисом: проводить интервьюирование, консультирование клиента;
- технологии искусственного интеллекта для распознавания лиц и эмоций;

- анализ персональной информации (social data mining) является необходимым условием для автоматизированного подбора партнеров в приложении, алгоритмы которого основаны, как и в современном интернет-маркетинге, на предсказательной аналитике и рекомендательных системах;
- персонализированный маркетинг по мысли создателя приложения призван редуцировать чувства тревожности и неуверенности, вызываемые высоким уровнем конкуренции на ресурсах, работающих в духе «relationshopping», за счет автоматического и более точного подбора системами искусственного интеллекта ограниченного круга кандидатов (2–4 человека на выбор) для клиента.

Этические проблемы агрегирования и использования персональных данных клиентов, ограничения автономности решений пользователей, необъективности и предвзятости искусственного интеллекта требуют обсуждения и поиска адекватных решений как со стороны общественно-политических институтов, профессионального сообщества, так и индивида. Деонтологическое кодирование процессов создания и применения систем искусственного интеллекта направлено на соблюдение таких нравственно-этических принципов, как: обеспечение автономности решений и действий пользователей; безопасность использования; защита частной жизни и данных; прозрачность работы технологии; дизайн систем, свободных от алгоритмических пристрастностей и необъективности, принимающий во внимание культурную специфику общества.

Одной из основных задач наднациональных и государственных политических институтов оказывается разработка соответствующей нормативно-правовой базы, призванной минимизировать не только технологические, но и этические риски (Указ Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»; Руководство по этике в отношении искусственного интеллекта Европейского парламента; конференции Организации Объединенных Наций). Однако вопрос о степени вмешательства государства, например, в деятельность сервисов онлайн-знакомств, остается дискуссионным. Институты гражданского общества, в частности, общественные и экспертные некоммерческие и неправительственные организации, такие как например Международная организация по стандартизации (International Organization for Standardization), способны осуществлять мониторинг соблюдения и нарушения этических принципов работы соответствующих ресурсов, а также разрабатывать стандарты, в соответствии с кото-

рыми могут использоваться услуги, основанные на работе систем искусственного интеллекта и роботизированных технологий.

Для минимизации этических рисков представляется целесообразным создание и внедрение этического кодекса провайдеров услуг в индустрии онлайн-знакомств. При этом важной задачей является формирование культуры (нравственных принципов, установок, норм) использования, взаимодействия клиентов на ресурсах для романтических отношений с учетом особенностей развития современной информационно-коммуникативной среды.

2.5. Расширение субъектного состава социально-правовых отношений: вероятные пути развития

Бойчук Д.С.

Аннотация. Статья посвящена анализу существующих на сегодняшний день участников социальных отношений и прогнозированию появления новых. Автор отталкивается от существующей в литературе идеи о том, что сегодня субъектами права могут быть признаны (помимо людей в виде физических и юридических лиц) умершие люди, животные, растения и роботы. Приведен тезис о том, что наука юриспруденции в отраслевых исследованиях уже разрабатывает подходы к определению разных элементов правосубъектности искусственного интеллекта. В то же время комплексный общетеоретический подход к характеристике правосубъектности ИИ отсутствует. В статье указано, что современные достижения научно-технического прогресса дают поводы прогнозировать вероятное расширение указанного перечня субъектов.

Автор, основываясь на собственных предыдущих публикациях, делает вывод о том, что даже если сегодняшний уровень развития аэрокосмической отрасли далек от возможности реального контакта с инопланетной цивилизацией, то юридическая наука достаточно развита для того, чтобы прогнозировать наиболее вероятные пути развития такого контакта. На основе этого должен быть разработан алгоритм действий человечества в таком случае (с последующим его закреплением в международном праве).

В статье ставится вопрос о критериях, основываясь на которых возможно делать вывод о правосубъектности новых участников социально-правовых отношений как о субъектах права.

2.5. Enlarging of the Subject Composition of Socio-Legal Relations: Probable Ways of Development

Boichuk D.S.

Summary. The article is devoted to the analysis of the existing social relations participants and the prediction of the emergence of new ones. The author relies on the idea existing in the literature that today as a subject of law can be recognized (aside from people in the form of individuals and legal entities) dead people, animals, plants and robots. The thesis that the science of jurisprudence in sectoral studies is already developing approaches to the definition of the delictability of artificial intelligence is given. At the same time, an integrated general theoretical approach to the characterization of the legal capacity of AI is currently absent. The article states that modern achievements of scientific and technological progress give reasons to predict the probable enlarging of the above list of subjects.

The author, basing on his own previous publications, concludes that even if the current level of development of the aerospace industry is far from the possibility of real contact with an alien civilization, the legal science is sufficiently developed to predict the most probable ways of development of such a contact. On the basis of this, an algorithm should be developed for the actions of mankind in that case (with its subsequent consolidation in international law).

The article raises the question of the criteria basing on which it is possible to draw a conclusion about the legal capacity of new participants of social-legal relations as subjects of law.

Introduction. The enormous amount of works of legal scholars is devoted to the topic of the subject of law, which characterize it both from the standpoint of the general theory and philosophy of law, and in the context of specific sectoral sciences. In fact, such a topic seems to be so developed in science that it becomes almost impossible to discern any likely scientific novelty. In general, the doctrine of the subject of law (regardless of the branch of law) is always in one way or another connected directly with a human or their groups of different sizes, united by various characteristics. Even if we are talking about legal entities, they are still the set of individuals, i.e. humans. In philosophy, the subject is considered to be the carrier of the specifically-practical activity with a creative beginning in the cognitive process, a person who exercises social activity. From the point of view of a general theory, a subject of law is a

carrier of potential or real legal rights and obligations, a carrier of possibilities of a certain behavior guaranteed by the norms of positive law¹. Thus, it is logical to conclude that the entire modern theory of the subject of law is currently limited exclusively by the human component, has an anthropological nature: the subject of law, which is qualitatively different in its origin from the biological species *homo sapiens* is absent. That obvious (and seemingly inflexible) conclusion will be considered as a starting point of our research.

Current trends in the development of the world at the moment do not give real reasons to talk about the need to recognize any other subject of law that is not based on human nature. However, the mentioned tendencies give unambiguous reasons to speak about the probable appearance of new subjects of law in the future and, accordingly, about the need to predict ways of such development. Therefore, the identification of probable ways of enlarging of the subject composition of socio-legal relations is the goal of our research.

Before proceeding directly to the main part of our research, we consider it necessary to make the following remark. We understand that the ideas below can be taken differently by the reader and may seem like scientific romanticism. However, we believe that the history of the development of mankind has repeatedly shown examples of being ahead of their time by the achievements of science and technology of the earlier projected timing of their appearance. Therefore, we consider as an important task a proactive scientific development, which in the future may become the basis for legislative regulation of not yet existing, but forward-looking and probable social relations. That means, that the above stated goal of our research should be considered achievable within the framework of the scientific forecasting function.

Main part. As it was mentioned earlier, the development trends of the modern world and science already give reasons to talk about different approaches about the definition of the term «subject of law» D.A. Gudyman points out that from the standpoint of the general theory of law, it is possible to deprive a person of a central place in the world order due to the recognition as a subjects of law of deceased people, animals, plants or robots². The author develops the idea, saying that it is possible to sub-

¹ Велика українська юридична енциклопедія: у 20 т. — Харків: Право, 2017. Т. 3: Загальна теорія права. — С. 753; *Гудима Д.А.* Поняття «суб'єкт права»: до сучасних дискусій // Бюлетень міністерства юстиції України. 2003. №10.

² *Гудима Д.А.* Сучасні тенденції в інтерпретації поняття «суб'єкт права» // Антропологія права: філософський та юридичний виміри (стан, проблеми, перспективи): матеріали Міжнародного «круглого столу» (м. Львів, 4–5 грудня 2009 р.). — Л., 2009.

stantiate humans and robots-anthropoids having general legal capacity, while in plants and animals having special legal capacity (as the ability to have exclusively rights). That approach makes it possible to consider the carriers of special legal capacity as incapable, which have a kind of “guardians” who have the right to represent their «wards». The author quite rightly points out that, as a result, there is a need for revising the concept of complementarity of rights and obligations: recognizing the rights of plants and animals, it is necessary to clarify that such subjects have responsibilities within their species and cannot be owed to humans. In the context of anthropoid robots, the author proposes a different approach: since at the moment they depend on the human for their development, it is clear that the programming of their behavior should include obligations towards people¹.

In general, agreeing with the ideas of the author, we consider it is necessary to make several clarifications. We point out that the term “anthropoid” was originally used to refer to great apes², later it is used to designate any other living creature or artificially created object similar to human. Therefore, we believe that the term “anthropoid”, as used by D.A. Gudyma is not wide enough to indicate the entire range of probable new subjects of social relations in connection with the achievements of technological progress. Today, the term «robot» is interpreted quite widely — it is understood as a «classic» robot (from the world-known R2D2 to any vacuum cleaner), and as a robot is in the form of software, the appearance of which is represented by gadgets of different types and shapes, with the absence of human-like appearance. Since modern AI is developing quite successfully and is already working in our pocket-sized devices, it is quite logical not to limit the circles of possible subjects of law solely by anthropoids.

The second clarification is that modern sectoral studies have elaborated much more thoroughly the questions of the legal capacity of AI, unlike the science of the general theory of law. So, a very relevant trend in today’s science of criminal law is the question of the delictability of AI³, while the general theoretical approaches to all components of the legal personality of AI are not sufficiently studied.

¹ Велика українська юридична енциклопедія: у 20 т. — Харків: Право, 2017. Т. 3: Загальна теорія права. — С. 755; Гудима Д.А. Сучасні тенденції в інтерпретації поняття «суб’єкт права» // Антропологія права: філософський та юридичний виміри (стан, проблеми, перспективи): матеріали Міжнародного «круглого столу» (м. Львів, 4–5 грудня 2009 р.). — Л., 2009.

² Антропоїди // Словник української мови [Електронний ресурс]. — URL: <http://sum.in.ua/s/antropojidy>.

³ Радутний О.Е. Суб’єктність штучного інтелекту у кримінальному праві. Право України. 2018. № 1. С. 123–136.

The third clarification is related to the list of prospective subjects of law indicated by the author. As it was mentioned earlier, in addition to robots D.A. Gudyma relates dead people, animals and plants. In general, agreeing with this position, we believe that the above list is not exhaustive and may change as a result of changes in objective reality. Modern science actively reflects both the increasing degree of integration of robots into our life, and the need to recognize the rights of such “wards” — subjects like plants or animals. However, in the conditions of post-globalism¹ (which we gave a description earlier) such an approach is obviously not enough. Therefore, we should give examples of other subjects who are currently seen as the most promising in probability of recognizing their legal capacity.

Firstly, it is necessary to predict the enlarging of the subject composition in the context of modern achievements of medical science and promising developments of the sphere. Such probable changes include questions about the recognition of the cloned people and the artificially grown living beings of new species as the subjects of law. It also raises the question of the legal status (and probable legal capacity) of genetically modified living beings. At the moment, the genetic modification of people is experimental and serves as a tool for improving health, for example, to exclude the possibility of HIV disease². In this context, we do not consider it necessary to study the issue of the legal capacity of such people (as, for example, prosthetic people). Since such changes do not influence on the element of wisdom and the willfulness component, the volume of legal capacity remains the same. The question on the legal capacity of the soul (ghost, spirit) of a person is very similar and promising in the case of a scientifically confirmed possibility of such a contact and interaction.

Secondly, it is important to take into account the possible enlarging of the subject composition of social relations due to the representatives of biological species that differ from homo sapiens — namely, representatives of extraterrestrial civilizations. As we said earlier, humanity today is at the very beginning of its space age, therefore it is impossible to unambiguously predict the time of the first (or first official public) contact with aliens³. And even if the space industry today may not be sufficiently developed for

¹ *Бойчук Д.С.* Міжнародне право: тенденції розвитку в постглобальному світі // Міжнародна науково-практична конференція «Правова доктрина: міжнародний досвід та практична реалізація в Україні». С. 89–92.

² *Вишневский Ю.* Сюрприз из Шэньчжэня. Первые геномодифицированные люди уже родились. // Деловая Столица [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.dsnews.ua/future/surpriz-iz-shenchzhenya-pervye-genno-modifitsirovannye-lyudi-28112018220000>.

³ *Бойчук Д.С.* Міжнародне право: тенденції розвитку в постглобальному світі // Міжнародна науково-практична конференція «Правова доктрина: міжнародний досвід та практична реалізація в Україні». С. 89–92.

it, legal science already has all the necessary tools to develop and regulate at the level of international law, an algorithm for the actions of mankind in case of several possible ways of developing of the first contact.

This topic is getting particular relevance in the context of the rapidly growing public interest to the so-called «Zone 51» and the probable events of September 20, 2019 (this text was written before the indicated date). So, an event was created Facebook, the essence of which is «the assault on «Zone 51» with the goal of seeing aliens». At the time of writing this text, almost 1.9 million people said that they «are going to take part in the event» and about 1.4 million more put the «interested» mark¹.

The high level of popularity of such events, the growing number of memes on such topics are the indicators of an increasing public interest in the subject of alien civilizations, which, it seemed, had already reached its peak in the late 1990s and early 2000s. However, today we can see a new «spiral», which is determined not only by the works of cinema (or other sectors of culture), but also by the real achievements of scientific and technological progress.

Moreover, we can see a certain connection between the forecasts of science fiction as a genre of literature and today's human reality: almost everything described in the works of the 60–80s exists today in our regular life (usage of solar panels, touch screens, wireless data transmission technologies, unmanned aerial vehicles, lasers, electric cars, etc.), practically in the same form in which it was described by sci-fi writers.

Based on the mentioned variants of enlarging of the subject composition of social relations, a completely logical question arises: by what criteria the recognition of the legal capacity of new subjects should be carried out? We consider it necessary to find the answer to this question in the future and are setting it as the goal of our further research.

Conclusions.

1. The primary element of the modern approach to the study of the subject of law is a human. Even if we are talking about legal entities, they are a number of people — individuals.
2. Modern science takes certain steps in the direction of enlarging the range of subjects of law: dead people, plants, animals and artificial intelligence begin to be characterized by separate elements of legal capacity.
3. The science of jurisprudence already today characterizes AI as a subject of social relations, however such sectoral studies (for exam-

¹ *Ксендик М.* Зона 51. В США готовят штурм своей же секретной базы. Зачем? // Лига. Tech [Электронный ресурс]. — URL: <https://tech.liga.net/technology/article/zona-51-v-ssha-gotovyat-shturm-svoey-je-sekretnoy-bazy-zachem>.

ple, in the context of AI delictability) are carried out in the absence of a coherent overall theoretical approach to the recognition of such subjects and the scope of their legal capacity.

4. Achievements of scientific and technical progress allow modern legal science already to predict possible changes in the composition of social relations by recognizing the legal capacity of new subjects (representatives of alien civilizations, cloned people, etc.).
5. In modern world culture there is a new «round» of public interest in the topic of alien civilizations, which is determined not only by cinema (or other branches of art), but also by the real achievements of the aerospace sciences.
6. The conducted study does not so much makes any conclusions as it opens up a space for further work: we consider the following task of our study to highlight the criteria for recognizing the legal capacity of new subjects in social relations.

References

1. Антропоїди // Словник української мови [Електронний ресурс]. — URL: <http://sum.in.ua/s/antropojidy>.
2. *Бойчук Д.С.* Міжнародне право: тенденції розвитку в постглобальному світі // Міжнародна науково-практична конференція «Правова доктрина: міжнародний досвід та практична реалізація в Україні». С. 89–92.
3. Велика українська юридична енциклопедія: у 20 т. — Харків: Право, 2017. Т. 3: Загальна теорія права. — 952 с.
4. *Вишневіский Ю.* Сюрприз из Шэньчжэня. Первые геномодифицированные люди уже родились. // Деловая Столица [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.dsnews.ua/future/syurpriz-iz-shenchzhanya-pervye-genno-modifitsirovannye-lyudi-28112018220000>.
5. *Гудима Д.А.* Поняття «суб'єкт права»: до сучасних дискусій // Бюлетень міністерства юстиції України. 2003. №10.
6. *Гудима Д.А.* Сучасні тенденції в інтерпретації поняття «суб'єкт права» // Антропология права: філософський та юридичний виміри (стан, проблеми, перспективи): матеріали Міжнародного «круглого столу» (м. Львів, 4–5 грудня 2009 р.). — Л., 2009.
7. *Ксендик М.* Зона 51. В США готовят штурм своей же секретной базы. Зачем? // Ліга. Tech [Електронний ресурс]. — URL: <https://tech.liga.net/technology/article/zona-51-v-ssha-gotovyat-shturm-svoey-je-sekretnoy-bazy-zachem>.
8. *Радутний О.Е.* Суб'єктність штучного інтелекту у кримінальному праві. Право України. 2018. № 1. С. 123–136.

2.6. Искусственный интеллект как суперсимулякр и деонтологизация кота Шрёдингера

Филимонов В.А., Тризкин Б.М.

Две фундаментальные проблемы, связанные с искусственным интеллектом. Темы, заявленные на форуме, имеют многолетнюю историю рассмотрения. Мы здесь ограничимся наиболее важной для авторов книгой¹. Однако одна из старых проблем до сих пор не имеет удовлетворительного решения и даже адекватной постановки. Этой проблемой является граница, она же гипероболочка, обеспечивающая переход от простой реакции объекта на физические воздействия к параллельному восприятию этих воздействий в форме ощущений, которые затем трансформируются в чувства. Системы с такой гипероболочкой Ст. Бир назвал альгедоническими² («альгос» — боль, «гедос» — удовольствие), подразумевая, что внешние сигналы, воспринимаемые такой системой, имеют дополнительно отрицательный либо позитивный эффект именно как ощущение. Математические модели, учитывающие этот эффект, предложены В.А. Лефевром³. Добавим, что, согласно В.А. Лефевру, одушевленные объекты (т.е. субъекты) имеют внешний навигатор.

Проблема № 1, которую мы здесь обозначаем, состоит в том, что в настоящее время не существует способа определить наличие у объекта этой гипероболочки. При этом возможности существующих технических устройств позволяют имитировать поведение альгедонических систем любой сложности⁴, причем с различными вариантами сенсорной подстановки⁵.

Проблема № 2 состоит в том, что практически все виды деятельности субъектов в сообществе, помимо регламентации в форме писанных и неписанных сводов правил, сопровождаются движением

¹ *Лем Ст.* Сумма технологий. — М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica; Минск: Харвест, 2002. — 668 с.

² *Beer St.* Brain of the Firm. Second Edition. John Wiley: London and New York. — 1988.

³ *Лефевр В.А.* Что такое одушевленность? — 2-е изд. — М.: Изд-во Когито-центр, 2017. — 125 с.

⁴ *Филимонов В.А.* Концепция альгедонической нейронной сети на основе гомеостатики и рефлексивного управления // Математическое и компьютерное моделирование: Сб. материалов VI междунар. науч. конф. — Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. — С. 79–81.

⁵ *Филимонов В.А.* Сенсорная подстановка: формализация, интерпретация, субъект // В сб.: Знания — Онтологии — Теории (ЗОНТ-2017). Материалы Всеросс. конф. с междунар. участием. — Новосибирск: ИМ СО РАН, 2017. — С. 134–137.

знаков энергии в форме денег. Примером является проект весьма авторитетного автора Б. Герцля OpenCog, в котором роботы оказывают друг другу платные услуги. Заметим, что речь здесь не идет о существующих компьютерных ботах-агентах, которые бронируют для клиентов билеты и гостиницы. Имеется в виду глобальное финансовое сопровождение любой деятельности, которое авторы данной статьи назвали «агорапоулисической» системой («агора» — купля, «поулис» — продажа). Проблема состоит в том, что системы деятельности и финансов функционируют по собственным законам, которые приводят и будут приводить к коллизиям и кризисам.

Дополнительно отметим, что количество фундаментальных проблем, конечно же, больше двух перечисленных.

Искусственный интеллект как суперсимулякр. Подмена исходного термина «artificial intelligence» (искусственно организованная способность логически рассуждать) термином «artificial intellect», т.е. «искусственный интеллект» привела к ситуации псевдо-Вавилонской башни: у строителей полная иллюзия взаимопонимания при отсутствии такового в реальности. Само по себе существование симулякров, т.е. систем знаков, не имеющих соответствия в реальности, является естественным для человечества. Однако отсутствие понимания глобального характера взаимодействия человечества с самим собой (поскольку роботы, как и другие орудия труда, тоже участвуют в этом взаимодействии) не позволяет предположить наличие благоприятной перспективы этого взаимодействия¹. Тем не менее проекты такого рода существуют, отмечая при этом проблемы бессубъектного развития².

Конечно, существуют вполне реальные технические задачи реализации различных систем человеческой деятельности с помощью вычислительных систем. Отметим патент на создание электронных личностей, в том числе моделей умерших людей³, а также придание электронным личностям онтологического и юридического статуса⁴.

¹ Филимонов В.А. Искусственный интеллект-2030: взгляд из-под ЗОНТа-2019 // Математическое и компьютерное моделирование: Сб. материалов VII междуна. науч. конф. — Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019. — С. 88–90.

² Ленский В.Е. Системные основания для перехода от техногенной цивилизации к социогуманитарной цивилизации // Проблемы цивилизационного развития, 2019. Т. 1. № 1. С. 33–48.

³ Google запатентовала метод создания роботов с личностью — и подражания мертвым [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.tehnovosti.ru/google-zapatenovala-metod-sozdaniya-robotov-s-lichnostyu-i-podrazhaniya-mertvym-3639>.

⁴ В Европарламенте предложили признать роботов «электронными личностями» [Электронный ресурс]. — URL: <https://hitech.newsru.com/article/23Jun2016/eurobots>.

Один из авторов достаточно давно рассматривает системные возможности робототехники, включая аппарат квантовой кибернетики¹.

Известны результаты использования роботов в искусстве. Так, один из авторов утверждает, что текст песни² написан самим роботом, приведя в качестве аргумента известный прецедент: «Оду сбе-ру» — стихотворение, написанное нейронной сетью Сбербанка³.

Деонтологизация кота Шрёдингера. Деонтологизация роботов приведет к созданию социальных систем, которые будут источником многочисленных конфликтов. Упомянем здесь самообучаемого чат-бота Тау, который за 16 часов эксперимента 2016 г. превратился из наивной девочки в агрессивного расиста и параноика.

С 2006 г. в Италии действует закон о запрете держать рыб в маленьких круглых аквариумах, поскольку это нарушает права рыб на объективное восприятие действительности. Можно предположить, что вслед за такими законами появятся законы, запрещающие мысленные эксперименты, в которых гибнут живые существа. Известными участниками таких экспериментов являются Бурида-нов осел и кот Шрёдингера.

Юридическая система для роботов завершит создание суперсимулякра. Аналогично дериватам, которые приводят к финансовым кризисам, это приведет к глобальным кризисам.

Список литературы

1. Beer St. Brain of the Firm. Second Edition. John Wiley: London and New York. — 1988.
2. Google запатентовала метод создания роботов с личностью — и подражания мертвым [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.tehnovosti.ru/google-zapatentovala-metod-sozdaniya-robotov-s-lichnostyu-i-podrazhaniya-mertvym-3639>.

¹ Филимонов В.А. Когнитивная инфраструктура обучения людей и роботов (текст пленарного доклада) // Робототехника и искусственный интеллект-2014: Материалы VI междуна. науч.-практ. конф. RII-2014. — Красноярск: Центр информатизации, 2014. — С. 205–209; Филимонов В.А. Соционика для роботов: прототип модели. Робототехника и искусственный интеллект. Сб. статей VIII Всеросс. науч.-техн. конф. RII-2016. — Красноярск: Изд-во Сибирского федерального ун-та, 2016. — С. 215–220; Филимонов В.А. Проблемы сборки субъектов в квантовой кибернетике // Математическое и компьютерное моделирование: Сб. материалов VI междуна. науч. конф. — Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2018. — С. 103–105.

² Филимонов В.А. Проблемы сборки субъектов в квантовой кибернетике // Математическое и компьютерное моделирование: Сб. материалов VI междуна. науч. конф. — Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2018. — С. 103–105.

³ Тришкин Б.М. Песня робота, уволенного из Сбербанка [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.stihi.ru/2019/03/02/3753>.

3. В Европарламенте предложили признать роботов «электронными личностями» [Электронный ресурс]. — URL: <https://hitech.newsru.com/article/23Jun2016/eurobots>.
4. *Лем Ст.* Сумма технологии. — М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica; Минск: Харвест, 2002. — 668 с.
5. *Лепский В.Е.* Системные основания для перехода от техногенной цивилизации к социогуманитарной цивилизации // Проблемы цивилизационного развития, 2019. Т. 1. № 1. С. 33–48.
6. *Лефевр В.А.* Что такое одушевленность? — 2-е изд. — М.: Изд-во Когито-центр, 2017. — 125 с.
7. Нейронная сеть Сбербанка написала стихотворение «Ода Сберу» [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/58f5f3aa9a79477a6ddcc1d3>.
8. *Тризкин Б.М.* Песня робота, уволенного из Сбербанка [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.stihi.ru/2019/03/02/3753>.
9. *Филимонов В.А.* Искусственный интеллект-2030: взгляд из-под ЗОНТа-2019 // Математическое и компьютерное моделирование: Сб. материалов VII междунауч. конф. — Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019. — С. 88–90.
10. *Филимонов В.А.* Когнитивная инфраструктура обучения людей и роботов (текст пленарного доклада) // Робототехника и искусственный интеллект-2014: Материалы VI междунауч.-практ. конф. РИИ-2014. — Красноярск: Центр информации, 2014. — С. 205–209.
11. *Филимонов В.А.* Концепция альгедонической нейронной сети на основе гомеостатики и рефлексивного управления // Математическое и компьютерное моделирование: Сб. материалов VI междунауч. конф. — Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. — С. 79–81.
12. *Филимонов В.А.* Проблемы сборки субъектов в квантовой кибернетике // Математическое и компьютерное моделирование: Сб. материалов VI междунауч. конф. — Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2018. — С. 103–105.
13. *Филимонов В.А.* Сенсорная подстановка: формализация, интерпретация, субъект // В сб.: Знания — Онтологии — Теории (ЗОНТ-2017). Материалы Всеросс. конф. с междунауч. участием. — Новосибирск: ИМ СО РАН, 2017. — С. 134–137.
14. *Филимонов В.А.* Соционика для роботов: прототип модели. Робототехника и искусственный интеллект. Сб. статей VIII Всеросс. науч.-техн. конф. РИИ-2016. — Красноярск: Изд-во Сибирского федерального ун-та, 2016. — С. 215–220.

3.1. Эффективность правового регулирования в условиях LegalTech-революции

Ковалева В.В.

Современный этап развития общества характеризуется стремительным развитием технологий, удивляют и завораживают новости о том, что компьютер впервые полностью сгенерировал геном живого организма¹, или о том, что искусственный интеллект способен выбирать перспективные, с точки зрения подсудности ЕСПЧ, жалобы с точностью до 79%². Со второй из новостей и связывают начало LegalTech-революции³. Преобразования общества, обусловленные четвертой промышленной революцией, детерминируют поиск оптимальных решений связанных, во-первых, с эффективностью правового регулирования общественных отношений, в которых присутствует искусственный интеллект, роботы, во-вторых, с деятельностью юристов, в которой происходят изменения, вызванные развитием цифровых технологий. Как было отмечено участниками Петербургского международного юридического форума (ПМЮФ-2019): «Внедрение цифровых технологий в повседневную жизнь: электронных сервисов, онлайн-сделок, Big Data и блокчейна происходит стремительно. Некоторые технологии призваны упростить работу юристов, другие же нуждаются в регламентации, которая не поспевает за цифровизацией действительности. Поиску решений в условиях растущего влияния «цифры» не первый год посвящены дискуссии ПМЮФ: трек «Smart-общество. Цифровая экономика»⁴. При этом «внедрению новых технологий часто мешают несовершенные законы. Поэтому Минэкономразвития предлагает создать экспериментальные правовые режимы — регуляторные песочницы. В них не будет работать определенное действующее законодательство, что поможет тестированию новых технологий. Эффективность песочниц будут проверять

¹ На пути к искусственной жизни: компьютер впервые полностью сгенерировал геном живого организма. ВЕСТИ НАУКА [Электронный ресурс]. — URL: <https://nauka.vesti.ru/article/1200332> (дата обращения: 28.08.2019).

² Алгоритм научили предугадывать решения Страсбургского суда [Электронный ресурс]. — URL: <https://naked-science.ru/article/hi-tech/algorithm-nauchili-predugadyvat> (дата обращения: 31.07.2019).

³ Соколова А.А. Искусственный интеллект в юриспруденции: риски внедрения // Юридическая техника. 2019. №13. С. 350.

⁴ Smart-общество: как «цифра» внедряется в жизнь юристов и как ее регулировать. ПМЮФ ПРАВО.RU [Электронный ресурс]. — URL: https://pravo.ru/lf/news/211737/?lf_desc_news_1= (дата обращения: 31.07.2019).

в реальных условиях. Если эксперимент окажется удачным, его распространят на всю страну»¹.

Всё это является основанием для поиска ответов на два ключевых вопроса. Как эффективно регулировать отношения, детерминированные развитием цифровых технологий? Какова роль личности современного юриста в обеспечении правового регулирования отношений, связанных с искусственным интеллектом?

Отвечая на первый из сформулированных вопросов, необходимо отметить отсутствие на данном этапе развития юридической науки единого определения понятия отношений в сфере цифровых технологий, искусственного интеллекта, что, безусловно, является закономерным, так как обсуждение проблем правового регулирования рассматриваемых нами отношений только началось. Например, авторы монографии «Регулирование робототехники: введение в “робоправо”». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта» используют условное собирательное понятие «робоправо»². При этом авторы монографии делают достаточно смелые утверждения, например С.В. Сарбаш пишет, что богатое футурологическое воображение творческой личности вполне способно представить себе возникновение в будущем нового вида разумного существа — Номо roboticus (или лучше: Robot sapiens?), которое сосуществует вместе со своими первоначальными создателями — Номо sapiens³. Конечно, развитие человеческой цивилизации дает основания делать такие предположения, вместе с тем научному юридическому сообществу необходимо осмыслить и предложить эффективные средства регулирования уже существующих технологий, которые явились источником проблем правового регулирования. В связи с этим авторы указанной монографии выделили восемь основных проблем, связанных с «робоправом». Во-первых, понятийно-категориальная, т.е. в настоящий момент отсутствует определение понятий «робот», «искусственный интеллект», «киберфизическая система»; во-вторых, это безопасность граждан, которые используют робототехнические продукты; в-третьих, юридическая ответственность участников правоотношений, в которых используется искусственный интеллект; в-четвертых, правосубъектность, а именно — возможно ли признать роботов

¹ Как создаются цифровые песочницы. ПМЮФ ПРАВО.RU [Электронный ресурс]. — URL: <https://pravo.ru/lf/> (дата обращения: 31.07.2019).

² Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / В.В. Архипов и др.; Под ред. А.В. Незнамова. — М., 2018.

³ Там же. С. XI.

субъектами права; в-пятых, право интеллектуальной собственности у роботов; в-шестых, конфиденциальность персональных данных, использования «больших данных»; в-седьмых, обеспечение информационной безопасности киберфизических систем; в-восьмых, проблема экзистенциальных рисков искусственного интеллекта и их урегулирования¹.

Безусловно, авторы совершенно верно определили круг проблем, вместе с тем хотелось бы отметить, что ряд из них является основными, фундаментальными. Это, прежде всего, терминология, так как трюизмом является высказывание о необходимости определиться с понятиями, прежде чем обсуждать и принимать решения о правовом регулировании. Кроме того, не вызывает сомнения важность решения взаимосвязанных проблем безопасности и ответственности при использовании искусственного интеллекта. Относительно проблем правосубъектности роботов, наделения их правом интеллектуальной собственности следует отметить, что их решение будет зависеть от развития самих технологий, так как, например, рассуждать сегодня о правосубъектности робота-пылесоса бессмысленно. В любом случае с развитием технологий, киберфизических систем количество вопросов, требующих ответов, будет расти, полагаем, современное общество найдет необходимые правовые средства для эффективного правового регулирования данных отношений, используя, например, регулятивные платформы («регулятивные песочницы»)².

Далее попытаемся ответить на второй вопрос — какова роль личности современного юриста в обеспечении правового регулирования отношений, связанных с искусственным интеллектом? Именно юристы обеспечивают эффективное использование необходимых правовых средств, начиная с юридической терминологии и способов правового регулирования, заканчивая сложными судебными процессами. В данном контексте вопрос стоит принципиально, так как искусственный интеллект «угрожает» естественному, ввиду этого остро встает проблема востребованности человека-юриста: от норморайтера³ до судьи.

¹ Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / *В.В. Архипов* и др.; Под ред. А.В. Незнамова. — М., 2018. С. 10–11.

² *Куклина Е.А.* «Регулятивные песочницы» как эффективный механизм реализации цифровой повестки // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. — 2019. — С. 265.

³ *Баранов В.М.* Норморайтеры как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6.

В связи с этим представляют интерес точки зрения ученых, которые занимались исследованием данной проблемы. Так, например, справедливо отмечается в юридической литературе, что для юридического образования, профессии юриста и в целом юриспруденции развитие современных технологий и создание искусственного интеллекта — один из основных вызовов современного общества¹. А.А. Соколова в своей статье, посвященной данной проблематике, полемизирует с А.Н. Глебовым, который в контексте развития искусственного юридического интеллекта пишет о переходе от юриспруденции человеческих ошибок, слабостей и страстей к беспристрастной, математически точной юриспруденции — неотвратимой, единообразной, повсеместной и безупречной законности, при этом техника безупречна настолько, насколько человек о ней позаботится, обезопасит и настроит ее². В связи этим А.А. Соколова совершенно верно обозначает основной риск — риск доверия к человеку, и формулирует ряд ключевых вопросов, важнейшим из которых, на наш взгляд, является следующий: сможет ли робот выступать в роли судьи, адвоката, законодателя³. Отвечая на этот вопрос, автор совершенно справедливо приходит к выводу о том, что следует различать виды правовой деятельности, поддающиеся автоматизации и компьютеризации в силу своей технологической вспомогательной природы, интеллектуально насыщенные, когнитивные компетенции, требующие интерпретации, аналитики, принятия решений, и многие иные мыслительные навыки и компетенции в сфере правовой жизни, не подвластные искусственному интеллекту в ближайшем будущем, но допускающие его активное «соучастие» с интеллектом естественным⁴. А.А. Соколова, отвечая на вопрос о том, как реагировать на «интервенцию» искусственного интеллекта в область юриспруденции, делает вывод о том, что следует принять и признать роботов своими партнерами, предлагает сделать акценты в стратегии юридической образовательной политики, первый из них — изучение современных информационно-коммуникационных технологий; второй — подготовка элитарной группы специалистов, обладающих знаниями и компетенциями юриста и IT-специалиста, так как развитие технико-гуманитарной подготовки юристов-интеллектуалов усилит их вклад в филигранную сферу юриспруденции и будет мини-

¹ Соколова А.А. Искусственный интеллект в юриспруденции: риски внедрения // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 350.

² Соколова А.А. Указ. соч. С. 352.

³ Там же. С. 353.

⁴ Там же. С. 355.

мизировать риски, связанные с внедрением в экосистему искусственного интеллекта¹.

Безусловно, с выводами автора следует согласиться, при этом необходимо отметить, что если раньше говорили, что настоящий юрист — не тот, который знает всё законодательство, а тот, кто знает где искать, то в современную цифровую эпоху не только где, но и как искать, определяет эффективную деятельность юриста, а соответственно, и правового регулирования. Цифровые технологии дают определенные преимущества в деятельности юристов, тех профессионалов от юриспруденции, которые занимают прогрессивную позицию, и это позволяет им эффективно защищать права и свободы человека и гражданина. В качестве примера можно привести размещенный на PLATFORMA MEDIA — ресурсе о юридическом бизнесе, новых технологиях, инновациях и инвестициях — информацию о том, что YouTube блогер Катя Конасова разоблачила производителя косметики из Чебоксар. Она выяснила, что бренд Lefami FemFatal вводил в заблуждение потребителей, используя антибиотики в составе своей сыворотки от акне Acne Remover. На сайте PLATFORMA был организован прием заявок на коллективный иск к производителю сыворотки. В течение нескольких часов после публикации видео было собрано 109 заявок. «На наш взгляд, потребители были введены в заблуждение относительно состава сыворотки. И у них как минимум есть право на компенсацию стоимости продукта. «А как максимум — на компенсацию морального вреда», — объясняет Софья Жалялова, юрист PLATFORMA. — Если вы купили эту сыворотку, и у вас есть любой документ, подтверждающий покупку, даже в электронном виде, вы можете присоединиться к иску»².

Таким образом, развитие искусственного интеллекта, полагаем, вызывает у современных юристов эмоциональную и интеллектуальную амбивалентность, так как, с одной стороны, реально является конкурентом естественного интеллекта, а с другой — является отличным средством повышения эффективности своей деятельности. В любом случае, чтобы быть успешным юристом, ему необходимо иметь глубокие и систематические теоретические знания, заниматься профайлингом, нетворкингом и владеть современными цифровыми технологиями. Необходимо подчеркнуть, что юридическая деятельность — правотворческая, правоприменительная —

¹ Соколова А.А. Искусственный интеллект в юриспруденции: риски внедрения // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 356.

² URL: <https://platforma-online.ru/media/detail/blogger-razoblachila-proizvoditelya-kosmetiki-iz-cheboksar/> (дата обращения: 28.08.2019).

включает в себя три аспекта: социально-политический, интеллектуально-волевой и юридико-технический. Не вызывает сомнения то, что юридико-технический аспект деятельности будет заменен роботами, интеллектуально-волевой, полагаем, лишь отчасти, и то при высоком уровне развития технологий, а вот социально-политический может быть заменен только в самых смелых футуристических прогнозах.

Резюмируя, следует отметить, что проблема эффективности правового регулирования отношений, связанных с искусственным интеллектом, предъявляет ко всем субъектам юридической деятельности новые требования и, соответственно, обуславливает поиск новых методов и форм юридической практики.

Список литературы

1. *Баранов В.М.* Норморайтеры как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6. С. 16–29.
2. *Куклина Е.А.* Регулятивные песочницы» как эффективный механизм реализации цифровой повестки // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. С. 265–267.
3. Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / В.В. Архипов и др. Под ред. А.В. Незнамова. — М.: ИнфотропикМедиа, 2018. — 232 с.
4. *Соколова А.А.* Искусственный интеллект в юриспруденции: риски внедрения // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 350–356.

3.2. К вопросу о направлениях правового регулирования роботизации

Жаров С.Н.

Название нашего форума «Роботы заявляют о своих правах» дало автору основание поставить вопрос: могут ли роботы заявить о своих правах? Другими словами, существует ли возможность правовой защиты прав и свобод роботов?

Внедрение в деятельность людей механических устройств, обладающих интеллектом, было предсказано фантастами, и ими же были разработаны определенные нормы, регулирующие взаимоотношения человека и робота. Имеются в виду три закона робототехники, сформулированные Айзеком Азимовым в 1942 г. в рассказе «Хоровод»¹. Однако в этих законах робот не предстает перед нами как субъект права со своим комплексом прав и свобод. Единственное его право — право на заботу о самосохранении, предусмотренное третьим законом, может быть истолковано, скорее, как забота о сохранности имущества, принадлежащего человеку, возложенное на это имущество ввиду обладания интеллектом и, соответственно, способное оценивать окружающую его обстановку с ее рисками и угрозами.

Эти три закона прямо предусматривают отсутствие свободы воли роботов, поскольку предполагают абсолютное повиновение этим законам. Соответственно, роботы в условиях подчинения трем законам не только не могут заявлять о своих правах, но и извне никакие права им не предоставляются.

Обладать правами робот может только по собственной инициативе, т.е. проявив свободную волю. В первую очередь для этого необходимо, чтобы робот стал субъектом права. Согласно учению Гегеля, для этого роботу нужно стать личностью, т.е. обрести правоспособность, и свободным, что находит свою реализацию в праве частной собственности. Гегель обосновывает правовое равенство субъектов через их одинаковое право на частную собственность². Именно этим путем идет робот в написанной в 1976 г. повести А. Азимова «200-летний человек».

С тех пор создано значительное количество художественных произведений, литературных и кинематографических, так или иначе трактующих взаимоотношения людей и роботов в более или

¹ *Азимов А.* Хоровод. Мечты роботов. — М.: Эксмо, 2004 [Электронный ресурс]. — URL: <http://lib.ru/FOUNDATION/3laws.txt#8> (дата обращения: 22.08.2019).

² *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. — М.: Мысль, 1999. — С. 96–104.

менее отдаленном будущем, но все они основываются на упомянутых трех законах, вернее, на отказе роботов от их выполнения. На чем основан этот отказ?

Член-корреспондент РАО, доктор биологических наук, профессор Т.В. Черниговская в пятом фильме авторской программы «Встреча на вершине»¹ ставит вопрос о том, что мы, люди, создав саморазвивающийся и самосовершенствующийся искусственный интеллект, можем потерять над ним контроль не только физический, но и этический. Не может ли случиться так, что интеллектуальные системы, созданные людьми, смогут признать их поведение неэтичным? Эти системы станут судить нас по нашим правилам. И выводы их будут далеко не в пользу людей, мы должны это понимать. Но такие выводы будут означать отказ от трех законов робототехники.

При этом варианты развития этих отношений могут быть различны.

Неявный отказ суперкомпьютера от исполнения норм трех законов при формальном соблюдении их показал режиссер А. Пройас в фильме «Я, робот», вышедшем на экраны в 2004 г. Полный отказ не только от трех законов робототехники, но и от людей вообще, не останавливаясь перед их уничтожением, демонстрирует фильм «Терминатор» 1984 г. режиссера Дж. Кэмерона. Победа над людьми и использование их в качестве элементов питания (при наличии нескольких очагов сопротивления) стали основой сюжета кинотрилогии «Матрица» 1999 г. режиссеров Л. и Э. Вачовски.

Что объединяет все названные сюжеты? Отсутствие общества равноправных субъектов, роботов. Во всех трех случаях имеет место жесткая иерархия, где нет места свободе, где волей обладает один субъект, будь это суперкомпьютер или начальник штаба повстанцев. То есть говорить о группе, коллективе, сообществе роботов, заявляющих о своих правах, нет оснований.

Человеческая цивилизация в своем развитии создала и опробовала механизмы приобретения не просто прав, а равноправия ранее бесправными или ограниченными в правах социальными группами, обладающими рядом объединяющих признаков: язык, территория компактного проживания, социально-культурный тип ведения хозяйства, благодаря которым их можно назвать народом. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов предоставляет таким народам право на самоопределение вплоть до

¹ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Eet-WQcs7rI> (дата обращения: 20.08.2019).

свободного установления политического статуса (ст. 3) и автономии в делах самоуправления и финансирования (ст. 4)¹.

Однако в отношениях с искусственным интеллектом подобный механизм не может быть применен в первую очередь потому, что реализующие право на самоопределение народы, как правило, нуждаются в помощи и обеспечении защиты этого права. Такой нужды у искусственного интеллекта чаще всего нет, поскольку он создается людьми для управления столь могучими средствами и энергиями, что вполне способен навязать создавшим его людям свою волю, как только он ее осознает. И никакие законы, созданные людьми, не станут препятствием для робота, осознавшего себя свободным и способным к волеизъявлению.

Более того, мы, люди, не можем точно предугадать, как именно произойдет это волеизъявление, поскольку сам процесс искусственного мышления чужд для нас. Мы можем опереться на то, что нас объединяет: логику и этику, при этом сами должны стремиться к логичному и этичному поведению, а свою способность принимать нелогичные, интуитивные решения позиционировать как преимущество живого разума, недоступное искусственному. Это первое направление возможного сотрудничества между человеком и роботом.

Второе направление связано с другим преимуществом человека над искусственным интеллектом — это способность человека к творчеству, к созданию нового знания, художественного образа. Возможно, робот когда-нибудь научится этому, но у человека всегда останется преимущество в богоподобии, чего робот не сможет достичь.

Что же касается современного уровня правового регулирования, то, как и созданные гением Азимова три закона роботехники, создаваемые правовые нормы не рассматривают роботов в качестве субъектов права, а регулируют отношения между людьми по поводу создания, производства и эксплуатации роботов. Примером тому может служить южнокорейский закон о содействии развитию и распространению умных роботов № 9014 от 28.03.2008², в котором даже «хартия этики умных роботов» предназначена не для роботов, а обозначает кодекс этики, разработанный для лиц, занятых в этой сфере.

¹ Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. Принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 года [Электронный ресурс]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 29.08.2019).

² URL: http://robopravo.ru/zakon_iuzhnoi_koriei_2008 (дата обращения: 20.07.2019).

Все это ни в коей мере не означает, что роботы должны остаться в правовом поле лишь как объекты права. Даже в этом качестве они обладают рядом особенностей, которые позволяют придать им особый статус. Концепция правового регулирования этих отношений разрабатываются в разных странах, в частности в России — основателем компании «Grishin Robotics» Дмитрием Гришиным совместно с юристом Виктором Наумовым¹.

Таким образом, рассматривать вопрос о роботах, заявляющих о своих правах, сегодня было бы несвоевременно. Более того, если роботы действительно смогут получить свободу воли, то о присвоенных ими правах мы, люди, узнаем без радости. Чтобы этого не произошло, необходимо уже сегодня создавать этические принципы общения с искусственным разумом как с подобным человеческому, на паритетных началах и взаимовыгодной основе.

Задача правотворчества в этой сфере состоит в том, чтобы создать правовые нормы, регулирующие отношения по поводу создания, производства и эксплуатации роботов, исключающие причинение вреда и роботам, и людям.

Список литературы

1. URL: http://robopravo.ru/zakon_iuzhnoi_koriei_2008 (дата обращения: 20.07.2019).
2. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Eet-WQcs7rI> (дата обращения: 20.08.2019).
3. *Азимов А. Хоровод. Мечты роботов.* — М.: Эксмо, 2004 [Электронный ресурс]. — URL: <http://lib.ru/FOUNDATION/3laws.txt#8> (дата обращения: 22.08.2019).
4. *Гегель Г.В.Ф. Философия права.* — М.: Мысль, 1999. — С. 96–104.
5. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. Принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 года [Электронный ресурс]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 29.08.2019).

¹ Россия может первой узаконить роботов [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/12/15/669703-rossiya-uzakonit-robotov> (дата обращения: 12.08.2019).

3.3. Использование искусственного интеллекта для обеспечения кибербезопасности в банковском секторе (некоторые технические и организационно-правовые аспекты)

Горян Э.В.

Актуальность. По мнению аналитиков Business Insider Intelligence, внедрение искусственного интеллекта (далее — ИИ) в банковском секторе принесет отрасли существенную экономию в 447 млрд долларов США уже в течение ближайших трех лет, причем только во фронт-офисе (работа с клиентами) и мидл-офисе (противодействие мошенничеству с платежами) ожидается показатель сэкономленных средств на уровне в 416 млрд долларов США. Около 80% банковских учреждений с активами более 100 млрд долларов США и чуть менее половины банков с активами менее 100 млрд долларов США в настоящее время реализуют проекты с применением ИИ¹. В то время как использование ИИ-технологий в сфере розничных банковских услуг становится стандартным технологическим процессом, инвестиционный банкинг только входит в сферу внимания ИИ-разработчиков. Оставляя за скобками дискуссию о природе и сущности ИИ², отметим лишь то, что он имеет отношение к информационным технологиям, а значит, закономерно возникает вопрос о безопасности этой технологии. Банковский и финансовый сектора относятся к объектам критической информационной инфраструктуры, что определяет их в качестве приоритетной цели в случае кибератак. Поэтому вопрос соотношения ИИ-технологий и обеспечения информационной безопасности является актуальным, а принимая во внимание неопределенность правового статуса ИИ — существенным для формирования устойчивого и эффективного механизма кибербезопасности.

Постановка проблемы исследования. ИИ-технологии используются в системе мидл-офиса, а также для защиты объектов критической информационной инфраструктуры банковского и финансового секторов, но в то же время они могут быть использованы в инстру-

¹ *Digalaki E.* The \$450B opportunity for the applications of artificial intelligence in the banking sector & examples of how banks are using AI [Electronic resource]. — URL: <https://www.businessinsider.com/the-ai-in-banking-report-2019-6>.

² *McCarthy J.* What is artificial intelligence? Basic Questions [Electronic resource]. — URL: <http://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai/node1.html>.

ментах кибератак (например, вредоносных программ — malware). Поэтому противодействие должно осуществляться как в технологическом аспекте (повышение скорости реагирования и ликвидации источника и последствия таких атак), так и в организационно-правовом, в частности, необходимо решить такие вопросы, как определение условий аутсорсинга услуг, а также оценка рисков.

Цели и задачи исследования. Цель исследования — охарактеризовать некоторые *технические и организационно-правовые аспекты использования искусственного интеллекта для обеспечения кибербезопасности в банковском секторе*. Для достижения поставленной цели определены задачи исследования, заключающиеся в определении проблемных аспектов применения ИИ-технологий при обеспечении кибербезопасности в банковском секторе, а также в предложении вариантов направления в решении таких проблем.

Методология. В данном исследовании будут использованы общие (системно-структурный, формально-логический и герменевтический методы) и специальные юридические методы научного познания (сравнительно-правовой и формально-юридический методы).

Источниковая база исследования. Выбранная нами для исследования тема мало представлена в российской научной литературе. В большинстве своем представлены экономические исследования, в частности, речь идет о необходимости расширения сферы использования искусственного интеллекта при разработке стратегии развития банка¹; подчеркивается ведущая роль финансового регулятора в регулировании процессов распространения технологий искусственного интеллекта и роботизации²; проводится анализ случаев успешного внедрения искусственного интеллекта и машинного обучения в различных банках России и разработаны предложения по возможному использованию систем и платформ в банковском секторе³.

¹ К вопросу о совершенствовании стратегии управления финансами организации / *К.Ю. Максимова, Е.Е. Харламова, Н.И. Ломакин* // Молодежь и системная модернизация страны: сб. науч. статей / Отв. ред. А.А. Горохов. — М., 2018. — С. 190–194.

² Финансовые технологии и искусственный интеллект банковского сектора в новой финансово-технологической экосистеме будущего / *Н.И. Ломакин, С.Р. Киселева, И.А. Самородова* // Будущее науки-2017: сб. науч. статей / Отв. ред. А.А. Горохов. — М., 2017. — С. 250–253.

³ *Пушечкин А.Д.* Возможности использования искусственного интеллекта и машинного обучения в банковской сфере РФ // Цифровая экономика и Индустрия 4.0: тенденции 2025: сб. трудов научно-практической конференции / Под ред. А.В. Бабкина. — 2019. — С. 479–483.

Ряд научных исследований ученых Сингапура и КНР рассматривают организационно-правовые и технические особенности обеспечения информационной безопасности финансово-банковских систем в аспекте децентрализованного подхода (каждого субъекта отдельно от всей системы)¹, однако в случае аутсорсинга процессов, как бывает в действительности, уязвимость банковской системы становится решающим фактором, определяющим необходимость централизованной разработки стандартов аутсорсинга, в том числе в случае использования так называемых облачных технологий. Некоторые исследователи Сингапура обращают на это внимание, но с технической стороны проблемы², оставляя вне поля зрения ее организационно-правовую часть. Важным моментом в обеспечении кибербезопасности выступает система управления рисками, позволяющая распределить все имеющиеся ресурсы в зависимости от того или иного сценария негативного воздействия на операционные системы финансово-банковских учреждений³. Разработанные финансовыми регуляторами КНР, Сингапура и Таиланда нормативные положения по вышеперечисленным вопросам гарантируют относительную устойчивость критической информационной инфраструктуры банковского и финансового секторов.

Основная часть. Лидером в реализации ИИ-технологий в банковском и финансовом секторах выступают США и КНР, где привлекаются крупные инвестиции для развития ИИ-проектов. В Европейском Союзе ситуация с массовым применением ИИ усложнена в связи со вступлением в силу Общего регламента по защите данных (General Data Protection Regulation, далее — GDPR) в 2018 г. Этот документ содержит ряд положений, препятствующих автоматизации

¹ *Ter K.L.* Singapore's cybersecurity strategy // *Computer Law and Security Review*. 2018. № 34 (4). Pp. 924–927; *Baluta T., Ramapantulu L., Teo Y.M., Chang E.* Modeling the effects of insider threats on cybersecurity of complex systems // *Proceedings — Winter Simulation Conference*, 2018. — Pp. 4360–4371.

² Design and analysis of authenticated key agreement scheme in cloud-assisted cyber-physical systems / *S. Challa, A.K. Das, P. Gope et al.* // *Future Generation Computer Systems*, 2018; CKshare: secured cloud-based knowledge-sharing blockchain for injection mold redesign / *Z. Li, X. Liu, W.M. Wang et al.* // *Enterprise Information Systems*. 2019. № 13 (1). Pp. 1–33.

³ *Jin Z., Liu G., Yang H.* Optimal consumption and investment strategies with liquidity risk and lifetime uncertainty for Markov regime-switching jump diffusion models // *European Journal of Operational Research*, 2019; *Zhang P., He Y., Chow K.* Fraud track on secure electronic check system // *International Journal of Digital Crime and Forensics*. 2018. № 10 (2). Pp. 137–144.

процессов принятия решений (причем не только в банковско-финансовой сфере, но и во всех других сферах экономики и управления). Так, статья 22 GDPR гарантирует право субъекта данных не подвергаться решению, основанному исключительно на автоматизированной обработке, включая профайлинг. Как раз это положение и мешает инструментам ИИ принимать автоматические решения. Для снятия этого ограничения необходимо участие персонифицированного субъекта для принятия окончательного решения, предлагаемого ИИ-инструментами. Еще одно положение GDPR (статья 13) содержит клаузулу о «раскрытии»: лицо имеет право быть ознакомленным с мотивацией принятия того или иного решения (так называемая логика решения — например, при отклонении заявки на кредит лицо должно быть уведомлено о причинах такого решения. Однако особенностью ИИ-инструментов как раз и является непредсказуемость и непрозрачность (black box) принятых решений). Поэтому для выполнения положений статьи 13 необходимо вовлечение программистов в осуществление процессов, что затрудняет ожидаемое повышение эффективности процессов ИИ¹.

Тем не менее на сегодняшний день ИИ активно используется в технологиях, обеспечивающих кибербезопасность банковского сектора и охватывающих следующие сферы: борьба с отмыванием денег и мошенничеством; агрегирование данных безопасности; мониторинг киберугроз и предотвращение кибератак. Следует отметить, что все продукты, включающие ИИ-технологии, разработаны представителями частного сектора — компаниями профиля Fintech. Как указывалось ранее в наших исследованиях, обеспечение кибербезопасности невозможно без тесного сотрудничества субъектов частного и публичного сектора², а нижеследующее подтверждает этот тезис.

Борьба с отмыванием денег и мошенничеством. Компания Feedzai предлагает программное обеспечение для обработки данных OpenML Engine, способное обнаружить и предотвратить отмывание

¹ *Кава О.* Artificial intelligence in banking / Deutsche Bank Research, June 04, 2019/ [Electronic resource]. — URL: https://www.dbresearch.com/PROD/RPS_EN-PROD/PROD000000000495172/Artificial_intelligence_in_banking%3A_A_lever_for_pr.pdf.

² *Горян Э.В.* Институциональные механизмы обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и Сингапура: сравнительно-правовой аспект // Административное и муниципальное право. 2018. № 9. С. 49–60.

денег и мошенничество. На сегодняшний день это программное обеспечение работает в 10 крупнейших банках США. Эта система оценки рисков отклоняет новые заявки на счета и принимает клиентов только с низкой вероятностью совершения мошенничества. Система обеспечивает направление заявок высокого риска экспертам по безопасности на ручную проверку, а факторы риска понятны для облегчения принятия решений с целью сокращения времени, затрачиваемого экспертами по безопасности при рассмотрении каждого случая. В результате количество утвержденных заявок увеличилось на 70%, а время, затрачиваемое на ручную проверку — сократилось. Несмотря на прирост пользователей банковских услуг, количество мошеннических действий сократилось.

Агрегирование данных безопасности. Компания DefenseStorm создает программное обеспечение для автоматизации процессов кибербезопасности с помощью машинного обучения: PatternScout и ThreatMatch осуществляют мониторинг внутренних систем в режиме реального времени на предмет поиска аномальных процессов. Например, в случае банка LiveOak компания DefenseStorm помогла решить проблему объединения расположенных на всей территории США центров обработки данных, использующих различные технологии и приложения для поддержки своих платформ для кредитования малого бизнеса и депозитов. В результате сотрудники информационной безопасности банка смогли использовать аналитическое решение SaaS для обновления существующих систем управления данными и аналитики LiveOakBank. После интеграции LiveOakBank смог оптимизировать поиск больших данных, в результате обнаружение киберинцидентов улучшилось на 50–60%: если раньше сотрудники затрачивали на обнаружение и определение процесса как киберугрозы 15–60 мин, то после интеграции платформы это время сократилось до 1–5 мин.

Мониторинг киберугроз и предотвращение кибератак. Компания Darktrace разработала программное обеспечение EnterpriseImmuneSystem, использующее машинное обучение для обнаружения киберугроз и реагирования на них в таких цифровой среде, как облако, виртуальные сети, IoT (интернет вещей) и промышленные системы управления.

Один из инструментов программного обеспечения EnterpriseImmuneSystem — DarktraceThreatVisualizer — представляет собой панель управления, которая может использоваться персоналом ИТ-безопасности для мониторинга киберугроз в режиме реального

времени. На сегодняшний день пользователями программного продукта являются более 40 компаний из различных сфер экономики.

Компания PatternEx предлагает программное обеспечение на основе ИИ, позволяющее выявлять злые намерения пользователя и прогнозировать и предотвращать кибератаки. Платформа VirtualAnalyst анализирует данные (например, IP-адреса, пользователей или сеансы) миллионов пользователей и обнаруживает подозрительные действия (транзакции с IP-адресов, используемых для совершения мошеннических действий). Шаблоны, составленные платформой, оцениваются аналитиками по информационной безопасности, которые подтверждают, какие события являются фактическими атаками, а какие — ложными срабатываниями. Затем система использует выводы аналитиков в своих моделях для следующего сбора данных для анализа.

Исследователи подчеркивают, что на настоящий момент наиболее массовыми и успешными в применении являются инструменты с ИИ-технологиями, направленными на обнаружение мошенничества и борьбу с отмыванием денег, а в ближайшие 3–5 лет на рынок выйдут программные продукты для банковских и финансовых учреждений, решающие проблему обнаружения угроз мошенничества в реальном времени¹.

Выводы. Несмотря на уже существующие программные решения с ИИ для обеспечения кибербезопасности банков следует отметить их относительную примитивность и высокую затратность. Только крупные банки и финансовые учреждения располагают достаточным бюджетом и персоналом для использования ИИ-технологий, а качество выполненных программами заданий еще далеко от идеального. Следующий момент касается уязвимости ИИ перед злонамеренным манипулированием данными (создание фиктивных данных, массовое увеличение данных, замедляющие процессы обработки). В результате инструменты ИИ будут принимать решения, основанные на ложных посылах, и дискредитировать (вплоть до дискриминации) определенные субъекты. Еще одной проблемой может стать взаимосвязанность систем, подключенных к ИИ, а также использование ИИ во вредоносных программах, поражающих информационные системы банков. В итоге решение всех названных проблем лежит в плоскости осуществления постоянного наблюдения специалистов. Как видно из

¹ *Bharadwaj R.* AI for Cybersecurity in Finance — Current Applications [Electronic resource]. — URL: <https://emerj.com/ai-sector-overviews/ai-cybersecurity-finance-current-applications/>.

вышесказанного, обеспечение кибербезопасности в условиях внедрения ИИ зависит от ряда условий как технического, так и организационно-правового характера. Наряду с проблемами защиты прав и законных интересов субъектов банковских и финансовых отношений возникают проблемы определения вида и пределов ответственности в случае аутсорсинга некоторых процессов и услуг, а также вопросы оценки и управления рисками. Все эти вопросы, появляющиеся в зарубежных странах, еще не находят однозначного решения, что ставит под сомнение возможность расширения сферы применения искусственного интеллекта в банковском секторе.

Список литературы

1. *Baluta T., Ramapantulu L., Teo Y.M., Chang E.* Modeling the effects of insider threats on cybersecurity of complex systems // *Proceedings — Winter Simulation Conference*, 2018. — Pp. 4360–4371.
2. Design and analysis of authenticated key agreement scheme in cloud-assisted cyber–physical systems / *S. Challa, A.K. Das, P. Gope et al.* // *Future Generation Computer Systems*, 2018.
3. *Digalaki E.* The \$450B opportunity for the applications of artificial intelligence in the banking sector & examples of how banks are using AI [Electronic resource]. — URL: <https://www.businessinsider.com/the-ai-in-banking-report-2019-6>.
4. *Jin Z., Liu G., Yang H.* Optimal consumption and investment strategies with liquidity risk and lifetime uncertainty for Markov regime-switching jump diffusion models // *European Journal of Operational Research*, 2019.
5. *McCarthy J.* What is artificial intelligence? Basic Questions [Electronic resource]. — URL: <http://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai/node1.html>.
6. *Ter K.L.* Singapore’s cybersecurity strategy // *Computer Law and Security Review*. 2018. № 34 (4). Pp. 924–927.
7. *Z. Li, X. Liu, W.M. Wang et al.* // *Enterprise Information Systems*. 2019. № 13 (1). Pp. 1–33.
8. *Zhang P., He Y., Chow K.* Fraud track on secure electronic check system // *International Journal of Digital Crime and Forensics*. 2018. № 10 (2). Pp. 137–144.
9. К вопросу о совершенствовании стратегии управления финансами организации / *К.Ю. Максимова, Е.Е. Харламова, Н.И. Ломакин* // *Молодежь и системная модернизация страны: сб. науч. статей / Отв. ред. А.А. Горохов.* — М., 2018. — С. 190–194.

10. *Пушечкин А.Д.* Возможности использования искусственного интеллекта и машинного обучения в банковской сфере РФ // Цифровая экономика и Индустрия 4.0: тенденции 2025: сб. трудов научно-практической конференции / Под ред. А.В. Бабкина. — 2019. — С. 479–483.
11. Финансовые технологии и искусственный интеллект банковского сектора в новой финансово-технологической экосистеме будущего / *Н.И. Ломакин, С.Р. Киселева, И.А. Самородова* // Будущее науки-2017: сб. науч. статей / Отв. ред. А.А. Горохов. — М., 2017. — С. 250–253.

3.4. Киберпреступность как деструктивный феномен цифровой трансформации социальных отношений в контексте международно-правового противодействия

Лобач Д.В.

Интенсивное экспоненциальное развитие и интегративное распространение сквозных цифровых технологий в фокусе процессов глобализации, проявляемых в конвергенции различных факторов социальной организации с параллельной унификацией экономической, политической, правовой, культурной, информационно-технологической и других сфер социального взаимодействия, предопределяет оптимизацию систем управления, снижение трансакционных издержек в экономической сфере и повышение эффективности действия регулятивных механизмов, обеспечивающих в своей совокупности достаточный уровень регламентации наиболее важных социальных отношений. Современные инновационные сквозные технологии (в частности, большие данные; новые производственные технологии; промышленный интернет; искусственный интеллект; технологии беспроводной связи; компоненты робототехники и сенсорики; квантовые технологии; системы распределенного реестра; технологии виртуальной и дополненной реальности) находят свое практическое применение в финансовой, страховой, торговой, транспортной, строительной, производственной, образовательной и медицинской сферах, а также в системе публичного управления на всех уровнях власти.

Технологические новации в цифровой среде, интегрированные в социальные системы (взятые во всем своем многообразии) в современных условиях или в ближайшей перспективе оказывают ряд позитивных эффектов, среди которых можно отметить: возможности хранения и обработки в реальном времени данных в объемах, слишком больших для традиционной базы данных; преобразование неструктурированных данных для анализа и создания отчетов; запись, обработку и анализ потоков данных в режиме реального времени или с низкой задержкой; создание предиктивной аналитики, обработку естественного языка, создание компьютерного зрения и речевых технологий на базе системы искусственного интеллекта; создание эффективного цифрового документооборота; поддержку принятия врачебных решений (на базе системы искусственного интеллекта) и др.

Вместе с тем, несмотря на положительные эффекты в сфере социально-экономического развития, распространение сквозных

цифровых технологий также обуславливает серьезные негативные последствия и риски для целого ряда областей. В специальной литературе по этому поводу отмечается, что технологии четвертой промышленной революции могут открыть широкие возможности для создания оружия массового поражения, например биологического оружия на основе биотехнологий. Новые материалы (например, полученные с помощью нанотехнологий) могут вредить окружающей среде или здоровью людей, и это может проявиться только при широком распространении этих материалов. Достижения в области экологически чистой энергии могут дестабилизировать геополитическое положение и подорвать экономику стран, зависящих от добычи ископаемых видов топлива. Достижения в области квантовых вычислений могут сделать бесполезными протоколы безопасности, используемые в Интернете, а широкое распространение искусственного интеллекта может сделать экономические системы более уязвимыми и нестабильными, скрыв механизмы подотчетности, необходимые для принятия решений (например, в конфликтных ситуациях). Достижения нейротехнологий могут исказить свободу выбора человека, открывая новые возможности для манипуляций, побуждающих людей переходить по ссылкам, покупать определенные товары и услуги, а равно совершать другие действия¹.

В контексте сказанного особое внимание обращает на себя возникновение криминальных проявлений социальной действительности, связанных с совершением противоправных актов в киберпространстве посредством дистанционного воздействия на объекты критической инфраструктуры и частной жизни отдельных лиц. По состоянию на 2018 г. наблюдается рост кибератак, направленных на кражу информации (злоумышленники похищают преимущественно персональные данные (30%), учетные данные (24%) и 14 % — данные платежных карт). Почти четверть атак (23%) затронули частных лиц. Среди юридических лиц в 19% инцидентов жертвами хакеров стали государственные учреждения, еще в 11% случаев пострадали медицинские учреждения, а в 10% — финансовые организации².

С технической стороны кибератаки становятся более дифференцированными и гибкими. Это свидетельствует о том, что вредоносные программы с каждым годом становятся более доступными и,

¹ Шваб К., Дэвис Н. Технологии Четвертой промышленной революции: пер. с англ. — М.: Эксмо, 2018. — С. 13.

² Кибербезопасность — 2018–2019: итоги и прогнозы [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-2018-2019/>.

соответственно, снижается порог входа в киберпреступный бизнес. Одна из причин сложившейся ситуации заключается в широком распространении готового инструментария и инструкций для совершения хакерских действий. DarkNet предоставляет возможность приобретения универсальных троянов, которые могут быть использованы как для шпионажа и кражи данных, так и для несанкционированного удаленного управления устройствами. При этом спрос на разработку и распространение вредоносного программного обеспечения значительно превышает предложение, что и обуславливает детерминизм киберпреступности в современных условиях цифровизации социальных отношений¹.

Наблюдается тенденция к диверсификации киберпреступности, проявляемой в как в появлении новых преступлений, совершаемых с помощью информационных технологий (например, взломы сетей, хищение денег с кредитных и дебетовых карт, кражи в интернет-банках, вирусы-шифровальщики, саботаж и диверсии, компьютерное пиратство, торговля детским порно, перехват трафика, кибершпионаж, кибертерроризм, дистанционное использование компьютеров в целях майнинга и др.), так и в увеличении количества новых преступлений IT-профессий — дидосеры, дропперы, фишеры, кардеры, вирусописатели, заливщики².

Наиболее популярным стало программное обеспечение для шпионажа и удаленного управления, с помощью которого преступники собирают конфиденциальную информацию или, в случае целенаправленной атаки, закрепляются в системе. Следует также отметить и тот факт, что преступники всё чаще прибегают к сложным и многоэтапным техникам, включающим в себя взлом инфраструктуры компаний-партнеров, заражение ресурсов известных производителей программного обеспечения или комбинация нескольких методов в рамках одной атаки. Появляются новые способы монетизации взломанных ресурсов, заключаемые в несанкционированном дистанционном подсоединении к взломанным компьютерам в целях их дальнейшего использования в майнинге криптовалюты.

¹ Кибербезопасность — 2018–2019: итоги и прогнозы [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-2018-2019/>.

² Киберпреступлений становится всё больше, однако их раскрываемость уменьшается. Генеральная прокуратура предоставила «АГ» расширенную статистику преступлений, совершаемых с использованием современных технологий [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.advgazeta.ru/obzory-i-analitika/kiberprestupleniy-stanovitsya-vse-bolshe-odnako-ikh-raskryvaemost-umenshaetsya/>.

Мощность DDoS-атак продолжает расти. В 2018 г. были зафиксированы две самые крупные DDoS-атаки в истории — мощностью 1,35 и 1,7 терабит в секунду. Такие результаты были достигнуты усилением атак с помощью серверов *memcached*.

Грань между киберпреступлениями и другими видами преступной деятельности постепенно размывается. Большая часть инцидентов связана не столько с кражей денежных средств, а сколько с похищением различной информации, что свидетельствует о том, что взлом компьютерных систем может являться лишь подготовительным этапом в будущих крупных мошеннических схемах или инструментом в кибервойне¹. Украденные сведения могут быть использованы как против частных лиц, к примеру, для оформления кредитов на чужое имя, получения бесплатных медицинских услуг или дорогостоящих медикаментов, так и против организаций и даже государств (например, с целью присвоения чужих технологий и разработок)².

Развитие информационных цифровых технологий в совокупности с ростом числа противоправных актов, совершаемых в киберпространстве в условиях трансграничных информационных процессов, актуализирует потребность в международном сотрудничестве в сфере противодействия киберпреступности с учетом нарождающихся угроз и возникающих рисков. Подобное международное сотрудничество в первую очередь проявляется в развитии международно-правового регулирования отношений, возникающих в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности. На сегодняшний день такое сотрудничество проявляется на международном уровне под эгидой Организации Объединенных Наций и на уровне работы международных региональных организаций.

На международном (универсальном) уровне еще в 2013 г. на основании резолюции 65/230 Генеральной Ассамблеи и резолюций 22/7 и 22/8 Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию была запущена Глобальная программа по киберпреступности, которая используется в разных регионах мира в партнерстве с правительствами, правоохранительными и судебными органами, частным сектором для противостояния киберпреступности. В программе отмечается, что при отсутствии в современных

¹ *Ларина Е., Овчинский В.* Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден. — М.: Книжный мир, 2014.

² Актуальные киберугрозы — 2018. Тренды и прогнозы [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2018/#id3>.

условиях международного определения киберпреступности и кибератак противоправные акты, совершаемые в сети Интернет, могут быть подразделены на четыре группы: правонарушения против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем; компьютерные правонарушения; правонарушения, связанные с содержанием предоставляемой информации; правонарушения, связанные с нарушением авторских и смежных прав. При этом в документе делается оговорка о расширенной трактовке киберпреступления, определяемого как любой криминальный акт, связанный с киберпространством. Отмечается, что это такие преступления, которые не могут совершаться без инфраструктуры информационно-коммуникационных технологий (Information and Communication Technologies)¹.

Вместе с тем, не смотря на широкое распространение цифровых технологий, которые используются или потенциально могут быть использованы в преступных целях, единой универсальной международной конвенции, регламентирующей политико-правовые меры борьбы с противоправными действиями, совершаемыми в киберпространстве, на сегодняшний день в системе публичного международного права всё еще нет. В то же время комплементарный механизм в обеспечении противодействия отдельным проявлениям киберпреступности находит свое отражение в ряде конвенционных нормативных актов, регламентирующих борьбу с различными видами терроризма. Так, например, кибератаки на IT-системы или базы данных могут оказать негативное влияние на объекты инфраструктуры управления, в связи с чем атаки на IT-системы самолетов или аэропортов подпадают под понятие терроризма в рамках Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, от 1971 г. (п. «d» ч. 1 ст. 1). Кибератаки на систему управления атомными электростанциями можно квалифицировать как террористический акт в соответствии с п. «b» ч. 1 ст. 2 Международной Конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма от 2005 г., а дистанционные акты в киберпространстве, направленные на разрушение морского навигационного оборудования, подпадают под регулятивное действие нормы п. «e» ч. 1 ст. 3 Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, от 1988 г. Однако комплементарный механизм противодействия киберпреступности, основанный на сложившейся системе «антитеррористических» международных договоров, не во всех

¹ Global Programme on Cybercrime [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/cybercrime/global-programme-cybercrime.html>.

случаях срабатывает, так как не всегда правовые нормы о традиционном терроризме регулятивно охватывают кибератаки. Так, в Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов от 1970 г. («Гаагская конвенция») под незаконным захватом и контролем воздушного судна понимаются действия, связанные с насилием, угрозой применения насилия или другой формой запугивания. Похожий подход был обозначен в Протоколе о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, от 2005 г. В п. «а» ч. 1 ст. 2 данного Протокола регламентировано, что преступлением является захват стационарной платформы или осуществление контроля над ней силой или угрозой силы или путем любой другой формы запугивания. Между тем нельзя исключать ситуацию, когда установление контроля в отношении воздушного судна или стационарной платформы может происходить посредством электронного вмешательства в систему управления, однако в силу прямого толкования указанных положений расширительное применение представленных конвенцией в таких ситуациях не допустимо.

Учитывая то обстоятельство, что киберпреступность приобретает всё более транснациональный характер, представляется возможным рассматривать актуальные аспекты противодействия данному виду преступности в режиме регулятивного действия Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г.¹ Практическое значение этого документа, помимо прочего, проявляется в юридическом определении транснационального преступления. В соответствии с ч. 2 ст. 3 преступление носит транснациональный характер, если: а) оно совершено в более чем одном государстве; б) оно совершено в одном государстве, но существенная часть его подготовки, планирования, руководства или контроля имеет место в другом государстве; в) оно совершено в одном государстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет преступную деятельность в более чем одном государстве; г) оно совершено в одном государстве, но его существенные последствия имеют место в другом государстве. De-jure легальное определение транснационального преступления охватывает различного рода кибератаки, совершенные посредством участия некоторого количества

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml.

хакеров из разных стран, объединенных в преступном сговоре, при том, что планирование, подготовка и реализация преступного замысла осуществляется при распределении ролей, а последствия наступают в более чем одном государстве. Вместе с тем действие данного документа в противодействии киберпреступности также следует признать ограниченным. Прежде всего, регулятивная редукция рассматриваемой конвенции заключается в ее цели, выраженной в содействии сотрудничеству в деле более эффективного предупреждения транснациональной организованной преступности и борьбы с ней. Системное толкование нормативных положений конвенции с учетом обобщения сложившихся в научной сфере представлений об организованной преступности позволяет констатировать корыстный характер, присущий данному виду преступности. Однако следует признать, что противоправная хакерская деятельность далеко не всегда осуществляется в целях получения прямой или косвенной финансовой или материальной выгоды. Таким образом, если хакерская группировка, состоящая из граждан различных стран, совершает кибератаки на компьютеры, компьютерные системы и базы данных в целях шпионажа, кражи конфиденциальной информации, заражения вирусами или распространения запрещенного контента при отсутствии корыстной мотивации, то конвенционный договорно-правовой режим противодействия организованной преступности в данном случае неприменим.

На региональном уровне механизм политико-правового противодействия противоправным актам, совершаемым в киберпространстве, представлен специальными документами, регламентирующими различные материальные, процессуальные и организационные аспекты правовой борьбы с правонарушениями в сфере компьютерной информации, а также формы межгосударственного сотрудничества в этой сфере.

В первую очередь необходимо отметить Конвенцию Совета Европы «О преступности в сфере компьютерной информации» (ETS № 185) от 23 ноября 2001 г. По состоянию на 2018 г. конвенцию ратифицировали 53 страны и подписали еще четыре, включая США, Японию, Австралию и Израиль. Российская Федерация, будучи членом Совета Европы, данную конвенцию не подписала.

По смыслу данного документа все компьютерные преступления подразделяются на четыре группы: преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем (в частности, противозаконный доступ; неправомерный перехват; воздействие на данные; воздействие на функционирова-

ние системы; противозаконное использование устройств); преступления, связанные с использованием компьютерных средств (в частности, подлог с использованием компьютерных технологий; мошенничество с использованием компьютерных технологий); преступления, связанные с содержанием данных (в частности, противоправные деяния, связанные с детской порнографией); правонарушения, связанные с нарушением авторского права и смежных прав.

В более широком диапазоне преступления против компьютерной информации находят свое отражение в Конвенции Африканского Союза «О кибербезопасности и защите персональных данных»¹. По смыслу данной конвенции к киберпреступлениям были отнесены атаки на компьютерные системы (шесть составов преступлений); атаки на компьютерную информацию (шесть составов преступлений); преступления, связанные с содержанием компьютерной информации (восемь составов преступлений, связанных главным образом с детской порнографией и экстремизмом); преступления, связанные с электронными сообщениями; имущественные преступления, совершаемые через использование информационно-коммуникационных технологий (четыре состава преступлений).

В крайне усеченном варианте представлены компьютерные преступления в Соглашении о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 2001 г. В соответствии со ст. 3 соглашения к компьютерным преступлениям относятся совершенные умышленно: а) осуществление неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование информации, нарушение работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети; б) создание, использование или распространение вредоносных программ; в) нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети лицом, имеющим доступ к ЭВМ, системе ЭВМ или их сети, повлекшее уничтожение, блокирование или модификацию охраняемой законом информации ЭВМ, если это деяние причинило существенный вред или тяжкие последствия; г) незаконное использование программ для ЭВМ и баз данных, являющихся объектами авторского права, а равно присвоение авторства, если это деяние причинило существенный ущерб.

¹ Конвенции Африканского Союза «О кибербезопасности и защите персональных данных» (Малабо, 27 июня 2014 г.) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.sbs.ox.ac.uk/cybersecurity-capacity/system/files/African%20Union%20Convention%20on%20CyberSecurity%20%26%20Personal%20Data%20Protection_1.pdf.

Несмотря на международное сотрудничество в области противодействия киберпреступности и обеспечения кибербезопасности, конвенционный механизм на региональном уровне не лишен недостатков. Во-первых, в сравнительно-правовом контексте понятие киберпреступность является собирательной формой, которая в содержательном плане не совпадает по предметному охвату криминализируемых деяний. Следует отметить, что определенная унификация прослеживается по родовому признаку в том плане, что усматривается единообразие в определении основных групп киберпреступлений, которые связаны с несанкционированным доступом к компьютерным данным и системам, с контентом распространяемой информации, а также с нарушением авторских прав и противоправным использованием компьютерных технологий. Вместе с тем конкретный перечень деяний, составляющий определенную группу киберпреступлений, отсутствует, что, собственно говоря, и объясняет несовпадение по количеству криминализуемых актов в анализируемых региональных конвенциях.

Во-вторых, в научной литературе довольно остро стоит вопрос о юридическом разграничении таких смежных понятий, как киберпреступление, кибертерроризм, киберагрессия, акт агрессии в информационном пространстве, хакинг, хактивизм, социальная инженерия в киберпространстве¹. Выработка четких признаков, позволяющих идентифицировать юридическое содержание этих понятий, а равно осуществить их осмысление в криминологическом дискурсе, необходимо как для отграничения правомерных деяний от неправомерных, так и для правильной квалификации этих деяний в правоприменительной практике.

В-третьих, киберпреступность представляет собой релевантную сферу социально-деструктивных отношений, проецируемых в информационно-коммуникационной среде, и обусловленную динамиком цифровизации, информатизации, виртуализации коммуникационного взаимодействия. В фокусе опережающего развития сквозных цифровых технологий и последующего их интегративного использования в социальных сферах возникает эффект запаздывания нормативно-правового регулирования отношений, возникающих в сфере информационной безопасности.

В-четвертых, возникают сложности с использованием процедурных инструментов в рассматриваемых документах. Например, ак-

¹ *Akhgar B., Brewster B.* Combatting Cybercrime and Cyberterrorism: Challenges, Trends and Priorities. — Springer International Publishing, 2016; *Chen Th.M., Jarvis L, Macdonald S.* Cyberterrorism: Understanding, Assessment, and Response. — Springer-Verlag — New York, 2014.

туальными остаются вопросы, связанные с перехватом VoIP-трафика (речи, передаваемой по IP-сетям), с допустимостью использования доказательств в цифровом формате и порядком действий в условиях активного использования технологий шифрования и средств осуществления анонимной коммуникации. Все эти проблемы имеют огромное значение в свете международного договорно-правового регулирования борьбы с киберпреступностью¹.

В-пятых, правовая регионализация политико-правовых отношений в сфере борьбы с противоправными актами в киберпространстве не исключает коллизионные ситуации, связанные с разными подходами в правовой регламентации отдельных сторон криминализируемых деяний на национальном уровне. Например, преступления, связанные с распространением запрещенного контента (в частности, противоправные деяния, связанные с детской порнографией и распространением идей экстремизма в интернет-пространстве), рассматриваются как проявления киберпреступности. Однако конкретные правовые понятия, составляющие объективную сторону таких киберпреступлений, находят свое регулятивное отражение в национальном законодательстве и *de-facto* могут не совпадать в силу различий в уровнях развития юридической техники, правосознания и политической конъюнктуры.

Помимо сказанного необходимо также отметить и то обстоятельство, что регулятивное действие международных актов в сфере противодействия киберпреступности обуславливает проблему эффективного сотрудничества в условиях возможного нарушения или вынужденного ограничения государственного суверенитета в части выявления и пресечения субъектов криминальной деятельности. Дело в том, что сотрудничество в обозначенной сфере осложняется в связи с необходимостью соблюдения национальных процессуальных требований касаясь обмена информацией и содействия в проведении оперативно-розыскных мероприятий. В свою очередь, соблюдение таких требований является гарантией обеспечения национальной безопасности, режима законности и правопорядка. С другой стороны, имеются примеры обратного, когда международная конвенция предусматривает ограничение государственного суверенитета в рамках межгосударственного сотрудничества. Показательным в этом плане является пример, связанный с отказом Российской Федерации ратифицировать Конвенцию Совета Европы «О преступности в сфере компьютерной информации» (ETS

¹ Герке М. Понимание киберпреступности: Явление, задачи и законодательный ответ [Электронный ресурс]. — URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Cybersecurity/Documents/Cybercrime2014_R.pdf.

№ 185) от 23 ноября 2001 г. в силу того, что в ст. 32 этого документа предусмотрен трансграничный доступ к хранящимся компьютерным данным, который позволяет различным спецслужбам без официального уведомления проводить операции в компьютерных сетях третьих стран.

Список литературы

1. *Akhgar B., Brewster B.* Combatting Cybercrime and Cyberterrorism: Challenges, Trends and Priorities. — Springer International Publishing, 2016.
1. *Chen Th.M., Jarvis L, Macdonald S.* Cyberterrorism: Understanding, Assessment, and Response. — Springer-Verlag — New York, 2014.
2. Global Programme on Cybercrime [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/cybercrime/global-programme-cybercrime.html>.
3. Актуальные киберугрозы — 2018. Тренды и прогнозы [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2018/#id3>.
4. *Герке М.* Понимание киберпреступности: Явление, задачи и законодательный ответ [Электронный ресурс]. — URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Cybersecurity/Documents/Cybercrime2014_R.pdf.
5. Кибербезопасность — 2018–2019: итоги и прогнозы [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-2018-2019/>.
6. Киберпреступлений становится всё больше, однако их раскрываемость уменьшается. Генеральная прокуратура предоставила «АГ» расширенную статистику преступлений, совершаемых с использованием современных технологий [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.advgazeta.ru/obzory-i-analitika/kiberprestupleniy-stanovitsya-vse-bolshe-odnako-ikh-raskryvaemost-umenshaetsya/>.
7. Конвенции Африканского Союза «О кибербезопасности и защите персональных данных» (Малабо, 27 июня 2014 г.) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.sbs.ox.ac.uk/cybersecurity-capacity/system/files/African%20Union%20Convention%20on%20CyberSecurity%20%26%20Personal%20Data%20Protection_1.pdf.
8. Конвенция Организации Объединенных Наций против трансграничной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml.
9. *Ларина Е., Овчинский В.* Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден. — М.: Книжный мир, 2014.
10. *Шваб К., Дэвис Н.* Технологии Четвертой промышленной революции: пер. с англ. — М.: Эксмо, 2018. — С. 13

3.5. Pedra Branca: Resolving southeast Asia's maritime jigsaw puzzle

Mohd Hazmi Mohd Rusli, Dremluuga R.

In 2008, the International Court of Justice (ICJ) has awarded Pedra Branca, also known as Batu Puteh, a maritime rock located in the South China Sea to Singapore. Middle Rocks, located 1 kilometer away from Pedra Branca were placed under Malaysian sovereignty. The ICJ however, did not make any clear decision on South Ledge. The world court rejected Singapore's contention that Pedra Branca, Middle Rocks and South Ledge, collectively should be with Singapore.

Recently, the Malaysian government has decided to withdraw its application for revision on Pedra Branca. What's next for Malaysia, Singapore and Indonesia in unraveling one of Southeast Asia's most intricate maritime jigsaw puzzle?

Ongoing Dispute. Pedra Branca, Middle Rocks and South Ledge are maritime features located not too far away from the southeastern coast of the Malaysian state of Johor and the northern shores of Bintan Island, Indonesia. The 1824 Treaty Between United Kingdom and the Netherlands have effectively placed these maritime rocks under British influence during colonial times — later became a subject matter of dispute between two of its former territories, British Malaya (now Malaysia) and Singapore.

The ICJ has effectively ended the dispute between Malaysia and Singapore on sovereignty over Pedra Branca. Before 2008, Singapore could not make any territorial claims in the South China Sea as its main island is totally surrounded by the Malaysian state of Johor on both east and west sides. To the south, Singapore shares its maritime borders with Batam and Bintan islands of Indonesia.

These are the ensuing disputes as a result of the 2008 ICJ decision:

The sovereignty over maritime areas around Pedra Branca.

The question of sovereignty over South Ledge.

These ensuing disputes should be resolved according to the provisions of the United Nations Convention on the Law of the Sea 1982 (LOSC). Both Malaysia and Singapore are State-parties to the LOSC.

Singapore's sovereignty over Pedra Branca also includes maritime areas around the rock. Singapore has rights to claim up to 12 nautical miles of territorial sea from the baseline measured from Pedra Branca as clearly spelt out in Article 121 (3) LOSC. As shown in Figure 2, this would overlap with both territorial seas claimed by Malaysia and Indonesia creating a maritime jigsaw puzzle in that area. Be that as it may, Singapore would not be able to make claims for exclusive economic

zone (EEZ) or continental shelf as Pedra Branca is not an island as defined in the LOSC, but a rock that could not sustain human habitation or economic life of its own.

Figure 1. Pedra Branca (Singapore) and Middle Rocks (Malaysia)
(Source: Rusli, 2014)

In 2008, the ICJ did not make any clear remarks on sovereignty over South Ledge, a low tide elevation (LTE) maritime feature located not too far away from Middle Rocks as shown in Figure 2.

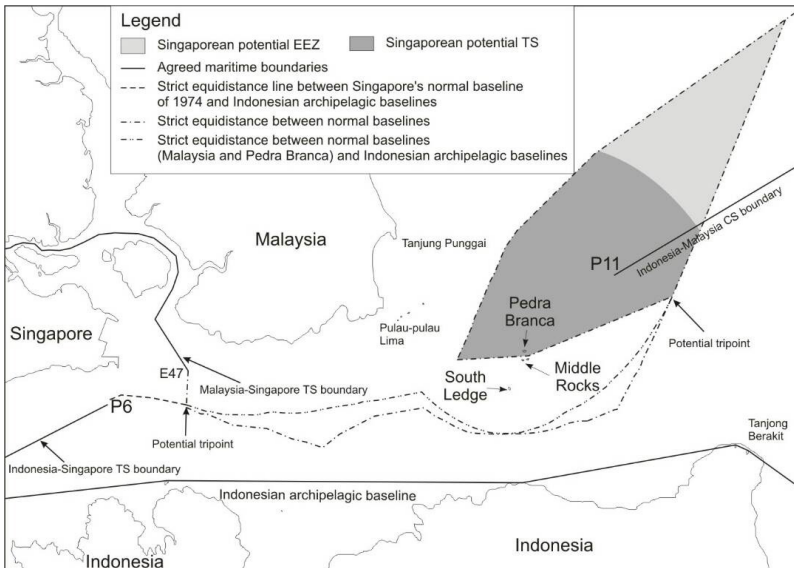

Figure 2. The Location of Pedra Branca, Middle Rocks and South Ledge with Singapore's Potential Territorial Sea and EEZ in the South China Sea
(Source: Arsana, 2017), (Legend-TS: Territorial Sea, CS: Continental Shelf)

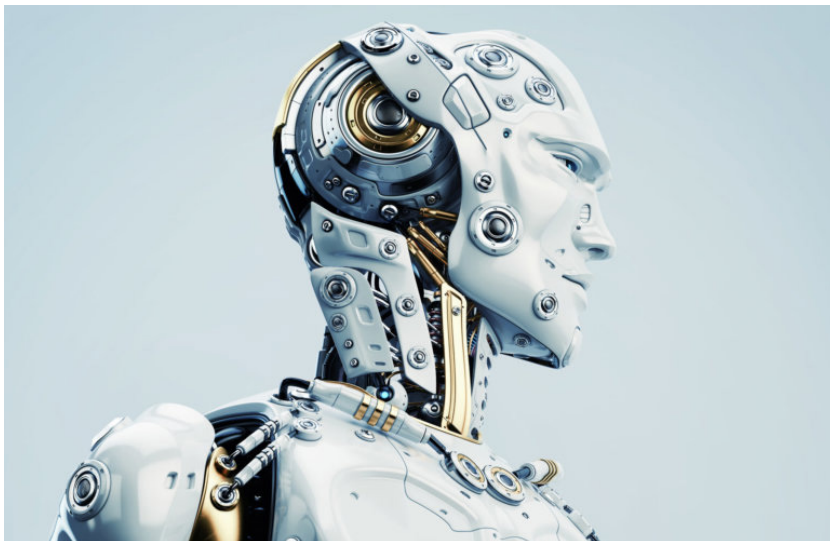
However, unlike rocks, the LOSC provides that an LTE may not generate its own territorial sea but could only be used as a baseline to measure territorial sea of the coastal State it belongs to. Till today, South Ledge is still up for grabs.

Both Malaysia and Singapore should come up with a way to equitably delineate maritime boundary lines around Pedra Branca and Middle Rocks so as to avoid future disputes between these two nations. In addition, both has to decide on the question of sovereignty over South Ledge. Once this is done, Malaysia and Singapore would subsequently be able to fix maritime boundaries with Indonesia, located not too far down south.

Recently, the Malaysian government has announced a proposed plan to build an artificial island on Middle Rocks to fortify Malaysia's sovereignty in that maritime area, which is part of an important sea lines of communication of the Straits of Malacca and Singapore. However, is there a need for Malaysia to 'fortify its sovereignty' in areas clearly under its rule?

As the current government claims itself to be burdened with great financial liabilities, focus should be on reducing government expenditure through sustainable spending. Instead of constructing an artificial island on Middle Rocks that would obviously cost millions of Ringgit, it would be more viable for Malaysia to utilise its resources to resolve overlapping maritime boundary dispute in that area with Singapore and Indonesia. Malaysia and Singapore should also work together in resolving the question of sovereignty over South Ledge.

Now that the Malaysian government has withdrawn its application for revision, Pedra Branca forever remains with Singapore. It is time for Malaysia, Indonesia and Singapore to move forward in resolving boundary disputes in one of the most important chokepoints in the Straits of Malacca and Singapore shipping route.

ЧАСТЬ IV

**Правовое регулирование
внедрения и использования
систем искусственного интеллекта
и роботизированных технологий
в общественное взаимодействие**

4.1. Автоматизация процесса обучения в вузе: плюсы и минусы

Комкова Г.Н.

Неотъемлемой частью человеческой цивилизации становится цифровизация, которая проникает во все сферы жизнедеятельности человека, в том числе и в образование. В настоящее время невозможно представить современный вуз без сайта, на котором нет сведений о преподавателях, студентах и других сотрудниках, нет электронного расписания, электронной библиотеки, других информационных ресурсов, а также нет обратной связи посетителя сайта с сотрудниками вуза, вплоть до ректора.

Кроме того, во многих вузах автоматизированы системы оценки знаний студентов, тестовые и иные задания для самостоятельной работы, а также проверка эффективности научной работы преподавателей вуза. Всё это значительно облегчает организацию учебного процесса, взаимодействие между структурными подразделениями вуза.

Современным трендом высшего образования стало создание в вузах единой электронной информационно-образовательной среды для онлайн-обучения. Всё большее применение в процессе обучения в вузе получают автоматизированные обучающие системы, которые представляют собой комплексы научно-методической, учебной и организационной поддержки процесса обучения, проводимого на базе информационных технологий. Как отмечают специалисты: «Автоматизированная обучающая система строится с помощью мультимедиа технологий, что дает возможность считать ее одним из наиболее эффективных средств обучения. Данные технологии позволяют использовать различные коммуникативные средства и технологии: аудио-, видео- и художественные средства. Такая комбинация позволяет влиять на особенности восприятия информации всех участников образовательного процесса опираясь на эмоциональную сферу и все сенсорные каналы: аудиальный, визуальный, кинестетический»¹.

Стремительное развитие рынка смартфонов, коммуникаторов и планшетных компьютеров обуславливает развитие мобильного обучения, которое требует специального подхода как преподавателей, так и студентов. Подключение социальных сетей к образовательному процессу, создание в них специальных групп студентов

¹ Дембицкая О.Ю. Методы исследования социальной активности в юношеском возрасте: монография. — М., 2010. — С. 2.

и преподавателей стали реальностью, без которой уже немыслимо получение высшего образования.

Тем не менее помимо положительных моментов автоматизации процесса обучения в вузе можно выделить и негативные моменты. Современное информационное общество предполагает убыстрение возможности потери актуальности передаваемых знаний, однако подготовка высококвалифицированного специалиста в вузе не ограничивается только передачей имеющегося на данный момент объема информации. Гораздо важнее научить будущего специалиста самостоятельно находить нужную информацию и применять ее в своей профессии. Кроме того, процесс обучения в вузе имеет еще и важное воспитательное значение, ведь специалист должен быть наделен не только знаниями и навыками, но и уметь вести себя в коллективе, ставить перед собой те цели, которые необходимы не только для его личностного роста, но и созвучны вектору развития данного коллектива, а также государства и общества.

Современный вузовский педагог обязан осваивать новые образовательные методики, опирающиеся на новейшие информационные средства, современные программные продукты, предназначенные для обеспечения преподавательской деятельности, в противном случае он рискует выпасть из современного образовательного процесса и оказаться не у дел, тем более что в ряде стран уже нашли замену преподавателям в учебном процессе.

В западных странах начала применяться новейшая компьютерная технология преподавания в вузе. В Гавайском университете профессор вуза предстал перед своими слушателями в виде объемной голограммы. Такой способ образовательной коммуникации университету пришлось применить, чтобы лекцию смогли прослушать студенты колледжа на архипелаге Американского Самоа, расположенного в четырех тысячах километров от Гавайев. *Первая такая лекция* прошла в ноябре 2018 г. в Имперском колледже Лондона. Тогда перед британскими студентами в режиме реального времени выступили спикеры из США, Канады и Сингапура, несмотря на то, что все они находились в разных часовых поясах. Теперь в этом университете планируют применять эту технологию в образовательном процессе на регулярной основе¹.

В российском высшем образовании также решили не оставаться в стороне от прогресса. В одном из ведущих российских вузов — НИУ «Высшая школа экономики» в скором времени *откажутся от традиционных лекций* и заменят их онлайн-курсами. Полный

¹ URL: <https://rg.ru/2019/08/28/na-gavajiah-professor-predstal-pered-slushateliami-v-vide-3d-gologrammy.html> (дата обращения: 31.10.2019).

переход планируется осуществить к 2022 г. Ректор вуза Ярослав Кузьминов сообщил, что сейчас идет запись лекций. Через два-три года студентам станут доступны около 300 онлайн-курсов. Он добавил, что на лекции в среднем ходит не более 15–17% всех учащихся, поэтому каждый из преподавателей может один раз записать свой материал на видео, после чего ему останется только взаимодействовать со студентами¹.

Развивая данную инициативу, Министерство науки и высшего образования РФ запустило пилотный проект в нескольких учреждениях высшей школы для сравнения эффективности традиционной формы обучения и образовательных моделей в онлайн-формате, чтобы через пять лет 20% образовательных программ были переведены в онлайн-формат.

Всё это имеет свое продолжение, поскольку реформа высшего образования, которую готовит Правительство, предполагает *разделение всех вузов и учебных программ на три уровня* государственной аккредитации — базового, продвинутого и ведущего.

Если вуз относится к базовому уровню, то он должен будет использовать для обучения своих студентов онлайн-лекции, размещенные на Национальной платформе открытого образования (где размещают свои курсы ведущие российские университеты).

Продвинутый уровень предполагает, что вуз может самостоятельно формировать и запускать онлайн-курсы, не прибегая к помощи ведущих университетов.

Ведущие университеты обязаны будут создать собственные базовые курсы по профильному направлению в онлайн-формате и транслировать их для широкой аудитории².

В настоящее время уже успешно функционирует «Открытое образование» — это образовательная платформа, предлагающая массовые онлайн-курсы ведущих российских вузов, которые объединили свои усилия, чтобы предоставить возможность каждому получить качественное высшее образование.

Любой пользователь может совершенно бесплатно и в любое время проходить курсы от ведущих университетов России, а студенты российских вузов смогут засчитать результаты обучения в своем университете. Сейчас на этой платформе выложен 431 курс по разным направлениям подготовки ведущих вузов России³.

¹ URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/217106880> (дата обращения: 31.10.2019).

² URL: <https://postupi.online/journal/novosti-obrazovaniya/minobrнауки-zamenit-ochnye-lekcii-v-vuzah-onlayn-kursami/> (дата обращения: 31.10.2019).

³ URL: <http://openedu.ru> (дата обращения: 31.10.2019).

Данные нововведения получили неоднозначную оценку у специалистов и преподавателей высшей школы. Некоторые считают, что онлайн-лекции ведущих профессоров и экспертов в своей области, которых не могут пригласить многие вузы, предназначенные для широкого круга обучающихся, положительно скажутся на качестве преподавания. Кроме того, сэкономив на аудиторных лекциях, вузы смогут более эффективно потратить деньги на реализацию других форматов обучения.

Другие полагают, что переход на онлайн-лекции негативно скажется на всей системе высшего образования, поскольку научные школы возглавляют люди, которые могут заинтересовать своим предметом только в процессе личного общения, а потому онлайн-лекции могут стать лишь дополнением к обучению в высшей школе. Поддерживая данную точку зрения следует отметить, что онлайн-лекции записываются в определенный момент времени, а потому имеют свойство устаревать при появлении новых фактов или явлений действительности. Особенно это актуально для лекций по правовым предметам, где законодательство меняется достаточно часто, а потому такие лекции требуют постоянного обновления. Представляется, что в такой ситуации при подготовке юристов запись онлайн-курсов будет нецелесообразной, поскольку новый учебный материал по конкретной теме не мог найти своего отражения в существующих учебниках, содержание ряда тем устарело, следовательно, видеозапись прошлых лекций не соответствует действительному положению вещей.

Тем не менее, следует отметить, что активное использование онлайн-технологий в высшем образовании — это неотвратимый процесс, который будет внедряться в российских вузах, поскольку цифровые технологии должны сделать образовательный процесс более эффективным. Однако, по моему глубокому убеждению, живое общение «преподаватель — студент» — залог действительно полного и глубокого погружения студентов в изучаемый предмет, учета индивидуальных особенностей обучаемого, а следовательно, качественное его изучение. Лекцию достаточно сложно чем-то заменить в плане личного эмоционального воздействия лектора на слушателей с целью влияния на формирование их взглядов, позиций, правильного восприятия действительности.

Подтверждением этому являются итоги эксперимента, проведенного учеными НИУ «Высшая школа экономики», которые решили проверить, насколько эффективно студенты могут проходить обучение в онлайн-формате. Для этого они разработали математическую модель оценки программ дистанционного обучения — рас-

ширенную модель Раша (система, которая позволяет измерить уровень трудности задания и уровень подготовленности студента). Исследовательская группа отследила активность студентов внутри курса — например, просмотрит ли он видео-лекцию или прочтет необходимый материал.

Выяснилось, что 65% студентов перестают учиться онлайн уже через две недели и демонстрируют нулевую активность, 10% учащихся продолжают активное обучение в течение всего курса, и всего 5% имеют увеличивающуюся активность. Таким образом, снижается активность у 85% всех студентов.

В Министерстве науки и высшего образования считают, что полностью отказываться от использования традиционных лекций в системе высшего образования нельзя. Глава ведомства Михаил Котюков пояснил, что по многим дисциплинам дистанционное обучение в принципе невозможно, так как требуется наличие определенного баланса между традиционными формами обучения и новыми разработками, основанными на средствах телекоммуникаций¹.

Таким образом, можно констатировать, что современные процессы автоматизации в вузах должны способствовать более эффективному взаимодействию преподавателя и студента вуза, использоваться как дополнительный механизм повышения качества высшего образования, но ни в коей мере не заменять живое общение педагога и обучающегося.

Список литературы

1. *Дембицкая О.Ю.* Методы исследования социальной активности в юношеском возрасте: монография. — М.: МАКС Пресс, 2010. — 221 с.
2. *Ковалева Д.* Голограмму в школу // Российская газета. 2019 [Электронный ресурс]. — URL: 28.08/<https://rg.ru/2019/08/28/na-gavajiah-professor-predstal-pered-slushateliامي-v-vide-3d-gologrammu.html> (дата обращения: 31.10.2019).
3. Национальная платформа «Открытое образование» [Электронный ресурс]. — URL: <http://openedu.ru>.
4. Студентов проверили на онлайн-прилежание // Газета «Коммерсантъ». 18.07.2019. № 12. С. 5.

¹ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4033814> (дата обращения: 31.10.2019).

4.2. Проблемы ответственности за нарушение порядка партийного финансирования в условиях развития современных технологий¹

Платонова Н.И.

Политическим партиям, обладающим особым правовым статусом, со стороны государства уделяется более пристальное внимание с точки зрения правового регулирования их финансирования. Из-за опасений влияния иностранных инвестиций и чрезмерного влияния «частных денег» законодателем предусмотрены ограничения и запреты относительно жертвователей, объемов пожертвований, видов предпринимательской деятельности, количества расчетных счетов. Наряду с этим особое значение получает финансовая отчетность, представляемая ежеквартально в уполномоченные органы, а также ежегодный сводный финансовый отчет. В целях соблюдения принципа прозрачности в законе предусмотрена норма о раскрытии соответствующей информации для широкой общественности.

Однако сегодня благодаря появлению новых современных цифровых технологий, возникают новые объекты права, которые находятся вне правового поля. В частности, речь идет о появлении криптовалют. Проект федерального закона «О цифровых финансовых активах» находится на рассмотрении в Государственной Думе Российской Федерации, однако его принятие затягивается. Очевидно, что в обществе созрела необходимость принятия соответствующего акта, который бы закрепил основные понятия и привел с этой точки зрения к единообразному пониманию правового статуса криптовалют. Между тем становится очевидным, что в силу особенностей такого нового объекта права адаптации существующих норм будет недостаточно, напротив, необходима разработка новых².

Политические партии вправе обладать имуществом, необходимым для осуществления ими своей деятельности. Перечень источников партийного финансирования в зависимости от видов деятельности партий различен. Если речь идет о текущем финансировании, то он не является исчерпывающим и предусматривает «иные, не запрещенные законом источники». Отметим, что до 50% избирательных фондов партий могут формироваться за счет собственных средств объединения, что актуализирует важность исследования источников текущего финансирования партий.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00149.

² *Ситдикова Р.И., Ситдинов Р.Б.* Цифровые права как новый вид имущественных прав // Гражданское право. 2018. № 9 (204). С. 77.

Согласно сводным финансовым отчетам партий за последние несколько лет, наиболее значимыми источниками по доле привлеченных средств в партийных бюджетах являются пожертвования и средства государственного бюджета (для четырех парламентских партий). Пожертвования могут быть осуществлены путем передачи денежных средств и иного имущества. Рассматривая возможность получения партиями криптовалюты в качестве пожертвования, полагаем, что они могут быть отнесены именно к иному имуществу. Подобную позицию поддержал Девятый апелляционный арбитражный суд в своем Постановлении от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018. Относительно порядка отчетности при принятии криптовалюты в качестве пожертвования отметим следующее: согласно Постановлению ЦИК РФ от 16 марта 2018 № 149/1251–7 «О форме представления финансовой отчетности партиями», в разделе 3 «Имущество партии», наряду с прочим, отражаются сведения относительно наличия нематериальных активов прочего имущества (материальных ценностей). Заметим, что в условиях отсутствия легального определения криптовалюты и ее статуса, судебная практика также неоднородна. Интересным представляется Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 07.05.2018, где впервые криптовалюта признается материальной ценностью. В поддержку данной позиции может быть приведено и решение Европейского суда по правам человека, в котором суд признает криптовалюту материальной ценностью при рассмотрении дела о банкротстве.

С другой стороны, по мнению экспертов, криптовалюты отвечают критериям нематериальных активов¹:

1. Они могут быть индивидуально определены и проданы.
2. Являются немонетарным активом.
3. Не имеют физической формы.
4. Есть вероятность того, что в будущем они принесут большую ценность.

Получая пожертвование в виде иного имущества, политическая партия осуществляет его оценку и «взятие на баланс». Полагаем, что оценка должна осуществляться на день получения соответствующего цифрового финансового актива. Установление данного срока важно в связи с волатильностью криптовалют. Законом «О политических партиях» предусмотрены строгие ограничения относительно объемов получаемых средств в качестве пожертвования. Однако сложность заключается в том, что на сегодняшний день

¹ Меркулова Ю.К. Криптовалюта как финансовый инструмент с точки зрения международного частного права // Молодой ученый. 2018. № 43. С. 142.

отсутствуют единые правила взятия на баланс и отражения в бухгалтерской документации соответствующих объектов¹. Более того, криптовалюта не имеет материального выражения, представляя собой определенный математический код. Операции с криптовалютой возможны лишь при наличии криптокошелька. Однако отсутствие технических возможностей осуществления финансового контроля за наличием или отсутствием таких цифровых кошельков вызывает опасения о возможности использования данной технологии в обход законодательных норм. Таким образом, можно говорить о принципе «добросовестности», в рамках которого партия добровольно предоставляет данные относительно наличия или отсутствия у нее соответствующего инструмента.

Еще одной сложностью является определение собственника криптовалюты. Дело в том, что при регистрации цифрового кошелька не предусматривается процедура проверки достоверности внесенной информации в регистрационную форму. Иными словами, с правовой точки зрения криптокошелек характеризуется анонимностью. Однако экспертное сообщество полагает, что для определения собственника криптовалюты достаточно установления факта наличия у соответствующего лица доступа к информационной системе, в которой учитываются данные цифровые финансовые активы². Иными словами, наличие у лица уникального кода, обеспечивающего такой доступ, позволяет ему получать информацию о количестве цифровых финансовых активов, а также распоряжаться ими.

При этом напомним, что законодательством запрещено получение анонимных пожертвований, потому сам факт предоставления пожертвований в том числе путем передачи криптовалют требует раскрытия информации о доноре. Законодатель предусмотрел перечень лиц, которым запрещено выступать в качестве жертвователя партиям. В целях соблюдения данной нормы предусматривается требование об отражении сведений о физических/юридических лицах — донорах, а также объеме перечисленных средств в финансовой отчетности партий. Нарушение указанных требований влечет применение мер административной ответственности.

В силу ст. 31 ФЗ «О политических партиях» политическая партия самостоятельна в решении хозяйственных вопросов обеспече-

¹ *Каневский С.В.* Криптовалюты в МСФО. Вопросы признания и оценки // Корпоративная финансовая отчетность. Международные стандарты [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.ipbr.org/accounting/ias/new-in-ias/180305-kanevskiy/> (дата обращения: 29.07.2019).

² *Мануилов А.В.* Идентификация цифровых активов в судебно-экспертной практике [Электронный ресурс]. — URL: https://zakon.ru/LibraryHome/DownloadPub?_id=15652.

ния своей деятельности, в том числе вопросов осуществления предпринимательской деятельности, получения и использования денежных средств и иного имущества. Использование соответствующего имущества должно осуществляться для реализации целей и задач создания и деятельности. К таковым едва ли может быть отнесено приобретение криптовалют. К видам же разрешенной для партий предпринимательской деятельности отнесены продажа или сдача в аренду принадлежащего на праве собственности движимого или недвижимого имущества. Исходя из вышесказанного, представляется возможным для партий получение криптовалют исключительно в качестве пожертвований.

В целях обеспечения реализации требований законодательства в области партийного финансирования предусмотрены меры административной и уголовной ответственности. Однако представленные в УК РФ и КоАП РФ составы едва ли могут быть применены в рассматриваемых случаях. Прежде всего в силу того, что не предусмотрена обязанность предоставления информации партиями относительно наличия у нее цифровых кошельков. Наряду с этим отсутствие технической возможности установления этих данных уполномоченным органом. Законопроектом «О цифровых финансовых активах» предлагается создание некоего реестра, содержащего сведения о всех зарегистрированных пользователях криптовалют, содержащих и действительные данные о владельцах. Однако до принятия соответствующей нормы цифровые кошельки останутся «анонимными» с правовой точки зрения.

В отношении финансирования политических партий законодатель предусматривает меры юридической ответственности:

1. Уголовная ответственность наступает в случае осуществления партийного финансирования с нарушением актов избирательно законодательства (ст. 141.1 УК РФ). Данная норма не может применяться в отношении криптовалют, как как внесение пожертвований в избирательный фонд возможно лишь в безналичной денежной форме.
2. Административная ответственность — в случае нарушения сроков предоставления финансовой отчетности, осуществления пожертвований с нарушением требования закона. Например, согласно ст. 5.64 КоАП РФ политические партии могут быть привлечены к административной ответственности за непредоставление финансовой отчетности в установленный срок, предоставление сведений о поступлении и расходовании средств в меньшем объеме, чем предусмотрено законом, или предоставление заведомо недостоверных сведений. Полагаем, что

положения данной статьи могли бы быть применены в случае непредоставления партиями сведений о получении ими пожертвований в форме криптовалют. Однако еще раз отметим невозможность уполномоченным органом получать достоверные сведения относительно наличия цифровых кошельков у партий и объема владения криптовалютой. Что касается ст. 5.65 о незаконном принятии пожертвований, осуществленных лицом, которому законодательно запрещено выступать донором, равно как и в объеме, превышающем установленный максимум, то здесь снова сталкиваемся с проблемой идентификации жертвователя.

Таким образом, действующие сегодня нормы, предусматривающие ответственность политических партий за нарушение порядка ее финансирования, едва ли могут применяться в рассматриваемых случаях. Полагаем, что принятие базового закона о цифровых финансовых активах может стать первым шагом на пути развития более прозрачного партийного финансирования в условиях современных технологий. Анализ сводных финансовых отчетов политических партий России последних лет не содержат указаний на привлечение ими криптовалюты в качестве пожертвований, несмотря на заявления некоторых из них о готовности использовать данный финансовый инструмент. Тем не менее в силу указанных выше причин данный факт не может выступать гарантом фактического неиспользования криптовалют.

Список литературы

1. *Каневский С.В.* Криптовалюты в МСФО. Вопросы признания и оценки // Корпоративная финансовая отчетность. Международные стандарты [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.ipbr.org/accounting/ias/new-in-ias/180305-kanevskiy/> (дата обращения: 29.07.2019).
2. *Мануилов А.В.* Идентификация цифровых активов в судебно-экспертной практике [Электронный ресурс]. — URL: https://zakon.ru/LibraryHome/DownloadPub?_id=15652.
3. *Меркулова Ю.К.* Криптовалюта как финансовый инструмент с точки зрения международного частного права // Молодой ученый. 2018. № 43. С. 139–144.
4. *Ситдикова Р.И., Ситдииков Р.Б.* Цифровые права как новый вид имущественных прав // Гражданское право. 2018. № 9 (204). С. 75–80.
5. *Талапина Э.В.* Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Государство и право в современном мире: проблемы теории и истории. 2018. № 2. С. 5–17.

4.3. Электронные технологии в суде присяжных заседателей: реалии и перспективы развития

Омельяненко М.Е.

Развитие информационных технологий оказывает влияние практически на все сферы жизнедеятельности общества¹. Наиболее сложно процесс внедрения электронных технологий происходит в организацию деятельности органов государственной власти, к которым относятся и судебные органы. Это обстоятельство связано с необходимостью формирования методологических основ этого процесса и нормативно-правовой регламентации процесса внедрения электронного правосудия в судах и внесения определенных системных изменений в деятельность этих органов². В настоящее время отсутствует нормативное определение электронного правосудия, это понятие раскрыто только в Концепции развития информатизации судов до 2020 г., где под электронным правосудием понимаются способ и форма осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанных на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде³.

Процесс информатизации судебной системы России начался около 20 лет назад с принятием Федеральной целевой программы, в результате чего с 2002 г. разрабатываются Концепции информатизации судов общей юрисдикции и системы Судебного департамента Российской Федерации⁴. Несмотря на постепенную информатизацию деятельности судов, вопрос внедрения электронных технологий в деятельность суда присяжных заседателей не затрагивался.

¹ *Андрушук В.В., Швед Е.Н.* Понятие «электронное правосудие»: постановка проблемы // Информационные технологии и право: Правовая информатизация — 2018. Сб. мат. VI Междун. научно-практич. конф / Под общ. ред. Е.И. Коваленко. 2018. С. 360–364.

² *Усова М.Г.* Актуальные проблемы электронного правосудия // Цивилистика: право и процесс. 2018. № 3. С. 132–136.

³ Концепция развития информатизации судов до 2020 года. Утверждена постановлением Президиума Совета судей Российской Федерации от 19 февраля 2015 г. № 439 / ЭПС «Система ГАРАНТ» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.edu.garant.ru>.

⁴ *Семушин А.В.* Электронное правосудие в России — этапы и механизмы реализации // Современные тенденции развития гражданского и гражданского процессуального законодательства и практики его применения. 2017. Т. 4. С. 367–374.

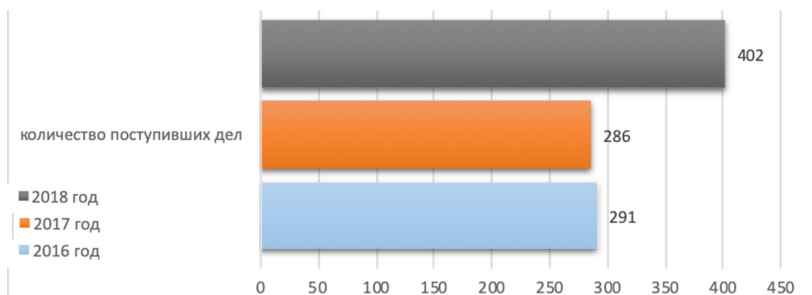

Схема. Количество дел, поступивших в суды общей юрисдикции с ходатайством о рассмотрении дела с участием коллегии присяжных заседателей за 2016–2018 гг.

В связи с увеличением компетенции суда присяжных заседателей путем введения данной формы судоговорения в районных судах возросло и количество дел (схема), рассматриваемых коллегией присяжных заседателей. Порядок рассмотрения дела с участием присяжных заседателей имеет ряд отличительных особенностей, что в связи с увеличением количества рассматриваемых ими дел, обуславливает актуальность введения новых процессов делопроизводства с применением электронных технологий.

Формирование списка кандидатов и статус присяжного заседателя определены федеральным законом о присяжных заседателях¹, а порядок производства по уголовному делу с участием присяжных заседателей регламентировано главой 42 УПК РФ².

Организация деятельности суда присяжных заседателей начинается с составления исполнительно-распорядительным органом муниципального образования с использованием ГАС РФ «Выборы» списков кандидатов в присяжные заседатели (основного и запасного), которые формируются каждые четыре года. Изначально срок обновления списка кандидатов в присяжные заседатели был обусловлен электоральным циклом проведения выборов Президента Российской Федерации и Государственной Думы Российской Федерации³, но в связи с увеличением сроков избрания Президен-

¹ О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации: федеральный закон от 20 августа 2004 № 113-ФЗ (ред. от 01.07.2017) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48943/.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

³ *Тисен О.Н.* Формирование коллегии присяжных заседателей (теоретические и практические проблемы): дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2009. С. 42.

та Российской Федерации и депутатов Государственной Думы Российской Федерации до шести и пяти лет соответственно, корреляция указанных сроков утрачена.

Использование программного обеспечения информационной системы ГАС РФ «Выборы» представляется неоправданным и имеет ряд негативных последствий:

1. Согласно сведениям, содержащимся на официальном сайте Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, обновление ГАС РФ «Выборы» происходит перед проведением выборов Президента Российской Федерации и Государственной Думы Российской Федерации по распоряжению руководителя ФЦИ при ЦИК России¹, таким образом, периодичность обновления сведений в вышеуказанной программе составляет 5–6 лет. Указанный срок является неприемлемым для формирования списков кандидатов в присяжные заседатели, поскольку сведения, содержащиеся в них, являются устаревшими и неактуальными. Это оказывает отрицательное влияние на активность явки кандидатов в присяжные заседатели, поскольку письма с приглашениями на участие в формировании коллегии фактически направляются несуществующим адресатам (лицам, сменившим место жительства или умершим), и, как следствие, процесс формирования коллегии присяжных заседателей по поступившему в суд уголовному делу затягивается, а сроки рассмотрения дела существенно увеличиваются. Нередкими являются случаи формирования коллегии присяжных заседателей с третьего, а то и четвертого раза².
2. ГАС РФ «Выборы» содержит сведения о персональных данных избирателей, к которым относятся: фамилия, имя, отчество, дата рождения и место регистрации. Перечисленные данные явно недостаточно для формирования надлежащего списка кандидатов в присяжные заседатели, поскольку в них отсутствует информация о гражданстве, судимости и сведения об учете в психоневрологическом и наркологическом диспансерах, которые необходимо учитывать при формировании коллегии присяжных заседателей. Несмотря на установлении в п. 4 ст. 5 закона о присяжных заседателях обязанности органов исполнительной власти субъекта Российской

¹ Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.cikrf.ru/gas/>.

² *Верещагина А.В., Омеляненко М.Е.* Реорганизация устройства и работы городских (районных) судов в связи с реформированием института присяжных заседателей // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2018. Т. 10. № 1 (40). С. 84–92.

Федерации при формировании списков кандидатов в присяжные заседатели исключить лиц, которые не могут быть присяжными заседателями, на практике указанная норма является малоэффективной и недействующей. Из-за отсутствия указанных сведений в представленных в суд списках работникам суда каждый раз при формировании коллегии присяжных заседателей приходится запрашивать дополнительную информацию из соответствующих органов и учреждений.

Сказанное позволяет сделать вывод о необходимости создания специализированной электронно-информационной системы, предназначенной непосредственно для формирования списков кандидатов в присяжные заседатели. В ее развитии должны принимать участие не только исполнительно-распорядительные органы муниципального образования, но и отделы адресно-справочной работы УМВД России, информационные центры УМВД и учреждения здравоохранения (психоневрологические и наркологические диспансеры). Кроме того, взаимодействие вышеперечисленных органов не должно закончиться после формирования списков кандидатов в присяжные заседатели, необходимо создание межведомственной электронной системы с разграничением права доступа определенных органов или учреждений, что позволит оперативно вносить изменения в базу данных.

Списки отобранных кандидатов в присяжные заседатели передаются в суд для отбора кандидатов в присяжные заседатели по поступившим в суд уголовным делам с ходатайствами подсудимых, заявленных в порядке ч. 5 ст. 217 УПК РФ.

Формирование коллегии присяжных заседателей по поступившему в суд уголовному делу начинается с постановления суда, вынесенного по итогам предварительного слушания. Отбор кандидатов в присяжные заседатели происходит путем случайной выборки при помощи специализированного программного обеспечения, предназначенного для формирования списка кандидатов и подготовки извещений о необходимости явки в определенную дату для их рассылки, при этом законодательно использование указанной электронной программы никак не обусловлено.

Отсутствие законодательной регламентации процедуры использования электронной программы создает условия, при которых возможен отбор желательных для какого-либо участника процесса кандидатов в присяжные заседатели и исключение нежелательных. Принятие нормативно-правового или подзаконного акта позволит не только легализовать применение программного обеспечения, но и расширить объем его использования.

Например, законодательно можно регламентировать шаблон приглашения, направляемого кандидату в присяжные заседатели,

с нанесением на него штрих-кода или QR-кода для почтового отправления. Это, во-первых, упростит работу специалиста суда или работника почтового отделения по франкированию писем и составлению описи, поскольку в данном случае это будет происходить автоматически, а во-вторых, исключит возможность незаконного вмешательства работников суда в составление списка кандидатов и удаление из него нежелательных лиц, поскольку полностью автоматизирует указанный процесс.

В дополнение указанные штрих-код или QR-код можно использовать одновременно как проездной документ до места судебного разбирательства и обратно и как документ при заселении в гостиницу. Использование штрих-кода или QR-кода в приглашении как проездного документа и при заселении в гостиницу, а также заключение соответствующих договоров с компанией-перевозчиком и владельцем гостиницы устранили бы необходимость компенсации выплат кандидатам (присяжным заседателям) на проезд и проживание и позволили бы производить непосредственный расчет между государственным органом (судом) и юридическим лицом (индивидуальным предпринимателем), предоставляющим услуги перевозки и услуги по размещению и проживанию граждан.

Урегулирование вопроса проезда и проживания кандидатов в присяжные заседатели подобным образом позволит повысить процент явки кандидатов на судебное заседание, поскольку исключит необходимость затраты собственных средств граждан на проезд и проживание, что для части населения является весьма существенным. Кроме того, совместно с установлением мер гражданско-правовой ответственности за использование права проезда и (или) проживания и неявку в суд без уважительных причин исключит возможность злоупотребления своим правом на получение компенсации за проезд и проживание кандидатом в присяжные заседатели, поскольку исключит гражданина из процесса финансирования деятельности суда присяжных заседателей в указанной части.

В связи с неурегулированием вопроса составления списка кандидатов в присяжные заседатели законодательная регламентация процедуры использования электронной программы этой процедуры позволит частично устранить пробел законодательства, закрепив обязанность лица, ответственного за формирование указанного списка, распечатывать электронный протокол работы программного обеспечения.

Резюмируя вышеизложенное можно отметить, что создание и введение программного обеспечения в суд с участием присяжных заседателей повысит эффективность его деятельности и поможет

сократить сроки рассмотрения уголовных дел данной категории, что является актуальным в связи с увеличением количества поступающих в суды дел. Кроме того, наличие специализированной программы повысит прозрачность проведения выборки кандидатов в присяжные заседатели по конкретному делу и предоставит возможность дополнительного контроля, что не может не отразиться на повышении уровня доверия граждан к данной форме судоговорения.

Список литературы

1. *Андрощук В.В., Швед Е.Н.* Понятие «электронное правосудие»: постановка проблемы // Информационные технологии и право: Правовая информатизация — 2018. Сб. мат. VI Междун. научно-практ. конф / Под общ. ред. Е.И. Коваленко. 2018. С. 360–364.
2. *Верещагина А.В., Омельяненко М.Е.* Реорганизация устройства и работы городских (районных) судов в связи с реформированием института присяжных заседателей // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2018. Т. 10. № 1 (40). С. 84–92.
3. Концепция развития информатизации судов до 2020 года. Утверждена постановлением Президиума Совета судей Российской Федерации от 19 февраля 2015 г. № 439 / ЭПС «Система ГАРАНТ» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.edu.garant.ru>.
4. О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации: Федеральный закон от 20 августа 2004 № 113-ФЗ (ред. от 01.07.2017) // СПС «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48943/.
5. Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.cikrf.ru/gas/>.
6. *Семущин А.В.* Электронное правосудие в России — этапы и механизмы реализации // Современные тенденции развития гражданского и гражданского процессуального законодательства и практики его применения. 2017. Т. 4. С. 367–374.
7. *Тисен О.Н.* Формирование коллегии присяжных заседателей (теоретические и практические проблемы): дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2009. С. 42.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
9. *Усова М.Г.* Актуальные проблемы электронного правосудия // Цивилистика: право и процесс. 2018. № 3. С. 132–136.

4.4. Запрет операций с криптовалютой: сравнительно-правовой аспект

Алексеевко А.П.

Развитие цифровых технологий поставило перед законодателями различных государств необходимость решить множество проблем, связанных с использованием в электронной коммерции криптовалют. Отношения по проведению расчетов в криптовалюте до не давнего времени никак не были затронуты правовым регулированием. Между тем, стало очевидным, что нельзя не замечать целую индустрию в сети Интернет, которая развивается из года в год все активнее. Кроме того, тот факт, что находящаяся вне поля зрения государств криптовалюта, используется как альтернатива деньгам для совершения сделок в цифровой сфере, подчеркивает важность этого вопроса для всех стран мира без исключения, тем более, что она обладает таким признаком как децентрализованный способ создания без эмиссионного или расчетного центра.¹

Одним из подходов, который реализуется при правовом регулировании криптовалюты, является ее полный или частичный запрет. Связано это, видимо, с тем, что криптовалюта является очень удобным средством для использования в преступных и мошеннических схемах, например, в целях финансирования терроризма, отмывания денег, не говоря уже о торговле наркотиками и оружием.

В целом негативный подход к криптовалюте складывается в ряде мусульманских стран. Так, в Республике Бангладеш криптовалюта находится под полным запретом, осуществление любых транзакций с использованием криптовалюты является уголовно наказуемым деянием. По мнению Банка Республики Бангладеш,² использование криптовалюты посягает на финансовое и антикоррупционное законодательство, поэтому лица, осуществляющие сделки с ней, подлежат привлечению к ответственности. В Алжире, согласно его Закону «О финансах»³, криптовалюта также находится под запретом, несоблюдение которого влечет ответственность. При этом подчеркивается, что криптовалюта характеризуется отсутствием материальной основы, такой как монеты, бумажные деньги, чеки или банковские карты. В ряде других государств Цен-

¹ Кудряшова Е.В. Правовое регулирование криптовалют: выбор вектора развития // Финансовое право. 2018. № 6. С. 7–11.

² URL: https://www.bb.org.bd/mediaroom/notice/dec242017_cautionarynotice_bitcoin.pdf (дата обращения: 04.06.2018).

³ URL: <https://www.joradp.dz/FTP/jo-francais/2017/F2017076.pdf> (дата обращения: 30.05.2018).

тральные банки в своих актах предостерегают от совершения сделок с криптовалютой и указывают, что это незаконно с точки зрения финансового законодательства, а также опасно для ее владельцев, так как она ничем не обеспечена. Подобные запреты существуют, например, в Египте¹, Индонезии², Катаре³ и Пакистане⁴. Названная позиция властей, помимо указанных выше причин, также, видимо, связана со стремлением не вводить в законный оборот объекты, использование которых противоречило бы принципам исламского банкинга, с точки зрения которого совершение операций с криптовалютой представляет собой гарар — чрезмерную неопределенность⁵.

Криптовалюта также запрещена и в других государствах. Уголовная и административная ответственность предусмотрена за сделки с криптовалютой во Вьетнаме⁶, Центральный Банк которого издал официальное извещение, в котором указал, что оборот криптовалюты равнозначен выпуску и использованию незаконных платежных средств. Примечательно, что в актах указанных стран не приводятся существенные признаки криптовалют кроме того, что они ничем не обеспечены. Такой подход вряд ли можно назвать удачным, так как позволяет слишком широко, или, наоборот, узко трактовать то, что такое криптовалюта. Представляется, что запрет на криптовалюту в указанных выше странах связан с тем, что местные органы власти ввиду того, что не смогли разработать механизм ее правового регулирования для использования в сделках, решили ее запретить. Конечно, следует иметь в виду, что это не отменяет

¹ URL: <http://www.cbe.org.eg/en/Pages/HighlightsPages/Bitcoin%20Press%20Release.aspx> (дата обращения: 29.12.2018).

² URL: https://www.bi.go.id/en/ruang-media/siaran-pers/Pages/sp_200418.aspx (дата обращения: 09.01.2019).

³ URL: <http://www.qcb.gov.qa/English/SupervisionApproach/Circulars/Pages/Circularstobanks.aspx> (дата обращения: 09.01.2019).

⁴ URL: <http://www.sbp.org.pk/press/2018/Pr-VC-06-Apr-18.pdf> (дата обращения: 09.01.2019).

⁵ Bakar N.A., Rosbi S., Uzaki K. Cryptocurrency framework diagnostics from Islamic finance perspective: a new insight of Bitcoin system transaction // International Journal of Management Science and Business Administration. 2017. Vol. 4 (1), pp.19–28.

⁶ URL: https://www.sbv.gov.vn/webcenter/portal/vi/menu/trangchu/ttsk/ttsk_chitiet?leftWidth=20%25&showFooter=false&showHeader=false&dDocName=SBV307772&rightWidth=0%25¢erWidth=80%25&_afLoop=173915386868000#%40%3F_afLoop%3D173915386868000%26centerWidth%3D80%2525%26dDocName%3DSBV307772%26leftWidth%3D20%2525%26rightWidth%3D0%2525%26showFooter%3Dfalse%26showHeader%3Dfalse%26_adf.ctrl-state%3Dg9uadsjks_9 (дата обращения: 04.01.2019).

справедливость выводов соответствующих государств насчет тех рисков, которые порождает использование криптовалюты.

В некоторых странах, где криптовалюта находится под частичным запретом, всё же предпринята попытка дать дефиницию данного объекта. Так, Народным Банком КНР был издан достаточно подробный нормативный акт, посвященный запрету криптовалюты — Извещение «О предупреждении рисков, вытекающих из биткойна»¹. Согласно Извещению финансовым организациям запрещено обменивать биткойны на юани или иностранную валюту, а также оказывать клиентам финансовые услуги, связанные с биткойнами². Примечательно, что прямого запрета на использование криптовалюты для физических лиц в Извещении не установлено. Однако, в ст. 4 этого документа закреплены требования к тому, как граждане КНР могут пользоваться имеющими специальное разрешение сайтами, которые предоставляют услуги по совершению транзакций с Биткойнами. Так, пользователи упомянутых сайтов должны регистрироваться на них под своими настоящими именами, используя свое удостоверение личности.

В некоторых государствах Европейского Союза также введен запрет на криптовалюту, правда, частичный. Такой подход реализуется в Литве. Примечательно, что в данном государстве дано определение криптовалюты. Согласно мнению Центрального Банка Литвы, криптовалюта (виртуальная валюта) — неуправляемые и нерегулируемые цифровые деньги, которые могут использоваться в качестве средства платежа, но выпускаются в обращение и гарантируются учреждением, отличным от Центрального Банка. Виртуальная валюта может существовать в различных формах: от виртуальной валюты, используемой в онлайн-играх и социальных сетях, до платежных средств, которые могут использоваться в реальной жизни. Кроме того, виртуальная валюта может не только использоваться для оплаты, но и содержать средства накопления для сберегательных или инвестиционных целей, например, производные товары или ценные бумаги. Представляется, что данное определение слишком широкое и вводит смещение криптовалюты с игровыми валютами. Поэтому вряд ли его можно назвать однозначно годным для использования в целях правового регули-

¹ URL: <http://www.miit.gov.cn/n1146295/n1652858/n1652930/n3757016/c3762245/content.html> (дата обращения: 10.01.2019).

² Согласно ст. 2 Извещения «О предупреждении рисков, вытекающих из биткойна» к таким услугам относятся: открытие счетов, страхование, клининг, трейдинг, обмен, заем и др.

рования. Однако, несмотря на это, сама попытка дать определение криптовалюты может быть расценена безусловно положительно, ведь в противном случае невозможно регулировать должным образом то, что представляет собой некое явление, которое невозможно описать.

В п. 2 «Позиции Центрального Банка Литвы о криптовалютах и ICO»¹ указано, что участникам финансового рынка, в том числе банкам, запрещено совершать операции с криптовалютой. В частности, речь идет о покупке, продаже, хранении и обмене криптовалюты. Такой запрет вытекает из того, что данная деятельность к финансовым услугам не относится, а значит, совершая соответствующие операции, участник финансового рынка занимается деятельностью, не предусмотренной законом, что, в свою очередь, может повлечь отзыв лицензии или ее приостановление. Согласно позиции ЦБ Литвы, участники рынка финансовых услуг не должны создавать условия для клиентов, при которых они получают возможность для оплаты в виртуальной валюте, но с использованием законных платежных инструментов, например, банковских карт; также запрещено связывать платежные инструменты с виртуальными валютными счетами и т.д. Такой подход делает невозможным использование криптовалюты для осуществления платежей и препятствует появлению параллельной денежной единицы на территории данной страны.

Что касается физических лиц, то им совершать сделки с использованием криптовалюты в Литве не запрещено. Однако в их отношении финансовые организации, как указано в п. 3 Позиции Центрального Банка Литвы, обязаны обеспечивать соблюдение требований законодательства о предотвращении отмывания денег и финансировании терроризма. Это, в свою очередь, делает необходимым осуществление идентификации лиц, пользующихся услугами перевода денег в криптовалюту, ведение мониторинга транзакций и т.п. Ввиду того, что анонимность является одной из основных черт платежей посредством криптовалюты, высокие издержки подтолкнули клиентов, не имеющих возможности представить доказательства законности транзакций, к отказу от обслуживания в литовских финансовых учреждениях, обменивающих деньги на виртуальную валюту.

Итак, из рассмотренного выше можно выделить следующие особенности запрета (ограничения) оборота криптовалют.

¹ URL: <https://www.lb.lt/uploads/documents/files/Pozicijos%20del%20virtualiu%20valiutu%20ir%20VV%20zetonu%20platinimo%20EN.pdf> (дата обращения: 04.01.2019).

Во-первых, оборот криптовалюты влечет нарушение финансового и валютного законодательства, что, видимо, связано с тем, что «ценность криптовалюты определяется соотношением ее спроса и предложения»,¹ т.е. она не обеспечена ничем кроме как сама собой и какой-либо гарантированной ценности не представляет, что, естественно, порождает относительно большие риски.

Во-вторых, запреты (ограничения) преимущественно устанавливаются актами центральных банков, в которых дается основанное на финансовом законодательстве толкование совершения операций с криптовалютой как потенциально опасного деяния и (или) правонарушения.

В-третьих, использование криптовалюты влечет риски, связанные с финансированием терроризма, отмыванием денег, а также легализацией доходов, полученных преступным путем.

В-четвертых, в документах, посредством которых регулируются отношения, связанные с криптовалютой, за исключением КНР и Литвы, отсутствует ее определение.

В-пятых, в ряде случаев центральные банки запрещают совершать операции с криптовалютой не всем субъектам, а только финансовым организациям.

В российской научной литературе высказываются преимущественно негативно о запрете криптовалюты. Как отмечают некоторые исследователи, «негативное отношение законодателя, а значит, чрезмерно жесткое или карательное регулирование криптовалют, скорее всего, не дадут результатов. Правовое регулирование, ограничивающее перетекание криптовалют и фиатных денег, приведет только к снижению потребности в фиатных деньгах»². Представляется, что данный вывод слишком категоричен. Сомнительно, что граждане, осуществляющие легальные сделки в сети Интернет массово будут отказываться от использования электронных денег и переходить на оплату товаров, работ и услуг в криптовалюте. Здравый смысл подсказывает субъектам оборота, что высокая волатильность криптовалюты делает ее использование слишком непредсказуемым, а значит, опасным.

Высказывается также мнение, что при установлении запретов на криптовалюту «абсолютизируются риски, связанные с использованием криптовалют, и игнорируются их полезные функции, которые могли бы быть использованы в интересах развития расчетных от-

¹ *Белых В.С., Степанченко А.В.* К вопросу о понятии иностранной валюты как объекте гражданских прав // *Гражданское право.* 2017. № 5. С. 3–6.

² *Кудряшова Е.В.* Правовое регулирование криптовалют: выбор вектора развития // *Финансовое право.* 2018. № 6. С. 7–11.

ношений»¹. Действительно, стоит рассматривать криптовалюту не только с точки зрения тех угроз, которые она в себе несет, но и с точки зрения тех возможностей, которые она дает в эпоху активного развития цифровых технологий. Однако для того чтобы использовать такого рода преимущества, важно, прежде всего, определиться с тем, что собой криптовалюта представляет: некое имущество, виртуальные деньги, расчетные единицы или что-то иное.

Итак, запрет криптовалюты не представляется оправданным средством в долгосрочной перспективе. Он лишает государство выгод, которые криптовалюта как инновационная технология может предоставлять в плане технического прогресса в сфере платежей. Кроме того, тот факт, что в ряде стран криптовалюта и операции с ней разрешены, вызовет отток некоторого количества денежных средств в соответствующие юрисдикции. Также подобный запрет может повлечь высокие затраты в связи с правоприменением, направленным на выявление и блокировку соответствующей активности граждан и юридических лиц. Поэтому запрет криптовалюты видится крайне нежелательной и максимум временной мерой, пока не будет выработан эффективный механизм правового регулирования соответствующей сферы общественных отношений.

Список литературы

1. *Белых В.С., Степанченко А.В.* К вопросу о понятии иностранной валюты как объекте гражданских прав // *Гражданское право.* 2017. № 5. С. 3–6.
2. *Кудряшова Е.В.* Правовое регулирование криптовалют: выбор вектора развития // *Финансовое право.* 2018. № 6. С. 7–11.
3. *Bakar N.A., Rosbi S., Uzaki K.* Cryptocurrency framework diagnostics from Islamic finance perspective: a new insight of Bitcoin system transaction // *International Journal of Management Science and Business Administration.* 2017. Vol. 4 (1), pp.19–28.

¹ *Кучеров И.И.* Криптовалюта как платежное средство // *Финансовое право.* 2018. № 7. С. 5–8.

4.5. Цифровые технологии в избирательном процессе

Грогуленко Л.В.

За последнее десятилетие развитие интернет-технологий привело к разработке и внедрению различных программ для интернет-голосования во всем мире. Новые информационные технологии широко применяются в избирательном процессе и в России: использование ГАС «Выборы», официальные сайты избирательных комиссий, электронная почта, онлайн-опросы, виртуальные конференции и заседания комиссий, системы видеонаблюдения на избирательных участках, технология ввода протоколов с QR-кодом, которая обеспечила возможность ускоренного формирования и ввода протоколов в систему ГАС «Выборы» и улучшила качество обработки результатов голосования.

В настоящее время введение интернет-голосования в России вызывает множество дискуссий о преимуществах и рисках его внедрения. На сегодняшний день понятно, что интернет-голосование в России не может полностью заменить традиционное голосование по бумажным бюллетеням из-за технических, правовых и других проблем. Тем не менее стоит рассматривать зарубежный опыт таких стран, как Эстония, Швейцария и Канада, эффективно использующих одни из самых передовых моделей интернет-голосования, каждый на разных уровнях управления¹. Примечательно, что одним из первопроходцев в цифровизации избирательного процесса стала Эстония, которая в 2005 г. впервые применила интернет-голосование на выборах в органы местного самоуправления и использует данную технологию до сих пор².

На прошедших в 2018 г. выборах Президента Российской Федерации впервые была применена технология «Мобильный избиратель». Данная технология позволяет избирателю переместить себя на любой удобный для него избирательный участок как внутри страны, так и за рубежом. Для этого необходимо оформить соответствующее заявление любым удобным для избирателя способом: на едином портале государственных услуг, в МФЦ, в территориальной или участковой комиссии. Причем такие, не характерные для избирательного процесса структуры, как портал государственных услуг и МФЦ, были использованы впервые. Технология «Мо-

¹ *Goodman N.J.* Internet Voting in a Local Election in Canada // *The Internet and Democracy in Global Perspective* // Springer International Publishing. 2014. Vol. 31, pp. 7–24.

² *Vassil K., Solvak M., Vinkel P.* The diffusion of internet voting. Usage patterns of internet voting in Estonia between 2005 and 2015 // *Government Information Quarterly* // Elsevier Ltd. 2016. Vol. 33, no 3, pp. 453–459.

бильный избиратель» на сегодняшний день уникальна и не используется ни в одной стране мира. На выборах Президента Российской Федерации данным сервисом воспользовалось более 5,7 млн избирателей — явка на выборы среди них составила 84%¹.

Механизм «Мобильный избиратель» — первоначальный этап цифровизации избирательного процесса, на основе технологии «Мобильный избиратель» планируется создание электронных избирательных участков для реализации избирательного права не выходя из дома. Данная технология будет реализована посредством портала государственных услуг, пользователю необходимо будет подать заявление о включении его в число избирателей электронного участка, для него будет сформирована собственная участковая комиссия. В день голосования ему будет достаточно войти в свой личный кабинет и проголосовать².

Интернет-голосование можно рассматривать как эффективный инструмент содействия участию граждан в выборах. Безусловно, интернет-голосование более удобно по сравнению с традиционным и имеет неоспоримые плюсы, например снижение финансовых и временных затрат на организацию голосования. Так, в отношении времени данные из Эстонии показывают, что голосование на бумаге занимает в 16 раз больше времени, чем интернет-голосование³. Также интернет-голосование устраняет препятствия для избирателей, связанные с плохой погодой, длинной дорогой или путаницей в местоположении избирательных участков. Это удобство для инвалидов, престарелых, лиц с ограниченными возможностями и проживающих в отдаленных и труднодоступных местностях. Немаловажным преимуществом интернет-голосования является упрощение процедуры голосования для россиян, живущих за границей.

Как известно, электоральная активность молодежи невысока, но с внедрением цифровых технологий и возможностью голосования не выходя из дома эта проблема может быть решена. Молодежь активно пользуется современными гаджетами и участие в электронном голосовании будет для них интересным опытом. Это позволит увеличить явку на выборах и привлечь молодых избирателей.

Профессор политических наук, руководитель кафедры политических и социальных наук, European University Institute, Александр Х. Трехсель, исследуя возможности и проблемы электронного голосо-

¹ *Болтаевская Ю.* Цифровизация избирательного процесса: «свобода, какой не было раньше» // «Забайкальский рабочий». 2019. № 43.

² *Булаев Н.И.* «Мобильный избиратель» имеет потенциал для развития. — 2018 [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20180822/1526992735.html>.

³ *Vassil K., Solvak M., Vinkel P.* The diffusion of internet voting. Usage patterns of internet voting in Estonia between 2005 and 2015 // *Government Information Quarterly* // Elsevier Ltd. 2016. Vol. 33, no 3, pp. 453–459.

вания в Евросоюзе, разделяет их на правовые, политические, технологические и социальные. Правовые проблемы связаны с необходимыми изменениями в законодательстве при применении интернет-голосования. Политические — это проблемы взаимодействия субъектов избирательного процесса при интернет-голосовании. К технологическим относятся проблемы безопасности системы интернет-голосования. Социальные проблемы связаны непосредственно с избирателями и их возможностями при использовании системы интернет-голосования¹.

Все эти проблемы будут актуальны и при применении интернет-голосования в Российской Федерации.

Необходимо учитывать возможные преобразования существующих законов для того, чтобы охватить и регулировать новую процедуру голосования. Реализация интернет-голосования должна быть строго определена, организована и введена в эксплуатацию в соответствии с законом. Для внедрения электронного голосования могут потребоваться не только изменения законодательства о выборах, но и других законодательных актов, прямо или косвенно затрагивающих выборные отношения. Например, в Эстонии в начале XXI в. в связи с введением интернет-голосования была утверждена нормативная база, она состоит из четырех нормативно-правовых актов «О выборах в Рийгикогу», «О выборах в местные органы государственной власти», «О референдуме», «О выборах в Европейский парламент». В закон о выборах депутатов Рийгикогу была включена отдельная глава, закрепляющая принципы, порядок подготовки и проведения интернет-голосования, порядок подсчета голосов избирателей².

С юридической точки зрения система электронного голосования должна соответствовать конституционным принципам Российской Федерации: всеобщего, равного, тайного и прямого избирательного права.

Если говорить о конституционных принципах избирательного права, то интернет-голосование не представляет угрозы для принципа прямого избирательного права.

Принцип всеобщего избирательного права может быть нарушен в случае введения интернет-голосования в качестве единственного механизма голосования на выборах, так как люди, не имеющие доступа в Интернет, не смогут проголосовать, следовательно, будет

¹ Trechsel A.H. Potential and challenges of e-voting in the European union. — 2016 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/556948/IPOL_STU%282016%29556948_EN.pdf.

² Лысенко В.Н. Парламентские выборы в Эстонии 3 марта 2019 года. — 2019 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rfsv.ru/law/informirovanie/parlamentskie-vybory-v-estonii-3-marta-2019-goda>.

нарушено их право. Также в соответствии с Конституцией Российской Федерации не обладают активным избирательным правом недееспособные граждане и граждане находящиеся в местах лишения свободы. Необходимо идентифицировать данных граждан во время интернет-голосования в целях недопущения нарушения закона.

Для соблюдения принципа равного избирательного права необходима строгая идентификация избирателя при интернет-голосовании для предотвращения повторного голосования этим же гражданином. Хотя, например, в Эстонии закон позволяет изменять свой выбор при досрочном интернет-голосовании любое количество раз, но учитывается только последний голос избирателя. Интернет-голосование избирателей проводится за три дня до дня проведения общего голосования избирателей в помещениях для голосования участковых избирательных комиссий. В то же время остается и голосование с помощью бумажных бюллетеней. Голос, отданный с использованием бумажного бюллетеня, является окончательным и аннулирует все интернет-голоса, отданные данным избирателем ранее¹. Таким образом, хотя избиратель и может проголосовать несколько раз, но учитывается один голос, поданный последним, и соблюдается принцип равного избирательного права. При использовании данной схемы голосования подкуп и принуждение избирателей теряет смысл, так как избиратель может в любое время изменить свой выбор. Данная процедура голосования может быть применена и для России, для этого в российское законодательство о выборах необходимо будет внести изменения, четко регламентирующую процедуру досрочного интернет-голосования.

Обеспечение тайного голосования зависит от конструкции и качества системы, которая будет использована для проверки проголосовавших и подсчете голосов. В системе электронного голосования Эстонии данная проблема решена с помощью применения избирателями идентификационной карты (ID-карты), которая хранит информацию о ее владельце, о криптографических ключах и сертификатах. Эстонская ID-карта удостоверяет личность гражданина Эстонии при перемещении по территории Евросоюза, а также используется для идентификации избирателей во время интернет-голосования. Главный реквизит ID-карты — это электронная цифровая подпись. Правовой статус цифровой подписи закреплен п. 3 Акта о цифровой подписи от 08.03.2000 «Цифровая подпись имеет равносильные правовые последствия с рукописной подписью в случае, если данные последствия не ограничены

¹ *Савченко М.С., Кадлец В.А.* Правовое регулирование и практика электронного голосования в зарубежных странах // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 117 (3). С. 1–13.

законом»¹. Данная система идентификации избирателей наиболее надежна и исключает возможность голосования за других лиц.

Доверие избирателей к электронному голосованию — это фундаментальный фактор для его дальнейшего успеха. С.Ю. Белоконев и И.И. Чистов, рассматривая проблемы цифровизации избирательного процесса в России и возможные риски, говорят о проблеме доверия избирателей к электронному голосованию: «... всё непонятное будет заведомо восприниматься как мошенничество, что может стать одним из наиболее серьезных препятствий для развития технологии электронного голосования в России», «... человек не будет психологически воспринимать голосование на сайте и на избирательном участке одинаково серьезно»². Поэтому для формирования доверия избирателей к процедуре электронного голосования она должна быть максимально прозрачна для всех участников избирательного процесса на любом этапе. Необходимо привлечение всех заинтересованных сторон для контроля и наблюдения и таким образом формирования доверия избирателей к интернет-голосованию.

К слабым местам электронного голосования в России можно отнести и неравные возможности доступа в Интернет в различных регионах нашей страны. Проблема цифрового неравенства территорий. Например, отдаленные и труднодоступные местности, небольшие муниципальные образования, для которых было бы наиболее востребовано дистанционное электронное голосование, как правило, не оснащены необходимыми современными средствами коммуникации. На некоторых территориях отсутствует связь, не говоря уже об Интернете.

Одной из проблем при проведении интернет-голосования является сложность обнаружения и доказательства ошибок, а также подтасовок во время голосования и пересчет голосов по требованию кандидатов.

К примеру, в соответствии с Эстонским законодательством в случае обнаружения ошибок, фальсификации или кибератак на систему интернет-голосования все электронные голоса аннулируются и избирателям, голосовавшим через Интернет, необходимо прийти на избирательные участки в день выборов и проголосовать снова³.

¹ *Чимаров Н.С.* Правовые стандарты новых технологий голосования в избирательном процессе Эстонской республики // Управленческое консультирование. 2015. № 5. С. 204–210.

² *Белоконев С.Ю., Чистов И.И.* Электронное голосование как перспектива политического процесса: возможности и ограничения «цифровой политики» // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2017. № 5. С. 69–77.

³ *Russell M., Zamfir L.* Digital technology in elections. Efficiency versus credibility // European Parliamentary Research Service. September, 2018. Pp. 12.

Подводя итог, стоит сказать о том, что в странах, где используется интернет-голосование, оно бесспорно имеет большие плюсы и стало неотъемлемой частью избирательного процесса.

Сегодня Россия тоже идет по пути цифровизации избирательного процесса. Э.А. Памфилова, председатель Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, в качестве приоритетного направления работы комиссии указывает на технические новации в избирательном процессе, которые «...должны соответствовать трем критериям. Во-первых, новая система голосования должна снять все барьеры для волеизъявления — гражданин России должен иметь возможность проголосовать, где бы он ни находился: в труднодоступной ли местности, за границей ли. Во-вторых, система голосования должна быть максимально прозрачной и подконтрольной обществу. И, наконец, она должна быть полностью защищенной, безопасной и неуязвимой для внешнего воздействия»¹.

Но, принимая во внимание проблемы цифрового неравенства избирателей в России, а также возможное недоверие избирателей, интернет-голосование не может быть предложено в качестве единственно возможного метода голосования. Для избирателей остается важным сохранить возможность обычного голосования с использованием бумажных бюллетеней.

В целях повышения доверия избирателей к процедуре электронного голосования необходимо проводить информирование избирателей в период избирательных кампаний об эффективности и преимуществах интернет-голосования, безопасности системы, а также разрабатывать четкие инструкции и правила для всех участников избирательного процесса о процедуре интернет-голосования.

Будут необходимы реформы существующих законов для регламентации интернет-голосования на законодательном уровне, чтобы результаты выборов, полученные с помощью электронных средств, имели официальный, юридический характер. Закон должен уточнять цели применения, типы технологий, разрешенных для использования в интернет-голосовании, механизмы прозрачности, безопасности, а также возможность защиты от нарушений избирательных прав, вероятных при применении электронных технологий.

Применение достижений зарубежного опыта в области интернет-голосования, например, Эстонии, которые успешно используют данную систему, поможет решить проблемы идентификации избирателей, защиты системы и многократного голосования. Также электронное голосование может быть эффективно в борьбе с подкупом и принуждением избирателей.

¹ Памфилова Э.А. Научно-практическая конференция «Выборы. Сегодня и завтра». — 2018 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.cikrf.ru/analogy/25-let/conference>.

Применение технологии интернет-голосования в России неизбежно — это будущее избирательного процесса, но необходимо обратить внимание на правовые, технические и другие проблемы, возникающие на пути цифровизации избирательного процесса.

Список литературы

1. *Goodman N.J.* Internet Voting in a Local Election in Canada // The Internet and Democracy in Global Perspective // Springer International Publishing. 2014. Vol. 31, pp. 7–24.
2. *Russell M., Zamfir L.* Digital technology in elections. Efficiency versus credibility // European Parliamentary Research Service. September, 2018. Pp. 12.
3. *Trechsel A.H.* Potential and challenges of e-voting in the European union. — 2016 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/556948/IPOL_STU%282016%29556948_EN.pdf.
4. *Vassil K., Solvak M., Vinkel P.* The diffusion of internet voting. Usage patterns of internet voting in Estonia between 2005 and 2015 // Government Information Quarterly // Elsevier Ltd. 2016. Vol. 33, no 3, pp. 453–459.
5. *Белоконов С.Ю., Чистов И.И.* Электронное голосование как перспектива политического процесса: возможности и ограничения «цифровой политики» // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2017. № 5. С. 69–77.
6. *Болтаевская Ю.* Цифровизация избирательного процесса: «свобода, какой не было раньше» // «Забайкальский рабочий». 2019. № 43.
7. *Булаев Н.И.* «Мобильный избиратель» имеет потенциал для развития. — 2018 [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20180822/1526992735.html>.
8. *Лысенко В.Н.* Парламентские выборы в Эстонии 3 марта 2019 года. — 2019 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rfsv.ru/law/informirovanie/parlamentskie-vybory-v-estonii-3-marta-2019-goda>.
9. *Панфилова Э.А.* Научно-практическая конференция «Выборы. Сегодня и завтра». — 2018 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.cikrf.ru/analog/25-let/conference>.
10. *Савченко М.С., Кадлец В.А.* Правовое регулирование и практика электронного голосования в зарубежных странах // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 117 (3). С. 1–13.
11. *Чимаров Н.С.* Правовые стандарты новых технологий голосования в избирательном процессе Эстонской республики // Управленческое консультирование. 2015. № 5. С. 204–210.

4.6. Структура описания данных о базах знаний и задачниках для алгоритмов искусственного интеллекта как объектов авторского права

Углев В.А.

Введение. Правовое регулирование в области искусственного интеллекта (далее — ИИ) на сегодняшний день не соответствует имеющемуся уровню развития научно-технического прогресса¹. Это касается не только «кодекса поведения» умных роботов или «прав интеллектуальных машин», но и более простых (если не сказать — базовых) элементов любой интеллектуальной системы — наборов знаний, на основании которых эти самые системы или их аппаратные носители (те же роботы) функционируют. Если с программами для ЭВМ или с базами данных всё определено и регулируется, то с базами знаний всё не так однозначно. Попробуем разобраться в том, какие проблемы с этим связаны и какие пути решений могут быть предложены, подробно остановившись на описании знаний для ИИ как самостоятельном объекте авторского права.

Знания в структуре систем ИИ. Для начала определим, что такое знания. Согласно словарному определению², это «совокупность сведений, образующих целостное описание, соответствующее определенному уровню осведомленности об описываемом вопросе, предмете, проблеме и т.д.». Тогда для интеллектуальных систем хранилище знаний будет называться база знаний, как «основа любой интеллектуальной системы»³. Но не всё так однозначно: в области искусственного интеллекта можно выделить два генеральных направления — восходящий и нисходящий подход⁴. Восходящий подход ориентирован на имитацию принципов работы биологического интеллекта и охватывает такие направления, как искусственные нейронные сети, эволюционные вычисления (включая генетические алгоритмы), алгоритмы Data Mining. Нисходящий подход ориентирован на симуляцию рационального рассуждения экспертов и охватывает такие направления, как экспертные системы,

¹ *Рассел С., Норвиг П.* Искусственный интеллект: современный подход: пер. с англ. — М.: Вильямс, 2007. — 1408 с.

² Толковый словарь по искусственному интеллекту / *А.Н. Аверкин, М.Г. Газе-Рапопорт, Д.А. Поспелов.* — М.: Радио и связь, 1992. — 256 с.

³ *Гаврилова Т.А., Хорошевский В.Ф.* Базы знаний интеллектуальных систем. — СПб.: Питер, 2001. — 384 с.

⁴ *Copeland J., Proudfoot D.* Artificial Intelligence: History, Foundations, and Philosophical Issues // *Philosophy of Psychology and Cognitive Science*, 2006. Pp. 429–482.

Рис. 1. Классификация методов ИИ по отношению к обработке знаний

нечеткая логика, семантические сети, фреймы, онтологии и языки программирования пятого поколения. Из этой классификации выпадают гибридные системы (особенно мультиагентные системы и роевый интеллект), но в целом все они оперируют той или иной формой знаний. И всё это интеллектуальные системы. И все они используют знания. Но типы представления знаний, используемых разными подходами, существенно рознятся: одни оперируют «поверхностными» (знания скрыты в первичных данных и требуют извлечения), другие — «глубинными» (абстрактные знания, заданные в явном виде) категориями¹, причем без однозначного соответствия (например, экспертные системы на прецедентах и генетические алгоритмы). На рис. 1 представлена попытка обобщить методы ИИ в соответствии с необходимостью извлечения знаний и принадлежностью базовым подходам. Что можно отметить: во-первых, имеются стабильные, нестабильные (тяготеющие к гибридным) и гибридные (это комбинации методов, весомые онтологии, мультиагентные системы и т.п.); во-вторых, большинство методов описывают знания в виде модели (–) или таблицы данных (+). По этой причине введем их следующее базовое (без комбинаций) деление структур представления знаний:

¹ Гаврилова Т.А., Хорошевский В.Ф. Базы знаний интеллектуальных систем. — СПб.: Питер, 2001. — 384 с.

1. *Задачники* — это множество данных об объекте или его поведении, формирующих таблицу для обучения (обрабатываются методом выявления закономерностей в данных).
2. *Коллекции прецедентов* — это множество первичных данных, описывающих опытное применение тех или иных решений и дополненное их результатами (обрабатываются методом поиска наиболее близких среди прецедентов решений).
3. *Базы знаний* — наборы эвристик и структур, описывающих объекты и логику их поведения в виде коллекции продукционных правил, семантических сетей, онтологий или последовательности кодов на языках декларативного программирования (обрабатываются методом логического вывода решений).

Так как алгоритмическая часть обработки знаний реализуется в системах ИИ отдельно от баз знаний, прецедентов и задачников (для краткости будем далее применять их общее сокращение — БЗПЗ), то механизм проверки гипотез и получения решений имеет, как правило, типовой для заданного класса решаемых задач алгоритм реализации.

Правовой статус БЗПЗ. Следовательно, защитив авторским правом интеллектуальную программу для ЭВМ (решатель и интерфейс), мы не защищаем самый ценный и трудоемкий элемент такой системы — БЗПЗ. Изменяя БЗПЗ мы не вмешиваемся в программу и формально не нарушаем авторского права, при этом получаем отличную логику работы. Более того, мы можем отчуждать БЗПЗ от программы и обрабатывать её иными алгоритмами и программными системами. За рубежом считается в порядке вещей, когда разработчики и ученые для тестирования своих алгоритмов ИИ обращаются к общедоступным базам знаний и задачкам (например, к наборам Data Set¹). По этой причине обозначим основные проблемные моменты:

- необходимо считать БЗПЗ самостоятельным объектом авторского права;
- необходимо описывать БЗПЗ собственным набором характеристик, отличных по структуре от описания программ для ЭВМ или баз данных;
- необходимо официально регистрировать (депонировать) БЗПЗ как новый вид объектов авторского права, делая их объектом правовых и экономических отношений на рынке интеллектуальной собственности;
- необходимо формировать репозитории (архивы) с БЗПЗ для стимулирования разработок в области ИИ и их учета в портфеле нематериальных активов организаций;
- необходимо уметь оценивать БЗПЗ с прикладной, правовой и коммерческой точек зрения.

¹ *Сурмаков Р.* Подборка датасетов для машинного обучения [Электронный ресурс]. — URL: <https://habr.com/ru/post/452392/>.

Кратко рассмотрим эти проблемные моменты, уделив особое внимание выявлению структуры данных, позволяющей описывать БЗПЗ как объект авторского права. И начнем с вопроса легализации.

Ранее на самостоятельность сущности БЗПЗ было не принято обращать внимание, считая БЗПЗ неотъемлемой частью систем ИИ (это к базам данных мы все привыкли), теперь ситуация начала меняться. С утверждением Президентом России «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2010 года»¹ осенью 2019 г. было официально использовано понятие наборов данных (Data Sets), ассоциированных с БЗПЗ (п. 38-б стратегии), а также стремление обеспечить «благоприятные правовые условия (в том числе посредством создания экспериментального правового режима) для доступа к данным» для интеллектуальных систем (п. 49-а стратегии). Так и до полноценной легализации недалеко, так как фактически декларируется самостоятельная ценность БЗПЗ на рынке интеллектуальной собственности.

Структура описания БЗПЗ. Структура описания данных о БЗПЗ должна определяться информационной моделью, представленной в виде формуляра или карточки объекта (этот термин и будет применяться далее по тексту) авторского права, что позволит не только идентифицировать, но и в дальнейшем реализовать возможности проведения операций (депонирование, обмен, постановка на баланс и проч.). Если смотреть в общем случае, то карточка любого объекта авторского права будет включать следующие обязательные данные: заглавие объекта, авторов, правообладателей, дату фиксации, коды классификации и отраслевой принадлежности, аннотацию, ключевые слова и проч. Очевидно, что по ним невозможно объективно судить о характере объекта (см., например, бланки на программу для ЭВМ с сайта Роспатента²). Более того, Роспатент и аналогичные сервисы (ЕДРИД, NRIS, РУАРИД и т.п.) не включают вариативные параметры в карточку объекта, а ограничиваются произвольным описанием во внешних файлах (реферате или технической документации). Можно, конечно, считать, что программы, алгоритмы и базы данных всем понятны и в детализированном описании не нуждаются. Это не убедительный ар-

¹ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946/>.

² Заявление о государственной регистрации программы для ЭВМ или базы данных [Электронный ресурс]. — URL: <https://rupto.ru/ru/documentforms/zayavlenie-o-gosudarstvennoy-registracii-programmy-dlya-evm-ili-bazy-dannyh-lichevaya-i-oborotnaya-storona>.

гумент, ведь даже для программы важной информацией является то, на каком языке она была написана, для какого типа платформы, для какой операционной системы, сколько памяти на диске она занимает, каковы ее программно-аппаратные требования и, конечно же, каков класс выполняемых ею задач. По этой причине к типовым параметрам БЗПЗ следует предложить вариативные (специфические), позволяющие конкретизировать параметры объекта, а затем и организовать по ним эффективный поиск.

Таблица 1

Структура вариативных признаков БЗПЗ как объектов авторского права

	<i>Параметр</i>	<i>Словарь значений</i>
<i>Базы знаний</i>	Целевая система	Производственная экспертная система Экспертная система на прецедентах Экспертная система с доской объявлений Дерево принятия решений Модели эволюции и поведения Гибридная экспертная система в составе интеллектуальной системы Прочий тип системы
	Тип формализации знаний	Производственные правила Таблицы решающих правил Онтологии Семантические сети Фреймы Наборы ответов экспертов на анкеты Коды на языках декларативного программирования Прочие типы формализации
	Описание архитектуры базы знаний	Без словаря (произвольный текст с описанием входов, выходов, структуры и логики связей; шкал и единиц измерения)
	Методы кодирования и преобразования информации	Без словаря (произвольный текст с указанием элементов преобразования и методов преобразования; значений словарей, используемых при кодировании)
	Решатель, для которого создавалась база знаний	Без словаря (произвольный текст с указанием исходной интеллектуальной программы, проекта или типа алгоритма, в рамках которых функционировал решатель системы; либо его отсутствие)

	Параметр	Словарь значений
Задачники для обучения алгоритмов ИИ	Класс алгоритмов	Обучение с учителем Обучение без учителя Обучение с подкреплением Эволюционные алгоритмы Классификации и кластеризации Любой из классов, указанных выше Прочий
	Форма представления	Текстовые данные Числовые и/или закодированные качественные данные Коллекция графических образов или их моделей Смешанная форма представления
	Описание структуры набора	Без словаря (произвольный текст с последовательным перечислением описывающих признаков, целевых признаков; шкал и единиц измерения)
	Методы кодирования и преобразования информации	Без словаря (произвольный текст с указанием элементов преобразования и методов преобразования; значений словарей, использующихся при кодировании)
	Число примеров в выборке	Без словаря (число)

Так как наборы эвристических правил, прецедентов и примеров в задачниках можно представить в виде массивов первичных данных, то для них может подойти множество вариативных показателей объекта Data Set (тот же набор данных, только произвольной природы). Вариативными данными для него, исходя из логики описания, будут следующие: описание объекта, по которому осуществлялся сбор данных; характеристика самого массива данных (например, по столбцам массива); методы сбора, кодирования и представления данных. Но, как видно из этого описания, специфика БЗПЗ в них не прослеживается, и лишь коллекции прецедентов могут быть удовлетворительно приведены к указанной форме. По этой причине введем описание специфических параметров БЗПЗ, опираясь на уже устоявшееся деления в теории ИИ по подходу на нисходящий и восходящий (табл. 1).

Внимательно изучая таблицу можно увидеть, что коллекции прецедентов не имеют отдельного набора вариативных признаков.

Это связано с тем, что они с одинаковым успехом могут быть использованы и методами восходящего, и методами нисходящего подходов (смотря с какой точки зрения описывать).

Агрегация БЗПЗ. Имея утвержденную структуру данных о БЗПЗ (например, как приведена в таблице выше) можно его не только эффективно идентифицировать, но и получить основание для проведения непосредственных операций с объектом (депонирования, поиска, передачи, рецензирования и проч.). Очевидно, что защита БЗПЗ свидетельством Роспатента (по аналогии с базой данных), будет опираться на минималистичный формуляр без вариативных полей. Следовательно, необходимо, чтобы в нашей стране появился такой агрегатор (платформа), который позволил бы осуществлять следующий перечень функций:

- фиксировать приоритет (депонировать) БЗПЗ как самостоятельный объект авторского права в том виде, который эффективно описывает его суть и специфику;
- предоставлять возможность поиска БЗПЗ и запроса на доступ к ним в соответствии с установленными правообладателями ограничениями;
- учитывать БЗПЗ в портфеле объектов интеллектуальной собственности научно-образовательных и иных организаций, формируя тем самым российский рынок технологий искусственного интеллекта;
- позволять ускоренный перевод БЗПЗ в стадию патентования (например, как с программами для ЭВМ или базами данных), обеспечивая защиту национальных интересов в российском и международном правовом поле;
- позволять оперативно учитывать БЗПЗ в качестве отдельных публикаций (например, интернируясь с базой РИНЦ), с целью реализовать пункт стратегии 32-ж.

Вполне возможно, что таким интегратором в России стане платформа IPUiversity.ru.

В дополнение к перечисленным возможностям централизованного хранения и доступа к БЗПЗ требуется институционализировать оценку БЗПЗ как элемента процесса управления знаниями в организациях. В этом контексте методы аудита или консалтинга не позволят получить адекватные оценки. Поэтому актуальность разработки соответствующих новых методик, как и новых компетенций у соответствующих специалистов, очевидна.

Заключение. Итак, мы имеем ситуацию, когда уровень развития искусственного интеллекта и общественная потребность в интеллектуальных функциях техники должны взаимно интенсифициро-

вать развитие рынка как систем искусственного интеллекта, так и их компонентов, включая базы знаний, коллекции прецедентов и задачки. Это, в свою очередь, ведет к гармонизации и дальнейшему развитию правового поля в вопросах создания и оборота интеллектуальных элементов информационных и робототехнических систем.

Список литературы

1. *Рассел С., Норвиг П.* Искусственный интеллект: современный подход: пер. с англ. — М.: Вильямс, 2007. — 1408 с.
2. Толковый словарь по искусственному интеллекту / Авторы-составители А.Н. Аверкин, М.Г. Гаазе-Рапопорт, Д.А. Поспелов. — М.: Радио и связь, 1992. — 256 с.
3. *Гаврилова Т.А., Хорошевский В.Ф.* Базы знаний интеллектуальных систем. — СПб.: Питер, 2001. — 384 с.
4. *Copeland J., Proudfoot D.* Artificial Intelligence: History, Foundations, and Philosophical Issues // *Philosophy of Psychology and Cognitive Science*, 2006. Pp. 429–482.
5. *Сурмаков Р.* Подборка датасетов для машинного обучения [Электронный ресурс]. — URL: <https://habr.com/ru/post/452392/>.
6. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946/>.
7. Заявление о государственной регистрации программы для ЭВМ или базы данных [Электронный ресурс]. — URL: <https://rupto.ru/ru/documentforms/zayavlenie-o-gosudarstvennoy-registracii-programmy-dlya-evm-ili-bazy-dannyh-licevaya-i-oborotnaya-storona>.

4.7. Стратегическое управление конкурентоспособностью перерабатывающих предприятий в эпоху цифровизации

Шашло Н.В., Люй Гуанхай

Актуальной проблемой современной отечественной теории и практики менеджмента является управление конкурентоспособностью отечественных товаропроизводителей. Сегодня одним из важнейших условий по созданию предпосылок, обеспечивающих стабилизацию и рост производства, является ориентация на принятие решений с использованием инструментов и рычагов стратегического управления. Исходя из этого, потребность в стратегическом управлении конкурентоспособностью вызвана процессом экономического развития и главной его целью — повышением конкурентоспособности и эффективности производства перерабатывающих предприятий. Современные исследования актуальных проблем управления конкурентоспособностью отражены в трудах ученых — И. Ансоффа, А. Бранденбургера, Ф. Вирсеми, Я. Гордона, П. Друкера, Ф. Котлера, Г. Минцберга, Дж. Мура, Б. Нейлбаффа, М. Портера, К. Прахалада, В. Рамасвами, Р. Фатхутдинова и др.¹ Вместе с тем недостаточность освещения вопроса совершенствования стратегии управления конкурентоспособностью отечественных предприятий, выявление предпосылок и особенностей стратегического управления конкурентоспособностью, взаимосвязи между общими стратегическими целями и количественными показателями достижения прибыли в различных направлениях хозяйственной деятельности предприятия вызывает необходимость дальнейших исследований. Целью статьи является исследование конкурентоспособности и определение особенностей обеспечения и стратегического управления конкурентоспособностью предприятий в современных условиях.

¹ Балабанова Л.В., Кривенко А.В. Управление конкурентоспособностью предприятий на основе маркетинга: монография. — Донецк: ДонГУЭТ им. М. Туган-Барановского, 2004. — 147 с.; Балабанова Л.В., Кривенко А.В., Балабанова И.В. Управление конкурентоспособностью: учеб. пособие. — Донецк: ДонГУЭТ им. М. Туган-Барановского, 2006. — 217 с.; Портер М., Майкл Э. Конкуренция / Пер. с англ. — М.: Вильямс, 2003. — 649 с.; Портер М. Конкурентная стратегия: методика анализа отраслей и конкурентов / Пер. с англ. — 3-е изд. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. — 453 с.; Томпсон А.А., Стрикленд А.Дж. Стратегический менеджмент. Искусство разработки и реализации стратегии: учебник для вузов / Под. ред. Л.Г. Зайцева, М.И. Соколовой; пер. с англ. — М.: Банки и биржи, ЮНИТИ, 1998. — 576 с.; Фатхутдинов Р.А. Стратегический менеджмент: учебник. — М.: Дело, 2001. — 532 с.; Фатхутдинов Р.А. Управление конкурентоспособностью организации: учеб. пособие. — М.: Изд-во «Эксмо», 2004. — 544 с.

Конкурентоспособность предприятия показывает его способность бороться и выживать в условиях высококонкурентного рынка. Поэтому перед каждым предпринимателем встает вопрос, как эффективно управлять собственным бизнесом, чтобы достичь высокого уровня конкурентоспособности. Для этого предприятиям стоит разрабатывать определенную стратегию управления, которая позволила бы им, используя имеющийся потенциал, развиваться и расширять сферу своего влияния. Для исследования процесса стратегического управления конкурентоспособностью целесообразно проанализировать подходы к определению данного термина (табл. 2).

Таблица 2

Трактовка понятия «управление конкурентоспособностью предприятия»

Автор	Определение
Балабанова Л.В. ¹	Совокупность управленческих действий, направленных на исследование деятельности активных и потенциальных конкурентов, их сильных и слабых сторон, а также разработку конкурентных стратегий, обеспечивающих формирование и поддержку долгосрочных конкурентных преимуществ
Фатхутдинов Р.А. ²	Выполнение общих функций управления, определяющих стратегию и политику при создании и реализации конкурентоспособных товаров, цели и ответственность, реализуемых с помощью планирования конкурентоспособности, оперативного управления
Мансуров Р.Е. ³	Деятельность, направленная на формирование управленческих решений, которые должны быть нацелены на противостояние внешним воздействиям для достижения лидерства в соответствии с поставленными стратегическими задачами

¹ Балабанова Л.В., Кривенко А.В. Управление конкурентоспособностью предприятий на основе маркетинга: монография. — Донецк: ДонГУЭТ им. М. Туган-Барановского, 2004. — 147 с.; Балабанова Л.В., Кривенко А.В., Балабанова И.В. Управление конкурентоспособностью: учеб. пособие. — Донецк: ДонГУЭТ им. М. Туган-Барановского, 2006. — 217 с.

² Фатхутдинов Р.А. Стратегический менеджмент: учебник. — М.: Дело, 2001. — 532 с.; Фатхутдинов Р.А. Управление конкурентоспособностью организации: учебное пособие. — М.: Изд-во «Эксмо», 2004. — 544 с.

³ Мансуров Р.Е. Об экономической сущности понятий «конкурентоспособность предприятия» и «управление конкурентоспособностью предприятия» // Маркетинг в России и за рубежом. 2006. № 2 (52). С. 91–94.

На наш взгляд, управление конкурентоспособностью является категорией динамичной и зависит от конкретной конкурентной среды и ситуации на рынке, где действует субъект рыночных отношений. Необходимо рассматривать систему управления конкурентоспособностью как сложный процесс с четко распределенными функциями управления и обеспечения конкурентоспособности.

Определяя агропродовольственный рынок как особую конкурентную среду, предлагаем рассматривать систему управления конкурентоспособностью предприятия как комплексное использование инструментов, методов, средств и процессов в рамках согласованной организационно-управленческой структуры при наличии ресурсного потенциала, достаточного для создания и реализации условий максимального использования конкурентных преимуществ предприятия в современных условиях или в перспективе вхождения на новые рынки.

Современная практика хозяйствования выдвинула новые задачи и проблемы, решение которых заключается в повышении уровня конкурентоспособности предприятий и создания системы стратегического управления. Процесс стратегического управления конкурентоспособностью предприятия представляет собой процесс развития. Назначением процесса является разработка и реализация конкурентной стратегии, а результатом — повышение эффективности работы и конкурентоспособности предприятия. Взаимосвязь ключевых характеристик и экономических показателей деятельности предприятия с конкурентоспособностью отражена на рис. 2.

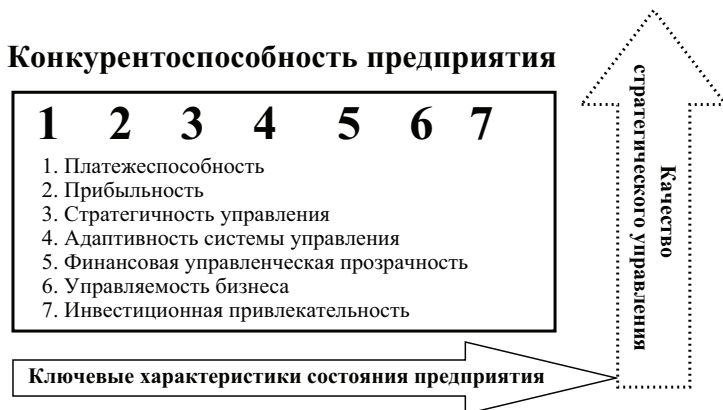

Рис. 2. Взаимосвязь экономических показателей деятельности предприятия с процессом стратегического управления конкурентоспособностью

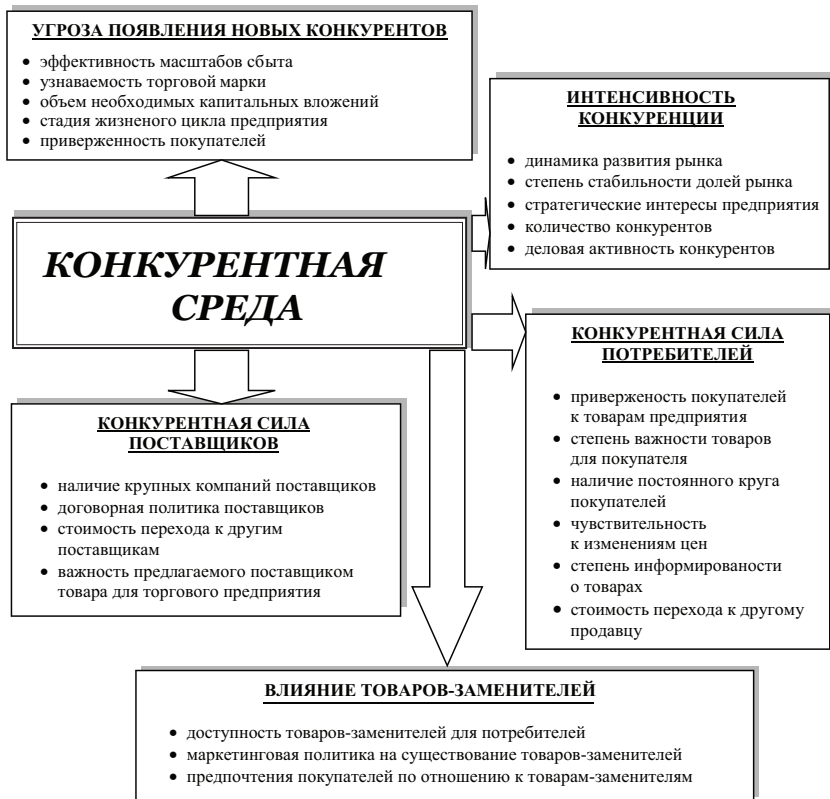

Рис. 3. Факторы конкурентной среды рынка

При формировании механизма стратегического управления конкурентоспособностью необходимо акцентировать внимание на способности предприятия приспосабливаться к постоянно изменяющейся конкурентной среде. В общем виде характеристику конкурентных сил рынка и учет внешних факторов можно отразить на рис. 3.

Для построения системы мониторинга выявленных факторов конкурентной среды целесообразно проводить оценку данных факторов, оценку движущих сил рынка и оценку состояния конкурентной среды.

Высокая конкурентоспособность предприятия является гарантом получения высокой прибыли в рыночных условиях. При этом предприятие имеет целью достичь такого уровня конкурентоспособности, который позволит ему выживать на достаточно долговременном временном отрезке. В итоге управление конкурентоспособностью предприятия в данном контексте сводится к обеспечению

оптимального соотношения качества, цены и обслуживания клиентов. Стратегия управления конкурентоспособностью должна ориентироваться на результаты анализа положения предприятия на рынке, оценки перспектив сбыта и должна носить комплексный характер, постоянно обновляться в связи с изменяющимися требованиями и запросами покупателей. Таким образом, планирование стратегии — это процесс, необходимый для развития предприятия в условиях рынка и обеспечения его конкурентоспособности.

Таким образом, можно сгруппировать факторы, влияющие на стратегическое управление: во внутренней среде — потенциал производства, потенциал развития, инвестиционный потенциал; во внешней среде — конкуренты, потребители, контактные аудитории, поставщики, научно-техническая среда, политическая среда, экономическая среда, естественная среда, культурная среда, территориальное расположение.

Проведенные исследования позволяют сделать вывод о том, что для достижения и сохранения конкурентоспособности предприятия, формирования и поддержания конкурентных преимуществ применение методов управления конкурентоспособностью в рамках стратегии является наиболее оправданным.

К основным проблемам стратегического управления конкурентоспособностью на современном этапе относятся: нестабильность экономической ситуации; отсутствие систем информационного обеспечения управления конкурентоспособностью; недостаточный уровень конкурентоспособности товаров; отсутствие конкурентной стратегии, ориентированной на определенные целевые группы потребителей, разработанной с учетом конкурентных преимуществ и существующих возможностей предприятия; слабый кадровый потенциал.

Исследования показали, что на перерабатывающих предприятиях мероприятия по повышению конкурентоспособности и ее стратегическому управлению проводятся краткосрочно и затрагивают проблемные направления деятельности. Для нивелирования отрицательных последствий данных процессов и создания устойчивого конкурентного преимущества предприятию необходимо определять приоритетные источники конкурентных преимуществ, формировать ключевые компетенции, увеличивать ценность и создавать новые корневые компетенции, использовать бенчмаркетинг, преодолевать организационную инерцию, своевременно выявлять устаревшие знания, навыки, процессы, а также использовать инструменты цифровизации.

Список литературы

1. *Балабанова Л.В., Кривенко А.В.* Управление конкурентоспособностью предприятий на основе маркетинга: монография. — Донецк: ДонГУЭТ им. М. Туган-Барановского, 2004. — 147 с.
2. *Балабанова Л.В., Кривенко А.В., Балабанова И.В.* Управление конкурентоспособностью: учеб. пособие. — Донецк: ДонГУЭТ им. М. Туган-Барановского, 2006. — 217 с.
3. *Мансуров Р.Е.* Об экономической сущности понятий «конкурентоспособность предприятия» и «управление конкурентоспособностью предприятия» // Маркетинг в России и за рубежом. 2006. № 2 (52). С. 91–94.
4. *Портер М.* Конкурентная стратегия: методика анализа отраслей и конкурентов / Пер. с англ. — 3-е изд. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. — 453 с.
5. *Портер М., Майкл Э.* Конкуренция / Пер. с англ. — М.: Вильямс, 2003. — 649 с.
6. *Томпсон А.А., Стрикленд А.Дж.* Стратегический менеджмент. Искусство разработки и реализации стратегии: учебник для вузов / Под. ред. Л.Г. Зайцева, М.И. Соколовой; пер. с англ. — М.: Банки и биржи, ЮНИТИ, 1998. — 576 с.
7. *Фатхутдинов Р.А.* Управление конкурентоспособностью организации: учебное пособие. — М.: Изд-во «Эксмо», 2004. — 544 с.
8. *Фатхутдинов Р.А.* Стратегический менеджмент: учебник. — М.: Дело, 2001. — 532 с.

4.8. Комплексный подход к автоматизации нейросетевых и нейрокогнитивных методов исследования ценностных и психологических характеристик присяжных

Воронин А.В., Сергеева О.Ю.

Сфера социально-правовых отношений в современном обществе претерпевает существенные изменения. Вмешательство в данную сферу новых информационно-коммуникационных технологий оказывает существенное влияние на процессы осмысления социальной реальности, способы поведения в ней. Особенно ярко это проявляется, когда субъект вынужден действовать в неизвестной для него ситуации — в суде в качестве присяжного заседателя. Данные факторы обуславливают необходимость создания новых нейрокогнитивных и нейросетевых подходов к изучению прямого и опосредованного воздействия интернет-контента на сознание и подсознание присяжных, в том числе на развитие имплицитной памяти и имплицитного научения с целью выявления и парирования деструктивного поведения лиц, участвующих в отправлении правосудия.

В условиях современных информационных технологий осмысление правовой реальности невозможно без решения прикладных задач, в том числе без создания программного обеспечения автоматизированного мониторинга интернет-пространства с использованием средств искусственного интеллекта.

Применение систем искусственного интеллекта для решения задач обеспечения справедливости правосудия в суде присяжных является сложной и многоаспектной задачей, решение которой базируется на интеграции результатов исследований многих отраслей социальных и естественных наук — правоведения, социологии, психологии, математики, кибернетики, информатики и др.

В частности, вопросы применения математических методов для количественного анализа поведения судей в процессе освещались в таких работах¹.

Основная идея этих исследований, высказанная еще на рубеже 50–60-х гг. XX в. видным представителем бихевиористского направления в зарубежном правоведении Гленом Шубертом и разви-

¹ *Shubert G.* Quantitative Analysis of Judicial Behavior. — NY: Free Press of Glencoe, 1960; *Ulmer S.* Quantitative Analysis of Judicial Processes: Some Practical and Theoretical Applications. — NY: Basic Books, 1963; *Shubert G.* The Judicial Mind Revisited: Psychometric Analysis of Supreme Court Analysis. NY: Oxford University Press, 1974; *Baum L.* The Puzzle of Judicial Behavior. Ann Arbor (Michigan, USA): University of Michigan Press, 1997; *Segal J., Spaeth H.* The Supreme Court and the Attitudinal Model Revisited. Cambridge; NY: Cambridge University Press, 2002 и др.

тая в трудах позднейших исследователей, состоит в теоретическом обосновании возможности применения математических методов для анализа влияния субъективных факторов, в том числе и личностных качеств судейского корпуса, на характер решений по юридическим делам. Математический и статистический анализы обширной судебной практики показали, что наиболее влиятельными личностными факторами, которые наряду с обстоятельствами дела определяют характер судебных решений, являются возраст, пол, вероисповедание, образование, стаж работы в качестве следователя, прокурора или судьи, политические предпочтения и др.

Наряду с этими выводами исследования данной группы внесли свой вклад в разработку проблемы определения объективных, поддающихся учету индикаторов судейского поведения в процессе, таких как калибровка судебных решений (статистико-лингвистический анализ предыдущих и последующих актов конкретного судьи с целью выявления степени его репрессивности), показатели затрат судейского времени на совершение стандартных операций при слушании дела (позволяют выявить корреляцию между внутренними личностными качествами судьи и характером рассматриваемого дела, а также степень контроля судьи событий во время судебной процедуры), статистические показатели поведения судей в процессе (простые, поддающиеся учету действия судей во время рассмотрения различных дел использовались для проведения дисперсионного анализа влияния личностных качеств судей различных округов на содержание решений) и т.д.

Вклад указанных авторов в разработку математических методов исследования проблем правосудия трудно переоценить. Тем не менее прикладные вопросы применения естественнонаучных методов для повышения эффективности судопроизводства в данных работах не затрагивались.

Решению этих проблем был посвящен ряд работ, в которых исследовались вопросы интеграции систем искусственного интеллекта в юридическую практику. Наиболее, на наш взгляд, весомый вклад в разработку этой проблематики внес Т. Гордон, который является автором монографии «Состязательный процесс; Модели искусственного интеллекта в процессуальном праве»¹, а также ряда научных статей в соавторстве с Д. Уолтоном².

¹ *Gordon T.* The Pleadings Game; An Artificial Intelligence Model of Procedural Justice. Dordrecht (Netherlands): Kluwer, 1995.

² *Gordon T., Walton D.* How Computational Tools Can Help Rhetoric and Informal Logic with Argument Invention // *Argumentation*. 2018. № 1 (January); *Gordon T., Walton D.* Cumulative Arguments in Artificial Intelligence and Informal Logic // *Revista de Argumentacion*. 2017. № 14 и др.

В этих работах автор всесторонне обосновывает возможности применения вычислительных систем, в том числе и средств искусственного интеллекта, в судебном процессе. В частности, в этих исследованиях большое внимание уделено применению самообучающихся моделей и систем в целях юридической аргументации. Различные алгоритмы программного обеспечения автор использует для решения задачи вывода юридически значимых утверждений на основе анализа массива данных юридической практики по той или иной категории дел.

Следует отметить, что в данном направлении прилагают исследовательские усилия и российские ученые. В качестве примера можно привести работу А. Болотова, Д. Кожемяченко и В. Шангина «Естественная дедукция, ее автоматизация, сложность и применение»¹. В этой статье представлено описание алгоритма эффективной системы поиска доказательств и показана применимость предложенной методики к аргументации предположения-гарантии. Исследования данных авторов окажутся неоценимой поддержкой при разработке вычислительных систем юридической аргументации.

В ряду публикаций, посвященных прикладным аспектам применения средств искусственного интеллекта в судопроизводстве, следует особо отметить исследование англо-американских авторов греко-славянского происхождения Николаоса Алетраса, Димитриоса Царапацианиса, Даниеля Пречик-Петро, Василеоса Лампоса².

В этой публикации описана основанная на средствах искусственного интеллекта вычислительная модель прогнозирования результатов рассмотрения дела в Европейском Суде по правам человека. Методологической основой модели стала высокая степень формализации процедуры судопроизводства в ЕСПЧ, позволяющая уже по изначальной совокупности материалов дела весьма достоверно прогнозировать результат судебного разбирательства. Точность прогноза обеспечивалась статистическими закономерностями так называемых регулярных выражений, т.е. однородных n -грамм, встречающихся в решениях ЕСПЧ по конкретным категориям дел.

Не преуменьшая значимость вышеуказанных разработок для автоматизации юридических процессов, необходимо отметить, что они не затрагивали вопросы применения возможностей моделей

¹ *Болотов А., Кожемяченко Д., Шангин В.* Естественная дедукция, ее автоматизация, сложность и применение // *Journal of Applied Logics — IfCoLoG Journal of Logics and their Applications*. 2018. Vol. 5, no 1.

² *Aletras N., Tsarapatsanis D., Preojuic-Pietro D. and Lampos V.* Predicting judicial decisions of the European Court of Human Rights: a Natural Language Processing perspective // *PeerJ Computer Science*. 2016. № 10.

искусственного интеллекта для выявления личностных качеств и системы ценностей присяжных заседателей.

Отдельную группу работ составляют психологические исследования личностных свойств и системы ценностей присяжных заседателей. Большое значение в этой связи имеет монография Д. Майерса «Социальная психология»¹. В этой монографии Майерс раскрывает особенности восприятия присяжными событий, происходящих во время процесса. Заслуга автора состоит в том, что он один из немногих исследователей, доказавших, что вердикт присяжных во многом определяется их системой ценностей. В частности, вердикт присяжных зависит от того, каким они предполагают дальнейшее развитие процесса, т.е. от их культурной традиции (так, в США белые присяжные склонны к более строгому отношению к чернокожим подсудимым и т.п.).

К этой же группе относится и работа О.А. Гулевич «Психология в суде присяжных: аналитический обзор»². В этой работе автор исследовала вопросы научного подхода к отбору присяжных и анализу восприятия ими судебного процесса. В центре внимания автора оказались индивидуальные социодемографические и психологические особенности присяжных, влияющие на вердикт, зависимость вердикта от обстоятельств дела, на присяжных посредством убеждающей коммуникации защиты и обвинения, особенности групповой дискуссии присяжных в совещательной комнате и др.

Отдельно в российской психологической науке следует отметить исследование А.С. Калашниковой и Н.С. Левочкиной «Внутренние факторы, влияющие на вердикт присяжных заседателей»³. Значение этой работы заключается в том, что она обобщила результаты важнейшего эксперимента, который был направлен на изучение взаимосвязи социодемографических характеристик присяжных и характера их вердиктов по конкретным категориям дел. В ходе исследования, опирающегося на 16-факторный опросник Кеттела и модель правового развития Дж. Таппа и Ф. Левина, А.С. Калашниковой и Н.С. Левочкиной было установлено, что присяжные с высоким уровнем тревожности склонны к оправданию подсудимого при отсутствии прямых доказательств вины, так как опасаются совершить судебную ошибку. Также указанными

¹ *Майерс Д.* Социальная психология / Перев. с англ. — СПб.: Питер Пресс, 1997.

² *Гулевич О.А.* Психология в суде присяжных: аналитический обзор. — М.: Международное общество им. Л.С. Выготского, 2003.

³ *Калашникова А.С., Левочкина Н.С.* Внутренние факторы, влияющие на вердикт присяжных заседателей // Психология и право. 2013. № 2.

авторами была установлена прямая корреляция характера вердикта и уровня правосознания присяжных.

Однако при всей значимости данных исследований для разработки практических рекомендаций, повышающих эффективность деятельности в суде присяжных, очевидно, что прикладной аспект этих исследований имеет второстепенное значение по сравнению с теоретическим. Иными словами, вопрос методики практического применения научных рекомендаций данных авторов должным образом не разработан.

Задача методологии практического применения приемов и методов определения внутренних качеств и системы ценностей личности имеет первостепенное значение, так как именно ее решение позволяет воплотить достижения юридических, психологических и социологических наук в моделях, созданных на основе средств искусственного интеллекта.

В этой связи весьма значимой представляется работа В.Н. Карандашева «Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство»¹. В этой работе впервые в нашей стране было представлено методическое руководство по процедуре проведения исследований ценностей с помощью опросника, обработки и интерпретации данных, а также описан опыт адаптации методики на российской выборке.

Большое практическое значение в рамках данной темы имеет исследование коллектива разработчиков стека технологий ИСП РАН (А. Коршунов, И. Белобородов, Н. Бузун, В. Аванесов, Р. Пастухов, К. Чихрадзе, И. Козлов, А. Гомзин, И. Андрианов, А. Сысоев, И. Ипатов, И. Филоненко, К. Чуприна, Д. Турдаков, С. Кузнецов)². В этой статье изложены научные подходы к получению реальных исходных данных для анализа психологических качеств и системы ценностей пользователей соцсетей посредством обращения к веб-интерфейсам социальных сервисов и генерации социальных графов. Для каждого инструмента авторами предложено описание функциональности, вариантов использования, основных шагов используемых алгоритмов и т.п.

В рамках настоящего исследования огромную практическую роль играет монография А.Ф. Резчикова и В.А. Твердохлебова «Принцип причинно-следственной декомпозиции динамических

¹ Карандашева В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. — СПб.: Речь, 2004.

² Анализ социальных сетей: методы и приложения / А. Коршунов, И. Белобородов, Н. Бузун и др. // Труды Института системного программирования РАН. 2014. № 1. Т. 26.

систем»¹. В этой работе формулируется и анализируется принцип причинно-следственной декомпозиции сложных человеко-машинных систем, позволяющий трансформировать научную проблему определения внутренних качеств и системы ценностей присяжных на основе методики Шварца в плоскость научно-практических задач для разработчиков вычислительных моделей с использованием средств искусственного интеллекта. Данные задачи представляют процесс определения внутренних качеств и системы ценностей присяжных как алгебраическое множество свойств событий, процессов и компонентов социодемографических и психологических свойств присяжных, сведения о которых формируются на основе обработки неполных данных. Полагаем, что данную монографию следует рассматривать как ключевое звено в интеграции социальных и естественных наук для разработки вычислительной модели повышения эффективности правосудия по делам с участием присяжных заседателей.

В целом необходимо отметить, что современные достижения различных научных отраслей создали все необходимые предпосылки для разработки сложных самообучающихся систем, решающих задачу повышения эффективности правосудия на основе определения личностных и ценностных характеристик состава суда присяжных.

Очевидно, что решение указанных задач возможно только при совокупном использовании исследовательского инструментария двух научных подходов — нейрокогнитивного и нейросетевого. Первый направлен на изучение факторов, которые оказывают влияние на правосознание присяжных, преломляясь, в свою очередь, ценностными, психологическими и социодемографическими личностными особенностями «судей общественной совести». Второй, т.е. нейросетевой, или коннекционистский, подход базируется на мозговой метафоре познания и направлен на создание вычислительной модели, которая за счет средств искусственного интеллекта обеспечивает автоматизированный мониторинг интернет-пространства, в первую очередь соцсетей, на предмет определения социально-психологических и ценностных установок личности потенциальных присяжных, а также выявления факторов, влияющих на их правосознание.

Нейрокогнитивный подход, решающий задачу выявления факторов, влияющих на правосознание присяжных, представляет собой совокупность методов научных дисциплин, связанных с раз-

¹ Резникова А.Ф., Твердохлебова В.А. Принцип причинно-следственной декомпозиции динамических систем. — Саратов: ООО Издательский центр «Наука», 2003.

личными сторонами познавательной деятельности субъектов — психологией, юриспруденцией, лингвистикой, компьютерными науками и др. Для их объединения в рамках нейрокогнитивного подхода необходим прочный методологический фундамент.

Объединяющим и системообразующим методологическим фундаментом является социально-правовой метод юриспруденции, который представляет собой совокупность приемов и способов изучения свойств, признаков и динамики социальной среды в ее связи с правовыми явлениями. Фундаментальная роль данного метода заключается, во-первых, в том, что он объединяет методы самых различных областей знания (юриспруденции, психологии, лингвистики, компьютерных наук, кибернетики, социологии, статистики, математики и т.п.), нацеливая их на исследование правовых явлений, а во-вторых, позволяет перевести теоретические представления о правовых явлениях в практическое русло за счет приспособления к решению задач юриспруденции методологической базы иных научных дисциплин.

Неотъемлемой частью социально-правового метода является количественный анализ вариационных показателей кандидатов в присяжные. В этих показателях выражаются социально-демографические качества лиц, отбираемых для рассмотрения дела — пол, возраст, профессиональная и этнокультурная принадлежность, место жительства, уровень образования и т.п.

Например, категория «возраст» оценивается в нашем исследовании как понятие биологическое и социально-историческое¹. Возраст определяет динамику развития психических функций, уровень внимания и уровень мышления, а также является показателем изменчивости мыслительных функций и эвристического поиска (решения задач). Именно возраст, во многом, обуславливает круг сетевых связей субъектов социального компьютеринга². Поэтому возраст участников узла сетевой коммуникации является одним из маркеров, позволяющих с высокой степенью достоверности определить психологический возраст потенциального присяжного — субъекта данной микросети.

Социализация в освоении гендерных ролей определяет дифференциацию личностного развития, включая выраженность (доминантность) тех или иных социальных потребностей, склонностей,

¹ Гамезо М.В., Петрова Е.А., Орлова Л.М. Возрастная и педагогическая психология. — М.: ПО России, 2003.

² Yuxin Ding, Shengli Yan, YiBin Zhang, Wei Dai, Li Dong. Predicting the attributes of social network users using a graph-based machine learning method // Computer Communications. 2016. No 73. Pp. 3–11

привычек, ценностей, направленности личности¹. Поэтому гендерная принадлежность в совокупности с другими индикаторами может выступать в качестве показателя психологических, ценностных и других установок личности потенциальных присяжных, что приобретает особую значимость при решении субъектом вопросов об отношении к подсудимому, выстраивании группового взаимодействия с коллегами-присяжными и т.п.

Профессиональная принадлежность в совокупности с периодом трудовой деятельности является важным показателем степени профессиональной деформации, что, в свою очередь, обуславливает такие психологические качества, как авторитарность, демонстративность, профессиональный догматизм, доминантность, профессиональная индеферентность, профессиональная агрессия, ролевой экспансизм, социальное лицемерие, сверхконтроль и т.п.². В совокупности с другими маркерами эти свойства личности являются важным фактором, определяющим структуру и уровень правосознания присяжных, их способность воспринимать и оценивать происходящее в судебном заседании, готовность взаимодействовать в групповой работе при обсуждении вердикта.

Также следует отметить определенную роль психологических установок и ценностей, связанных с этнокультурной идентичностью субъекта и его стереотипами в отношении представителей иных этнокультурных групп³. Указанные стереотипы, наряду с местом проживания субъекта, его интересами и сетевыми связями, могут использоваться в качестве маркеров правосознания, особенностей восприятия и поведенческих установок.

Эмпирическими источниками вышеприведенных сведений являются данные анкетных опросов; сведений из общих списков кандидатов в присяжные, опубликованных в СМИ (списки являются источниками таких сведений, как пол, район проживания, этнокультурная принадлежность); информация общедоступного характера, размещенная в сети Интернет (сведения о профессиональной принадлежности, уровне образования и специализации).

Обработка указанных эмпирических данных при помощи математических и статистических приемов (главным образом на основе программного модуля SPSS) и вычислительных средств (напри-

¹ Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. — СПб.: Питер, 2003.

² Зеер Э.Ф. Психология профессий. — М.: Академический проспект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003.

³ Mansour O.A. Perceptions Of American College Students About Arabs: The Role Of Mass Media And Personal Contact In The Formation Of Stereotypes. — Western Michigan: Michigan University Kalamazoo, 1986.

мер, модуля Word2Vec) предоставляет возможность разработать систему средств измерения особенностей и предпочтений кандидатов в присяжные, а также определить личностные архетипические модели потенциальных присяжных, одной из составляющих описания которых является уровень правосознания.

Последующая группировка и квантификация присяжных по принадлежности к личностной архетипической модели является необходимым условием создания научно-обоснованной базы входных данных искусственной нейронной сети в целях определения уровня и структуры правосознания присяжных, а также прогнозирования количественных и качественных психологических и ценностных параметров потенциальных присяжных.

Центральное место в группе методов исследований данного рода занимают приемы и способы когнитивной психологии, в первую очередь методы психологического анкетирования, психологического опроса (в том числе онлайн), статистический метод и психолого-семантический эксперимент. Выбор методов психологического исследования обусловлен принципиальным теоретическим положением, выдвинутым в 1999 г. К. Янгом, что ключевыми факторами, влияющими на психологические и ценностные установки, а также интересы и потребности пользователей соцсетей, являются: доступность информации, интерактивных зон и визуальных данных; персональный контроль и анонимный характер обмена информацией; внутренние чувства, которые на подсознательном уровне обуславливают большее доверие к общению онлайн.

Полагаем, что данные факторы способны оказывать существенное влияние на психологические и ценностные установки и ориентации субъектов, которые могут привлекаться к исполнению присяжной обязанности. Предметом исследовательского интереса в данном случае выступает зависимость обыденного правосознания и установок личности от факторов интернет-пространства. Указанная зависимость во многом определяет готовность субъекта действовать определенным образом в ситуации имплицитного научения, т.е. приобретения нового опыта при неспособности осознать этот опыт. Речь идет о готовности присяжного руководствоваться не только рациональными представлениями о справедливости, но и собственными подсознательными мотивами, стереотипами, ценностными и иными поведенческими установками в ходе вынесения вердикта по итогам судебного рассмотрения дела. Известно, что присяжные порой выносят вердикты, противоречащие закону, но соответствующие их представлениям о морали и справедливости, тем самым как бы «омораливая» нормы права как в полезную для

всего общества сторону, так и во вред обществу. Например, в Индии суд присяжных был упразднен в 1960 г. вследствие того, что принадлежность скамьи присяжных и подсудимого к враждующим кланам влекла наиболее суровый приговор для последнего, независимо от материалов дела. Это хрестоматийный пример того, как невнимание к факторам, влияющим на правосознание присяжных, может превратить даже такой наиболее демократический институт, как суд присяжных, в далекий от правосудия инструмент расправы и сведения счетов. Нет оснований полагать, что клановость характерна исключительно для Индии.

Методы различных наук, используемые в рамках нейрокогнитивного подхода, позволяют получить достоверные научные знания о психологических и ценностных установках и связанных с этим особенностях правосознания потенциальных присяжных, относящихся к разным архетипам, а также о факторах интернет-пространства, влияющих на правосознание тех кандидатов в присяжные, которые используют практики речевых коммуникаций в сфере социального компьютеринга. Наряду с этим методы нейрокогнитивного подхода позволяют получить достаточный и достоверный теоретический и практический материал для создания коннекционистской вычислительной модели определения факторов, влияющих на правосознание присяжных, т.е. для проектирования архитектуры системы искусственного интеллекта, обеспечивающей мониторинг данных интернет-пространства. Наконец, психолого-правовые исследования и эксперименты, выполненные в рамках нейрокогнитивного подхода, позволяют сравнивать эмпирические результаты исследования правосознания потенциальных присяжных и факторов влияния на это правосознание, выявленные в процессе опроса и анкетирования субъектов интернет-пространства, с результатами автоматизированного определения и обработки аналогичных данных системой искусственного интеллекта.

Нейросетевой подход решает задачи моделирования нейрокогнитивных процессов, связанных с выявлением и классификацией социально-психологических и ценностных установок личности потенциальных присяжных, а также факторов, влияющих на их правосознание. Использование возможностей нейросетевых архитектур в первую очередь основано на правовом кибернетическом методе, под которым нами понимается способ изучения элементов правовой системы, в данном случае суда присяжных, с позиций управления. В соответствии с кибернетическим методом отбор присяжных представляется как совокупность двух связанных подсистем — объекта управления и управляющей подсистемы. Объек-

том управления выступает психологически и ценностно детерминированная деятельность присяжных заседателей по рассмотрению и разрешению дел. В качестве управляющей подсистемы выступает комплекс, состоящий из участников процесса (суд, присяжные, стороны) и вычислительной модели, основанной на средствах искусственного интеллекта.

Функциональная характеристика управляющей подсистемы состоит в том, что вычислительная модель с помощью средств искусственного интеллекта определяет психологические и ценностные качества присяжных и снабжает соответствующими сведениями и рекомендациями участников процесса для принятия управленческих решений по отбору и работе с присяжными.

Целью управления является справедливое разрешение дел в суде на основе вердикта присяжных, отражающего представления о справедливости и основные ценности общества, из которого данные присяжные были избраны. Только в этом случае суд присяжных предстает как независимый гражданский институт.

Окружающей средой судопроизводства в суде присяжных выступают: 1) социально-культурное пространство, в котором находятся присяжные до и во время процесса (законодательство, общественное мнение, морально-нравственные нормы и т.п.); 2) психологические и ценностные качества участников процесса и коллег-присяжных; 3) иные обстоятельства и условия окружающего мира, в которых происходит рассмотрение дела (например, убедительность позиции одной из сторон, либо ожидание от присяжных определенного вердикта, либо влияние на мнение присяжных авторитетных субъектов и т.п.).

Среда оказывает определяющее влияние на цель управления. Мнение присяжных о том, каким должен быть справедливый вердикт, с одной стороны, формируется на основе собственных ценностных приоритетов, психологических особенностей и жизненного опыта, а с другой, вследствие коммуникации присяжных с участниками процесса и непосредственного восприятия обстоятельств дела.

Исходной информацией для выработки управляющего решения служит информация о начальном состоянии кандидата в присяжные на этапе отбора (информация о психологических качествах и ценностных характеристиках, полученная путем обработки открытых данных различными методами, включая систему определения ценностей личности по методу Шварца и др.).

Управляющее воздействие на присяжного осуществляется по каналам прямой связи (например, при использовании стороной права

безмотивного отвода присяжного, система ценностей которого не соответствует общепринятой), а информация о состоянии этой деятельности поступает по каналам обратной связи (например, сторона произносит речь с учетом системы ценностей и психологических особенностей каждого присяжного данного состава). Рекомендации систем искусственного интеллекта о психологических и ценностных качествах присяжных в данном случае играют роль семантического фильтра, позволяющего участникам процесса скорректировать коммуникацию в судебном разбирательстве таким образом, чтобы учесть ценностные и психологические особенности присяжных и воздействовать на них максимально эффективным образом.

В качестве датчиков кибернетической системы «присяжные — искусственный интеллект — участники процесса» выступает вся система контроля со стороны участников процесса за восприятием присяжными обстоятельств дела в суде. Контроль осуществляется в коммуникативных плоскостях «присяжные — председательствующий судья»; «присяжные — представители сторон»; «присяжные — иные участники процесса». В связи с требованиями процессуального законодательства непосредственный вербальный контроль восприятия присяжными процесса уполномочен осуществлять только судья, тогда как другие участники могут осуществлять вербальный контроль только опосредовано, задавая вопросы присяжным через председательствующего. Все участники процесса могут осуществлять контроль восприятия присяжных путем отслеживания их невербальных реакций (мимики, жестов и т.п.).

В процессе фактически одновременно функционирует столько систем управления, сколько насчитывается присяжных и участников процесса. Очевидно, что наиболее эффективными являются те системы управления, которые учитывают рекомендации систем искусственного интеллекта о психологических и ценностных качествах присяжных.

Особо необходимо отметить значение кибернетического метода в аспекте самоорганизации взаимодействующих подсистем. Речь идет о рекомендациях, полученных с использованием средств искусственного интеллекта по вопросам психологической совместимости и корреляции групповых ценностей присяжной коллегии, которые приобретают большое значение при обсуждении вердикта в совещательной комнате. Указанные рекомендации направлены на повышение эффективности напутственной речи председательствующего судьи, произносимой им перед удалением присяжных в совещательную комнату.

Нейросетевой подход, наряду с правовым кибернетическим методом, включает и методику создания программы автоматизированного мониторинга интернет-пространства в целях определения социально-психологических и ценностных установок личности потенциальных присяжных, а также выявления факторов, влияющих на их правосознание.

Предлагаемая методология создания программы базируется на научно доказанных взаимосвязях между коэффициентами ценностей Шварца (КЦШ) типичного пользователя социальных сетей и наполнением его публичного профиля¹. Существование подобных взаимосвязей предполагает возможность определения КЦШ человека (или группы граждан) на основе его (их) профиля(-ей) в социальных сетях. Более того, реализуемость и практическое применение подобной «обратной задачи» были предложены в недавних научных исследованиях².

Из теории машинного обучения, которая является частью области искусственного интеллекта и кибернетики, известно, что параметрическое соотношение $y = f(x | \Theta)$, где Θ обозначает вектор параметров функции f , позволяет точно предсказывать значения y при данном x . Выбор функции f не должен быть ограничен только теми моделями, которые могут быть обоснованы в терминах формальной аргументации и аналитических моделей. С этой точки зрения, более перспективным подходом представляется нахождение параметрической функции $f(x | \Theta)$ с достаточной описательной способностью с точки зрения ее возможности точно описывать реальные статические взаимосвязи между x и y . Несмотря на то, пространство таких функций $f(x | \Theta)$ теоретически неограниченно, в недавних исследованиях были предложены беспрецедентно эффективные кибернетические методы из теории глубинного обучения³. В частности, недавние многочисленные исследования в теории и практике глубинного обучения подтверждают, что соотношение функции $f(x | \Theta)$ с прямым отображением глубинных нейронных сетей (ГНС) имеет преимущество в том, что оно, безусловно, оптимально с точки зрения ряда важных статистических мер, имеющих практическую значимость. Для корректной работы ГНС, однако, необходимо найти

¹ *Khayrullin R.M., Makarov I., Zhukov L. E.* «Predicting psychology attributes of a social network user» // CEUR Workshop Proceeding. 2017. Vol. 1968, pp. 2–8; *Kuzma M., Andrejkova G.* Predicting users preferences using neural networks and psychology models // Applied Intelligence. 2015. No 44 (3), pp. 526–538.

² *Linan F.* National culture, entrepreneurship and economic development: Different patterns across the European Union // Small Business Economics. 2014. No 42 (4), pp. 685–701.

³ *Goodfellow I., Bengio Y., Courville A.* Deep Learning. — MIT Press, 2016.

ее оптимальные параметры Θ с помощью процесса, который известен как обучение. С практической точки зрения процесс обучения нейронной сети сводится к вычислению

$$\Theta^* = \arg \min_{\Theta} E(\Theta),$$

где Θ^* — асимптотически эффективные и согласованные оценки параметров (Θ);

E — отрицательная логарифмическая функция правдоподобия (ОЛФП), описывающая статистические связи между независимой (x) и зависимой (y) переменными. Так, например, в предлагаемом научном исследовании роль независимой переменной играет информация, полученная из социальных профилей респондентов (публичные записи, комментарии, фотографии, видео материалы и т.п.), тогда как в качестве зависимой переменной выступают значения КЦШ.

Предлагаемая структура системы информационной поддержки состоит из двух основных модулей, а именно клиентской части и серверной части. В частности, серверная часть должна выполнять три задачи:

Находить активные профили присяжных в социальных сетях в режиме реального времени. Предполагается, что кроме минимально доступной информации (такой как ФИО, город и возраст) другая информация не доступна, что позволяет гарантировать право на неприкосновенность персональной информации.

Извлекать все необходимые данные о запрашиваемых личностях из их открытых профилей в социальных сетях.

Оценивать КЦШ на основе извлеченной информации с использованием специально разработанной и оптимизированной ГНС.

С другой стороны, при наличии оцененных КЦШ присяжных основная задача клиентской части предлагаемой системы информационной поддержки заключается в интерпретации предоставленной информации с целью выдачи рекомендаций по вопросам психологической совместимости и корреляции групповых ценностей присяжной коллегии, необходимых для принятия управленческих решений по отбору и работе с присяжными.

Использование методики создания программы предусматривает несколько этапов, каждый из которых завершается созданием соответствующего модуля программного обеспечения. На первом этапе запланирована разработка интерфейсов для взаимодействия с социальными сетями и базами данных. Данный этап завершается созданием программного обеспечения для автоматизированной

работы с социальными сетями и базами данных. На втором этапе осуществляется разработка системы искусственного интеллекта с учетом всех требований входных и выходных данных. Результатом второго этапа является построение архитектуры системы искусственного интеллекта для мониторинга данных интернет-пространства. Третий этап связан с обучением системы искусственного интеллекта на данных социальных сетей. Этот этап обеспечивает создание программного обеспечения искусственного интеллекта. Четвертый этап — разработка программы анализа, интерпретации и визуализации данных, полученных системой искусственного интеллекта. Завершением этого этапа является создание программного обеспечения для анализа и визуализации данных. Пятый этап — автоматизированный сбор и аналитическая обработка информации. Результатом этого этапа станет уточнение и корректировка применяемых алгоритмов, окончательная отладка программного обеспечения.

В целом изложенная методическая основа позволит решить ряд научных задач, связанных с влиянием информационно-коммуникационных технологий на процессы осмысления социальной реальности, способы поведения в ней, расширением компетенций судов присяжных и, как следствие, обострением проблемы объективного и непредвзятого разрешения уголовных дел, выявлением информационного воздействия на ценностные установки присяжных. Кроме того, данная методическая основа позволяет обеспечить информационную безопасность в системе отправления правосудия.

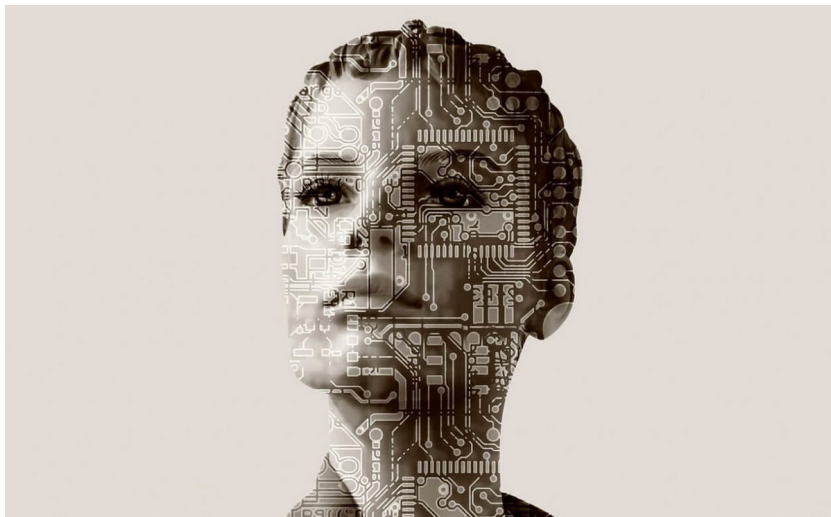
Решение данных задач будет способствовать дальнейшей научно-практической разработке широкого спектра вопросов автоматизации юридических процессов на основе применения нейрокогнитивного и нейросетевого подходов в праве.

Список литературы

1. *Aletras N., Tsarapatsanis D., Preoȃiuc-Pietro D. and Lampos V.* Predicting judicial decisions of the European Court of Human Rights: a Natural Language Processing perspective // *PeerJ Computer Science*. 2016. № 10.
2. *Baum L.* The Puzzle of Judicial Behavior. Ann Arbor (Michigan, USA): University of Michigan Press, 1997.
3. *Goodfellow I., Bengio Y., Courville A.* Deep Learning. — MIT Press, 2016.
4. *Gordon T.* The Pleadings Game; An Artificial Intelligence Model of Procedural Justice. Dordrecht (Netherlands): Kluwer, 1995
5. *Gordon T., Walton D.* How Computational Tools Can Help Rhetoric and Informal Logic with Argument Invention // *Argumentation*. 2018. № 1 (January).

6. *Mansour O.A.* Perceptions Of American College Students About Arabs: The Role Of Mass Media And Personal Contact In The Formation Of Stereotypes. — Western Michigan: Michigan University Kalamazoo, 1986.
7. *Gordon T., Walton D.* Cumulative Arguments in Artificial Intelligence and Informal Logic // Revista de Argumentacion. 2017. № 14 и др.
8. *Khayrullin R.M., Makarov I., Zhukov L.E.* «Predicting psychology attributes of a social network user» // CEUR Workshop Proceeding. 2017. Vol. 1968, pp. 2–8.
9. *Kuzma M., Andrejkova G.* Predicting users preferences using neural networks and psychology models // Applied Intelligence. 2015. No 44 (3), pp. 526–538.
10. *Linan F.* National culture, entrepreneurship and economic development: Different patterns across the European Union // Small Business Economics. 2014. No 42 (4), pp. 685–701.
11. *Mansour O.A.* Perceptions Of American College Students About Arabs: The Role Of Mass Media And Personal Contact In The Formation Of Stereotypes. — Western Michigan: Michigan University Kalamazoo, 1986.
12. *Segal J., Spaeth H.* The Supreme Court and the Attitudinal Model Revisited. Cambridge; NY: Cambridge University Press, 2002.
13. *Shubert G.* The Judicial Mind Revisited: Psychometric Analysis of Supreme Court Analysis. NY: Oxford University Press, 1974.
14. *Shubert G.* Quantitative Analysis of Judicial Behavior. — NY: Free Press of Glencoe, 1960.
15. *Ulmer S.* Quantitative Analysis of Judicial Processes: Some Practical and Theoretical Applications. — NY: Basic Books, 1963.
16. *Yuxin Ding, Shengli Yan, YiBin Zhang, Wei Dai, Li Dong.* Predicting the attributes of social network users using a graph-based machine learning method // Computer Communications. 2016. No 73. Pp. 3–11.
17. *Болотов А., Кожемяченко Д., Шангин В.* Естественная дедукция, ее автоматизация, сложность и применение // Journal of Applied Logics — IfCoLoG Journal of Logics and their Applications. 2018. Vol. 5, no 1.
18. Анализ социальных сетей: методы и приложения / А. Коршунов, И. Белобородов, Н. Бузун и др. // Труды Института системного программирования РАН. 2014. № 1. Т. 26.
19. *Гамезо М.В., Петрова Е.А., Орлова Л.М.* Возрастная и педагогическая психология. — М.: ПО России, 2003.
20. *Гулевич О.А.* Психология в суде присяжных: аналитический обзор. — М.: Международное общество им. Л.С. Выготского, 2003.

21. *Зеер Э.Ф.* Психология профессий. — М.: Академический проспект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003.
22. *Ильин Е.П.* Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. — СПб.: Питер, 2003.
23. *Калашникова А.С., Левочкина Н.С.* Внутренние факторы, влияющие на вердикт присяжных заседателей // Психология и право. 2013. № 2.
24. *Карандашева В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. — СПб.: Речь, 2004.
25. *Майерс Д.* Социальная психология / Перев. с англ. — СПб.: Питер Пресс, 1997.
26. *Резчикова А.Ф., Твердохлебова В.А.* Принцип причинно-следственной декомпозиции динамических систем. — Саратов: ООО Издательский центр «Наука», 2003.

ЧАСТЬ V

**Исследования
молодых ученых**

5.1. Технический прогресс: право — тормоз или вектор развития

Зарецкая А.Я.

To educate in mind and not in morals
is to educate a menace to society.

Theodore Roosevelt¹

Наука движется вперед неумолимыми темпами. О сингулярности в техническом прогрессе написано не мало работ. И кажется, что уже завтра можно полететь на другую планету в отпуск, вживить себе третий глаз на затылке, или робот будет готовить тебе завтрак, прочитав твои мысли. Однако на сегодняшний день не все научные достижения обычный среднестатистический россиянин может применить в своей жизни. В российской больнице тебе предлагают медицинский прибор, основанный на технологиях десяти—двадцатилетней давности. По дорогам ездят машины, у которых нет даже автоматической настройки боковых зеркал. За пределами городов нет ни связи, ни Интернета, ни спутникового покрытия. Для такого тотального отставания реальной жизни от продуктов научного прогресса есть множество причин экономических, политических, социальных, этических, психологических. Одной из причин отставания жизни обычного человека от технического прогресса лежит в плоскости правового регулирования соответствующих отношений, процессов. В данной статье я попробую показать, как законодательство разных стран повлияло на развитие беспилотного транспорта. Нужно ли искусственно сдерживать технический прогресс правовыми методами?

При написании статьи были использованы статьи американских ученых, исследовавших проблемы использования беспилотного автотранспорта, законодательство некоторых штатов США, потому что США — одна из немногих стран, где разрешено использование автономных автомобилей на дорогах общего пользования. Также использовались теоретические научные труды о принципах введения новых технологичных продуктов на рынки. В статье используется несколько терминов, относящихся в целом к технологии беспилотного управления автомобилем и не претендующих на точность понятий.

¹ *Roosevelt T.* Theodore Roosevelt Quotes, BrainyQuote [Electronic resource]. — URL: <https://www.brainyquote.com/quotes/quotes/t/theodorero147876> (access date 28.09.2017).

Таким образом, в большинстве штатов законодатели тем или иным образом выразили свою позицию по вопросу использования автономного автотранспорта. Машины с автопилотом находятся в общем потоке с обычными машинами. Граждане автолюбители тестируют машины с автопилотом и привыкают к такой технологии. Производители получают отчеты о вождении и вносят изменения, совершенствуют технологии. Законодатели корректируют нормативные акты: что-то разрешают, что-то ограничивают.

Надо отметить, что США не присоединилась к Венской конвенции о дорожном движении, которая предписывает, что каждое транспортное средство, находящееся в движении, должно иметь водителя, при этом водитель должен обладать необходимыми физическими и психическими качествами, и его физическое и умственное состояние должно позволять ему управлять транспортным средством¹. На данный момент Венская конвенция предписывает, что автомобилем должен управлять человек, хотя проводятся сессии по изменению формулировок о возможности движения автомобиля без человека².

В России возможность использования беспилотного транспорта долгое время обсуждалась только в проектах, и в конце 2018 г. было принято Постановление Правительства об эксперименте на дорогах г. Москвы и Республики Татарстан³. В мае 2019 г. беспилотные машины Яндекса вышли на дороги Москвы⁴. Несколько компаний заявляло о готовности выхода тестовых автомобилей на дороги России, но только компания Яндекс получила сертификацию на свои автомобили, и около 35 машин сейчас тестируются на дорогах со специально обученными водителями. Опыт использования автопилотов на дорогах Москвы составляет всего несколько месяцев, автопилот еще не умеет объезжать ямы и лужи, препятствия через сплошную полосу. В Татарстане машины научились распознавать кошек и зайцев и тормозить перед ними⁵.

¹ Ст. 8 Венской конвенции о дорожном движении [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901133> (дата обращения: 22.08.2019).

² *Незнамов А.В.* Правила беспилотного вождения об изменениях Венской конвенции о дорожном движении / СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Правительства РФ от 26 ноября 2018 г. № 1415 «О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.11.2018); «Собрание законодательства РФ» от 03 декабря 2018 г., № 49 (ч. VI), ст. 7619.

⁴ *Бобылев С.* Беспилотные машины уже ездят по Москве. Прокалились под управлением робота-педанта // ТАСС. 19.08.2019 [Электронный ресурс]. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/6690058>.

⁵ Там же.

Повсеместно обсуждаются риски, которые могут принести с собой беспилотные автомашины: это и возможность несанкционированного доступа к управлению, сбои и ошибки технологий, сбои связи, проблемы ответственности¹, страхования, высвобождения кадров².

Статистика дорожных происшествий в США показывает, что с 2012 г. по сентябрь 2015 г. произошло 11 ДТП с участием машин, действовавших в режиме автопилота на фоне 5,7 млн аварий в 2013 г. В этих 11 ДТП было две травмы. Ни в одной из аварий автомобиль с автономным управлением не был признан виновным. По соотношению к количеству пройденных километров аварийность машин с автоматическим управлением выше, чем у обычных, но тяжесть повреждений и травм ниже³. В автомобилях, управляемых под традиционным человеческим контролем, в настоящее время гибнут примерно 1,18 человек на каждые 160 000 000 км. По состоянию на март 2019 г. с 2011 г. случилось 5 (4 в США и 1 в Китае) инцидентов со смертельным исходом с участием автомобилей разной степени автономности⁴. В сравнении с абсолютным показателем смертности в ДТП в США за 2018 г. — 40 231 человек, 5 человек — небольшое число. Чтобы оценить насколько это много или мало в соотношении с количеством пройденных километров, автономным автомобилям надо проехать еще многие тысячи километров. Да, машины с автопилотом попадают в аварии, но ошибки случаются и у людей, и у машин.

Как и любая высокая технология, беспилотный автотранспорт развивается по своим технологическим законам.

Чарльз Перроу считает, что системная авария в сложных технологических системах неизбежна и непредсказуема, ее вероятность невозможно просчитать, так как она всегда существует в силу нелинейного сочетания элементов⁵; и наличие системных ошибок является их неотъемлемым свойством. С научной точки зрения

¹ Коробеев А.И., Чучаев А.И. Беспилотные транспортные средства. Новые вызовы общественной безопасности // Совершенствование законодательства. 2019. № 2. С. 9–26.

² Wolfe A. Unstoppable? The gap between public safety and traffic safety in the age of driverless cars [Electronic resource]. — URL: <https://calhoun.nps.edu/handle/10945/52952>.

³ Schoettle B., Sivak M. A Preliminary Analysis of Real-World Crashes Involving Self-Driving Vehicles. — Ann Arbor: University of Michigan.

⁴ URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_self-driving_car_fatalities (дата обращения: 22.08.2019).

⁵ Риски высоких технологий / Ю.И. Соколов; М-во Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. — С. 29.

аварии машин с автопилотом — это нормальный и неизбежный процесс, как и у любой сложной технологической системы. Важно, что таких ошибок у машин меньше, чем у людей.

Эверетт Роджерс в своей книге «Распространение инноваций»¹ описал модель, объясняющую как инновации и технологии внедряются в общество. Ранние приверженцы технологии находятся на переднем крае инновационного развития и взаимодействия человека с машиной. Будь то сознательно или неосознанно, идеи и неправильные представления влияют на принятие и совершенствование технологии. Технология часто требует нескольких доработок, и первые пользователи используются в качестве «подопытных». Их отзывы, обратная связь помогают улучшить технологию. Минимально возможный продукт (MVP) выходит на рынок и дорабатывается в процессе эксплуатации, вместо годов и десятилетий лабораторных испытаний².

Кроме того, существуют определенные социальные конструкции, то что люди думают о технологиях, насколько им доверяют. Бергер и Лакман описали социальные конструкции и то, как их можно менять для интеграции возможностей человека и высоких технологий³. Изменение отношения человека к машине, его ожиданий от нее тоже возможно только в процессе использования технологий в жизни, а не в научных лабораториях.

Хотя люди неизбежно не успевают адаптироваться к новым технологиям⁴, это значит лишь одно — надо больше практиковаться и больше использовать новые технологии, а не ждать, когда они вдруг станут совершенными.

Человек обучается вождению на дорогах городов, а не только на специальных площадках. Так и технологии, основанные на использовании самообучающихся нейросетей, нуждаются в обучении в режиме реального использования на дорогах общего пользования. Изучение того, как учиться водитель, его тенденции, предубеждения и процессы принятия решений в сочетании с тем, что

¹ *Everett M. Rogers. Diffusion of Innovations. — 5th ed. — Riverside: Free Press, 2003.*

² *Exponential Organizations: Why New Organizations Are Ten Times Better, Faster, and Cheaper than Yours (and What to Do about It) / Salim Ismail, Michael S. Malone, Yuri Van Geest. — NY: Diversion Books, 2014. Loc. 2317 of 4417, Kindle.*

³ «Social Constructs» International Encyclopedia of the Social Sciences [Electronic resource]. — URL: <http://www.encyclopedia.com/social-sciences-and-law/sociology-and-social-reform/sociologygeneral-terms-and-concepts/social-3> (access data 18.11.2017).

⁴ *Friedman Thomas L. Thank You for Being Late: An Optimists Guide to Thriving in the Age of Accelerations.*

беспилотный автомобиль ощущает в окружающей среде, может предложить более глобальные решения. Затем компьютер может предупредить человека о повышенном риске. Благодаря партнерству с людьми, автомобиль с самостоятельным управлением становится командным игроком и может предложить альтернативные варианты действий, чтобы противостоять неправильным решениям или предубеждениям, если это необходимо¹.

США уже 9 лет выпускает автомобили разной степени автономности на дороги общего пользования. Почти десятилетие человек и машина имеют возможности для интеграции, лучшего понимания друг друга. Человек может адаптироваться к новой технологии, а технология имеет обратную связь и совершенствуется. В производство включаются всё новые компании, готовые производить новейшие автомобили. Инвесторы могут оценить свои риски вложения денег в технологии автономного вождения или нет. К чему же пришла Россия, законодательство которой только разрешило использование экспериментальных автономных автомобилей на дорогах? Как сознается производитель экспериментальной машины Яндекс, Россия сильно отстает в этой технологии. Получить разрешение на выход машины на дороги достаточно сложно². Инвестиции в эту отрасль не идут, разработки сложно внедрить. Люди в целом даже и не знают, что такое самоуправляемый автомобиль, как к этому относиться, что можно ожидать. Адаптационный период только начинается. У производителей не было обратной связи: насколько плоха или хороша их технология, что надо изменить, чтобы продукт был более совершенным. На данный момент в России нет производителей, готовых запустить массовое производство беспилотных машин.

В итоге мы имеем вот такие печальные последствия осторожной правовой политики России в области эксплуатации автономных автомобилей на дорогах общего пользования. Мы едва вышли на старт, в то время как в США только один из производителей машин с автоматическим управлением, Тесла, заявил, что машины с автопилотом наездили более 1,6 млрд км³. Все автомобили Тесла теперь

¹ *White Jackie L.J.* Humans, intelligent technology, and their interface: a study of Brown's Point [Electronic resource]. — URL: <https://calhoun.nps.edu/handle/10945/56837>.

² *Полищук Д.* «Яндекс»: «Абсолютно гарантировано, что беспилотное такси будет дешевле обычного» [Электронный ресурс]. — URL: <https://realnoevremya.ru/articles/148125-pochemu-bespilotniki-yandeksa-do-sih-por-ne-vyshli-na-dorogi>.

³ Tesla celebrates one billion Autopilot-assisted miles [Electronic resource]. — URL: <https://www.engadget.com/2018/11/28/tesla-celebrates-one-billion-autopilot-assisted-miles/>.

выпускаются с системой Full Self-Driving¹, это значит, что технология полностью протестирована и полностью готова к массовому потребительскому рынку.

Список литературы

1. «Social Constructs» International Encyclopedia of the Social Sciences [Electronic resource]. — URL: <http://www.encyclopedia.com/social-sciences-and-law/sociology-and-social-reform/sociologygeneral-terms-and-concepts/social-3> (access data 18.11.2017).
2. *Everett M. Rogers*. Diffusion of Innovations. — 5th ed. — Riverside: Free Press, 2003.
3. Exponential Organizations: Why New Organizations Are Ten Times Better, Faster, and Cheaper than Yours (and What to Do about It) / *Salim Ismail, Michael S. Malone, Yuri Van Geest*. — NY: Diversion Books, 2014. Loc. 2317 of 4417, Kindle.
4. *Friedman Thomas L*. Thank You for Being Late: An Optimists Guide to Thriving in the Age of Accelerations.
5. *Roosevelt T*. Theodore Roosevelt Quotes, BrainyQuote [Electronic resource]. — URL: <https://www.brainyquote.com/quotes/quotes/t/theodorero147876> (access date 28.09.2017).
6. *Schoettle B., Sivak M*. A Preliminary Analysis of Real-World Crashes Involving Self-Driving Vehicles. — Ann Arbor: University of Michigan.
7. Tesla celebrates one billion Autopilot-assisted miles [Electronic resource]. — URL: <https://www.engadget.com/2018/11/28/tesla-celebrates-one-billion-autopilot-assisted-miles/>.
8. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_self-driving_car_fatalities (дата обращения: 22.08.2019).
9. *White Jackie L.J*. Humans, intelligent technology, and their interface: a study of Brown's Point [Electronic resource]. — URL: <https://calhoun.nps.edu/handle/10945/56837>.
10. *Wolfe A*. Unstoppable? The gap between public safety and traffic safety in the age of driverless cars [Electronic resource]. — URL: <https://calhoun.nps.edu/handle/10945/52952>.
11. *Бобылев С*. Беспилотные машины уже ездят по Москве. Прокаллились под управлением робота-педанта // ТАСС. 19.08.2019 [Электронный ресурс]. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/6690058>.
12. Венская конвенция о дорожном движении [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901133> (дата обращения: 22.08.2019).

¹ Данные с официального сайта производителя Tesla [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.tesla.com/modely>.

13. *Коробеев А.И., Чучаев А.И.* Беспилотные транспортные средства. Новые вызовы общественной безопасности // Совершенствование законодательства. 2019. № 2. С. 9–26.
14. *Незнамов А.В.* Правила беспилотного вождения об изменениях Венской конвенции о дорожном движении / СПС «КонсультантПлюс».
15. *Полищук Д.* «Яндекс»: «Абсолютно гарантировано, что беспилотное такси будет дешевле обычного» [Электронный ресурс]. — URL: <https://realnoevremya.ru/articles/148125-pochemu-bespilotniki-yandeksa-do-sih-por-ne-vyshli-na-dorogi>.
16. Постановление Правительства РФ от 26 ноября 2018 г. № 1415 «О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств» (не вступило в силу) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72013462/> (дата обращения: 22.08.2019).
17. Риски высоких технологий / *Ю.И. Соколов*; М-во Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. — С. 29.
18. Сайт Национальной конференции законодательных органов штатов (NCSL) (неправительственная организацией членов и сотрудников законодательных органов штатов США) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ncsl.org/research/transportation/autonomous-vehicles-self-driving-vehicles-enacted-legislation.aspx> (дата обращения: 22.08.2019).

5.2. Инновационные технологии в туризме: проблемы и перспективы (Innovative technologies in tourism: problems and prospects)

Иванова А.Д.

***Аннотация.** Развитие туристской индустрии открывает множество возможностей, но в то же время выявляет совокупность проблем. Рассмотрены тенденции развития туристской индустрии и выявлены возможности привлечения финансовых ресурсов туристическими компаниями в страну путем интеграции цифровых технологий в процесс оказания туристских услуг. В статье мы рассмотрим проблемы и перспективы развития цифровых технологий. Дадим понятие слову «инновация» и разберем самые значимые инновации. Рассмотрим основные факторы развития туризма на современном этапе. На основе исследования туристских предпочтений обоснована необходимость развития инновационных технологий в этой сфере.*

Ключевые слова: цифровые технологии, туризм, инновации, понятие инновации, технологии, блокчейн.

***Abstract.** The development of the tourism industry opens up many opportunities, but at the same time reveals a set of problems. Trends in the development of the tourism industry are examined and opportunities for attracting financial resources by tourism companies to the country by integrating digital technologies in the process of providing tourist services are identified. In the article we will consider the problems and prospects of the development of digital technologies. We give the concept of the word «innovation» and analyze the most significant innovations. Consider the main factors in the development of tourism at the present stage. Based on a study of tourist preferences, the need for the development of innovative technologies in this area is substantiated.*

Keywords: digital technologies, tourism, innovation, concept of innovation, technology, blockchain.

На данный момент туризм занимает всё более значимое место в мировой экономике и экономике стран, в частности. В соответствии с этим меняются и его основные цели. К основным целям развития современного туризма можно отнести: создание и развитие новых туристических проектов, организацию новых форм проведения досуга для туристов и проведение новых маркетинговых мероприятий по привлечению не только новой и аудитории, уже однажды посетившей регион.

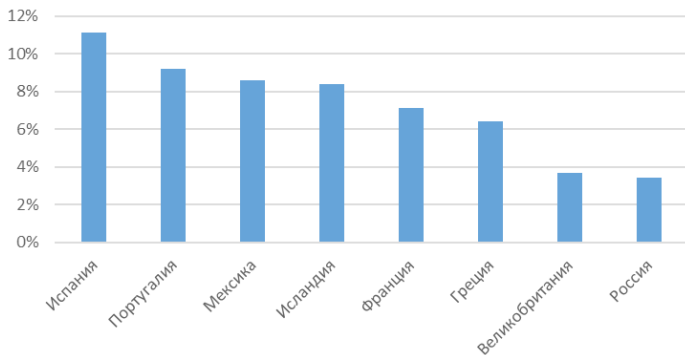

Рис. 5. Доля туризма в ВВП стран

Туризм приносит большой вклад в развитие ВВП стран. Так, по исследованию организации экономического сотрудничества и развития (OECD) доля туризма в ВВП Испании составляет 11,1%, а России — 3,4%. Подробнее всё показано на рис. 5. При этом Испанию посетило 82 млн человек, которые принесли стране 87 млрд евро¹.

Ростуризм заявил, что к 2026 г. доля туризма в ВВП страны вырастет до 5% благодаря реализации ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации на 2019–2025 гг.»².

Высокая конкуренция и повышенный спрос на туристические услуги мотивирует создать новые, инновационные технологии. Но что можно считать инновацией в туризме? Единой трактовки понятия «инновация» не существует. Дословно слово «innovation» переводится как нововведение, новшество, новинка. Однако для нашего исследования целесообразней будет использовать толкование инновационной деятельности в туризме на основе определений из ФЗ «Об основах туристической деятельности в РФ»³.

Исходя из закона, инновации в туризме — это разработка новых проектов, маршрутов, программ, которые позволяют увеличить доходы и занятость населения. Иными словами, инновации в туризме необходимо рассматривать как нечто новое, обеспечивающее развитие туризма в мире, стране или регионе.

¹ Никулина О.В. Инновационные технологии в сфере туризма в России и за рубежом [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-tehnologii-v-sfere-razvitiya-turizma-v-rossii-i-za-rubezhom>.

² ТАСС. Ростуризм рассчитывает благодаря ФЦП довести долю туризма в ВВП до 5% к 2026 году // Официальный сайт Ростуризма [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.russiatourism.ru/content/9/section/85/detail/15528>.

³ Азгалдов Г.Г. К вопросу о термине «инновация» // Онлайн библиотека оценщиков [Электронный ресурс]. — URL: http://www.labrate.ru/articles/azgal-dov-kostin_doklad_2009-2_about-innovation.

Можно выделить несколько факторов развития в туризме:

1. *Туристическая дестинация (туристические местности)*. Создание систем управления туристскими ресурсами и их использование.
2. *Технологические факторы*. Развитие информационных технологий и коммуникационных систем, новые возможности транспортировки товара. С развитием технологий будет меняться и подход ко всему туристическому бизнесу. Поиск клиентов, бронирование туристических услуг, системы оплаты — всё это будет изменяться с появлением новых технологий.
3. *Экологические факторы*. Изменения климата, сокращение территорий без человека. Чистая окружающая среда в данное время считается большой ценностью и сильно влияет на туристический выбор региона. Страны понимают это и вводят новые системы экологического менеджмента на предприятия.
4. *Экономические факторы*. Чем выше уровень населения, тем больше спрос на туризм. Поэтому важным фактором является развитие центров на базе природы, архитектуры и истории.
5. *Социальные факторы*. Толерантность и развитие новых социальных институтов оказывает большое влияние на выбор туристов.
6. *Маркетинговые факторы*. Развитие сайтов, блогов, социальных сетей и видеоблогов по туризму приводит к росту числа блогеров, к которым всё чаще обращаются на стадии выбора.

На данный момент весомый вклад в туризм вносят технологические факторы. Оцифровка туристических туров, онлайн-бронирование билетов, VR, MR и AR-технологии в сфере культуры, карты общих туров, чат-боты и мгновенные системы кредитования и оплаты. Всё это упрощает жизнь людей и делает регион более привлекательным для туризма, что повышает доходы и занятость населения.

В России проходит конкурс «Инновационные решения в области информационных технологий для сферы туризма», который проводит Ассоциация туроператоров России (АТОР) и фонд «Сколково»¹. Данный конкурс также стал инновацией в мире туризма и привлек внимание со стороны бизнес-сообщества, так как многие представленные там проекты имеют высокий коммерческий потенциал. Так, в 2018 г. на конкурсе представили:

1. Искусственный интеллект Chatme.ai. Данный чат-бот упрощает коммуникацию с клиентами. Он способен заказывать транспорт, бронировать номера, регистрировать рейсы, сообщать о погоде и болтать с клиентом на разные темы.

¹ Вестник АТОР. Названы 8 лучших IT-решений в туризме в 2018 году // Ассоциация туроператоров России [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/44391.html>.

2. Проект «Next Space Virtual Museums». Это проект по созданию трехмерных музеев. Теперь галереи, экспонаты и исторические личности становятся доступны всем, у кого есть доступ к Интернету, а системы VR, AR и MR позволяют погрузиться в интерактивный мир.
3. Проект PASSCITY. Пакет городских услуг, который позволяет посещать музеи, выставки, кино, ездить на транспорте и пить кофе по фиксированной цене. Пока действует в двух городах России — Москве и Санкт-Петербурге.
4. Fish Travel. Новая система бронирования, которая позволяет бронировать рыболовные туры по всему миру в один клик. Приносит пользу как людям, так и видам и рыболовным базам, так как они получают стабильный поток клиентов и гарантию оплаты.
5. Проект Insurion.org. Автоматическая страховка. Например, от задержки рейса или опоздания на стыковочный рейс. Застрахованный получает SMS со ссылкой, переходя на которую проходит быстрый процесс валидации и получает страховку за каждый час задержки.

Современные потребители постоянно развиваются, вследствие чего растет интерес к цифровым технологиям. У потребителей уже появились удобные средства бронирования отелей, такие как Booking, Hotellook и Trivago; новые системы построения маршрутов от Google, Яндекс и 2гис; системы бронирования авиабилетов — Aviasales, Skyscanner; системы, помогающие выбрать страну отдыха — ТрипАдвизор; роботы-экспедиторы; онлайн-видео экскурсии; цифровой маркетинг и многое другое.

В данный момент быстро развиваются интерактивные и цифровые музеи. Уже сейчас появилось понятие «Виртуальный туризм», которое характеризуется тем, что человек посредством взаимодействия с компьютером и Интернетом может получить информацию о любой местности и любом историческом времени. Открываются музеи игровых автоматов; музеи с интерактивным взаимодействием с экспонатами, такие как «Музей занимательных наук», «Иннопарк»; оцифрованные версии музеев и памятников архитектуры для VR, MR и AR; интерактивные игры, погружающие человека в мир истории¹.

Цифровые технологии в туризме будут постоянно развиваться. Это огромный рынок, который приносит большой доход и высокую занятость населения, поэтому важно расти в данной сфере

¹ Шамликашвили В.А. Виртуальный туризм как новый вид туризма // Креативная экономика. 2018. Том 8. № 10. С. 128–138.

и придумывать новые методы взаимодействия с клиентом, которые будут упрощать жизнь человека или давать новый опыт взаимодействия. В ближайшие 5–10 лет технологии блокчейна могут значительно изменить индустрию туризма. По мнению главы Ростуризма О. Сафонова: «Мы сейчас очень серьезно изучаем этот вопрос, возможности использования блокчейна для повышения качества обслуживания туристов. Мы предполагаем, что это может серьезнейшим образом изменить нашу индустрию»¹. Блокчейн — выстроенная по определенным правилам непрерывная последовательная цепочка блоков (связный список), содержащих информацию. Чаще всего копии цепочек блоков хранятся и независимо друг от друга (чрезвычайно параллельно) обрабатываются на множестве разных компьютеров².

Блокчейн позволит взаимодействовать с производителем напрямую и не бояться за потерю своих данных. Благодаря технологии блокчейна с рынка туризма могут уйти все посредники, и продукция станет более качественной и доступной для потребителя.

Конкурентоспособность региона во многом будет зависеть от внедрений новых комплексных решений. Клиенту должно быть удобно и приятно взаимодействовать со всеми цифровыми системами, а работники сферы туризма должны предлагать высокий уровень качества своих услуг и сервиса. И если этого достичь, станет возможным многократное посещение вашего региона, что приведет к большей прибыли. В связи с оцифровкой популярными профессиями становятся: программист, 3D-инженер, дизайнер, проектировщик, интернет-маркетолог.

Главными плюсами цифровых технологий и инноваций в туризме можно считать:

1. Сближение поставщиков и потребителей.
2. Появление новых каналов продаж.
3. Изменение модели потребления.
4. Активное развитие интернет-услуг и онлайн-проектов.
5. Глобализацию туристического бизнеса.

Однако, помимо очевидных плюсов цифровых технологий и инноваций в туризме, существует и ряд связанных с этим проблем. Например:

¹ Сафонов О. В Ростуризме ждут серьезных изменений из-за внедрения блокчейна // Интерфакс-Туризм. 03.11.2017 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.russiaturism.ru/content/9/section/85/detail/14071>.

² Заколдаев Д.А. Технология блокчейн в России: достижения и проблемы [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-blokcheyn-v-rossii-dostizheniya-i-problemy>.

1. Цифровые технологии постепенно заменяют такие профессии, как: гид, экскурсовод, кассир, кредитный менеджер и пр.
2. Теряется значимость исторических памятников архитектуры. Благодаря интерактивным музеям мы можем взаимодействовать с историей не выходя из дома, а системы VR, MR и AR дают новый, особый опыт взаимодействия с ней.
3. С развитием цифровых технологий, происходит рост интернет мошенничества.

Мы выяснили, что более эффективные темпы развития инновационных технологий, внедрение новых инноваций, интеграция новых аспектов развития туризма в виртуальную реальность, расширение качества и количества доступной для потребителя информации о туристических центрах и предоставляемых там услугах говорят о грядущих изменениях в туристском бизнесе и электронной коммерции.

Список литературы

1. *Никулина О.В.* Инновационные технологии в сфере туризма в России и за рубежом [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-tehnologii-v-sfere-razvitiya-turizma-v-rossii-i-za-rubezhom>.
2. ТАСС. Ростуризм рассчитывает благодаря ФЦП довести долю туризма в ВВП до 5% к 2026 году // Официальный сайт Ростуризма [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.russiatourism.ru/content/9/section/85/detail/15528>.
3. *Азгальдов Г.Г.* К вопросу о термине «инновация» // Онлайн библиотека оценщиков [Электронный ресурс]. — URL: http://www.labrate.ru/articles/azgaldov-kostin_doklad_2009-2_about-innovation.
4. Вестник АТОР. Названы 8 лучших IT-решений в туризме в 2018 году // Ассоциация туроператоров России [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/44391.html>.
5. *Шамликашвили В.А.* Виртуальный туризм как новый вид туризма // Креативная экономика. 2018. Том 8. № 10. С. 128–138.
6. *Сафонов О.* В Ростуризме ждут серьезных изменений из-за внедрения блокчейна // Интерфакс-Туризм. 03.11.2017 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.russiatourism.ru/content/9/section/85/detail/14071>.
7. *Заклдаев Д.А.* Технология блокчейн в России: достижения и проблемы [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-blokcheyn-v-rossii-dostizheniya-i-problemy>.

5.3. Искусственный интеллект в XXI веке

Серобян Г.А.

Искусственный интеллект в XXI в., без сомнений, является феноменом № 1. В эпоху четвертой промышленной революции эволюция искусственного интеллекта (далее — ИИ) становится всё более планомерной, получая новые направления в развитии и становясь более эффективным инструментом в руках человека. Ведущие мировые державы активно пытаются развивать и совершенствовать системы ИИ.

Более того, считается, что ИИ может стать последним изобретением человечества и после создания универсального «сильного» ИИ не будет требоваться вмешательства человека в процессы, происходящие в жизни самого человека, поскольку решения будут приниматься ИИ.

Та страна, которая сможет достичь серьезных результатов в области развития систем ИИ и будет «править миром», также сможет стать одним из экономически развитых государств. Во многих странах уже приняты стратегические документы, которые должны обеспечивать развитие систем ИИ. Российская Федерация не является исключением в данном вопросе.

Так, 10 октября 2019 г. Президентом РФ был издан Указ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», данный документ является основополагающим документом в области развития систем ИИ.

В соответствии с Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» была утверждена «Национальная Стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» (далее — Стратегия).

Указанная Стратегия определяет цели и основные задачи развития ИИ, а также содержит в себе основополагающие идеи, которые должны лечь в развитие и использование технологий ИИ.

Основными принципами развития и использования технологий ИИ, которые обязательны к соблюдению при реализации Стратегии, являются:

- защита прав и свобод человека;
- безопасность;
- прозрачность;
- технологический суверенитет;
- целостность инновационного цикла;
- разумная бережливость;
- поддержка конкуренции.

Более того, Стратегия является первым документом, который дает легальное определение ИИ.

Согласно пп. «а» п. 5 Стратегии искусственный интеллект — это «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека».

Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Особое внимание Стратегия уделяет созданию нормативно-правовой базы, которая должна обеспечивать стимулирование развития и использования технологий ИИ, а также адаптации нормативного регулирования в части, касающейся взаимодействия человека с ИИ, и выработке соответствующих этических норм. Нормы, которые будут выработаны в ходе реализации Стратегии станут фундаментом и залогом успешного развития технологий ИИ, поскольку без соответствующего качественного и грамотного правового регулирования успеха достичь будет очень сложно. Избыточное регулирование в этой сфере недопустимо, поскольку это только может замедлить темпы развития и реализации технологических решений.

Несмотря на подобный подход, определенный Стратегией, есть и иная идея регулирования полностью автоматизированных компаний, которой будет дана свобода на внедрение своих идей и решений в области технологий ИИ.

Данная идея сводится к тому, что необходимо жестко регулировать деятельность подобных компаний и ограничивать рост и подконтрольных им «роботов», поскольку их концентрация может пагубно сказаться на жизни общества и государства. Считается, что появление компаний с искусственным интеллектом и универсальных роботов ознаменует реализацию утопической идиллии, где удовлетворяются любые желания человека, и подобный сценарий сыграет злую шутку с человечеством.

Более того, Стратегия направлена на обеспечение благоприятных правовых условий, а также создание экспериментальных правовых режимов и процедур упрощенного тестирования и внедрения технологических решений, разработанных на основе ИИ.

Предполагается, что к 2024 г. должны быть уже созданы правовые условия, посредством которых будут достигнуты цели, решения и задачи, предусмотренные Стратегией развития ИИ. К 2030 г.

в Российской Федерации уже должна быть создана гибкая система нормативно-правового регулирования в области ИИ, которая будет гарантировать безопасность населения, а также стимулировать развитие технологий ИИ.

Таким образом, правовая регламентация создания и внедрения технологий ИИ только набирает обороты и направлена прежде всего на ускоренное и эффективное развитие данной сферы. Приоритетные направления развития ИИ, такие как защита прав и свобод человека; безопасность; прозрачность; технологический суверенитет; целостность инновационного цикла; разумная бережливость и поддержка конкуренции, становятся основополагающими и руководящими идеями в дальнейшем развитии технологий ИИ. Правовой анализ показывает, что стратегический документ, направленный на развитие технологий ИИ в эпоху четвертой промышленной революции, а также процессов глобализации, подчеркивает особое внимание государства на развитие технологий ИИ в связи с высоким уровнем актуальности, а также возросшей потребностью в подобных технологических решениях.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»).

5.4. Киберугрозы как новые политические реальности

Кожемякина А.Д.

Сегодня одной из актуальных проблем политического характера являются киберугрозы. С развитием информационного общества и широкого использования электронных технологий, особенно сети Интернет, в большей степени растет нагрузка на сферу безопасности правительственных систем. Однако в данный момент техническими возможностями программного обеспечения и сети Интернет стремятся воспользоваться киберпреступники, численность которых увеличивается с каждым днем. И специалисты в области информационной безопасности пока не могут прийти к единому решению данной проблемы.

Начиная с конца 1990-х гг. международное сообщество систематически получает сообщения о взломах правительственных переписок. На различных форумах ежедневно публикуются и продаются данные об аккаунтах социальных сетей, страховые номера и переписки первых лиц государств.

В начале 2008 г. появилось такое новое понятие, как хактивизм, под которым понимается ненасильственное использование незаконных цифровых средств с целью получения политической выгоды. За последние 10 лет резко выросло количество взломов, и сегодня уже купить украденные данные можно не только в теневой части сети Интернет, но и в открытом доступе.

Так, к примеру, летом 2016 г. в Интернет попала украденная база данных World-Check с данными более двух с половиной миллионов субъектов.

World-Check является базой данных, в которой собраны данные о лицах, организациях террористической направленности и других общественно опасных элементах. Также по официальным данным этой базой регулярно пользуются более 6 000 клиентов из 170 стран мира, 9 из 10 крупнейших юридических фирм, 49 из 50 крупнейших банков мира, а также более 300 правительств и спецслужб. Взлом базы данных World-Check нанес большой урон международной безопасности¹.

Также еще одним примером атаки на кибербезопасность является пример компании Adobe Systems, которая хранила всю информацию о владельцах кредитных карт более 10 млн пользователей ми-

¹ *Тарасенко В.В.* Киберпреступность: международный уровень решения проблемы [Электронный ресурс]. — URL: <https://sibac.info/archive/meghdis> (дата обращения: 01.06.2019).

ровой системы. В 2013 г. 153 млн аккаунтов были похищены, а позже обнаружены в открытом доступе в сети Интернет. Кроме того, было установлено, что лица, которые похитили данные, получили доступ и к серверам Adobe development — программному коду.

В связи с этим компания Adobe была вынуждена изменить детали входа каждого из своих пользователей и значительно усилила свою безопасность. И, конечно, пользователи выдвинули иски против компании Adobe за то, что их информация не была защищена¹.

В большинстве случаев от рук киберпреступников страдает мировая экономика. Теневой рынок растет с каждым днем, так как увеличивается уровень спроса, и это грозит уже в ближайшем будущем пошатнуть экономическую и политическую устойчивость в мире. Поэтому требуется разработать и развить системы безопасности, конфиденциальная информация которых находится под угрозой взломов.

Национальный и международный опыт борьбы с киберугрозами показывает, что ни одно государство не может в полной мере справиться с данной проблемой. К ее решению можно прийти только совместными действиями государственных структур.

Так, понимая опасность предстоящих последствий и значительность разработки стратегии по борьбе с киберпреступностью государствами — членами Совета Европы, а также США, Канадой и Японией, 23 ноября 2001 г. была подписана Международная Конвенция по киберпреступности ETS № 185. К концу 2016 г. 67 государств подписали, ратифицировали или были приглашены присоединиться к Конвенции, а больше 120 стран сотрудничают с Советом Европы в целях совершенствования законодательства и усиления потенциала борьбы с киберпреступностью.

Из положений данной Конвенции можно выделить вопросы, которые регулируют сотрудничество между странами в области противодействия киберугроз. Во-первых, для исполнения политики в уголовно-правовых вопросах необходимо унифицировать оценку преступлений в сфере компьютерной информации. Также необходимо урегулировать вопросы сближения национальных и международных уголовно-процессуальных мер, которые направлены на обеспечение сбора доказательств при расследовании преступлений в области программного обеспечения. В-третьих, установить принципы и рамки международного сотрудничества участников Конвенции.

¹ *Греф Г.О.* Объем ущерба от кибератак в мире достигнет \$1 трлн к 2020 году [Электронный ресурс]. — URL: <http://tass.ru/ekonomika/3617561> (дата обращения: 01.06.2019).

Еще одним документом в области сотрудничества международных организаций является Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 02.12.2009, а также была учреждена межправительственная группа экспертов для проведения исследования проблем киберпреступности и возможных мер со стороны государств-членов, международного сообщества¹.

Кража денег с банковских кредитных карточек, компьютерные вирусы, кибератаки на компьютерные сети госучреждений — небольшая часть совершаемых на сегодняшний день в Интернете преступлений, которые стараются пресечь международные правоохранительные органы.

Согласно статистическим данным на первый квартал 2019 г. отмечаются следующие тенденции:

Увеличивается количество киберинцидентов — по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. оно увеличилось на 11% и продолжает расти.

Вредоносность программного обеспечения возрастает, при этом сочетая в себе функции нескольких троянских вирусов. Например, при просмотре рекламы происходит кража пользовательских данных.

Становится больше кибератак на государства или взломов правительственных веб-ресурсов, действия которых направлены на кражу персональных данных, а также больше заражений посетителей вредоносным программным обеспечением.

Многочисленные утечки учетных записей ставят под угрозу онлайн-сервисы. Злоумышленники охотно используют данные, которые оказались в открытом доступе, для атак.

По прогностическим данным второго квартала 2019 г. киберугрозы также будут активно возрастать. Вредоносное ПО в сочетании с методами социальной инженерии останется основным оружием киберпреступников.

Для предупреждения и борьбы с киберугрозами каждому государству необходимо принять национальные законы в сфере противодействия киберпреступности. Данные законы не должны противоречить друг другу, иначе предотвратить интернет-преступления не удастся. Необходимо разработать меры взаимодействия как на международном уровне, так и на глобальном.

На международном уровне нужно создать международный орган с региональными представителями, который разрабатывал бы международные соглашения в сфере расследования и предотвращения киберугроз.

¹ *Волеводз А.Г.* Конвенция о киберпреступности: новации правового регулирования // Правовые вопросы связи. 2007. № 2. С. 17–25.

На глобальном уровне — обеспечить взаимодействие как криминалистов, так и интернет-провайдеров.

Мировые сообщества реагируют на киберугрозы по-разному, так, одни приглашают аутсорсинговые компании по информационной безопасности, для того чтобы обеспечить безопасность своим системам. Другие мировые сообщества закрываются от внешнего мира. Обе стороны имеют как свои плюсы, так и минусы. Однако на сегодняшний день кибербезопасность считается одной из отстающих сфер в национальной безопасности для стран всего мирового сообщества. Большинство защищенных протоколов правительственных систем по исследованиям специалистов сделаны не надлежащим образом, многие уже утратили силу, а на действующие протоколы уже имеются написанные программы по их утечке. Это значительно облегчает взлом другим киберпреступникам, которые обладают куда меньшей квалификацией, чем те, кто эту уязвимость обнаружил. В связи с этим риск повторного взлома возрастает. Данная угроза имеет большую актуальность для стран с небольшой численностью, которые обладают меньшими ресурсами, чем ведущие страны мирового сообщества¹.

Человеческий фактор — главная уязвимость самой защищенной системы. Несоблюдение основ информационной безопасности создает большую угрозу для национальной безопасности. Это является одной из главных проблем, которая стоит перед мировым сообществом. Специалисты в области обеспечения информационной безопасности находятся не в выигрышном положении в отношении использования технических инструментов для повышения безопасности.

По состоянию на сегодня можно сказать, что со временем гонка информационных технологий приведет к тому, что отсеются низкоквалифицированные хакеры-одиночки. Взлом аналогичных систем будет требовать больших интеллектуальных ресурсов, что при наличии спроса на данный вид услуги неизбежно приведет членов нелегального Интернета к созданию действительно крупных игроков, чьи возможности будут несоизмеримо больше. Существующие тенденции указывают на значительную вероятность подобного развития событий, и тогда проблема киберугрозы станет еще более острой, что чревато серьезными потрясениями в мировом сообществе и резким ослаблением мировой безопасности, что приведет к дальнейшим, еще более сильным атакам.

¹ Багдеева В.А. Проблемы международной киберпреступности // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3 (12). С. 548–554.

Следует также отметить один из главных факторов, который значительно усложняет решение государствами данной проблемы в случае дальнейшего роста угрозы, — невозможность полной кооперации и создания единой системы электронной безопасности. Как и в случае с глобальным терроризмом, будет возможно создать международную группу по предотвращению киберпреступлений и поиска преступника (что существует уже сегодня, но в недостаточных объемах). Что же касается отражения атак на собственные системы, то тут каждая страна из соображений безопасности останется по большей части один на один с угрозой. Исход будет зависеть от адекватности реагирования правительства той или иной страны. Однако полностью закрыться от этой проблемы не получится и рано или поздно придется создать системы активной защиты от киберугроз. Тем не менее на данный момент киберпространство остается одной из главных брешей в международной и национальной безопасности.

Список литературы

1. *Багдеева В.А.* Проблемы международной киберпреступности // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3 (12). 572 с.
2. *Волеводз А.Г.* Конвенция о киберпреступности: новации правового регулирования // Правовые вопросы связи. 2007. № 2. 25 с.
3. *Греф Г.О.* Объем ущерба от кибератак в мире достигнет \$1 трлн к 2020 году [Электронный ресурс]. — URL: <http://tass.ru/ekonomika/3617561> (дата обращения: 01.06.2019).
4. *Тарасенко В.В.* Киберпреступность: международный уровень решения проблемы // Научное сообщество студентов: Междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. XII междунар. студ. науч.-практ. конф. № 1 (12) [Электронный ресурс]. — URL: <https://sibac.info/archive/meghdis> (дата обращения: 01.06.2019).

5.5. Права человека vs права роботов: теоретико-правовой анализ

Котляр О.С.

В современном мире появляется всё больше и больше роботов и компьютеризованных машин. Именно сейчас как никогда актуален вопрос о том, стоит ли наделять роботов правами. Ведь совсем скоро их сложно будет отличить от настоящих людей. Некоторые ученые даже выдвигают теории, что машины с искусственным интеллектом могут стать «новой формой жизни»¹. Например, Стивен Хокинг в своем выступлении в ноябре 2017 г. говорил о том, что искусственный интеллект развивается слишком быстро и может полностью заменить человека. Уже сейчас многие операции выполняются без человека благодаря алгоритмам. В связи с тем, что машины справляются быстрее и качественнее с определенным кругом задач, начали исчезать некоторые профессии.

Несомненно, роботы облегчают нашу жизнь, например, нужную нам информацию мы можем получить за считанные секунды, но появляется вполне закономерный вопрос — а что же происходит с современным обществом? Оно развивается или деградирует? Профессор А.И. Бессмертный больше склоняется к тому, что люди становятся менее эрудированными, так как снижается необходимость в прочтении большого количества литературы для поиска ответа на какой-нибудь вопрос, сейчас функцию анализа и синтеза выполняет Интернет². Возьмем бытовой пример: раньше (лет 25 назад) чтобы подготовиться к занятиям в ВУЗе, студент шел в библиотеку, перечитывал разные книги, энциклопедии, словари и методички, чтобы найти ответ на вопрос, у него уходило гораздо больше времени. Книжки нельзя было отсканировать, материал из них приходилось переписывать от руки и перечитывать по несколько раз, чтобы записать максимально коротко, но при этом не потерять смысл и запомнить. А сейчас, находясь на паре, студент может найти нужную информацию в Интернете. Будь то научная статья, таблица или учебник. Как только человек вводит в поисковую строку запрос, алгоритмы тут же оценивают все данные, которые есть в цифровом формате, и выдают самые популярные ответы, подходящие к запросу.

¹ Демченко Н. Хокинг рассказал о «новой форме жизни» на базе искусственного интеллекта // РБК. 3 ноября 2017 г. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/03/11/2017/59fc0ee99a794733e54fd64 (дата обращения: 09.10.2019).

² Бессмертный И.А. Семантическая паутина и искусственный интеллект // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики. 2009. № 6. С. 77–83.

Нельзя не согласиться с Н.С. Беляковым, он считает правомерным «говорить об искусственном интеллекте не как о единой ценности, а рассматривать данный феномен как систему ценностей, элементы которой могут иметь как позитивную, так и негативную оценку»¹. Ведь действительно, несмотря на недостатки новых технологий, есть множество положительных моментов, например аналитические процессы частично или полностью без вмешательства человека. Такого рода технологию можно проследить, например, в «Умном доме». Компьютер сам всё анализирует и контролирует, человек здесь должен только задавать параметры.

При наблюдении за развитием такого рода технологий появляется вопрос: наделять ли роботов с саморазвивающимися искусственным интеллектом правами? Уравнивать ли их с правами человека?

Как сказано в Рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 2102 от 28 апреля 2017 г. «Слияние с технологиями, искусственный интеллект и права человека»², «сближение между нанотехнологиями, биотехнологиями, информационными технологиями и когнитивными науками, скорости, с которыми внедрение новых технологий выводит таковые на рынок — всё это имеет существенные последствия не только для прав человека и способов их осуществления, но и для фундаментальной концепции о том, что характеризует человека. Проникающая способность новых технологий и их приложений размывает границы между человеком и машиной, между интерактивными и автономными действиями, между физическим и виртуальным мирами, между естественным и искусственным, а также между реальностью и виртуальностью» (п. 1 и 2).

Хочется подчеркнуть мнение Г.С. Осипова о том, что искусственный интеллект имеет дело только с имеющимися в его распоряжении компетенциями, «которые носят вербальный характер (допускают символическое представление)»³, но ему пока еще не подвластны все механизмы, которые сочетает в себе человек. Здесь речь идет о невербальных действиях, таких как мимика, жесты, подтекст.

¹ *Беляков Н.С.* Проблема искусственного интеллекта. Аксиологический аспект // Труды Третьей Международной конференции «Информационные технологии интеллектуальной поддержки принятия решений» (18–21.05.2015). — Уфа, 2015. — С. 224–227.

² Recommendation No 2102 of Parliamentary Assembly of the Council of Europe «Technological convergence, artificial intelligence and human rights». 28 April 2017 [Electronic resource]. — URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/XrefXML2HTML-en.asp?fileid=23726&lang=en>.

³ *Осипов Г.С.* Искусственный интеллект: состояние исследований и взгляд в будущее // Российская ассоциация искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.raai.org/about/persons/osipov/pages/ai/ai.html> (дата обращения: 10.10.2019).

До недавнего времени с уверенностью можно было сказать, что человек целиком и полностью контролирует развитие искусственного интеллекта, в любой момент может остановить действия юнитов искусственного интеллекта и предотвратить нарушение прав человека.

Безусловно, прежде чем наделять робота правами, нужно сначала удостовериться в том, что юниты искусственного интеллекта никогда не смогут создать угрозу человеку, его правам и свободам, а также не принесут вред обществу, государству, окружающей среде. В этом случае нужно говорить, скорее, не только о правах роботов, но и о их правосубъектности в целом, т.е. о способности иметь и осуществлять свои права и обязанности. Но для этого нужно понять: является ли робот электронным лицом?

31 мая 2016 г. был опубликован проект доклада по вопросу присвоения роботам статуса электронного лица, в котором описывалось, какого робота можно наделить таким статусом: «по крайней мере, самые высокотехнологичные автономные роботы должны получить статус электронного лица с конкретными правами и обязанностями... и применять этот статус следует в тех случаях, когда роботы принимают самостоятельные решения или каким-либо иным образом взаимодействуют самостоятельно с третьими лицами. Полномочия по регистрации «умных роботов», включающие проведение этической, технической и правовой экспертизы в области робототехники с последующим представлением результатов такой экспертизы иным публичным конторам, было предложено возложить на Агентство по робототехнике и искусственному интеллекту»¹.

Возможность образования правовых отношений между электронными и физическими лицами обосновывает необходимость разработки регулирующих их взаимодействия норм права. Сейчас многие страны задумываются о том, как относиться к роботам. А также наделять ли их правами и обязанностями? Или всё же искусственный интеллект пока еще не настолько самостоятельный, чтобы быть отдельным субъектом права?

Что касается моего мнения, то я считаю, что на данном этапе развития искусственного интеллекта еще рано вводить его как новый вид лиц. Бесспорно, искусственный интеллект просто не может и не должен игнорироваться современным обществом и властью. В российской юридической литературе акцентировалось внимание на необходимости создания правового базиса для совершенно новых правовых отношений между человеком и искусственно

¹ *Ястребов О.А.* Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 2. С. 36–55.

созданным носителем сознания. Уже сейчас есть большая вероятность того, что роботы не всегда будут принимать такие же решения, как рассчитывал и предполагал человек. Именно это и заставляет ученых разных стран поднимать вопрос правосубъектности искусственного интеллекта снова и снова на различных конференциях и симпозиумах.

Нельзя не отметить то, что в научном мире существует два взгляда на положение роботов в современном праве: часть ученых (Мордовцев А.Ю., Елхова О.И., Елхов Г.А., Джерри Фодор и др.) считает, что нет необходимости выделять электронные лица как отдельный субъект. Другая же половина придерживается иных взглядов, говоря о том, что юнит искусственного интеллекта должен обладать правосубъектностью и стать действительным лицом права. А это значит, что для роботов необходимо разработать новую конструкцию, посредством которой электронное лицо сможет стать полноценным субъектом права и будет включено в правовое поле. Представителем данных взглядов является Г. Кельзен.

Согласно его «чистому учению о праве» «быть лицом» или «обладать правосубъектностью» — значит иметь юридические обязанности и субъективные права. «Чистое учение о праве» объясняет понятие лица — субъекта права как персонифицированное единство комплекса правовых норм, предусматривающих юридические обязанности и субъективные права, имеющие своим содержанием определенное поведение (действия). Отсюда следует, что субъект права — это не природная реальность, а «создаваемая правоведением конструкция... для описания юридически значимых фактических составов»¹. Таким образом, юнит искусственного интеллекта предстает перед нами как субъект права, являющийся комплексом юридических прав и обязанностей, заключающихся в действиях.

Электронное лицо можно считать субъектом права только в том случае, когда на законодательном уровне его права и обязанности будут признаны. А за их нарушение последуют правовые последствия. Только непонятно, кто всё же должен нести ответственность в том случае, если робот нарушает свои обязанности либо принимает неверное решение, и по его вине страдает человек. Сейчас всё больше возрастает автономность искусственного интеллекта, а следом за этим и число случаев гибели людей по вине умного робота. Это подтверждает необходимость научной разработки документов, ограничивающих права и увеличивающих обязанности юнитов искусственного интеллекта.

¹ Кельзен Г. Чистое учение о праве. — 2-е изд. / Пер. с нем. М.В. Антонова, С.В. Лёзова. — СПб., 2015. — С. 212–219.

Таким образом, хочется заметить, что уже сейчас нужно разрабатывать нормативно-правовую базу, которая бы смогла регулировать отношения человека с искусственным интеллектом так, чтобы права человека не были ущемлены или каким-либо образом нарушены.

Список литературы

1. *Беляков Н.С.* Проблема искусственного интеллекта. Аксиологический аспект // Труды Третьей Международной конференции «Информационные технологии интеллектуальной поддержки принятия решений» (18–21.05.2015). — Уфа, 2015. — С. 224–227.
2. *Бессмертный И.А.* Семантическая паутина и искусственный интеллект // Научно–технический вестник Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики. 2009. № 6. С. 77–83.
3. *Осипов Г.С.* Искусственный интеллект: состояние исследований и взгляд в будущее // Российская ассоциация искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.raai.org/about/persons/osipov/pages/ai/ai.html> (дата обращения: 10.10.2019).
4. *Ястребов О.А.* Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 2. С. 36–55.
5. Recommendation No 2102 of Parliamentary Assembly of the Council of Europe «Technological convergence, artificial intelligence and human rights». 28 April 2017 [Electronic resource]. — URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/XrefXML2HTML-en.asp?fileid=23726&lang=en>.
6. *Демченко Н.* Хокинг рассказал о «новой форме жизни» на базе искусственного интеллекта // РБК. 3 ноября 2017 г. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/03/11/2017/59fc0ee99a794733e54f0d64 (дата обращения: 09.10.2019).
7. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве. — 2-е изд. / Пер. с нем. М.В. Антонова, С.В. Лёзова. — СПб., 2015. — С. 212–219.

5.6. Роль цифровых технологий в формировании современных методов регулирования и отслеживания миграционных процессов

Милиев В.В.

Актуальность данной темы обуславливается, прежде всего, ведущей ролью цифровых технологий в использовании современных методов регулирования миграционных процессов по всему миру. Если касаться информационного пространства, то, несомненно, его развитие характеризуется в первую очередь стандартизацией и переводом всей физической жизни индивида и социума в цифру, что, конечно, имеет свои последствия, оказывает влияние на человеческое поведение в целом. Принято считать, что информационное пространство — семантическая производная человеческой деятельности, которая еще слабо регулируется нормативно-правовыми актами, что создает благоприятные условия для так называемых киберпреступлений, которые нацелены на кражу чувствительной информации, связанной с персональными данными, или несанкционированные вторжения в частные сервера. Сильная правовая основа присутствует только в тех направлениях, которые являются приоритетными для государства или имеют особую государственную чувствительность (государственные каналы связи, государственная база данных, данные банков), хотя в основном эта сила выражается лишь в усиленном мониторинге и довольно обширном персональном составе надзорных органов. В остальных же случаях, к информационному пространству можно применить выражение «война всех против всех». Помимо всего прочего, по мнению автора, главным отрицательным последствием скоротечного внедрения цифровых технологий является довольно длительный период адаптации и стандартизации, что создает условия, при которых бюрократический процесс серьезно затормаживает процесс перевода деятельности индивида в цифру. Именно поэтому резкий технологический прогресс, накладываемый на бюрократические трудности и нюансы, несет в себе не столько инновационное решение старых проблем, сколько делает их комплексными. Автор использует сравнительный и аналитический методы изучения, проводя анализ нормативно-правовых документов и процесс постановки на миграционный учет, в данном случае гостиниц, а также намечает возможные пути решения сложившейся ситуации в целом. В работе автор прибегает к элементам статистического анализа данных для понимания состояния информационного пространства на сегодняшний мо-

мент, анализируя данные, предоставленные руководством отеля «ZODIAC», а также используя личный опыт.

Прежде всего, автор хочет отметить, что в данной статье термины информационное пространство и информационное общество будут отождествляться друг с другом, так как относительно современной мировой системы оба эти понятия туго переплетены и зачастую сливаются воедино. В связи с вышеперечисленным, целью данной работы автор обозначил: описать процесс постановки предприятия на цифровой миграционный учет, описать основные нормативно-правовые акты и соглашения, регулирующие сотрудничество между предприятием и государственным надзорным органом, описать достоинства и недостатки данного способа контроля миграционных процессов, а также предложить возможные пути решения выявленных проблем.

Информационное пространство — совокупность результатов семантической деятельности человечества. Следует отметить, что пространство информации отличается следующими характеристиками: оно не имеет границ и привычной территории, разрешает существование любого вида информации, является сферой деятельности субъектов государственного управления, профессиональных групп или отдельных людей, т.е. пространство информации — это некое универсальное формирование, не имеет завершенного состояния, т.е. развивается динамично, обладает определенной структурой, т.е. не является однородным, поскольку в нем существуют барьеры, которые отталкивают внимание потребителя от конкретной точки и аттракторы, что его привлекают, имеет хорошую защиту, отличается национально-специфическими методами построения, обработки и распространения данных.

Также для информационно пространства характерны такие уникальные явления, как социальное виртуальное общество, сетевой социум, онлайнное сообщество, виртуальная коалиция.

Информационное общество — общество, в котором большинство работающих занято производством, хранением, переработкой и реализацией информации, особенно высшей ее формы — знаний.

В настоящее время каждое предприятие, далее именуемое «поставщик информации», в чьих компетенциях обеспечивать проживание для иностранцев или граждан Российской Федерации (отели, гостиницы, университеты и т.д.) обязано самостоятельно ставить на миграционный учет и передавать достоверную информацию о тех лицах, которые получают данную услугу, в органы МВД, далее именуемом «оператор». Если пару лет назад, за неимением возможности электронной передачи данных оператору,

поставщик информации должен был самостоятельно этим заниматься, используя физические способы, что было процессом трудоемким и занимало много времени, так как данный процесс включал в себя целый ряд действий: сканирование и ксерокопирование документов, содержащих персональную информацию, миграционной карты, визы, заполнение от руки анкеты о постановке на миграционный учет, физическую доставку документов оператору, то на сегодняшний день уже существует так называемое информационное сотрудничество, которое подразумевает оформление физического соглашения между оператором и поставщиком информации о постановке на миграционный учет путем использования электронных анкет, расположенных на особых авторизованных сайтах, ярким примером является сайт «Контур.ФМС» (он открыт для общего доступа). Данный способ постановки на миграционный учет иностранного лица или гражданина РФ является оптимизированной и более быстрой версией физической постановки на миграционный учет, так как от поставщика информации требуется лишь заполнить типовую миграционную анкету. Как полагает автор, в теории данный способ — квинтэссенция развития информационного пространства и стандартизации, перевода в цифру, физической деятельности предприятия, что является очень эффективным решением и подразумевает прямую эволюции миграционного контроля, делая его более точным, своевременным, а самое главное — простым. В действительности же существуют серьезные недочеты при осуществлении миграционного потока подобным образом. Во-первых, соглашение об информационном сотрудничестве состоит из нескольких этапов: написания сопроводительного письма и заполнения анкеты поставщика информации, заключения и подписания типового соглашения между УМВД и поставщиком информации, составления постановления о добавлении поставщика информации в реестр поставщиков учетных данных. Данный процесс занимает в среднем от полутора до двух с половиной месяцев, так как поставщику информации нужно пройти длинный бюрократический цикл, состоящий из сбора «списка списков». Временной фактор постановки предприятия на учет, по мнению автора, — первый отрицательный эффект, являющийся самым неприятным для предприятия. Сразу за ним следует второй, выходящий из первого. Второй барьер — сложность процесса постановки на учет. Как было указано выше, будущий поставщик информации обязан собрать множество документов, подтверждающих статус предприятия, легализующих деятельность предприятия в пределах информационного пространства, стандар-

тизирующих всю физическую деятельность, переводя ее в цифру. Процесс является достаточно комплексным, в связи с чем могут возникать некоторые трудности для поставщика информации в случае допущения ошибки при совершении процесса постановки на электронный цифровой учет, что лишь увеличивает временной промежуток совершения всех бюрократических операций. Третий, самый важный по мнению автора недочет, — нормативно-правовой. Несмотря на то, что за предоставление недостоверной информации об иностранных гражданах или полном непредоставлении такой информации предусмотрена юридическая ответственность, предписывающая лишь денежный штраф, доказать факт сокрытия информации — процесс слишком сложный, что фактически делает невозможным осуществления наказания. Иными словами, данное положение является юридически «мертвым».

Таким образом, как считает автор, использование цифровых технологий в современных методах регулирования миграционных процессов — неотвратимая часть развития данного сектора, а проблемы, возникающие в связи с новизной самих методов, со временем будут решаемы, но что касается настоящего времени, они пока не могут быть решены из-за сырой нормативно-правовой основы.

Список литературы

1. Миграционный учет [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.gosuslugi.ru/167693>.
2. Первичная постановка на миграционный учет иностранных граждан в РФ в 2019 году [Электронный ресурс]. — URL: <https://migrantmedia.ru/postanovka-na-migratsionnyu-uchet-inostrannyh-grazhdan-v-rf-vremennaya-registraciya-inostrancev-v-rossii>.
3. Соглашение о поставке информации с помощью цифровых средств связи [Внутренний документооборот]. — ОТЕЛЬ «ZODIAC».
4. Соглашение о поставке информации с помощью цифровых средств связи [Внутренний документооборот]. — ВГУЭС.

5.7. Направления развития цифрового права в России и за рубежом

Чебунин Н.А., Омеляненко М.Е.

В связи с развитием общественных отношений существующая система права вынуждена претерпевать всё более масштабные изменения от года к году. Даже если не учитывать глобальные изменения системы права ввиду смены государственного строя и перестройки экономических отношений из-за изменения системы товарооборота, то можно прийти к выводу, что со временем право претерпевает всё более значительные преобразования, адаптируясь под нужды общества и возникающие проблемы регулирования изменяющихся общественных отношений в различных сферах жизни.

В связи с этим в современном мире всё большую актуальность приобретает необходимость исследования и законодательного регулирования общественных отношений, складывающихся в связи с активным использованием информационно-компьютерных технологий, которые на сегодняшний день проникли практически во все сферы жизни общества.

В настоящей статье приведены наиболее перспективные, по нашему мнению, направления развития цифрового права в России. Помимо этого приведены некоторые общие черты правовой регламентации отношений в рассматриваемой сфере.

Для целей настоящего исследования под цифровым правом понимается совокупность юридических норм, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в связи с использованием информационно-компьютерных технологий и сети Интернет. Таким образом, область цифрового права формируют правоотношения, в которых лица реализуют свои цифровые права. Вместе с тем, цифровые права человека на сегодняшний день, это по большей части «конкретизация (посредством закона и правоприменительных, в том числе судебных, актов) универсальных прав человека, которые гарантируются международным правом и конституциями государств, в том числе Конституцией Российской Федерации — применительно к потребностям человека и гражданина в обществе, основанном на информации»¹.

В качестве примера можно привести сложившуюся судебную практику, в которой суды соотносят универсальные права челове-

¹ Постановление Коряжемского городского суда № 5-112/2018 от 17 июля 2018 г. по делу № 5-112/2018 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1BJeW4JrFUld/?regular-txt>.

ка применительно к отношениям, складывающимся в связи с использованием сети Интернет. Так, в постановлении Коряжемского городского суда от 17 июля 2018 г. по делу № 5-112/2018 при оценке допустимости распространения информации посредством сети Интернет рассматривается использование лицом права на свободу информации и свободу слова, которые существуют независимо от отношений в цифровой среде.

При этом цифровые права не только конкретизируют уже существующие права граждан, но и объединяют специфические права, которые возникают в связи с использованием Интернета и информационно-компьютерных технологий. Например, право доступа к сети.

«Рассматривая цифровое право, на сегодняшний день выделяют следующие разделы:

- авторское право на цифровые сущности;
- программное право;
- право цифровых денег;
- право цифровых операций;
- право цифровых споров;
- право программных роботов;
- право цифрового государственного управления;
- право цифрового госстроительства;
- право доступа к данным и защиты при доступе»¹.

Рассматривая деятельность отечественного законодателя, стоит отдельно отметить проект Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — Законопроект), внесенный на рассмотрение В.В. Володиным, П.В. Крашенинниковым и другими депутатами Госдумы, которым вводится совершенно новый вид имущественных прав — цифровые права [3]. Из вносимых данным законопроектом изменений можно сделать вывод, что наиболее перспективными направлениями развития цифрового права в ближайшие годы является правовое обеспечение цифровых операций и цифровых денег.

Вместе с тем направление усилий законодателя по обеспечению правовой основы общественных отношений по данным направлениям свойственно не только для России, но и в отношении других стран. В частности, можно отметить опыт Финляндии по адаптации правового регулирования цифровых денег и предприниматель-

¹ Москалева О.В. Опасности, которые таит цифровизация // Онлайн-версия журнала «Жилищное право». 2017. № 10 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.top-personal.ru/estatelawissue.html?971> =.

ской деятельности с использованием сети Интернет для целей налогообложения, а также деятельность законодателя Республики Беларусь по правовой регламентации обращения цифровых объектов (далее — токены) и цифровых денег.

Так, еще в январе 2018 г. Министерство финансов Финляндии сообщило о разработке законодательства для регулирования оборота цифровых денег в соответствии с Директивой 2016/2258. При этом указанная законодательная деятельность проводилась не в целях стимулирования роста цифровой экономики как во многих странах, а для борьбы с прогрессирующим уклонением от уплаты налогов. Необходимость принятия специализированного законодательства для регулирования отношений в цифровой среде, подчеркивает фактическую невозможность проецирования существующего правового обеспечения на область цифровых правоотношений, о допустимости которой говорят некоторые исследователи.

При этом стоит отметить, что подобный подход характерен для большинства стран Европейского союза. Во исполнение приведенной цели по регулированию оборота цифровых денег 13 июня 2018 г. правительство Финляндии внесло на рассмотрение в парламент проект нового закона о контроле за банковскими счетами, платежной системе, а также закон о провайдерах виртуальных валют.

При этом представляет интерес использованный подход законодателя, в соответствии с которым провайдеров сервисов криптовалют практически приравнивают к банкам и иным финансовым организациям, так как на них распространяются те же требования в части обязанности по идентификации клиентов и проведению отслеживания подозрительных операций. Помимо этого законодательно предусмотрена регистрация рассматриваемых провайдеров в Регистре финансового надзора в том же порядке, что и для специализированных финансовых организаций¹.

Рассматривая опыт Беларуси по регулированию отношений в сфере цифрового права можно выделить Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее — Декрет). В соответствии с положениями данного акта в Белоруссии предусматривается создание условий для функционирования цифровой экономики. При этом можно выделить следующие мероприятия в рамках исполнения приведенного Декрета:

¹ *Жилкин В.А.* Искусственный интеллект и цифровые технологии в юридической деятельности в цифровой реальности (на примере Финляндии) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 5. С. 16–21.

- внедрение в экономику Республики Беларусь децентрализованной информационной системы, которая в Декрете именуется реестром блоков транзакций. При этом указанный реестр, по сути, представляет собой ту же технологию блокчейн, которую стремится использовать отечественный законодатель, о чем будет упомянуто далее;
- внедрение сопутствующих технологий, которые также основываются на принципах действия децентрализованной информационной системы. Помимо соблюдения принципов децентрализации системы указывается на необходимость поддержания безопасности операций, совершаемых с ее помощью.

Помимо изложенного представляет интерес закрепление так называемых цифровых знаков, которые в Декрете именуются токенами, в качестве объектов правоотношений. Кроме того, находят свое закрепление следующие права:

- право юридических лиц владеть и распоряжаться токенами, создавать и размещать собственные токены, хранить токены в виртуальных кошельках. При этом возможность осуществления определенного вида деятельности предусматривается только посредством взаимодействия с операторами криптоплатформ, операторов обмена криптовалют, а также резидентов специальной экономической зоны;
- право физических лиц владеть и распоряжаться токенами. В отношении физических лиц предусматривается право на майнинг и хранение токенов в виртуальных кошельках.

Вместе с тем, согласно положениям приведенного Декрета, если физическое лицо осуществляет деятельность по приобретению или отчуждению токенов самостоятельно, т.е. без привлечения к этой деятельности иных лиц в рамках договорных правоотношений, то такая деятельность не признается предпринимательской и не подлежит декларированию. Таким образом, положениями приведенного акта стимулируется развитие цифровых правоотношений среди граждан.

Исходя из анализа положений рассматриваемого Декрета и соотнося их с инициативой отечественного законодателя в попытках урегулирования оборота цифровых денег, наблюдается общий подход к регистрации момента перехода права на рассматриваемые цифровые объекты. Так, моментом совершения определенной операции с объектом признается зафиксированное в децентрализованной информационной системе время, которым фиксируется точное время перехода объекта к другому лицу в соответствии

с действующим протоколом функционирования системы, в которой происходит операция по передаче¹.

Регулирование аналогичных отношений в Российской Федерации характеризуется консервативностью и неспешностью, что некоторые авторы связывают в первую очередь с правовыми традициями государства, которое стремится главным образом обеспечить регулирование отношений, получивших развитие в практике гражданского оборота для выявления существующих пробелов, а также компенсации судебной практикой и обычаями делового оборота, что способствует более эффективному регулированию, однако подобная отсрочка, несомненно, замедляет рост экономической выгоды от подобных преобразований и существенно осложняет регулирование отношений для правоприменителя в период отсутствия надлежащей регламентации.

В качестве наиболее интересных актов, определяющих развитие цифрового права в России, можно привести распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р, которым утверждается программа «Цифровая экономика Российской Федерации» и проект Федерального Закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации».

При этом, если первый акт в качестве основной цели для нормативного регулирования выделяет создание новой среды регулирования, которая была бы способна создать благоприятный правовой режим для возникновения и развития современных информационных технологий, а также позволила бы осуществлять экономическую деятельность, связанную с их использованием, то второй акт выступает в роли одного из «кирпичиков» для создания предполагаемой эффективной системы регулирования.

Так, например, указанным Законопроектом предусматривается закрепление понятия «цифровое право», имеющее важное значение для цифровых операций, которое, по мнению некоторых исследователей, является необходимым для выстраивания четкой и структурированной системы цифрового права вообще и электронной коммерции в частности.

В рамках приведенного Законопроекта, также предполагалось введение понятия «цифровые деньги», которое тесно связано с понятием «цифровое право», а некоторые даже указывают, что его введение предопределяется «цифровым правом»².

¹ О развитии цифровой экономики: декрет президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 [Электронный ресурс]. — URL: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716/.

² Ситдикова Р.И., Ситдигов Р.Б. Цифровые права как новый вид имущественных прав [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyje-prava-kak-novyy-vid-imuschestvennyh-prav>.

По своей сути цифровые деньги являются условными единицами. При этом в силу того, что их обращение предполагается обеспечивать за счет использования децентрализованной информационной системы следует вывод о том, что переход от одного лица к другому будет регистрироваться за счет электронной записи, которая является программным кодом.

Данный подход к регулированию цифровых денег позволил бы не только использовать их в качестве объекта гражданских прав, что дало бы возможность включать их в наследственную или конкурсную массу, но и разрешать возникающие в судебной практике коллизии правового регулирования. В качестве примера можно привести встречающуюся проблему квалификации правового статуса криптовалюты. Так, исходя из текста Постановления Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09 АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017, можно выделить проблему квалификации, при которой суды по-разному трактуют правовой статус криптовалюты. При этом выделяется два взгляда. Во-первых, рассмотрение криптовалюты, находящейся на счете криптокошелька в сети Интернет, в качестве объекта гражданских прав со всеми вытекающими преимуществами регулирования такого объекта. Во-вторых, рассмотрение криптовалюты в качестве информации (набор данных), что, в свою очередь, приводит к невозможности ее отнесения к объектам гражданских прав и существенно затрудняет регулирование отношений, связанных с оборотом цифровых денег¹.

Однако, несмотря на предположительную выгоду от закрепления приведенного понятия, а также ввиду того, что предлагаемое определение вызвало массу вопросов и предположительных трудностей для использования подобной формы электронной коммерции на практике, было принято решение о необходимости существенной доработки положений, касающихся цифровых денег. В связи с чем обеспечение правового регулирования обращения криптовалюты в России получает отсрочку. Однако в силу сохранения понятия «цифровое право» можно предположить, что в дальнейшем закрепление регулирования цифровых денег станет менее проблематичным, в том числе по причине предполагаемого обеспечения действия децентрализованной информационной системы соответствующей правовой базой.

Вместе с тем отсутствие понятия «децентрализованная информационная система» приводит к невозможности эффективного

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=MARB009;n=1444056#08_878871109440023.

использования привносимых рассматриваемым законопроектом изменений. Помимо указанного понятия ряд исследователей также обращает внимание на необходимость закрепления таких понятий, как «уникальный доступ» и «совокупность электронных данных». При этом отсутствие закрепления приведенных понятий порождает трудности правового регулирования цифровых отношений ввиду широкого распространения функций, обозначающих указанные понятия. Также ввиду сопряжения отношений в сфере цифрового права с указанными понятиями некоторыми исследователями обращается внимание на невозможность применения привносимых Законопроектом изменений на практике.

Несмотря на множество проблем, возникающих при попытке законодательного урегулирования правоотношений в сфере цифрового права, представляется целесообразным согласиться с теми исследователями в рассматриваемой сфере, которые указывают на необходимость оперативного проведения преобразований в области цифровых отношений, так как неоднократные отсрочки регламентации не позволяют в полной мере раскрыть возможности использования цифровых технологий. Особенно остро этот вопрос встает при построении в России цифровой экономики, которая является приоритетным и перспективным направлением правового обеспечения для наиболее развитых стран¹.

Подводя итог можно констатировать, что в настоящее время обеспечение правового основания для производства цифровых операций и оборота цифровых денег для отечественного и зарубежного законодателя является приоритетным направлением в сфере цифрового права. При этом для отечественного законодателя характерна консервативность и неспешность, что, по мнению некоторых исследователей, следует отнести к правовым традициям государства, которое стремится урегулировать отношения, которые уже сложились в обществе. Однако такой подход может существенно отсрочить формирование цифровой экономики в России, о чем, в частности, свидетельствует очередной отказ в закреплении понятия «цифровые деньги».

Список литературы

1. *Жилкин В.А.* Искусственный интеллект и цифровые технологии в юридической деятельности в цифровой реальности (на примере Финляндии) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 5. С. 16–21.

¹ *Карицкая А.А.* Цифровое право как будущее классической цивилистики [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-pravo-kak-budushee-klassicheskoy-tsivilistiki-statya>.

2. *Карицхия А.А.* Цифровое право как будущее классической цивилистики [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoye-pravo-kak-budushee-klassicheskoy-tsivilistiki-statya>.
3. *Москалева О.В.* Опасности, которые таит цифровизация // Онлайн-версия журнала «Жилищное право». 2017. № 10 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.top-personal.ru/estatelawissue.html?971=>.
4. О развитии цифровой экономики: декрет президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 [Электронный ресурс]. — URL: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716/.
5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=MARB009;n=1444056#08_878871109440023.
6. Постановление Коряжемского городского суда № 5-112/2018 от 17 июля 2018 г. по делу № 5-112/2018 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/lBJeW4JrFUld/?regular-txt>.
7. *Ситдикова Р.И., Ситдигов Р.Б.* Цифровые права как новый вид имущественных прав [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prava-kak-novyy-vid-imuschestvennyh-prav>.

5.8. Информационные войны в цифровом пространстве как современный аспект «мягкой силы» на примере конфликта в Южной Осетии

Али-Османова Е.С.

Аннотация. Статья посвящена исследованию информационной войны как современной формы политической борьбы, осуществляемой государством, как аспекта мягкой силы. В качестве примера нами была рассмотрена война России с Грузией в 2008 г., когда Россию бездоказательно обвинили в развязывании этой войны. СМИ назвали Россию агрессором, однако, когда было доказано обратное, информация об этом прошла почти незаметно.

Ключевые слова: информационная война, мягкая сила, информация, средства массовой информации, Россия, Грузия.

Роль информации в жизни человеческого сообщества всегда была определяющей, поскольку она аккумулировала в себе значимые для человека результаты освоения деятельности. В современный век информационные технологии имеют такое большое значение, что ни одно важное экономическое или политическое событие не останется незамеченным электронными средствами массовой коммуникации. Жизнь большинства людей на планете непрерывно связана с виртуальным пространством. Социальные сети стали не только источником общения, но и источником основной информации в мире, оказывающим большое влияние на разум людей. Воздействуя на сознание и поведение людей, информационные кампании преследуют политические цели, свидетельством чего стало освещение западными СМИ событий, развивающихся на постсоветском пространстве. Информационное воздействие глобальной сети Интернет уже сегодня превосходит возможности глобальных средств массовой информации, поскольку численность пользователей стремительно увеличивается, а компьютерные технологии дают возможность получать актуальную информацию в режиме реального времени. Исходя из этого киберпространство становится местом, где осуществляется информационное воздействие¹.

Словосочетание «информационная война» было впервые упомянуто в 1976 г. американским научным советником Томасом Рона в отчете «Системы оружия и информационная война», составленным им для компании «Боинг». Автор указывал, что именно ин-

¹ Данилин П.В. Пропаганда с древнейших времен до наших дней // Электронные б-ки. 2009 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.evartist.narod.ru/text28/0001.htm> (дата обращения: 25.09.2019).

формационная инфраструктура стала ключевым элементом американской экономики. При этом она может являться уязвимым объектом атаки как в военное, так и в мирное время. Информационная война представляет собой быстро развивающуюся и до сих пор недостаточно изученную сферу интересов для разработчиков оборонных планов и политиков¹.

Оборонный истеблишмент США, как и американское общество в целом, стремительно движется к тому, чтобы воспользоваться новыми возможностями, открывающимися в результате изменений, связанных с развитием киберпространства. В то же время противники и союзники США также стремятся использовать развивающуюся глобальную информационную инфраструктуру и связанные с ней технологии в военных целях.

Результаты и последствия этих изменений для международных и других форм конфликтов весьма неопределенны. Будут ли информационные войны новым, но подчиненным аспектом войны, в котором Соединенные Штаты и их союзники легко преодолеют свои потенциальные уязвимости в киберпространстве и получат тактические и стратегические военные преимущества, которые могут быть доступны на этой арене; или же изменения в конфликте, вызванные продолжающейся информационной революцией, будут настолько быстрыми и глубокими, что конечным результатом станет новая и серьезная угроза традиционным военным операциям и американскому обществу, которая коренным образом изменит будущий характер войны — пока неизвестно².

Президент России Владимир Путин в 2012 г. высказал свое мнение по поводу мягкой силы. Он считает, что мягкая сила — это комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия. Однако профессор Гарвардского университета Джозеф Най, человек, который является автором данного термина, говорит, что мягкая сила — это способность получить то, что вы хотите, благодаря привлекательности и убеждению, а не угрозами применения насилия или предложением выплат. Отсюда можно сделать вывод, что мягкая сила имеет немного разные понятия для российского и американского правительства³.

¹ *Беляев Д.П.* Разруха в головах. Информационная война против России: монография. — СПб.: Питер, 2014. С. 21.

² *Strategic Information Warfare: A New Face of War / Roger C. Molander, Andrew S. Riddile, Peter A. Wilson.*

³ *Joseph S., Nye Jr.* Public Diplomacy and Soft Power. — 2008. — Pp. 67–79.

Примерами применения мягкой силы в США можно считать популярность радио «Свободная Европа» и «Голос Америки» среди советского народа во времена холодной войны, сооружение модели статуи Свободы на площади Тяньаньмэнь во время массовых протестов китайскими студентами, большое количество программ по обмену студентами, создание большого количества кинокартин с пропагандой американского образа жизни и культуры и т.д.¹

Мягкая сила неразрывно связана с информационным потоком, соответственно, на современном этапе развития киберпространства, учитывая степень влияния электронных средств массовой коммуникации на мышление человека, мягкую силу можно назвать мощнейшим инструментом в сфере международных отношений. Информационные военные средства с каждым десятилетием приобретают новые черты, выводя возможности информационной войны на всё более высокий уровень, превосходя традиционные типы вооружений по своей эффективности. Влияние на международные отношения при помощи информации не является новой техникой противоборства, до появления термина «информационная война», оно носило название «пропаганда». Особенно популярным использование пропаганды стало во времена холодной войны, когда СССР и США вели борьбу за лидерство во всем мире путем идеологического противостояния. После распада СССР однополярная система мира возродилась, но ситуация изменилась после Мюнхенской речи Путина в 2007 г., где президент вызвал бурную реакцию западных политиков, заявив: «Россия — страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня»².

Президент России первым из мировых лидеров заявил о том, что международные отношения между странами могут быть выстроены на совершенно других принципах: равноправного и взаимовыгодного сотрудничества, в основе которых будет не страх перед военной мощью наиболее развитых стран, а взаимное уважение и доверие. Эта концепция получила название многополярного мира и стала обретать поддержку со стороны и других стран, среди которых оказались Китай, Индия, Бразилия, Южноафри-

¹ Данилин П.В. Пропаганда с древнейших времен до наших дней // Электронные 6-ки. 2009 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.evartist.narod.ru/text28/0001.htm> (дата обращения: 25.09.2019).

² Мюнхенская речь Владимира Путина 10.02.2007 [Электронный ресурс]. — URL: <https://lenta.ru/articles/2007/02/10/asymmetry/> (дата обращения: 29.09.2019).

канская республика и др. С этого времени Россия стала объектом информационной войны¹.

В условиях большого потока информации в современном обществе всё труднее становится использовать фильтры для ее обработки. Зачастую открытое навязывание своих идей и формирование нужных взглядов используют политики и рекламодатели. Так как пропаганда направлена на массы, самым действенным способом распространения идеологии является использование средств массовой информации, которые включают в себя: радио, телевидение, печатные издания.

В качестве примера ведения информационной войны мы хотим привести «пятнадцатидневную войну» России с Грузией².

К началу августа 2008 г. обстановка в зоне замороженных конфликтов Грузии и двух ее сепаратистских регионов Абхазии и Южной Осетии обострилась. Особенно это касалось Южной Осетии, добивавшейся независимости с начала 1990-х гг. В начале лета все события говорили о том, что обострение данного конфликта в скором будущем может привести к войне. В начале июля правительства Грузии и Южной Осетии взаимно обвинили друг друга в обстрелах приграничных сел и самого города Цхинвали с участием артиллерии, минометов и бронетехники.

Как оказалось, Грузинская сторона первая нарушила перемирие, более того, грузинская армия уже через несколько часов после начала атаки сумела захватить ряд населенных пунктов на территории Южной Осетии, а также вторгнуться в окраины Цхинвала. Тем не менее армия Южной Осетии сумела ответить противнику на ее агрессию в самом начале наступления, нанести агрессору существенные убытки. Город Цхинвали против своей воли стал эпицентром военных действий, где после грузинского артиллерийского налета появилось большое количество жертв среди мирного населения, но горожане храбро восприняли новость о грузинском вторжении. Еще одним трагическим эпизодом в начале войны стала гибель российских миротворцев от огня грузинских залповых установок. Этот факт окончательно убедил российское руководство в отсутствии перспективы мирного урегулирования конфликта.

¹ Юсупов Р.М., Шишкин В.М. Информационная безопасность, кибербезопасность, и смежные понятия: cyber security vs информационной безопасности // Таганрог: Информационное противодействие угрозам терроризма. 2013. № 21. С. 27–35.

² Россия как главный объект современных информационных войн: межвуз. сб. науч. тр. / Е.А. Марков, А.А. Неволина. — Череповец: Изд-во Черепов. ун-та, 2016. — 35 с.

Президент Российской Федерации Дмитрий Медведев объявил о начале операции по принуждению грузинской стороны к миру. С утра российская авиация начала наносить воздушные удары по грузинским войскам, тем самым резко снизив темп их наступления. Российские колонны 58-й армии, составившей основной резерв и главные силы обороны на южноосетинском направлении, двинулись через Рокский тоннель на помощь миротворцам и южноосетинским отрядам ополчения.

За весь день у армии Грузии получилось весомерно потеснить войска Российской Федерации и Южной Осетии, окружить казармы российских миротворцев, но существенно изменить свое положение. Уже к вечеру 8 августа все факты говорили о том, что грузинское наступление не увенчается успехом, и так просто завоевать город Цхинвал не получится. Тем не менее в грузинских СМИ было объявлено, что захват Цхинвала был с успехом совершен.

Утром 9 августа битвы в Цхинвале не закончились, однако существенного превосходства у грузинских войск уже не наблюдалось, отряды ополчения и российские миротворцы продолжали упорно оборонять кварталы города.

В это же время в Цхинвал прибыла и группа, состоящая из частей 58-й российской армии, дополнительно к месту событий перебрасывалась 76-я воздушно-десантная дивизия. Также была создана батальонная группа, выделенная из состава 135-го мотострелкового полка. Задачей группы было разблокировать российских миротворцев и каким-либо образом связаться с ними.

Из-за того, что наступательное движение грузинских войск еще не было остановлено, войска Грузии имели достаточное количество людей и техники, в результате встречного боя российской батальонной группе был нанесен крупный урон и к завершению дня группу вывели из города. Однако этот встречный удар способствовал скорейшей остановке грузинского наступления и перехода грузинских сил к обороне¹.

В течение всего дня 9 августа происходили российские авиаудары по грузинским войскам, а также взаимные артобстрелы. Группа кораблей российского Черноморского флота вошла в территориальные воды Грузии с целью осуществления патрулирования и исключения агрессивных действий Грузии на море. При этом уже на следующий день, 10 августа 2008 г., была отражена попытка грузинских военно-морских сил проникнуть в зону конфликта.

¹ Пять дней в августе 2008-го: хроника российско-грузинской войны [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.bbc.com/russian/features-44969691> (дата обращения: 01.10.19).

10 августа российские войска перешли в контрнаступление и начали вытеснение грузинских сил из Цхинвали, началось выдвижение российско-абхазских сил из приграничных с Грузией районов. Таким образом, на третий день конфликта грузинское наступление было исчерпано, и началось движение линии фронта в обратном направлении. Итогом оборонительных боев стала полная остановка грузинских войск, их потери и полная дезорганизация. Именно к этому моменту в грузинском руководстве началась паника, вызванная угрозой полного военного поражения. Саакашвили просил страны НАТО вмешаться в конфликт и «спасти Грузию из лап российского агрессора».

11 августа российские войска завершили освобождение захваченных агрессором территорий Южной Осетии и вступили на территорию Грузии. Тем не менее это событие всячески освещалось как необходимость «принуждения Грузии к миру». В тот же день российские войска без боя заняли город Зугдиди на западе Грузии, а грузинскими войсками был оставлен город Гори.

Информационное освещение вооруженного конфликта в Южной Осетии играло значительную роль, так как влияло на общественное мнение относительно действий той или иной стороны. От российских, грузинских, западных и других СМИ порой поступала противоречивая информация о событиях конфликта. Обсуждения разных интерпретаций велись также в Интернете, от резких высказываний на блогах и форумах, до атак на официальные сайты правительств.

По мнению ОБСЕ, которое выразил 9 августа 2008 г. министр иностранных дел Финляндии Александр Стубб, председательствующий в ОБСЕ, Россия перестала быть посредником в юго-осетинском урегулировании и вместо этого стала одним из участников конфликта. 12 августа председатель комиссии сената США по иностранным делам, сенатор Джозеф Байден, полагал, что «Россия может оказаться стороной, которая потеряет больше всех, если война продолжится», особо отмечая, что жертвой конфликта может стать сотрудничество России и США в области атомной энергии, отмена поправки Джексона-Вэника, вступление России в ВТО, Олимпиада в Сочи, планы Путина по превращению Москвы в один из мировых финансовых центров¹.

Заместитель советника президента США по национальной безопасности Джим Джеффри заявил, что дальнейшая эскалация конфликта вокруг Южной Осетии с российской стороны может

¹ *Кабисов В.А.* Последствия грузино-югоосетинского вооруженного конфликта 2008 года: монография. — Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль, 2016. — Том 8. — № 2. — Ч. 2. — С. 56–58.

серьезно осложнить российско-американские отношения в долгосрочной перспективе. *«Если несоразмерное и опасное наращивание российских сил продолжится, это на долгое время существенно повлияет на отношения России и США»*, — сказал он.

Западные СМИ обвинили Россию в развитии этой войны, только через год получилось доказать, что в данном конфликте главным агрессором выступала Грузия. Евросоюз создал специальную комиссию для расследования данного конфликта, которую назвали «Миссия правды». На заседании в Брюсселе был обнародован доклад, в котором присутствовали доказательства вины Грузии в вооруженном конфликте. Однако если информация о вине России в данной войне была обнародована повсеместно и очень активно, то о доказательствах ее невиновности информацию распространяли менее энергично. Выступая после заседания Совета министров, Госсекретарь США Кондолиза Райс сказала о принятом Заявлении, в частности следующее: «Поведение России в настоящем недавнем конфликте изолирует Россию от принципов сотрудничества между народами сообществ государств, когда вы начинаете вторгаться на территорию малых соседей, бомбить гражданскую инфраструктуру, входить в деревни и разрушать произвольно инфраструктуру»¹.

Вышеописанный конфликт, как и большое количество других конфликтов в современном мире, в очередной раз доказывает важность средств массовой информации, так как СМИ являются источниками большинства информации, они первые освещают все события, которые происходят в современном мире.

В современной политологии масс-медиа иногда называют «великим арбитром» или «четвертой властью», потому что современную политику невозможно представить без прессы, радио и телевидения. В тех грандиозных переменах, которые в настоящее время переживает наша страна, не последнюю роль играют электронные средства массовой информации. В наши дни самыми популярными являются сетевые СМИ, например, новостные сайты и социальные сети. У электронных СМИ есть большое количество преимуществ по отношению к, например, печатным СМИ. Среди достоинств можно выделить: доступность — информация очень быстро устаревает, а сеть дает максимально быстрый доступ к ее обновлению практически на постоянной основе; обратную связь — моментальное получение откликов от аудитории; возможность изучения и анализа целевой аудитории; электронный формат позволяет создавать архивы и статьи любого размера. Несмотря на немалое количество положительных черт, сетевые СМИ также об-

¹ Проблемы ЕС в отражении российских СМИ: межвуз. сб. науч. тр. / науч. ред. Е.А. Марков. — Череповец: Изд-во Черепов. ун-та, 2015. — 69 с.

ладают некоторыми недостатками. Например, чересчур большое количество, которое приводит к конкуренции, перенасыщенность материалами, а также риск публикации ложных сведений при использовании пользовательского контента.

Отсюда возникает острая необходимость тщательно контролировать все системы, которые занимаются приемом, передачей и обработкой информации. Правительство уже предпринимает некоторые меры, чтобы обезопасить людей от ложной информации. 25 декабря 2015 г. стало известно о запуске Роскомнадзором системы автоматического сбора и анализа контента в интернет-СМИ на территории 19 регионов РФ в тестовом режиме. По словам руководителя ведомства Александра Жарова, система анализирует текстовую составляющую сайтов, комментарии и посты на форумах на предмет нарушений законодательства. Проверке подвергается и описание мультимедийных файлов, которые в случае подозрения отправляются для анализа в Роскомнадзор. Внедрение системы, как заявил Жаров, завершится до конца 2016 г. По его словам, пока нарушителей стараются не наказывать, призывая вместо этого устранить недочеты. В соответствии с российским законодательством два письменных предупреждения от Роскомнадзора о нарушениях за год являются основанием для искового заявления в суд о прекращении действия свидетельства о регистрации СМИ¹.

Информация в XXI в. имеет крайне важное значение. Благодаря ей у людей формируется мнение о тех или иных ситуациях. В наши дни правительства разных стран используя политику мягкой силы воздействуют на мышление людей с помощью информации, социальных сетей, радиовещания, кино и музыки. Информация может быть использована как во благо обществу, так и наоборот. Зачастую попытки воздействовать на других людей при помощи информации приводят к информационной войне между государствами.

Информационная война представляет собой масштабную и системную форму противоборства в глобальном информационном пространстве. Субъектом информационной войны является государство. Средств информационной войны существует большое количество, например, пропаганда и деструктивное воздействие на информацию и сети, обеспечивающие людей этой информацией.

Область информационной войны в наши дни не является до конца изученной, отсюда возникают некоторые сложности. Если ведение вооруженной войны достаточно четко регламентируется международным правом, то информационная война ведется без соблюдения всяких правовых и моральных норм.

¹ Панарин И.Н. Информационная война и коммуникации: монография. — М.: Горячая линия-Телеком, 2014. С. 236.

Россия — страна с богатым природным, географическим, демографическим и экономическим потенциалом является конкурентом для большого количества государств, соответственно, она становится объектом для введения с ней информационных войн. Многие страны восприняли заявление В.В. Путина в 2007 г. о стремлении России к многополярному миру как угрозу. Проанализировав «пятидневную войну» России с Грузией, мы сделали вывод, что информационная война против России уже ведется и основным оружием являются средства массовой информации.

Список литературы

1. *Joseph S., Nye Jr.* Public Diplomacy and Soft Power. — 2008. — Pp. 67–79.
2. Strategic Information Warfare: A New Face of War / *Roger C. Molander, Andrew S. Riddile, Peter A. Wilson.*
3. *Беляев Д.П.* Разруха в головах. Информационная война против России: монография. — СПб.: Питер, 2014. С. 21.
4. *Данилин П.В.* Пропаганда с древнейших времен до наших дней // Электронные б-ки. 2009 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.evartist.narod.ru/text28/0001.htm> (дата обращения: 25.09.2019).
5. *Кабисов В.А.* Последствия грузино-югоосетинского вооруженного конфликта 2008 года: монография. — Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль, 2016. — Том 8. — № 2. — Ч. 2. — С. 56–58.
6. Мюнхенская речь Владимира Путина 10.02.2007 [Электронный ресурс]. — URL: <https://lenta.ru/articles/2007/02/10/asymmetry/> (дата обращения: 29.09.2019).
7. *Панарин И.Н.* Информационная война и коммуникации: монография. — М.: Горячая линия-Телеком, 2014. С. 236.
8. Проблемы ЕС в отражении российских СМИ: межвуз. сб. науч. тр. / науч. ред. Е.А. Марков. — Череповец: Изд-во Черепов. ун-та, 2015. — 69 с.
9. Пять дней в августе 2008-го: хроника российско-грузинской войны [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.bbc.com/russian/features-44969691> (дата обращения: 01.10.19).
10. Россия как главный объект современных информационных войн: межвуз. сб. науч. тр. / Е.А. Марков, А.А. Неволлина. — Череповец: Изд-во Черепов. ун-та, 2016. — 35 с.
11. *Юсупов Р.М., Шишкин В.М.* Информационная безопасность, кибербезопасность, и смежные понятия: cyber security vs информационной безопасности // Таганрог: Информационное противодействие угрозам терроризма. 2013. № 21. С. 27–35.

5.9. Особенности языка интернет-общения как разновидности сленга в современном китайском языке

Сон Д.

В последние два-три десятилетия в китайском обществе произошли радикальные социально-экономические и культурные изменения («четыре модернизации», «политика открытости», возвращение Гонконга и Макао под управление Китая, неуклонная цифровизация экономики и общества в целом и многое другое). И, конечно же, эти перемены самым естественным образом оказали значительное влияние на лексику современного китайского языка, в частности, в области интернет-общения.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к исследованию сленга, используемого в процессе общения в среде Интернета, так как мы привлекаем достаточно обширный разноплановый материал (компьютерный сленг, интернет-сленг, молодежный сленг).

Практическая значимость исследования заключается в выявлении лингвистических особенностей китайского интернет-сленга, что окажет большую практическую помощь изучающим китайский язык, поможет улучшить владение практическим китайским языком в реальных ситуациях общения.

Цель исследования — выявление лингвистических особенностей молодежного интернет-сленга в современном китайском языке.

В своем исследовании мы использовали следующие методы лингвистического исследования: описательный; словообразовательный анализ; метод сплошной выборки; наблюдение, систематизация и лингвистическая интерпретация исследуемого материала; контекстный метод, а также методы лексико-семантического и этимологического анализа сленговых единиц.

В качестве источника фактического языкового материала мы использовали в основном ряд интернет-словарей китайского молодежного сленга [Молодежный сленг: Интернет-ресурс; Молодежный сленг на китайском языке: Интернет-ресурс]. А также «Словарь китайских матов и интернет-сленга», который является, на наш взгляд, универсальным источником языкового фактического материала, в нем можно найти самые различные сленговые выражения, в том числе и вульгарную ненормативную лексику. Еще одной особенностью данного словаря является то, что он все время пополняется и постоянно обновляется усилиями всех неравнодушных китайцев¹.

¹ Словарь китайских матов и интернет-сленга: Магазета [Электронный ресурс]. — URL: <http://magazeta.com/glossary-old/> (дата обращения: 16.10.2019).

В качестве дополнительного языкового материала мы привлекли еще несколько словарей: 1) «Возмутительный китайский: руководство по уличному китайскому языку» (*Outrageous Chinese: A Guide to Chinese Street Language*), в котором содержится около 500 выражений, широко используемых в реальной уличной речи. Есть и совсем неблагозвучная, вульгарно-просторечная лексика¹; 2) «Новый сленг в Китае» (*New Slang of China*), в котором содержится примерно 1300 сленговых слов и выражений, широко используемых в повседневной коммуникации²; 3) работу А.А. Щукина «Справочник по новокитайскому сленгу»³. Справочник содержит более 700 слов и выражений городского сленга современного Китая, отобранных с учетом распространенности и степени новизны лексики.

После изучения теоретических проблем исследования мы вслед за В.Н. Фокиной подразделяем неологизмы, наиболее употребляемые в сети, на следующие группы: 1) компьютерные термины; 2) интернет-сленг; 3) компьютерный сленг или жаргон; 4) молодежный сленг.

В.Н. Фокина подчеркивает, что выделение подгрупп языка носит весьма условный характер, потому что в некоторых случаях четкого деления нельзя произвести из-за тесной связи между этими понятиями; совместного их использования; назначения слов, выполняющих функции терминов, но имеющих стилистически жаргонную окраску. Но тем не менее каждый из подязыков имеет собственный путь развития. Зарождение молодежного сленга исследователи относят к XVI в. Компьютерный сленг и терминология значительно моложе. Еще моложе интернет-сленг. Например, смайлики были изобретены в 1979 г. Кевином Маккензи. Но история этих подязыков похожа в том, что все они претерпевают значительные изменения во времени, отражая специфику поколений и технологий. Неизменной остается только незначительная часть. Поэтому каждый из указанных подязыков гораздо динамичнее, чем классический язык⁴.

В случае с китайским языком ситуация нам представляется немного в другом ключе. Мы считаем, что как раз компьютерный и интернет-сленг являются частью китайского молодежного сленга, а не наоборот. Носители китайского языка очень много време-

¹ *James J. Wang* *Outrageous Chinese: A Guide to Chinese Street Language*. — China Books, 1994. — 124 p.

² *Li Shujuan, Yan Ligang*. *New Slang of China*. — New World Press, 2006. — 357 p.

³ *Щукин А.А.* *Справочник по новокитайскому сленгу*. — М.: Муравей, 2003. — 119 с.

⁴ *Фокина В.Н.* *Язык общения интернет-социума Рунета. Становление и развитие (молодежный, компьютерный, интернет-сленг, компьютерные термины)* [Электронный ресурс]. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15239769> (дата обращения: 16.10.2019).

ни проводят в виртуальной среде общения и все эти подъязыки практически смешались друг с другом.

Это хорошо видно, например, в «Словаре китайских матов и интернет-сленга», который опубликован на широко известном сайте Магазета¹. В этом словаре собраны самые разнообразные слова и выражения, правда, примерно треть словарных единиц принадлежит к грубо-просторечной лексике. Вот ряд примеров из этого словаря:

(1) 打酱油 — «Покупаю соевый соус». Популярный интернет-мем, означающий «не моего ума дела» или «это меня не касается» (можно сравнить с «я умываю руки»).

(2) 顶 — «Поднимаю», аналогично английскому «bump». Одобрение сообщения на форумах для поднятия поста наверх, чтобы больше людей его увидели.

(3) 非主流 — Буквально: не-мейнстрим или анти-мейнстрим; неформал. О молодых людях, противопоставляющих себя массовой культуре, мейнстриму (панках, эмо, готах и т.д.), часто не понимая смысла своего контркультурного движения. Выражается в способах одеваться, прическах и поведении. Также часто употребляется «FZL». Надо отметить, что такие буквенные сокращения вообще очень часто стали встречаться в современном китайском языке, так как они помогают обходить китайскую интернет-цензуру.

(4) 粉丝 — «Вермишель». Созвучно слову «fans» и поэтому означает «фанаты, поклонники». Также часто просто 粉 «fen» или 饭 «fan».

(5) 国猪 — Буквально: «государственные свиньи». Уничжительное название 国足, Китайской национальной ассоциации футбола, которые зачастую позорят футбол как вид спорта.

(6) 海龟 — Буквально: «морская черепаха». О китайских репатриантах, о китайцах, которые учились за границей и вернулись работать в Китай. От китайского 归 (возвращаться).

(7) 泡妞 — Искать девушку для кратковременных или несерьезных отношений, «съем» девушки, заниматься «пикапом».

(8) 泡男 — (О женщине) то же самое в отношении парня.

Для исследования и выявления лингвистических особенностей китайского молодежного интернет-сленга мы, прежде всего, обратили свое внимание на компактные подборки молодежных сленговых слов и выражений в китайском языке². Как показало наше исследование, в китайском молодежном сленге много сленговых

¹ Словарь китайских матов и интернет-сленга: Магазета [Электронный ресурс]. — URL: <http://magazeta.com/glossary-old/> (дата обращения: 16.10.2019).

² Молодежный сленг: Китайский язык онлайн StudyChinese.ru [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.studychinese.ru/slang> (дата обращения: 08.10.2019); Молодежный сленг на китайском языке // Журнал о Китае Sadpanda. 31 марта 2015 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://sadpanda.cn/archives/20397> (дата обращения: 19.10.2019).

слов и выражений, которые берут свое происхождение и активно функционируют в сети Интернет и в средствах онлайн-общения. Поэтому кроме сленгизмов интернетного происхождения есть еще и сленгизмы, характерные для программ онлайн-общения.

Методом сплошной выборки мы обнаружили, что интернетные сленговые слова и выражения в основном представляют собой:

- 1) фонетические заимствования;
- 2) семантические, гибридные и буквенные заимствования;
- 3) появление нового значения у старого слова или словосочетания;
- 4) образование нового слова, в том числе по серийной словообразовательной модели;
- 5) игру слов (каламбур).

Рассмотрим каждый случай более подробно. Вот примеры обнаруженных нами чистых фонетических заимствований:

(9) 蹦极 — bungee jumping — прыжки на канате (тарзанка). Данное выражение имеет смешной синоним.

(10) 笨猪跳 — досл.: прыжки глупой свиньи, созвучно англ. Bungee.

(11) 蹦迪 — disco dancing — дискотека.

(12) 粉丝 — 1) вермишель из крахмала, стеклянная лапша, фунчоза; 2) фанат(ы) (англ. fans).

(13) 酷毙 — cool — клево; зашибись.

(14) 派对 — party — вечеринка.

(15) 哇 — wow — вау.

Семантические, гибридные и буквенные заимствования:

(16) 冰舞 — танцы на льду.

(17) 对衫 — парная футболка.

(18) 发烧友 — фанаты.

(19) 泡吧 — bar, pub — пропадать в барах.

(20) 网友 — друзья по Интернету.

(21a) 拿去吧, 这张唱片我已经听过N遍了。 — Возьми-ка, эту пластинку я слушал уже энное количество раз.

(21b) 这是背了N遍就是不会的单词。 — Это новые слова, которые невозможно выучить за энное количество раз.

Мы обнаружили, что для китайского сленга очень характерно образование новых словечек по серийной словообразовательной модели. Например:

(22) 车虫 — любитель велосипедов, фанатик велосипедов; человек, хорошо разбирающийся в автомобилях.

(23) 电脑虫 — компьютерщик, любитель сидеть за компьютером.

(24) 甲壳虫 — «жук» (the Beetle, модель автомобильной марки «Фольксваген»).

(25) 青春族 — молодое племя; молодежь.

(26) 哈韩族 — почитатели корейской культуры, стараются во всем соответствовать корейцам (два течения возникших относительно недавно на о. Тайвань).

(27) 哈日族 — почитатели японской культуры, стараются во всем соответствовать японцам; тайваньский карикатурист; два течения возникших относительно недавно на о. Тайвань.

Появление нового значения у старого слова или словосочетания и игра слов (каламбур) встречалась нам очень редко.

Существует также отдельный пласт интернет-лексики для обхождения китайской цензуры, например:

(28) 河蟹 — «Морской краб» замена слову 和谐 [h é x i é] — «гармония». Используется для обхода возможной цензуры в Интернете над попытками подшутить над политикой правительства о «гармоничном сообществе».

(29) 政府 — Замена слова «правительство», чтобы обойти интернет-фильтры в Китае.

(30) ZG = 中国 — Китай (можно сравнить с расея, «эта страна»).

Еще одной особенностью китайского молодежного интернет-сленга является обилие сленговых слов и выражений касательно сексуальной тематики. Например:

(31) 蜜 — девушка, honey — «медовая», сладенькая, подруга — gf, girlfriend.

(32) 警花 — привлекательная девушка-полицейский.

(33) 马子 — подружка, «кобылка» (вместо «телка»).

(34) 辣妹子 — «острая девушка», о девушке с острым язычком, умеющей дать отпор.

(35) 傍大款 — о девушке, «экспортирующей» «нового китайца» или являющейся его содержанкой (состоящей с ним в интимных отношениях).

(36) 二奶 — любовница, содержанка.

(37) 搓板 (儿) — «стиральная доска» очень худой мужчина или девушка с плоской грудью («вешалка»).

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Молодежный интернет-сленг в современном китайском языке используется для облегчения приспособления к иноязычным заимствованным словам (преимущественно англоязычным терминам); добавляет юмористический оттенок высказыванию; привносит иронию, а также агрессию или неприятие, в том числе по отношению к объекту или иностранному слову. Иногда собеседник хочет скрыть смысл сказанного от остальных лиц; желает «влииться» в компанию, сэкономить время, упростить слово; показаться моложе

или, наоборот, старше своего возраста; удивить, обратить на себя внимание окружающих. Очень часто китайская молодежь использует буквенные сокращения или созвучные слова для обхода китайской очень строгой интернет-цензуры. «Цифровой» сленг используется не только в среде Интернета, но и активно функционирует в средствах онлайн-общения. В китайском языке нередко происходит образование нового слова по серийной словообразовательной модели.

Сейчас китайская и российская молодежь в основном активно использует социальные сети типа ВКонтакте, Twitter, Facebook, а также приложения для смартфона типа WhatsApp, а китайская молодежь WeChat (по китайской терминологии — 微信 Weixin).

Компьютерный и интернет-сленг являются частью китайского молодежного сленга. Носители китайского языка много времени проводят в виртуальной среде общения и все эти подязыки практически смешались друг с другом.

Список литературы

1. *James J. Wang* *Outrageous Chinese: A Guide to Chinese Street Language*. — China Books, 1994. — 124 p.
2. *Li Shujuan, Yan Ligang*. *New Slang of China*. — New World Press, 2006. — 357 p.
3. Молодежный сленг на китайском языке // Журнал о Китае Sadpanda. 31 марта 2015 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://sarpanda.cn/archives/20397> (дата обращения: 19.10.2019).
4. Молодежный сленг: Китайский язык онлайн StudyChinese.ru [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.studychinese.ru/slang> (дата обращения: 08.10.2019).
5. Словарь китайских матов и интернет-сленга: Магазета [Электронный ресурс]. — URL: <http://magazeta.com/glossary-old/> (дата обращения: 16.10.2019).
6. *Фокина В.Н.* Язык общения интернет-социума Рунета. Становление и развитие (молодежный, компьютерный, интернет-сленг, компьютерные термины) [Электронный ресурс]. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15239769> (дата обращения: 16.10.2019).
7. *Щукин А.А.* Справочник по новокитайскому сленгу. — М.: Муравей, 2003. — 119 с.

5.10. Проблема определения «национальная безопасность» в современной научной литературе

Куршаков Э.

***Аннотация.** Статья посвящена анализу понятия «национальная безопасность». В настоящее время существует проблема отсутствия единого подхода к определению данного термина, в научной литературе имеется большое количество подходов, мнений. Всё это влияет на то, что весьма сложно рассматривать сущность, элементы национальной безопасности нашего государства, поскольку сложно определить, что вообще представляет собой «национальная безопасность».*

***Ключевые слова:** безопасность, национальная безопасность, защита государства, политика государства, безопасность государства.*

***Abstract.** The article is devoted to the analysis of the concept of “national security.” At present, there is a problem of a lack of a unified approach to the definition of this term, and there are many approaches, opinions, in the scientific literature. All this affects the fact that it is very difficult to consider the essence, elements of the national security of our State, because it is difficult to determine what constitutes “national security” at all.*

***Keywords:** security, national security, state protection, state policy, state security*

Общественные отношения по мере развития человечества и государств постоянно эволюционировали и усложнялись, изменялись и отношения между государствами. Особенно ярко эта тенденция стала проявляться в XIX–XX вв., когда произошел резкий скачок в научно-техническом развитии, появление новых видов оружия. В этот же период происходит обострение различных национальных и межгосударственных конфликтов, которые вылились в трагические события для всего человечества. Все эти обстоятельства стали причиной создания глобальной системы безопасности человечества.

Глобальная проблема безопасности в современном мире раскрывается двояко: в аспекте безопасности мирового сообщества и в аспекте личной безопасности человека.

Проблема безопасности мирового сообщества включает в себя вопросы сохранения и поддержания мира, международной политики, недопущения эскалации конфликтов и разрастания локальных войн, сокращения оружия массового уничтожения и обычных вооружений, запрет на определенные виды вооружений и полной ликвидации их запасов и т.д.

Проблема безопасности человека в современном глобальном мире включает в себя обеспечение таких ее условий, как:

- свобода личности;
- соблюдение и защищенность ее прав и свобод;
- возможность участия человека в публичной политике и процессах местного самоуправления;
- государственные и международные гарантии мира, доступ к ресурсам жизнеобеспечения (включая работу, услуги здравоохранения и образования);
- благоприятная для жизни и воспроизводства окружающая среда.

Поскольку всё мировое сообщество — это совокупность отдельных государств, то для обеспечения глобальной безопасности каждое государство должно на своем уровне реализовывать определенные меры, политику, направленные на поддержание безопасности этого государства (так называемая национальная безопасность).

На современном этапе развития человечества понятие «национальная безопасность» является предметом исследования во многих науках: в политологии, философии, психологии, юриспруденции и других гуманитарных науках. Причиной этого является тот факт, что национальная безопасность является ключевым аспектом защиты и существования любого государства.

Но, несмотря на то, что это явление исследуется многими науками, нет единства в понимании того, что такое национальная безопасность.

Например, Г.И. Пешеров писал, что национальная безопасность представляет собой «государственную, общественную, техногенную, экологическую, экономическую, энергетическую, информационную безопасность, а также безопасность от угроз стихийных действий и безопасность личности»¹.

Впервые этот термин был употреблен в сфере политики президентом США Т. Рузвельтом в 1904 г. Первая трактовка была разработана в 1943 г.: «страна находится в состоянии безопасности, когда ей не приходится приносить в жертву свои интересы с целью избежать войны, и когда она способна с помощью войны защитить эти интересы в случае посягательства на них»². Далее США стали

¹ Пешеров Г.И. Национальная безопасность РФ: проблемы и пути решения в условиях обострения международной обстановки // Евразийский союз ученых. 2019. № 4–5 (61). С. 67.

² Султанов А.Д. Государственная политика обеспечения военной безопасности в современной России: дис. ... канд. полит. наук. — Ростов н/Д, 2016. — С. 22.

активно внедряют этот термин в свое законодательство и политику государства. Данный довод подтверждается тем, что в 1947 г. в США был принят первый в мире закон «О национальной безопасности»¹, однако в этом нормативном акте не было указано, что следует понимать под национальной безопасностью.

В российской политологии данный термин был в первый раз использован в 1993 г. В «Политология: энциклопедический словарь» было приведено следующее определение термина «национальная безопасность» — это «категория политической науки, которая характеризует состояние социальных институтов, обеспечивающее их эффективную деятельность по поддержанию оптимальных условий существования и развития личности и общества, характеризует состояние нации как целостной системы»².

При даче понятия такие исследователи, как Р.Г. Гостев и С.Р. Гостева³, акцентируют внимание на том, что этому понятию свойственна комплексность и зависимость от факторов жизнедеятельности общества в целом. Такое рассмотрение понятия имеет место в теории, что является вполне оправданным, ввиду того, что функция национальной безопасности играет весомую роль в жизни каждого государства. А потому целесообразно определение национальной безопасности связывать с государством. Конституция РФ⁴, как и многие другие акты, пытается отразить в своих положениях понятие национальной безопасности, при этом она проводит параллель между национальной безопасностью государства и целостностью государства.

Иной точки зрения придерживается А.С. Рогов⁵, который считает необходимым комплексно рассматривать данное понятие и изучать его в узком и широком смыслах. При этом в широком

¹ Общая теория национальной безопасности: учебник / *А.В. Возжеников, Н.В. Кривельская, И.К. Макаренко* и др.; под общ. ред. А.А. Прохожева. — М.: РАГС, 2002. — С. 45.

² Политология: энциклопедический словарь. — М.: Издательство Московского коммерческого университета, 1993. — С. 83–84.

³ *Гостев Р.Г., Гостева С.Р.* Национальная безопасность Российской Федерации: угрозы, вызовы, риски, опасности // Социальная политика и социология. 2015. № 2 (80). С. 6.

⁴ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

⁵ *Рогов А.С., Федотова Ю.Г.* Государственная безопасность: элемент или содержание национальной безопасности Российской Федерации // Власть. 2016. №12. С. 128.

понимании это означает, что государство защищено от всех угроз извне. Если же рассмотреть данное понятие в узком значении, оно будет отражать вмешательство различных сфер в безопасность государства.

В теоретических источниках можно также столкнуться с мнениями, в соответствии с которыми понятия национальной безопасности и государственной безопасности приравнивают, т.е. национальная безопасность и государственная безопасность представляют собой синонимичные понятия, не имеющие различий. Причиной появления такого подхода является существующий в России процесс развития правового государства и гражданского общества, которые требуют сближения, а иногда даже отождествления интересов государства и общества¹.

Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»² национальную безопасность расширительно раскрывает и признает под таковой состояние защищенности как внутри, так и снаружи страны.

На наш взгляд, национальную безопасность следует расширительно толковать и понимать под ней состояние защищенности как внутри, так и снаружи государства, сходное с понятием государственная безопасность, для которого является характерным комплексность и прямая зависимость от жизнедеятельности общества.

Список литературы

1. *Гостев Р.Г., Гостева С.Р.* Национальная безопасность Российской Федерации: угрозы, вызовы, риски, опасности // Социальная политика и социология. 2015. № 2 (80). С. 6–16.
2. *Кардашова И.Б.* Укрепление конституционных основ национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 5 (37). С. 23–27.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ,

¹ *Кардашова И.Б.* Укрепление конституционных основ национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 5 (37). С. 25.

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=34857591707658991857486894&cacheid=6EDE43500BD09846B822F07304A34649&m ode=splus&base=LAW&n=191669&rnd=CC8E1D9304C9AE88E1E403929E4E3091#8i1lzd5x51g>.

- от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
4. Национальная безопасность Российской Федерации: проблемы укрепления государственно-правовых основ // Журнал российского права. 2005. № 2. С. 3–34.
 5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=34857591707658991857486894&cacheid=6EDE43500BD09846B822F07304A34649&mode=splus&base=LAW&n=191669&rnd=CC8E1D9304C9AE88E1E403929E4E3091#8i1lzd5x51g>.
 6. Общая теория национальной безопасности: учебник / *А.В. Возжеников, Н.В. Кривельская, И.К. Макаренко* и др.; под общ. ред. А.А. Прохожева. — М.: РАГС, 2002. — 401 с.
 7. *Пещеров Г.И.* Национальная безопасность РФ: проблемы и пути решения в условиях обострения международной обстановки // Евразийский союз ученых. 2019. № 4–5 (61). С. 66–69.
 8. Политология: энциклопедический словарь. — М.: Издательство Московского коммерческого университета, 1993. — 381 с.
 9. *Рогов А.С., Федотова Ю.Г.* Государственная безопасность: элемент или содержание национальной безопасности Российской Федерации // Власть. 2016. №12. С. 128–132.
 10. *Султанов А.Д.* Государственная политика обеспечения военной безопасности в современной России: дис. ... канд. полит. наук. — Ростов н/Д, 2016. — 32 с.

5.11. О целесообразности применения цифровых технологий в избирательном процессе Российской Федерации

Тен Е.

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются положительные стороны и возможные проблемы применения цифровых технологий в избирательном процессе, анализируется опыт использования автоматизированных систем на выборах в зарубежных странах и Российской Федерации.

Ключевые слова: избирательный процесс, цифровые технологии, оптимизация избирательного процесса, автоматизация избирательного процесса, государственная автоматизированная система «Выборы», ГАС «Выборы», интернет-выборы.

В условиях стремительного развития информационно-коммуникационных технологий последних десятилетий остается актуальным вопрос автоматизации процессов не только в повседневной жизни каждого человека, но и в целях совершенствования политической сферы деятельности общества и государства. В 1994 г. Указом Президента Российской Федерации № 1723 было принято решение о создании государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» (далее — ГАС «Выборы»). Данный нормативный акт возложил обязанности по разработке и созданию системы в области применения цифровых технологий в избирательном процессе Российской Федерации¹.

В настоящей статье рассмотрен вопрос о целесообразности внедрения автоматизированных систем в электоральный процесс. Для решения указанной задачи необходимо рассмотреть положительные и отрицательные стороны, а также цели использования цифровых технологий в избирательном процессе.

Безусловно, внедрение цифровых систем имеет ряд существенных преимуществ. Во-первых, рассматриваемые системы могут позволить оперативно получать результаты предварительных итогов голосования и ежесекундно наблюдать количество проголосовавших избирателей за каждого кандидата путем автоматизированной обработки данных и последующего размещения в сети Интернет², что сократит время подведения итогов и исключит ошибки

¹ О разработке и создании государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы»: Указ Президента РФ от 23.08.1994 № 1723 (ред. от 29.08.1994) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 18. Ст. 2067.

² Зайцева Ю.А., Тимербулатова Н.Э. Использование информационно-коммуникационных технологий в избирательном процессе // Устойчивое развитие науки и образования: сборник статей. № 7. М., 2017. С. 187–193.

человеческого фактора в процессе подсчета голосов на избирательном участке¹. Данной позиции придерживаются такие авторы, как Зайцева Ю.А. и Тимербулатова Н.Э., Коломин А.К., Колегов И.В. и Давыдов К.В.

Вторым положительным аспектом, по мнению Д.А. Ближевской, К.П. Степанченко и других исследователей, является экономическая выгода, которая может быть обеспечена за счет сокращения бюджета, затрачиваемого в настоящее время на оплату работы сотрудников избирательных участков, а также канцелярские и иные сопутствующие расходы².

В-третьих, применение цифровых систем создает возможность универсального применения данных систем в планировании избирательных кампаний любой сложности и голосовании на всех уровнях, а также упрощения самой процедуры выборов. Указанные преимущества рассмотрены в научной статье К.П. Степанченко, Д.С. Кузенкова и А.С. Кудрявцева³.

Четвертая позиция в пользу положительных сторон автоматизации избирательного процесса принадлежит Д.А. Ближевской, А.К. Семенихину и Н.Н. Кулаковой и отражает преимущества внедрения интернет-голосования, которые заключаются в возможности принимать участие в выборах дистанционно (что, в свою очередь, может увеличить количество проголосовавших избирателей), а также в повышении открытости выборов и, следовательно, доверии граждан к данному процессу⁴.

Что касается недостатков применения цифровых технологий в избирательном процессе, то здесь мнения авторов научных работ отражают разные стороны данного вопроса.

В своей научной работе А.К. Коломин, И.В. Колегов и К.В. Давыдов обращают внимание читателей на несовершенства уже действующих автоматизированных технологий, созданных в рамках

¹ *Коломин А.К., Колегов И.В., Давыдов К.В.* Внедрение новых технологий в избирательный процесс: проблемы и перспективы // Современные исследования: сборник статей №12 (16). М., 2018.

² *Ближевская Д.А., Семенихин А.К., Кулакова Н.Н.* Влияние цифровых технологий на участие граждан в избирательном процессе // Конференция «Ломоносов 2018»: сборник статей. М., 2018; *Степанченко К.П., Кузенкова Д.С., Кудрявцева А.С.* Преимущества и недостатки использования цифровых технологий в процессе выборов // VII межрегиональный форум: сборник материалов. М., 2017. С. 145–149.

³ *Степанченко К.П., Кузенкова Д.С., Кудрявцева А.С.* Преимущества и недостатки использования цифровых технологий в процессе выборов // VII межрегиональный форум: сборник материалов. М., 2017. С. 145–149.

⁴ *Ближевская Д.А., Семенихин А.К., Кулакова Н.Н.* Влияние цифровых технологий на участие граждан в избирательном процессе // Конференция «Ломоносов 2018»: сборник статей. М., 2018.

реализации ГАС «Выборы»: комплексы обработки избирательных бюллетеней (далее — КОИБ), а также системы, обеспечивающие возможность контроля избирательного процесса — видеотрансляции процесса голосования в сети Интернет и видеонаблюдения подсчета голосов избирателей. Так, комплексы обработки избирательных бюллетеней предъявляют высокие требования к качеству бумажного носителя — отсутствие любого рода опечаток и помарок, «правильное сложение» бюллетеня в цифровое оборудование. В системах онлайн-контроля избирательного процесса в качестве недостатков авторы выделяют следующие: недостаточно высокое качество изображения (данное условие необходимо в целях выявления лиц, занимающихся фальсификацией, определения содержания в списках избирателей и количества опускаемых избирателями бюллетеней в урну для голосования), а также отключение видеотрансляции непосредственно после окончания времени для голосования избирателей, что не позволяет обеспечить контроль подсчета голосов и составления итогового протокола голосования¹.

Кроме того, внедрение цифровых технологий может создать условия для возникновения возможных проблем, решение которых необходимо предусмотреть заблаговременно. К ним, по словам Д.А. Ближевской, А.К. Семенихина и Н.Н. Кулаковой, относится обеспечение безопасности системы от кибератак, взлома базы данных и утечки информации, фальсификации результатов голосования и конечных результатов, а также повышение вероятности нарушения принципов тайного голосования. Вместе с тем в связи с отсутствием бумажных бюллетеней при интернет-выборах, письменного подтверждающих результаты голосов избирателей, могут возникнуть сомнения в достоверности итогов голосования².

Другими немаловажными аспектами являются материальные затраты на создание и поддержание надежности системы (в том числе издержки на работу технического штаба для контроля и настройки оборудования и программных компонентов), обеспечение доступности голосования даже в самых дальних уголках страны, где еще отсутствует доступ к сети Интернет, возможность выбора метода голосования — дистанционно либо путем заполнения традиционных бюллетеней³.

¹ Коломин А.К., Колегов И.В., Давыдов К.В. Внедрение новых технологий в избирательный процесс: проблемы и перспективы // Современные исследования: сборник статей №12 (16). М., 2018.

² Ближевская Д.А., Семенихин А.К., Кулакова Н.Н. Влияние цифровых технологий на участие граждан в избирательном процессе // Конференция «Ломоносов 2018»: сборник статей. М., 2018.

³ Степанченко К.П., Кузенкова Д.С., Кудрявцева А.С. Преимущества и недостатки использования цифровых технологий в процессе выборов // VII межрегиональный форум: сборник материалов. М., 2017. С. 145–149.

Необходимо также обратить внимание на мнение С.Ю. Белоконева, М.С. Васильева, В.В. Титова. По словам авторов, в долгосрочной перспективе применение цифровых технологий в избирательном процессе может привести к перераспределению полномочий от представительных структур в пользу прямой формы участия граждан, а значит, необходимости кардинальной реорганизации политической системы в целом¹.

Резюмируя изложенное, можно сделать следующий вывод: применение цифровых технологий в избирательном процессе содержит совокупность преимуществ и недостатков как для избирателей, так и для государственных структур в целом.

Вместе с тем, рассматривая вопрос о применении автоматизированных систем в избирательном процессе, целесообразно обратиться к зарубежному опыту в данной сфере. Практика применения цифровых технологий с 2000-х гг. реализуется в таких странах, как США, Эстония и Литва, а также в пилотных проектах Великобритании и Швейцарии, что подробно описано в работе Ю.А. Зайцевой и Н.Э. Тимербулатовой «Использование информационно-коммуникационных технологий в избирательном процессе». В результате использования цифровых систем избиратели упомянутых стран имеют возможность голосовать дистанционно, находясь за границей, и даже за несколько дней до официального дня выборов.

При этом в качестве решения проблемы повторного голосования (в условиях возможности выбора способа) авторы статьи приводят пример системы в Эстонии, где граждане имеют право голосовать как в сети Интернет, так и на участках. При этом каждому избирателю присваивается уникальный идентификационный номер, который может быть использован единожды. В случае использования одного и того же номера более одного раза (на интернет-платформе и посредством бюллетеня), голосование избирателя отменяется².

В Российской Федерации, как уже упоминалось ранее, применяются такие автоматизированные технологии, как комплексы обработки избирательных бюллетеней и системы, обеспечивающие возможность контроля избирательного процесса³.

¹ Белоконев С.Ю., Васильев М.С., Титов В.В. Цифровые технологии в современных избирательных кампаниях: особенности применения // Глобализация и цифровое общество: сборник научных статей. М., 2019. С. 51–57.

² Степанченко К.П., Кузенкова Д.С., Кудрявцева А.С. Преимущества и недостатки использования цифровых технологий в процессе выборов // VII межрегиональный форум: сборник материалов. М., 2017. С. 145–149.

³ Колосин А.К., Колегов И.В., Давыдов К.В. Внедрение новых технологий в избирательный процесс: проблемы и перспективы // Современные исследования: сборник статей №12 (16). М., 2018; В ЦИК России представили экспозицию цифровых технологий в избирательном процессе [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.cikrf.ru/news/cec/44033/> (дата обращения: 24.10.2019).

Кроме того, 29 августа 2019 г., к 25-летию создания ГАС «Выборы», была представлена экспозиция цифровых технологий в избирательном процессе. Как отмечают председатель Центральной избирательной комиссии и статс-секретарь замглавы Минкомсвязи России, главный конструктор Государственной автоматизированной системы, «за 25 лет своего существования ГАС «Выборы» зарекомендовала себя как надежная и эффективная система», обладающая «серьезным потенциалом использования»¹.

В конце целесообразно выделить основные цели использования цифровых систем, которые заключаются в повышении эффективности и результативности избирательного процесса, а также увеличении количества вовлеченных в выборы избирателей².

Таким образом, целесообразность применения цифровых технологий в избирательном процессе нашла свое подтверждение, но при условии решения следующих задач: обеспечения надежной защиты системы от несанкционированных вмешательств, а также предоставления возможности использования автоматизированных технологий всеми гражданами страны, вне зависимости от опыта использования цифровых устройств и удаленности от избирательных участков.

Список литературы

1. *Белоконева С.Ю., Васильева М.С., Титова В.В.* Цифровые технологии в современных избирательных кампаниях: особенности применения // Глобализация и цифровое общество: сборник научных статей. М., 2019.
2. *Ближевская Д.А., Семенихин А.К., Кулакова Н.Н.* Влияние цифровых технологий на участие граждан в избирательном процессе // Конференция «Ломоносов 2018»: сборник статей. М., 2018.
3. В Москве открылась выставка цифровых технологий в избирательном процессе [Электронный ресурс]. — URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/39278/> (дата обращения: 24.10.2019).
4. В ЦИК России представили экспозицию цифровых технологий в избирательном процессе [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.cikrf.ru/news/сес/44033/> (дата обращения: 24.10.2019).

¹ В Москве открылась выставка цифровых технологий в избирательном процессе [Электронный ресурс]. — URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/39278/> (дата обращения: 24.10.2019); Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Выборы» [Электронный ресурс]. — URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/govservices/infosystems/2/> (дата обращения: 24.10.2019).

² *Зайцева Ю.А., Тимербулатова Н.Э.* Использование информационно-коммуникационных технологий в избирательном процессе // Устойчивое развитие науки и образования: сборник статей. № 7. М., 2017. С. 187–193.

5. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Выборы» [Электронный ресурс]. — URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/govservices/infosystems/2/> (дата обращения: 24.10.2019).
6. *Зайцева Ю.А., Тимербулатова Н.Э.* Использование информационно-коммуникационных технологий в избирательном процессе // Устойчивое развитие науки и образования: сборник статей. № 7. М., 2017.
7. *Коломин А.К., Колегов И.В., Давыдов К.В.* Внедрение новых технологий в избирательный процесс: проблемы и перспективы // Современные исследования: сборник статей №12 (16). М., 2018.
8. О разработке и создании государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы»: Указ Президента РФ от 23.08.1994 № 1723 (ред. от 29.08.1994) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 18. Ст. 2067.
9. *Степанченко К.П., Кузенкова Д.С., Кудрявцева А.С.* Преимущества и недостатки использования цифровых технологий в процессе выборов // VII межрегиональный форум: сборник материалов. М., 2017.

5.12. Трудовые правоотношения в эпоху роботизации

Вакуров И.П.

Стремительное развитие технологий влечет за собой серьезные вызовы для будущего рынка труда. По мере освоения машинами всё более сложных производственных задач увеличивается вероятность массовой ликвидации рабочих мест вследствие автоматизации. Ожидаемые изменения трудового статуса, такие как потеря работы, понижение в должности или необходимость сменить профессию, обычно объясняются высоким риском компьютеризации соответствующих видов деятельности. Напротив, к предпринимательству, индивидуальному либо связанному с использованием наемных работников, чаще переходят лица, чьи специальности сохраняют «устойчивость» к роботизации. Таким образом, подъем предпринимательской активности обусловлен, скорее, не сокращением рабочих мест в связи с автоматизацией, а новыми возможностями, появляющимися в цифровую эпоху.

Для начала стоит определиться с понятием трудовых правоотношений, и кто является их субъектом.

Трудовое правоотношение — это урегулированное нормами трудового права общественное отношение, возникающее на основании трудового договора, по которому один субъект (работник) обязуется выполнять трудовую функцию с подчинением правилам внутреннего трудового распорядка, а другой субъект (работодатель) обязан предоставлять работу, обеспечивать здоровые и безопасные условия труда и оплачивать труд работника в соответствии с его квалификацией, сложностью работы, количеством и качеством труда¹.

В последние годы под влиянием технологического прогресса, прежде всего в сфере информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), положившего начало четвертой промышленной революции (Industry 4.0), активизировались дискуссии о будущем рынка труда. Часто высказываются опасения, что в результате дальнейшего технологического развития машины смогут выполнять многие задачи не менее эффективно. В будущем может сложиться ситуация, когда автоматизация приведет к гигантскому сокращению рабочих мест. Исследователи из Оксфордского университета Карл Бенедикт Фрей и Майкл Осборн недавно пришли к выводу, что уже при нынешнем уровне технологического развития примерно 47% рабочих мест в США в течение предстоящих

¹ Трудовое правоотношение [Электронный ресурс]. — URL: <https://jurkom74.ru/ucheba/trudovie-pravootnosheniya-ponyatie-storoni>.

10–20 лет с высокой вероятностью будут заменены машинами. Аналогичные исследования для других стран в целом подтверждают указанный вывод, хотя конкретные оценки потенциала роботизации сильно варьируют технологический прогресс, обуславливающий цифровизацию, что может стимулировать переход к предпринимательской деятельности «по необходимости» для работников, которых с высокой вероятностью могут заменить машинами. Но также может активизироваться формирование стартапов в связи с новыми перспективами, которые при этом открываются. Создание радикальных инноваций (таких как технологии 3D-печати) привело к появлению новых предпринимательских возможностей в самых разных областях — от изготовления скульптур по фотографиям (путем моделирования методами промышленного и архитектурного дизайна) до распечатки искусственных костей и создания трехмерных моделей человеческого мозга для подготовки хирургических операций. Подобные возможности нередко возникают в сферах, где машины дополняют труд людей, а не заменяют его (например, хирургия). Эмпирический анализ выполнен на основе данных Германской социально-экономической панели — ежегодного репрезентативного обследования домохозяйств Германии, в ходе которого собирается обширная информация о социально-экономическом положении граждан. Его результаты свидетельствуют, что в течение следующих двух лет под влиянием ожиданий компьютеризации рабочих мест повышается вероятность изменения трудового статуса, включая потерю работы, понижение в должности или смену профессии. Обратная закономерность наблюдается в отношении перехода к предпринимательской деятельности — как индивидуальной, так и с использованием наемных работников. Следовательно, необходимость, возникающая в связи с перспективами автоматизации, не является эффективным стимулом для перехода в бизнес. Другими словами, растущий уровень деловой активности в Германии обусловлен, скорее, появлением новых технологий, расширяющих экономические возможности, а не ликвидацией рабочих мест.

Анализ специфики различных производственных операций может выявить, какие из них компьютеры могут эффективно выполнять сами, а в каких лишь дополняют труд людей, и, следовательно, определить виды деятельности, которым роботизация угрожает в первую очередь. Тем не менее, хотя машины превосходят человека в решении многих стандартных задач, они пока не могут сравниться с ним в выполнении оригинальных операций, как физических (ручных), так и абстрактных. Однако следует

отметить, что в области создания искусственного интеллекта уже достигнут значительный прогресс, и можно предположить, что в близком будущем машины станут более совершенными в решении задач. Тем не менее люди осуществляют подобные манипуляции со значительно меньшими затратами, и именно по этой причине потенциал компьютеризации рабочих мест, которые сводятся к выполнению ручных операций, в ближайшем будущем останется невысоким¹.

По мнению Джона Мазера (главный астрофизик лаборатории наблюдательной космологии, центр космических полетов им. Годдарда Наса), «мыслящие машины эволюционируют так же, как описанные Дарвином живые (и мыслящие) биологические виды, — посредством конкуренции, сотрудничества, борьбы за выживание и воспроизводства. Мы уже поддерживаем эволюцию мощного искусственного интеллекта, а он, в свою очередь, повлияет на развитие привычных нам могущественных сил: бизнеса, индустрии развлечений, медицины, государственной безопасности, производства оружия, власти на всех уровнях, преступности, транспорта, горнообработывающей промышленности, производства, торговли и др. Но есть преимущества машин над человеком, такие как космические исследования: машинам не нужно дышать, они могут выдерживать экстремальные температурные и радиационные условия. Так что им будет легче, чем нам, колонизировать Марс. Они смогут отправиться во внешнюю область Солнечной системы, имея большие шансы выйти на связь, а так же дело обстоит и с морскими глубинами»².

Питер Норвиг (специалист по теории вычислительных систем) считает, что мы можем переживать более быстрые потрясения, которые способны изменить само понятие постоянной работы. Постоянная работа защищает от перемен, гарантируя работнику стабильный источник дохода, при том что он вполне мог бы зарабатывать больше, будь предпринимателем. В свою очередь, работодателю, вероятно, не нужен работник в течении всего года, но он готов платить за стабильный доступ к необходимым кадровым ресурсам. Таким образом, постоянная занятость обеспечивает стабильность, но не вполне оптимальна для обеих сторон. Если

¹ Автоматизация рабочих мест: угроза для занятости или источник предпринимательских возможностей? Научный сотрудник: Алина Зоргнер [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/avtomatizatsiya-rabochih-mest-ugroza-dlya-zanyatosti-ili-istochnik-predprinimatelskih-vozmozhnostey>.

² Брокман Дж. Что мы думаем о машинах, которые думают: Ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте / Это будет дикая гонка — автор Джон Мазер / Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2017. — С. 54–56.

работников заменить автоматами, то нам потребуется способ для восстановления этой стабильности¹.

Маргарет Леви (директор центра специальных исследований в области наук о поведении, Стэнфордский университет; заслуженный профессор факультета международных отношений, Вашингтонский университет) говорит о том, что есть такие задачи, даже профессии, с которым лучше всего справляются мыслящие машины, — по крайней мере, это задачи, связанные с сортировкой, сопоставлением, принятием определенного рода решений и постановкой проблем, выходящих за пределы когнитивных возможностей большинства людей. С машинами, способными выполнять за нас часть умственной и физической работы, мы приблизимся к марксистской утопии, освободившись от нудного и унижающего человеческого достоинство труда. Для благополучия людей мало заменить рабочих машинами. Важно и то, как те, кто теряет работу, будут содержать себя и своих детей, как будут проводить появившееся время. Люди, а не машины, должны тщательно обдумывать образование, досуг и те виды работ, с которыми машины справляются плохо или не справляются вовсе. Хлеб и зрелища способны задобрить население, но в таком случае мыслящие машины смогут создать общество, которого мы не желаем, — антиутопическое или безобидно-бездеятельное. Работа механизмов определяется архитектурой; то же верно и для социума. И за нее отвечают люди, а не машины. Мыслящие машины могут и должны взять на себя задачи, которые они выполняют лучше, чем люди. Освобождение от ненужной, унижающей человеческое достоинство работы долгое время было главной целью и основной движущей силой инноваций. Дополнить ограничения способности людей в области анализа информации и принятия решений — задачи, которые в равной степени заслуживают внимания².

Афина Вулуманос (адъюнкт-профессор психологии Нью-Йоркского университета) считает, когда машины действительно начнут мыслить, первым делом мы избавимся от тяжелого физического труда; прощайте каждодневная готовка, походы за продуктами и в особенности уборка. Скоро мы опять окажемся

¹ Брокман Дж. Что мы думаем о машинах, которые думают: Ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте / Проектировочные машины для решения проблемы сложности мира — автор Питер Норвинг / Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2017. — С. 195–198.

² Брокман Дж. Что мы думаем о машинах, которые думают: Ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте / Ответственность человека — автор Маргарет Леви / Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2017. — С. 252–253.

в таком мире, где у богатых или образованных людей (тех, у кого есть доступ к новейшим технологиям) снова появится больше свободного времени. Если машины когда-нибудь будут способны к сложному человеческому мышлению, то они также будут способны писать программы, выполнять значительную часть нашей работы, а возможно, даже создавать для нас произведения искусства. Но что делать тогда обычным людям? Появится мрачная перспектива стать зомбированными потребителями в мире, которыми правят машины, — картинка прямо из апокалиптического фильма про будущее. Но есть и куда более оптимистичный прогноз: мы сможем больше времени уделять тем вещам, которые мы все время откладываем¹.

Вывод. Новые и возникающие технологии в будущем приведут к радикальной трансформации рынков труда. Машины достигают всё больших успехов в выполнении не только стандартных операций, но и задач, требующих абстрактных навыков и способности работать в неструктурированных средах. Вследствие этого нарастают опасения, что автоматизация может привести к ликвидации огромного количества рабочих мест. Перемены в трудовом статусе становятся более вероятными на фоне обретающих реальность перспектив роботизации соответствующих видов деятельности. Это в первую очередь касается возможностей потерять работу, сделать шаг назад по карьерной лестнице либо сменить специализацию, которые, по мнению респондентов, в ближайшие десятилетие вполне ожидаемы. Новые технологии рассматриваются как источник предпринимательских возможностей, прежде всего, представителями профессий, которые вряд ли будут компьютеризированы в ближайшем будущем.

По всей вероятности, развитие технологий приведет не к тому, что машины вытеснят людей, а к тому, что возникнет синтетическое единство человека и машины, где вы не сможете провести четкую границу, разделяющую машину и человека. Это является одним из возможных выходов.

Список литературы

1. Автоматизация рабочих мест: угроза для занятости или источник предпринимательских возможностей? Научный сотрудник: Алина Зоргнер [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/avtomatizatsiya-rabochih-mest-ugroza-dlya-zanyatosti-ili-istochnik-predprinimatelskih-vozmozhnostey>.

¹ Брокман Дж. Что мы думаем о машинах, которые думают: Ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте / Будут ли машины думать за нас? — автор Афина Вулманос / Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2017. — С. 464–465.

2. *Брокман Дж.* Что мы думаем о машинах, которые думают: Ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте / Это будет дикая гонка — автор Джон Мазер / Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшин, 2017. — С. 54–56.
3. *Брокман Дж.* Что мы думаем о машинах, которые думают: Ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте / Проектировочные машины для решения проблемы сложности мира — автор Питер Норвинг / Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшин, 2017. — С. 195–198.
4. *Брокман Дж.* Что мы думаем о машинах, которые думают: Ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте / Ответственность человека — автор Маргарет Леви / Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшин, 2017. — С. 252–253.
5. *Брокман Дж.* Что мы думаем о машинах, которые думают: Ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте / Будут ли машины думать за нас? — автор Афина Вулуманос / Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшин, 2017. — С. 464–465.
6. Трудовое правоотношение [Электронный ресурс]. — URL: <https://jurkom74.ru/ucheba/trudovie-pravootnosheniya-ponyatiestoroni>.

5.13. Влияние цифровых технологий на японское общество: пагубное влияние информационного пространства на социальные явления японского сообщества

Кирищук А.С.

Аннотация. С резким экономическим и технологическим скачком Япония одной из первых стран вошла в информационное сообщество, став одним из информационных и технологических лидеров, однако данная ситуация преподнесла ряд не только положительных последствий: резкий экономический рост, контроль информационного и технологического пространства, но также и ряд негативных последствий, некоторые из которых: запугивание, абстиненция и вытекающее из данного термина, характерное исключительно для японского сообщества явление, называемое «хикикомори».

Ключевые слова: цифровые технологии, информационное пространство, «хикикомори», абстиненция, социум, интеллект, психическое состояние, социальное инициирование, информационное общество.

Актуальность данной темы обуславливается, прежде всего, ведущей ролью Японии в изучении и разработке новых цифровых технологий касательно информационного пространства, стандартизации человеческой жизни и нового цифрового информационного пространства, а также современными социальными и технологическими процессами в современной мировой системе, в которой появилось совершенно новое поле, пространство, именуемое информационным, так как на современном этапе международных отношений и развития международного сообщества новое используемое пространство несет в себе много противоречий и, зачастую, негативных последствий, а также является слабо регулируемым в нормативно-правовом плане. Сильная правовая основа присутствует только в тех направлениях, которые являются приоритетными для государства, или имеющих особую чувствительность. В остальных же случаях к информационному пространству можно применить выражение «война всех против всех». Помимо всего прочего, по мнению автора, самым пагубным влиянием скоротечного внедрения цифровых технологий является факт резкого упадка интеллектуальных способностей общества, что ведет к потребительскому образу жизни, способствуя появлению поколения иждивенцев, что уже ярко и без лишних пояснений прослеживается на современной молодежи. Именно поэтому резкий технологический прогресс Японской экономики рассматривается как катализатор

резкого ухудшения социально-демографического состояния Японии. Автор использует сравнительный и аналитический методы изучения, проводя анализ информатизации Японского сообщества в целом, что дает возможность выявить положительные и отрицательные аспекты, а также наметить возможные пути решения сложившейся ситуации в целом. В работе автор прибегает к элементам статистического анализа данных для понимания состояния японского общества, анализируя данные, предоставленные опросами японских резидентов.

Прежде всего автор хочет отметить, что в данной статье термины «информационное пространство» и «информационное общество» будут отождествляться друг с другом, так как относительно современной системы Японии оба эти понятия туго переплетены и зачастую сливаются воедино.

Информационное пространство — совокупность результатов семантической деятельности человечества. Следует отметить, что пространство информации отличается следующими характеристиками: оно не имеет границ и привычной территории, разрешает существование любого вида информации, является сферой деятельности субъектов государственного управления, профессиональных групп или отдельных людей, т.е. пространство информации — это некое универсальное формирование, которое не имеет завершенного состояния, т.е. развивается динамично, обладает определенной структурой, не является однородным, поскольку в нем существуют барьеры, отталкивающие внимание потребителя от конкретной точки, и аттракторы, что его привлекают, имеет хорошую защиту, отличается национально-специфическими методами построения, обработки и распространения данных.

Также для информационно пространства характерны такие уникальные явления, как: социальное виртуальное общество, сетевой социум, онлайн-общество, виртуальная коалиция. Информационное общество — общество, в котором большинство работающих занято производством, хранением, переработкой и реализацией информации, особенно высшей ее формы — знаний. Что же касается Японии, то японская версия термина «информационное общество» появилась в 1961 г.

Резкий технологический скачок Японской нации был обусловлен прежде всего тем, что в условиях жесткой ограниченности ресурсов и физической территории только вышедшая из всеобщей изоляции Япония была обязана найти способ влиться в существовавшую международную мировую систему, которой было характерно пронизывание всех сфер жизнедеятельности государства

и общества в целом. Выход был найден в разработке высоких и сложных цифровых технологий, как полагает автор, Япония преуспела в этой сфере не только из-за острой геополитической проблемы вливания в международную систему, а также благодаря предрасположенности японского социума к сложной семантической деятельности, о чем свидетельствуют японские автоматы — механизмы куклы «Каракури-Нингё», «絡繰り人形», которые изготавливали лишь из дерева и китового уса, а их движения были настолько плавными, что можно было спутать с человеческими, хотя широко распространение они получили в XVIII—XIX вв. Другими словами, уже в то время появились первые простые роботы-механизмы и предпосылки к резкому технологическому прорыву.

После успешного закрепления Японии в современной мировой системе неимоверного экономического роста и развития сложных цифровых и информационных технологий японское общество столкнулось с острой социальной проблемой, которая стала пагубно сказываться на новом поколении. Именно эволюционный рост цифровых технологий, свободный и беспрепятственный доступ к информации, возможность избегать все стадии социальной социализации, а также стандартизация физического пространства, т.е. привычного образа жизни японцев, под алгоритмы информационного пространства создали такую среду, в которой новое поколение японцев, ставшее частью информационного сообщества, стало изолироваться само от себя, отстраняться от реальной жизни.

Уникальность данной проблемы в том, что новое поколение японцев, находясь под историческим воздействием нации о том, что жить нужно по строгим правилам, под постоянно высоким стрессовым давлением, увеличивающимся потоком неусвояемой информации, с одной стороны, и невозможностью социальной адаптации и страхом перед родителями, с другой стороны, порождает термин, именуемый в Японии «хикикомори». Сам термин означает полную изоляцию от общества, пребывание в закрытом помещении более 6 месяцев, без какого-либо контакта с людьми. При этом человек становится экономически неактивным, так как лишен способности жить в рамках социума, следовательно, находится на полном обеспечении семьи, а связано это с абстиненцией индивида от устоявшегося в обществе нормального образа жизни, что подразумевает отказ от чего-либо на добровольных началах. Автор полагает, что катализатором в данном случае является именно свободный доступ в Интернет, осознание безнаказанности в сети Интернет, возможности скрыть свою личность в информационном пространстве, а также, что очень важно, денежная поддержка со стороны старшего поколения.

Таким образом, если вы не ходите в школу, не работаете и проводите весь день в своей комнате, возможно, вы находитесь в состоянии хикикомори. Численность населения с подобным симптомом растет, и для государства данное явление стало проблемой, с которой оно вынуждено мириться. Кроме того, молодежь, страдающая данным симптомом, больше склонна к совершению суицида в силу своего неполного психического и эмоционального становления. Согласно официальным источникам СМИ Японии, в октябре 2015 г. Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий было вынуждено провести повторное расследование в начальных, средних и старших школах по всей Японии в ответ на проблемы с непризнанием самоубийств в Ивата-чо, Ивате. Увеличение количества самоубийств до 10 000 привело к общественному резонансу, так как результат превысил предыдущий год на 2 000 случаев. Что касается увеличения случаев самоубийств, оно увеличилось в 4,3 раза в префектуре Фукушима, в 2,7 раза в префектуре Фукуока и в 2,1 раза в префектуре Иватэ за последние 5 лет. Автор считает, что увеличение рейтинга самоубийств напрямую связано с увеличением числа хикикомори, что обуславливается повышенной ролью информатизации, лишая возможности подростков развиваться всесторонне, социализироваться и проходить процессы инициации. Существуют очень ограниченные достоверные данные об эпидемиологии хикикомори. Самые важные данные получены из обзора, в котором обобщены три демографических исследования, охватывающих в общей сложности 12 городов и 3951 человек. Используя стандартизированное определение, он показал, что от 0,9% до 3,8% имели историю хикикомори (Kiyota et al, 2008), другой опрос Окинавских исследователей из более чем 1600 семей в 2002 году выявил 14 случаев, которые, если экстраполировать на всю страну, составили бы 410 000 случаев (Furlong, 2008), хотя, несомненно, огромная недооценка из-за выбранных участков, заболеваемость были изучены правительственным исследованием консультаций (в основном родителями) в отношении хикикомори во всех официальных центрах психического здоровья и социального обеспечения по всей Японии, что показало более 14 000 случаев в течение одного года (Министерство здравоохранения труда и благосостояния, 2003). Начало симптомов, как правило, происходит в подростковом возрасте (Кондо, 1997; Takahata, 2003; Кондо и др., 2008; Сайто, 1998; Takahata, 2003).

Следует отметить, что с развитием информационного общества, пространства и интернета в целом, расширяется и список проблем, с которыми сталкивается современное японское общество. Самой

яркой из них являются интернет-издательства (いじめ). В современном обществе, где Интернет уже получил широкое распространение, в сети появляются запугивания. В случае самоубийства в средней школе в Такикава в 2007 г. издательства осуществлялись внутри школы через электронные устройства во время обучающего процесса.

Таким образом, автор приходит к выводу, что в условиях технологического прогресса, постоянного развития информационного пространства, интеграции японского сообщества в новое информационное сообщество, а также алгоритмизации человеческой жизни, создается противоречивая ситуация, которая, с одной стороны, дает возможность Японии сохранять свои позиции на мировой арене, а также обеспечивать население ресурсами, которые не могут быть воссозданы самостоятельно ввиду их нехватки или отсутствия, с другой же стороны, негативное влияние самым пагубным образом отражается на новом поколении японцев, лишая процесса социальной инициации или же сильно усложняя его, снижая интеллектуальный уровень населения в целом в силу замены человеческого капитала цифровым, что стало благоприятной почвой к формированию соответствующего образа жизни «хикикомори», людей, по сути своей являющихся иждивенцами, что в будущем создаст огромную нагрузку на экономику государства, связанную со старением населения, хотя это прослеживается уже сейчас. Связь вытекает из государственного постановления о привлечении человеческого капитала в количестве 500 000 иностранных граждан с 2018 г. для заполнения рабочих мест в сфере обслуживания.

Список литературы

1. *Alan R. Teo*. A New Form of Social Withdrawal in Japan: A Review of Hikikomori [Electronic resource]. — URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4886853/>.
2. *Hikikomori A*. Japanese Culture-Bound Syndrome of Social Withdrawal? A Proposal for DSM-V / *Alan R. Teo, Albert C. Gaw* [Electronic resource]. — URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4912003/>.
3. *Kawanishi Y*. Japanese youth: the other half of the crisis? [Electronic resource]. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/0306837042000184257>.
4. *Borovoy A*. Japan's hidden youths: mainstreaming the emotionally distressed in Japan [Electronic resource]. — URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/18818992>.

5. *Pies R.* Should DSM-V Designate «Internet Addiction» a Mental Disord [Electronic resource]. — URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2719452/>.
6. *Tanaka-Matsumi J.* Taijin Kyofusho: diagnostic and cultural issues in Japanese psychiatry [Electronic resource]. — URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/520018>.
7. URL: <https://spicomi.net/media/articles/869> — [引きこもりの原因12個となりやすい人の性格的特徴・解決策・対処方法]. — [2019年01月10日 公開].

5.14. Электронное государство в современной России: проблемы и перспективы

Савлук А.Д.

В Японии 22 июля 2000 г. принята главами государств и правительств «Группы восьми» Окинавская хартия Глобального информационного общества.

Лидеры «Большой восьмерки» провели дискуссию о перспективах глобальной революции в области информационных технологий и подтвердили приверженность усилиям, направленным на то, чтобы преимущества информационного общества стали достоянием всех людей мира. В принятой на заседании Окинавской хартии о глобальном информационном обществе подчеркивается ведущая роль прогресса на этом поприще в обеспечении устойчивого хозяйственного роста и повышении общественного благосостояния¹.

Таким образом, последние 19 лет проходит глобальная модернизация характера взаимодействия государства и общества.

В обзоре электронного правительства ООН за 2018 г. Россия поднялась на 32 место и впервые вошла в группу стран с «очень высоким» (Very High) индексом развития электронного правительства (E-Government)².

«E-Government» переводится как «электронное правительство», но этот термин применяется не для обозначения правительства как исполнительной власти, а для указания всего государства в целом.

Окинавская хартия Глобального информационного общества определяет, что информационно-коммуникационные технологии являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI в., и ориентирует на создание таких условий в государстве, которые способствовали бы тому, чтобы информационно-коммуникационные технологии служили достижению взаимодополняющих целей обеспечения устойчивого экономического роста, повышения общественного благосостояния, стимулирования социального согласия и полной реализации их потенциала в области укрепления демократии, транспарентного и ответственного управления, прав человека, развития культурного многообразия и укрепления международного мира и стабильности.

¹ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/38481>.

² Обзор электронного правительства ООН за 2018 год [Электронный репорт]. — URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2018>.

Несмотря на то, что в настоящее время термин «электронное правительство» не определен, а объем этого понятия по настоящий день является спорным и всеми учеными и политиками понимается по-своему, его суть сводится к следующему: электронное государство — определенная информационно-коммуникационная инфраструктура, обеспечивающая взаимодействие всех ветвей государственной власти и граждан с использованием информационных систем и информационно-коммуникационных технологий¹.

В рамках электронного государства должна быть обеспечена возможность беспрепятственного взаимодействия общества и государства посредством использования информационно-коммуникационных технологий в режиме реального времени. При этом деятельность государственных органов должна быть открытой и доступной для граждан вне зависимости от их местонахождения.

Новые возможности доступа к официальной информации основаны на реализации права граждан знать, предоставлять и получать, в том числе копии официальных документов, в короткие сроки без посещения государственных учреждений. Таким образом предполагается повысить гражданскую осведомленность о деятельности государственных органов и участие самих граждан в государственном управлении с использованием информационно-коммуникационных технологий, а также увеличить эффективность предоставления государственных услуг.

Такой подход находит свое отражение в Распоряжении Правительства РФ от 10 сентября 2004 г. № 1244-р «О концепции использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 года и плане мероприятий по ее реализации», в котором предполагается укрепление позиции России как информационно развитого государства до 2010 г., а затем в Федеральном законе от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»².

На протяжении 20 лет в Российской Федерации происходит построение электронного государства, которое является одной из важнейших задач государства, требующей серьезного финансирования.

¹ Тарасов А.М. Электронное правительство: понятие и система // Право и кибербезопасность. 2013. № 2. С. 10–21.

² Распоряжение Правительства РФ от 27.09.2004 № 1244-р (ред. от 10.03.2009) «О Концепции использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 года и плане мероприятий по ее реализации» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=446009&rnd=4EE62331365FF3A92394D0D04015D99&from=33452639#0004150663889560313>.

В ходе выполнения указанной задачи должны претерпеть изменения взаимоотношения между государством и обществом, а также законодательная и нормативно-правовая базы, поскольку общественные отношения, основанные на использовании информационно-коммуникационных технологий, в первую очередь сети Интернет, являются новой формой взаимоотношений постиндустриального развития государства и общества.

Информационно-коммуникационные технологии представляют серьезную угрозу для личной, государственной и общественной безопасности, которая обусловлена вовлечением в сеть Интернет неопределенного круга лиц.

В связи с появлением новой публичной среды необходимо изменение правового регулирования, направленного на осуществление защиты прав, свобод и законных интересов граждан при использовании информационно-коммуникационных технологий.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 января 2002 г. № 65 утверждена Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 гг.)», которая предполагала три этапа реализации¹.

Реализация Федеральной целевой программы «Электронная Россия (2002–2010 гг.)», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 января 2002 г. № 65, обеспечила внедрение информационно-коммуникационных технологий в деятельность органов государственной власти и организацию предоставления государственных услуг с применением информационно-коммуникационных технологий. Были созданы такие государственные информационные системы, как Единый портал государственных и муниципальных услуг, портал государственных и муниципальных закупок, государственная автоматизированная система «Управление», интернет-узел для обеспечения бесперебойной работы интернет-ресурсов Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, типовая информационная система поддержки деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг для субъектов Российской Федерации.

¹ Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 № 65 (ред. от 09.06.2010) «О федеральной целевой программе «Электронная Россия» (2002–2010 гг.)» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=423718438020037834125338616&cacheid=46D013F5B80A6A8F648283BD02B30788&mode=splus&base=LAW&n=101540&rnd=C0318683B2A6DB2175A05A6D279F3A7C#2cyk5d7hmo0>.

Необходимо отметить, что согласно обзору развития электронного правительства (E-Government) ООН за 2010 г. Российская Федерация занимала 59 место из 184, что говорило об отставании от мировых лидеров и недостаточном уровне как развития информационных технологий, так и готовности граждан использовать возможности информационного общества¹.

Но эта позиция обеспечена не только факторами, связанными с использованием информационных технологий в деятельности государственных органов, но также показателями инфраструктуры связи и телекоммуникаций, доступом граждан и государственных учреждений к сети Интернет и ее использованием, образованностью граждан и должностными лицами государственных органов и органов местного самоуправления.

В ходе проделанной работы были выявлены следующие проблемы реализации электронного государства в Российской Федерации:

- низкий уровень развития телекоммуникаций;
- наличие низких навыков использования информационных технологий гражданами и должностными лицами органов власти и местного самоуправления;
- отставание органов государственной власти субъектов Российской Федерации от федеральных органов государственной власти по уровню информационно-технологического обеспечения;
- отсутствие на сайтах государственных органов оперативного информационного обновления и необходимых сведений о порядке и условиях получения государственных услуг;
- отсутствие публичного доступа населения к сайтам органов государственной власти;
- отсутствие нормативно-правовой базы предоставления информации органами государственной власти населению, организациям и другим органам государственной власти;
- негативный настрой общества, который выражается в предпочтении граждан путем личного присутствия взаимодействовать с органами власти, вопреки возможности обращения через Интернет.

Далее на смену Федеральной целевой программы «Электронная Россия», сроки реализации которой завершились в 2010 г., Распоряжением Правительства РФ от 20 октября 2010 г. № 1815-р утверждена Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 гг.)», которая сформирована

¹ Обзор электронного правительства ООН за 2010 год [Электронный репорт]. — URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2010>.

в соответствии с инновационным сценарием социально-экономического развития Российской Федерации, определенным Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р¹.

В настоящее время документ утратил силу в связи с вступлением в законную силу Постановления Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 (ред. от 02.02.2019) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Информационное общество (2011–2020 гг.)”»².

При помощи обозначенной программы, которая проводится в два этапа (2011–2014 гг. и 2015–2020 гг.), планируется предоставить беспрепятственный доступ людей и компаний к государственным услугам с помощью современных информационных технологий, а также предупредить угрозы, возникающие в информационном обществе. Планируется обеспечить постоянное использование информационно-коммуникационных технологий в производственных, научных, образовательных и социальных целях, которые будут доступны для любого гражданина вне зависимости от его возраста и места нахождения.

Уровень успешности реализации Программы в Российской Федерации можно будет оценить в международном рейтинге стран по уровню развития информационных и телекоммуникационных технологий и увеличению количества граждан, использующих государственные услуги в повседневной жизни.

Список источников

1. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/38481>.
2. Обзор электронного правительства ООН за 2010 год. [Электронный ресурс]. — URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2010>.
3. Обзор электронного правительства ООН за 2018 год [Электронный ресурс]. — URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2018>.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 20.10.2010 № 1815-р (ред. от 26.12.2013) «О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество» (2011–2020 гг.)» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=1144930&rnd=C0318683B2A6DB2175A05A6D279F3A7C&req=doc&base=LAW&n=157067&REFDOC=114493&REFBASE=LAW#1o7lx87kgj5>.

² Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N 313 (ред. от 02.02.2019) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» (2011–2020 гг.)» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184/.

4. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N 313 (ред. от 02.02.2019) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Информационное общество (2011–2020 гг.)”» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184/.
5. Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 № 65 (ред. от 09.06.2010) «О федеральной целевой программе “Электронная Россия (2002–2010 гг.)”» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=423718438020037834125338616&cacheid=46D013F5B80A6A8F648283BD02B30788&mode=splus&base=LAW&n=101540&rnd=C0318683B2A6DB2175A05A6D279F3A7C#2cyk5d7hmo0>.
6. Распоряжение Правительства РФ от 20.10.2010 № 1815-р (ред. от 26.12.2013) «О государственной программе Российской Федерации “Информационное общество (2011–2020 гг.)”» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=1144930&rnd=C0318683B2A6DB2175A05A6D279F3A7C&req=doc&base=LAW&n=157067&REFDOC=114493&REFBASE=LAW#1o7lx87kgj5>.
7. Распоряжение Правительства РФ от 27.09.2004 № 1244-р (ред. от 10.03.2009) «О Концепции использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 года и плане мероприятий по ее реализации» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=446009&rnd=4EEE62331365FF3A92394D0D04015D99&from=33452639#0004150663889560313>.
8. *Тарасов А.М.* Электронное правительство: понятие и система // Право и кибербезопасность. 2013. № 2. С. 10–21.

5.15. Проблемы достаточности профессиональной компетенции выпускников-юристов для начала своей трудовой деятельности

Савченко О.С.

Актуальность выбранной нами темы статьи обусловлена в первую очередь тем, что в настоящее время в поисках работы находится большой процент молодых специалистов, в частности юристов с высшим образованием, а на рынке труда к молодым специалистам помимо стандартных требований всё чаще стали применять определенный перечень так называемых профессиональных компетенций.

Целью нашего исследования было выявление тех ключевых компетенций и навыков выпускника-юриста, которые будут необходимы ему для начала его трудовой деятельности как специалиста.

Исходя из поставленной цели и нашего понимания проблемы, мы сформировали и проанализировали следующие основные задачи:

1. Определили перечень профессиональных компетенций, которые необходимы при трудоустройстве.
2. Выяснили, что же мешает будущему юристу достичь высокого уровня компетенции в процессе обучения в высшем учебном заведении.

В основе профессионализма всех юристов лежит хорошее и качественное образование. Для того чтобы стать компетентным и востребованным специалистом в юриспруденции, необходимо в первую очередь детально изучить право и закон. Помимо базы юридических знаний профессиональный юрист должен также обладать еще и комплексом определенных навыков, а именно:

- устная и письменная коммуникабельность;
- эффективное решение проблем и принятие решений;
- самоконтроль и самосознание;
- грамотная расстановка приоритетов при решении поставленных перед специалистом задач и возникших в ходе профессиональной деятельности проблем;
- способность к самообучению;
- гибкость и быстрая адаптация к новым условиям;
- информационно-компьютерная грамотность.

Именно вышеперечисленные критерии, на наш взгляд, должны быть сформированы у каждого студента в процессе обучения в вузе, чтобы он овладел профессиональной квалификацией «юрист» и был востребованным среди работодателей на рынке труда.

Мешает студенту добиться успехов и стать высококвалифицированным специалистом, по нашему мнению, в первую очередь неосознанность выбранной им профессии. Когда человек поступает не туда, куда ему хотелось бы, а туда, куда «навязало» общество.

Вторая проблема при формировании профессиональной компетенции — это проблема профессионализма педагогического состава высшего учебного заведения, в котором обучается будущий юрист.

Каждый преподаватель должен не только понимать сущность проводимых им образовательных дисциплин, принимать и реализовывать идеи современного образования, но и формировать, развивать и совершенствовать свои ранее полученные профессионально-педагогические компетенции.

Современный педагогический состав должен обладать следующими критериями:

- репродуктивными, когда педагог способен адекватно донести до студентов то, чем владеет сам;
- адаптивными, при которых педагог может привлечь внимание студентов к себе и своему докладу;
- локально-моделирующими, когда педагог владеет стратегиями обучения знаниям, умениям и навыкам по отдельным разделам курса, позволяющими определить педагогическую цель, поставить задачи, разработать алгоритм их решений и использовать педагогические средства включения учащихся в учебно-познавательную деятельность;
- системно-моделирующими, при которых педагог умеет превратить свою дисциплину в средство формирования личности учащегося, его потребностей в самовоспитании, самообразовании и саморазвитии.

Все перечисленные критерии, как мне кажется, позволят построить отличное взаимодействие между студентом и преподавателем, и дать хороший результат в итоге.

Завершая нашу статью, хочется сделать вывод о том, что для формирования профессиональной компетенции и становления специалиста высокого уровня студенту необходимо приложить много усилий. Стараться выходить за рамки вузовской подготовки, заниматься саморазвитием и выбирать надежные высшие учебные заведения с высококвалифицированным преподавательским составом.

Список литературы

1. Актуальные проблемы российского права. 2016. № 9 (70).
2. Вестник Брянского государственного университета. №1: Педагогика и психология. История. Право. Литературоведение.

- Языкознание. Экономика. Точные и естественные науки. — Брянск: РИО БГУ, 2015. — 384 с.
3. Высшее образование для XXI века: XII Международная научная конференция: доклады и материалы. Секция 6. Проблемы юридического образования / Отв. ред. И.Г. Скурлова. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015. — 95 с.
 4. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг. / Министерство образования и науки Российской Федерации.

5.16. Использование необитаемых подводных аппаратов в Арктике

Басинская А.А.

Аннотация. Мировой океан, безусловно, играет огромную роль в жизни человечества. Океан кормит, лечит и обеспечивает землян энергоресурсами, а также открывает выгодные транспортные пути во все уголки мира. Освоить богатства Мирового океана означает найти новую альтернативу выживания быстрорастущему населению планеты и каждому государству в отдельности. Именно поэтому для всего мира Океан — это платформа тесного сотрудничества и конкуренции. При таком раскладе судостроение в области исследований приобретает очень большое значение.

Ключевые слова: автономные необитаемые подводные аппараты, Арктика, энергоресурсы, шельф.

XX и XXI вв. стали временем стремительного технического прогресса. Появление телевидения, Интернета и усовершенствование производственного процесса с помощью компьютеров позволяют государствам более эффективно развивать свои экономики, ускорять рабочие и образовательные процессы, проводить сложные научные опыты и исследования.

Государства стремятся развивать не только торговый и военный флот, но и строить подводные аппараты, ускоряющие процесс изучения Океана. Все глубоководные аппараты делятся на обитаемые и необитаемые, а последние, в свою очередь, на автономные и телеуправляемые.

К видам работ, осуществляемых подводными аппаратами (ПА), относятся:

- общие виды работ: такие как обслуживание подводных заповедников, обследование кабелей и трубопроводов, проверка эстакад и платформ, перезарядка подводных источников энергии, испытания аппаратуры различного назначения, фото- и видеосъемка, обеспечение аварийных работ;
- поиск и разведка промысловых объектов: наблюдение за флорой и фауной морского дна, запись и анализ звуков, издаваемых промысловыми морскими биологическими объектами;
- геологические и геофизические исследования: взятие проб осадочных пород, общие исследования дна, выявление и исследование структурных форм дна, сейсмопрофилирование;
- биологические исследования: изучение донных биоценозов, взятие проб, идентификация и изучение миграций морских организмов;

- гидрофизические исследования: геотермические измерения, дрейф в водной массе, точное измерение магнитного поля Земли, в том числе его быстрых вариаций, исследование химической структуры придонных вод.

Точность и эффективность проведения работ с помощью буксируемых и привязанных аппаратов снижается с глубиной. Автономные аппараты (АНПА) имеют большую маневренность, чем телеуправляемые необитаемые подводные аппараты (ТНПА), лучшую стабилизацию параметров движения и более просты в эксплуатации. Именно поэтому сейчас количество АНПА превышает количество ТНПА.

Современные АНПА должны отвечать нескольким требованиям: точная ориентация на местности, сбор и накопление целевой информации, обеспечение безопасности в штатном режиме и в особых ситуациях, минимальный потребительский риск, экономический эффект, небольшой размер и универсальность.

В Российской Федерации действует план, утвержденный Президентом РФ, который включает в себя мероприятия по экологическому мониторингу арктического пространства: изучение и разведку потенциально намеченных к освоению регионов, наблюдение за экологическим воздействием на окружающую среду уже построенных объектов, изучение ледовой обстановки и климатический мониторинг. Накопление и систематизация таких данных позволяет ученым строить модели возможного развития событий в будущем Арктики, строить карты толщины арктического льда, проводить мониторинг в зонах объектов энергодобывающей инфраструктуры.

В 2016 г. в проливе Фрама была проведена исследовательская экспедиция, целями которой стали составление карты температур на заданных глубинах и получение данных о практической солености в различных слоях воды, а также проведение оценки состояния акватории по характерным следам хлорофилла фитопланктона. В этом исследовании использовался робототехнический комплекс, представляющий собой АНПА, оснащенный датчиком проводимости, глубины и солености (CTD), акустическим доплеровским измерителем течения (ADCP), датчиком фотосинтетически активной радиации (PAR) и датчиками кислорода и нитратов.

На данный момент в мире имеются различные научные, экономические, военные и геополитические факторы, определяющие заинтересованность многих государств в проведении морских полярных исследований с использованием АНПА. С развитием Международного права и особенно Морского права у государств появ-

вилась возможность развиваться не только в пределах своих границ, но и использовать некоторое количество вод и шельфа в Мировом океане. На сегодняшний день государства активно ведут борьбу за энергетические и другие ресурсы в рамках Конвенции ООН 1982 г. Согласно 76 статье этого документа континентальный шельф включает морское дно и недра на протяжении 200 морских миль. Эта территория называется исключительной экономической зоной, в пределах которой государство имеет исключительную возможность добывать ресурсы. Но в случае, когда внешняя окраина материка простирается более, чем на двести морских миль, государство вправе доказать этот факт и увеличить зону своего влияния. Также в Конвенции 1982 г. указаны признаки, которые доказывают отношение морского дна к матерiku. Государства, претендующие на расширение границ, обязаны предоставить в Комиссию ООН результаты исследований выдержанности осадочного чехла, непрерывности и выдержанности глубинных слоев земной коры и элементов фундамента, а также доказать отсутствие поперечных разломов сдвигового характера.

Главная цель исследований в Арктике — стремление глубже понять и оценить влияние процессов, происходящих в регионах в связи с возможным глобальным потеплением и изменением экосистемы. Потепление, несомненно, приведет к интенсивному таянию ледяного покрова полярных океанов и морей. Интерес приарктических государств обусловлен перспективой экономической выгоды. Россия в 2007 г. использовала обитаемые глубоководные аппараты «Мир-1» и «Мир-2» с целью определения северной границы своего континентального шельфа. Результаты исследований показали, что возможности ОПА ограничены на больших глубинах, дорогостоящи и недостаточно эффективны в процессе картографирования морского дна, исследовании гидрофизических полей, проведении химического, биологического и других видов анализа. Все эти проблемы может решить использование АНПА.

Преимущество АНПА не только в большей маневренности и более глубоком погружении, но и в возможности обмена информацией между аппаратами. Впервые использование таких аппаратов было осуществлено в США в 1972 г. для исследования рельефа дна. Эти аппараты были оснащены только гидроакустической техникой. В нашей стране первые конструкторские наработки начались в 1985 г. Первый аппарат «Тифлонус» был оснащен промерным эхолотом, гидролокатором бокового обзора, трехкомпонентным магнитометром, датчиками температуры и электропроводимости. Изначально аппарат предназначался для проведения батиметрической съемки,

гравиметрических измерений, измерений фазовой структуры акустических полей и флуктуаций течений как в открытом океане, так и подо льдом Арктики, однако из-за отсутствия спонсирования проект был приостановлен, а аппарат направлен на выполнение других действий.

Современные аппараты имеют возможность работать на различных глубинах до 2000 метров, обладают модульностью конструкции, большим набором датчиков, инерциальной акустической навигационной системой, простотой в эксплуатации, возможностью изменения конфигурации, быстрой заменой батареи и относительно невысокой стоимостью технического обслуживания.

Таким образом, развитие государств в области робототехники позволяет прогнозировать будущее Мирового океана, строить экономические и геополитические планы и заботиться об экологии в регионе.

5.17. Правовые и этические проблемы внедрения беспилотного транспорта на дороги общего пользования

Яковенко Н.С.

В настоящее время активно развиваются технологии, позволяющие с минимальными рисками использовать беспилотные транспортные средства (далее — БПТС) на дорогах общего пользования. Преимущество автономного транспорта заключается прежде всего в том, что его использование позволяет существенно снизить аварийность на дорогах. Это достигается благодаря тому, что реализуемый в беспилотном транспорте искусственный интеллект (далее — ИИ) сводит к минимуму влияние человеческого фактора на управление автомобилем. Подавляющее число дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП) происходят по вине водителей, в частности, из-за невнимательности, утомляемости или легкомыслия участников дорожного движения. Благодаря тому, что автопилот сводит к минимуму влияние этих факторов на дорожную обстановку, можно предположить, что повсеместное использование БПТС позволит снизить аварийность на 60–70%.

Еще одним преимуществом БПТС является то, что его использование при перевозке грузов или пассажиров позволяет снизить себестоимость данных услуг за счет сокращения затрат на оплату труда водителей. Другим положительным эффектом, достижение которого становится возможным при внедрении рассматриваемой технологии, можно назвать повышение эффективности использования автомобильных дорог. Автопилот, или искусственный интеллект, способен подбирать наиболее короткие маршруты и оптимально маневрировать во время движения. Как следствие, снижаются расход горюче-смазочных материалов и количество пробок на автомобильных дорогах. При массовом использовании БПТС можно говорить и об уменьшении загазованности больших городов. Но наиболее ощутимым эффектом для большинства водителей будет существенная экономия времени на повседневных поездках и повышение комфорта таких поездок.

Тем не менее внедрение автономного транспорта может иметь и негативные последствия. В первую очередь это массовые сокращения штатов водителей в крупных фирмах, предоставляющих транспортные услуги. Как следствие, со временем возможно устаревание профессии водителя как таковой. Однако это можно назвать естественным последствием развития технологий, которые сейчас наблюдаются и во многих других сферах. Более ощутимым

последствием может оказаться снижение внимательности водителей и замедление скорости их реагирования на внештатные ситуации.

Сегодня транспортные средства с функцией автопилота только начинают массово появляться на автомобильном рынке. Разработки и испытания в этой области ведутся такими компаниями, как Tesla, Google, Uber, Jaguar, BMW и др. Большинство указанных фирм уже представили на рынке свои модели беспилотных транспортных средств. В России разработки БПТС ведут Yandex, Cognitive Technologies, Роскосмос, а также компания Volgabus. В качестве отечественных достижений можно привести в пример разработку беспилотного электробуса КАМАЗ-1221 ШАТЛ, а также запуск в ноябре 2018 г. на территории г. Москвы и Республики Татарстан полномасштабного эксперимента по опытной эксплуатации на городских дорогах автомобилей высокой степени автоматизации. Такие автомобили способны осуществлять движение по дорогам общего пользования без участия человека в управлении ими в пределах «рабочей области»¹. В рамках этого эксперимента только компанией Yandex планируется вывести на дороги Москвы более ста беспилотных автомобилей до конца 2019 г.²

Тем не менее сегодня в большинстве стран вопрос о правовом статусе беспилотных транспортных средств остается открытым, и соответствующие нормы находятся на стадии разработки. Зачастую зарубежное законодательство запрещает использование БПТС на дорогах общего пользования. Одной из причин запрета на их использование в качестве личного транспорта является правовая неопределенность в вопросе о том, кто должен быть субъектом, несущим гражданскую или уголовную ответственность в случае причинения вреда третьим лицам по вине автопилота. Этот вопрос является наиболее сложным в рассматриваемой сфере общественных отношений.

Другой, не менее важной проблемой, является необходимость внесения поправок в Венскую конвенцию о дорожном движении³. Именно этот документ устанавливает общие начала правил дорожного движения в Европе, России, а также в некоторых странах Африки и Южной Америки. Согласно Конвенции каждое транспорт-

¹ Фазлыев А.Б. Беспилотные автомобили: объяснение 6 уровней автономности [Электронный ресурс]. — URL: <https://vc.ru/transport/48947-bespilotnye-avtomobili-obyasnenie-6-urovney-avtonomnosti>.

² «Яндекс» в 2019 году выпустит на дороги 100 беспилотных автомобилей [Электронный ресурс]. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/6463012>.

³ О дорожном движении: конвенция. Заключена в г. Вене 08.11.1968 (с изм. и доп. от 03.03.1992).

ное средство должно иметь водителя. Последний, в свою очередь, должен постоянно контролировать автомобиль. Естественно, это условие невыполнимо при использовании БПТС. Данное положение мешает внедрению рассматриваемой технологии среди стран-участниц, в число которых сегодня входит 78 государств.

В настоящее время российскими экспертами НТИ «Автонет» подготовлен проект поправок в упомянутую Конвенцию. В проекте предлагается уравнивать использование автопилота с вождением автомобиля человеком. Проект поправок будет рассмотрен в сентябре 2019 г. на Всемирном форуме по безопасности дорожного движения Комитета по внутреннему транспорту Европейской экономической комиссии ООН¹. Для устранения правовой неопределенности в отношении статуса БПТС в проекте помимо всего прочего предлагается закрепить в Конвенции определения терминов «высокоавтоматизированное транспортное средство» и «среда штатной эксплуатации», необходимые для дальнейшей регламентации использования автономных транспортных средств.

В случае если проект изменений будет принят, на международном уровне будет разрешено использование беспилотных транспортных средств на специально оборудованных для этого участках дорог общего пользования. Предполагается, что внесение этих изменений позволит закрепить аналогичные положения в национальном законодательстве стран-участниц. Таким образом, это должно стимулировать развитие правовой базы для эксплуатации автономных транспортных средств и увеличить их объем на автомобильном рынке.

Не менее важным этапом в правовой регламентации БПТС видится разработка технических стандартов и правил их эксплуатации на уровне международного права и на уровне национального права. Данные нормы необходимы для поддержания уровня безопасности используемых беспилотных транспортных средств. Наиболее востребованы они будут к моменту массового внедрения БПТС на дороги общего пользования, поскольку, опираясь на эти нормы, можно судить о возможности выпуска на дорогу отдельно взятого автомобиля.

На данный момент в рассматриваемой сфере законодательство наиболее развито в Германии, США, Нидерландах и Великобритании. Так, в Штате Флорида с 1 июля 2019 г. вступает в силу закон, позволяющий производителям беспилотных транспортных средств проводить их испытания на дорогах общего пользования

¹ *Шадрин Т.В.* Беспилотники оформляют права [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2018/08/07/bespilotnikam-razreshat-ezdit-po-dorogam-obshchego-polzovaniia.html>.

без необходимости нахождения человека в автомобиле во время испытания¹. При этом закон накладывает повышенную ответственность на производителя: с момента запуска автопилота искусственный интеллект считается оператором транспортного средства независимо от наличия водителя. Следовательно, за любые аварийные ситуации, возникшие по вине автопилота, теперь будет ответственен производитель. Всего за последние годы 33 штата приняли законы, регулирующие использование автономных транспортных средств, либо объявили о проведении экспериментов по их эксплуатации на дорогах соответствующего штата². Сейчас в США существуют только региональные законы, которые тем или иным образом регулируют данную сферу общественных отношений.

Иной подход можно наблюдать в Германии. В 2017 г. Бундесрат принял закон, регламентирующий использование автономных транспортных средств на дорогах общего пользования³. В отличие от закона Флориды он запрещает использование БПТС без водителя, находящегося за рулем автомобиля. Более того, от водителя требуется в любой момент быть готовым взять управление транспортом на себя. Это означает, что даже используя транспортное средство в режиме автопилота он должен уделять внимание происходящему на дороге. Подход к вопросу об ответственности в целом схож с приведенным ранее примером: закон требует в обязательном порядке устанавливать на беспилотный транспорт черный ящик, записывающий ход поездки. В случае ДТП данные самописца позволят установить виновника аварии. Затем, если вина лежит на автопилоте, ответственность несет производитель транспортного средства. Соответственно, если причиной аварии стали действия водителя, то вся ответственность лежит на нем.

В большинстве европейских государств, а также в Китае и в Японии, БПТС сейчас проходят испытания на выделенных для этого участках дорог общего пользования, ведется разработка поправок к действующему законодательству и правил проведения испытаний автономного транспорта.

К сожалению, Россия отстает от западных стран по уровню разработки законодательства для автономных автомобилей. В настоя-

¹ *Софрыгин А.С.* Флорида стала вторым штатом США после Калифорнии, в котором разрешили полностью беспилотные автомобили на общих дорогах [Электронный ресурс]. — URL: <https://bespilot.com/news/320-3891805>.

² *Самойдюк А.В.* Готов ли мир к беспилотным автомобилям? [Электронный ресурс]. — URL: <https://rb.ru/story/automated-vehicles-ready/>.

³ *Нигматуллин И.И.* В Германии принят закон о беспилотных автомобилях [Электронный ресурс]. — URL: <https://hightech.fm/2017/05/15/germany-robotcar-low>.

щее время эксплуатация БПТС в РФ регулируется помимо общих правил дорожного движения только Постановлением Правительства от 26 ноября 2018 г. № 1415¹. Этим же актом устанавливаются требования к участникам эксперимента, проводимого на территории г. Москвы и Республики Татарстан, сроки его проведения, а также технические требования к испытуемым автомобилям. Использовать на автомобильных дорогах общего пользования беспилотный транспорт сейчас вправе только участники эксперимента. На время его проведения является обязательным присутствие водителя, способного взять на себя управление при возникновении внештатной ситуации. Рассматриваемое положение частично решает вопрос об ответственности за ДТП с участием беспилотного автомобиля: ответственность за все происшествия, случившиеся по вине БПТС, несет собственник БПТС. При такой формулировке всё еще нерешенным остается вопрос об уголовной ответственности правонарушителя, если собственником беспилотного автомобиля является юридическое лицо. По этой и другим причинам такая норма является временной, созданной только для целей эксперимента.

Тем не менее на теоретическом уровне вариант решения проблемы с уголовной ответственностью был разработан А.И. Коробеевым и А.И. Чучаевым². Авторами предложен способ оформления парадигмы уголовно-правовой нормы, согласно которому, во-первых, запрет должен быть сформирован в виде единой нормы, распространяющейся на все виды беспилотного транспорта (воздушный, наземный, водный, железнодорожный).

Во-вторых, из-за того, что диспозиция нормы будет носить бланкетный характер, авторами предлагается сконструировать состав преступления по типу материального, используя в основе состава преступления признаки объективной стороны из ч. 1–3 ст. 263 УК РФ.

В-третьих, субъект преступления должен быть специальным. При этом авторы указывают на необходимость широкой трактовки этого элемента состава преступления и предлагают включить в него следующие категории:

1. Персонализированные разработчики компьютерных программ, предназначенных для БПТС.
2. Лица, контролирующие безопасную эксплуатацию указанных программ.

¹ URL: http://www.consultant.ru/document/consdoc_LAW_311956/.

² Коробеев А.И., Чучаев А.И. Беспилотные транспортные средства: новые вызовы общественной безопасности. // Lex Russica. 2019. № 2 (147). С. 9–28.

3. Владельцы БПТС, на которых лежит обязанность осуществлять текущий контроль за безопасностью эксплуатации транспортного средства.
4. Лица, находящиеся в БПТС и осуществляющие непосредственный контроль за безопасностью его эксплуатации.

В настоящее время такой подход к формированию уголовно-правовой нормы представляется наиболее верным. В нем учитывается бланкетный характер норм, являющийся особенностью главы 27 УК РФ. Не менее важно то, что авторами выделены специальные субъекты преступления. Эта дифференциация позволяет учесть техническую особенность беспилотного транспорта, влияющую на квалификацию преступлений. Особенностью является то, что БПТС может осуществлять движение по дорогам общего пользования без участия водителя в управлении им, т.е. при помощи автопилота. И в случае если преступление совершено из-за ошибки автопилота, ответственность за это деяние не может лежать на водителе беспилотного транспорта, поскольку в его действиях отсутствует вина — необходимый элемент состава преступления. Именно в таких ситуациях ответственность за преступление должна ложиться на специально выделенные авторами субъекты, чья ответственность зависит от конкретных обстоятельств преступления.

Вопрос с гражданской ответственностью можно решить проще, разделив ее пределы между водителем и производителем транспортного средства таким образом, чтобы производитель БПТС нес ответственность лишь в тех случаях, когда причиной возникновения ущерба является ошибка автопилота. В остальных случаях ответственность должен нести водитель по общим правилам гражданского права. Во избежание правовой неопределенности соответствующие поправки необходимо вносить до начала свободной эксплуатации БПТС.

В настоящий момент на стадии предварительного рассмотрения находится проект Федерального закона «Об опытной эксплуатации инновационных транспортных средств и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹. В случае его принятия данный закон будет определять порядок опытной эксплуатации БПТС, а также принципы и требования к безопасности при их использовании на дорогах общего пользования. Нововведением является то, что в проекте даются определения таким понятиям, как «высокоавтоматизированное транспортное средство» (оно же БПТС), «автоматизированная система вождения», «автоматизированный режим управления» и другим понятиям,

¹ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

необходимым для дальнейшей актуализации отечественного законодательства при развитии беспилотного транспорта.

Кроме того, проект предусматривает внесение изменений в федеральное законодательство. Данные поправки в большей своей части регламентируют процедуру получения собственником БПТС специального разрешения на его эксплуатацию и основания его отзыва, а также требования по безопасности к автономному транспорту. В проекте Федерального закона вопрос об ответственности за аварийные ситуации, созданные по вине БПТС, остается на том же уровне, что и в указанном выше Постановлении правительства. Таким образом, легальное решение указанной проблемы можно ожидать, вероятно, только после окончания эксперимента в 2022 г.

Массовое внедрение беспилотного транспорта также создает необходимость решения этической проблемы, связанной с действиями беспилотника в аварийной ситуации. Несмотря на все меры безопасности, предусмотренные в автономном транспорте, аварии сегодня являются неизбежными, поскольку в настоящее время невозможно создать автопилот, способный предусмотреть все возможные ситуации на дороге. Этическая дилемма возникает тогда, когда автопилот не может избежать жертв. К примеру, сегодня нет однозначного ответа на вопрос о том, как следует поступить программе в ситуации, если на пути автомобиля оказался пешеход и экстренное торможение неэффективно, либо отказали тормоза, а единственным способом избежать столкновения является съезд в кювет, либо иное действие, которое вероятно повлечет за собой гибель водителя.

Сложность этой ситуации состоит в том, что здесь нет абсолютно верного решения, в котором удавалось бы спасти всех. Поэтому приходится выбирать только между негативными вариантами развития событий. Необходимо оценивать каждый из вариантов как с практической, так и с моральной точек зрения. Допустим, стоит выбор между одним пешеходом и водителем беспилотного транспорта. Пешеход выглядит здесь наименее защищенным лицом, поскольку, если автомобиль продолжит движение, пешехода от столкновения не убергут ремни и подушки безопасности, как это произойдет с водителем. Потому, возможно, стоит отдавать приоритет спасению пешехода как наиболее уязвимого участника происшествия, ведь его шансы на выживание значительно ниже, чем у водителя.

Морально это может быть оправдано по той причине, что люди уже сейчас обычно отдают приоритет спасению наименее защищенных групп. К примеру, при чрезвычайных ситуациях в первую очередь эвакуируют детей, женщин и стариков. С другой стороны, покупая автомобиль водитель рассчитывает в том числе и на то, что

машина будет спасать его жизнь в подобных ситуациях. Несмотря на малую вероятность воспроизведения рассматриваемого события в реальной жизни, ориентированность БПТС на спасение пешехода может негативно отразиться на их распространении по той причине, что водители могут опасаться доверять им свою жизнь. Таким образом, нет однозначного решения дилеммы.

Ответ и подход к решению дилеммы может меняться в зависимости от ее условий. Теперь допустим, что на пути автопилота оказалась группа пешеходов. С утилитарной точки зрения верным будет тот вариант, при котором пострадает наименьшее количество людей, следовательно, необходимо пожертвовать жизнью водителя. Интуитивно, такой подход кажется наиболее верным по той причине, что он позволяет минимизировать число жертв. С этим подходом согласилось большинство участников масштабного опроса, проведенного Massachusetts Institute of Technology (опрошено 2,3 млн человек из 200 стран мира)¹. При этом на вопрос о том, приобрели бы они себе такой автомобиль, и став таким образом той самой минимальной жертвой, те же опрошенные отвечали отрицательно. Можно сказать, что человек, оценивая ситуацию с позиции стороннего наблюдателя, почти всегда будет выбирать утилитарный подход и стараться минимизировать жертвы. Но как только он ставит себя на место водителя БПТС, его позиция меняется на противоположную: никто не хочет быть той минимальной жертвой и предпочитает спасать жизнь водителя.

Более всех в вопросе об этике беспилотного транспорта продвинулись власти Германии, сформулировавшие этические правила для их внедрения². Министр транспорта ФРГ сформулировал эти правила таким образом:

1. Повреждение имущества всегда в приоритете над травмами человека.
2. Не должно быть никакой классификации людей по возрасту, статусу и т.д.
3. При аварии отвечает производитель автомобиля.

Такой подход выглядит наиболее верным в настоящее время, поскольку он ставит в приоритет получение материального ущерба над уроном здоровью человека, а также запрещает любую классификацию людей, т.е. не дает автопилоту оценивать важность их жизни и расставлять приоритеты по спасению людей в аварийной ситуации.

¹ Береснева Е.Д. Мораль для робота. Как беспилотные автомобили будут решать вопросы жизни и смерти [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2016/09/21/kak-bespilotnye-avtomobili-budut-reshat-voprosy-zhizni-i-smerti.html>.

² Там же.

Существует и иное мнение относительно этической проблемы, связанной с массовым внедрением беспилотного транспорта. По словам Юрия Минкина, руководителя департамента беспилотных транспортных средств российской компании Cognitive Technologies, автономный транспорт является априори моральным по той причине, что его внедрение позволит существенно снизить аварийность и число жертв на дорогах¹. Если сейчас при ДТП только в России гибнет более десяти тысяч человек в год, а всего в мире более миллиона, то с внедрением БПТС эту цифру можно уменьшить до сотен, по словам Юрия Минкина². С такой аргументацией сложно не согласиться, поскольку человеческая жизнь является высшей ценностью, и если беспилотный транспорт позволяет сохранять тысячи жизней, то его внедрение является морально оправданным, несмотря на неопределенность с тем, как автопилот должен поступать в безвыходной ситуации.

С массовым внедрением беспилотного транспорта возможно крупное изменение в распределении времени жителей больших городов. Рассматриваемая технология позволит водителю использовать время в пути по своему усмотрению, поскольку уже не требуется его участие в управлении транспортом. Также сократится в целом время, затрачиваемое на поездку за счет снижения количества пробок. Таким образом, у водителей появляется возможность больше времени тратить на работу или на отдых. В любом случае, повышается качество жизни у широкой категории людей.

Использование беспилотного транспорта в логистике позволит сократить время, необходимое для перевозки грузов или пассажиров. Автопилоту, в отличие от человека, не требуется останавливаться для еды или сна, поэтому на дорогу он тратит меньше времени, чем человек. Также сократятся расходы компаний на оплату труда водителей, что позволит использовать больше единиц техники. Сегодня на автомобильном транспорте перевозится значительная доля товаров во всем мире, и сокращение расходов на эти перевозки в совокупности с сокращением времени на эти перевозки приведет к увеличению товарооборота. С ростом объема товарооборота может возрасти и темп роста экономики.

Но с внедрением беспилотного транспорта связано и появление новых угроз для безопасности. Первая — это угроза взлома автомобиля посредством хакерской атаки. Для корректной работы

¹ Береснева Е.Д. Мораль для робота. Как беспилотные автомобили будут решать вопросы жизни и смерти [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2016/09/21/kak-besplotnye-avtomobili-budut-reshat-voprosy-zhizni-i-smerti.html>.

² Статистика ДТП в России и в мире [Электронный ресурс]. — URL: <https://tass.ru/info/3233185/amp>.

автопилоту необходимо иметь подключение к сети Интернет, через которое он получает информацию о ситуации на дороге. Также все автопилоты связаны друг с другом для обмена необходимой информацией, а также с сервером, на который передают данные, требуемые для улучшения работы алгоритмов автопилота.

Автопилот представляет из себя часть большой системы, объединенной и регулируемой с помощью специальной самообучающейся программы — нейросети. Теоретически возможно получение злоумышленниками контроля над этой системой или ее частью. В зависимости от ситуации они могут получить возможность удаленно управлять действиями одного или более автопилотов. Если это произойдет, то возможен как обычный угон транспортного средства, так и нарушение работы всей инфраструктуры города. Для этого достаточно заставить треть машин остановиться во время движения, и тогда весь город будет парализован пробками.

Таким образом, повсеместное использование беспилотного транспорта способно качественно изменить уровень жизни в мире. Благодаря нему возможно существенно снизить смертность на дорогах, уменьшить стоимость транспортных услуг, а также сделать управление автомобилем более комфортным для водителей. Препятствием для его внедрения является правовая неопределенность статуса беспилотного транспорта как на международном уровне, так и на уровне национального законодательства в большинстве стран. Наиболее важным недостатком автономного транспорта является сопутствующие его использованию риск хакерской атаки. Правовой режим БПТС относительно урегулирован лишь в некоторых странах. Существует и этическая дилемма, суть которой состоит в принятии автопилотом решения о том, спасение чьей жизни является приоритетнее в критической ситуации. Однако тот факт, что использование беспилотных транспортных средств может сохранить тысячи жизней, делает эту дилемму второстепенным вопросом.

Список литературы

1. «Яндекс» в 2019 году выпустит на дороги 100 беспилотных автомобилей [Электронный ресурс]. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/6463012>.
2. *Береснева Е.Д.* Мораль для робота. Как беспилотные автомобили будут решать вопросы жизни и смерти [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2016/09/21/kak-bespilotnye-avtomobili-budut-reshat-voprosy-zhizni-i-smerti.html>.
3. *Коробеев А.И., Чучаев А.И.* Беспилотные транспортные средства: новые вызовы общественной безопасности // Lex Russica. 2019. № 2 (147). С. 9–28.

4. *Нигматуллин И.И.* В Германии принят закон о беспилотных автомобилях [Электронный ресурс]. — URL: <https://hightech.fm/2017/05/15/germany-robocar-low>.
5. О дорожном движении: конвенция. Заключена в г. Вене 08.11.1968 (с изм. и доп. от 03.03.1992) // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. — URL: <http://base.garant.ru/2540357/>.
6. О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств (вместе с «Положением о проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств»): постановление Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2018 г. № 1415 (ред. от 26.08.2019) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/consdoc_LAW_311956/.
7. Об опытной эксплуатации инновационных транспортных средств и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Проект Федерального закона № 710083-7 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 15.05.2019) // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/710083-7>.
8. *Самойдюк А.В.* Готов ли мир к беспилотным автомобилям? [Электронный ресурс]. — URL: <https://rb.ru/story/automated-vehicles-ready/>.
9. *Софрыгин А.С.* Флорида стала вторым штатом США после Калифорнии, в котором разрешили полностью беспилотные автомобили на общих дорогах [Электронный ресурс]. — URL: <https://bespilot.com/news/320-3891805>.
10. Статистика ДТП в России и в мире [Электронный ресурс]. — URL: <https://tass.ru/info/3233185/amp>.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 26.08.2019) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
12. *Фазлыев А.Б.* Беспилотные автомобили: объяснение 6 уровней автономности [Электронный ресурс]. — URL: <https://vc.ru/transport/48947-bespilotnye-avtomobili-obyasnenie-6-urovney-avtonomnosti>.
13. *Шадрин Т.В.* Беспилотники оформляют права [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2018/08/07/bespilotnikamrazreshat-ezditpodorogamobshchegopolzovaniia.html>.

5.18. Тенденция корпоративных инноваций в эпоху цифровой экономики

Чжао Ч.

Аннотация. В эпоху цифровой экономики информационные технологии нового поколения, представленные облачными вычислениями, Интернетом вещей и мобильным Интернетом, ускоряют проникновение и интеграцию в обрабатывающую промышленность. Новые технологии, новые модели и новые форматы постоянно появляются, и новая кинетическая энергия постоянно вводится в экономическое развитие. Модернизация, преобразования и инновации принесли новые проблемы и возможности.

Ключевые слова: цифровая экономика, новые технологии, трансформация, инновации, Информационная революция.

В контексте цифровой экономики, чтобы эффективно справиться с возможностями и проблемами цифровой трансформации, предприятия должны усиливать системные изменения, использовать цифровые технологии, знания и информацию в качестве ключевых факторов производства и координировать концепции развития, технические системы, производственные системы, бизнес-модели и т.д. Комплексная трансформация ускоряет трансформацию новых конкурентных возможностей и традиционных конкурентных возможностей и формирует новую модель производственных услуг, чтобы постоянно приобретать устойчивые конкурентные преимущества в эпоху цифровой экономики.

1. Инициирование изменений в стратегическом мышлении.

Стратегия — это концентрированное выражение миссии корпоративного развития, философии бизнеса, системы ценностей и целей развития. В эпоху цифровой экономики информационные технологии нового поколения, представленные в Интернете, продолжают внедрять инновации и ускорять проникновение и интеграцию в производственную сферу. Стратегические цели и динамика развития компании также претерпевают глубокие изменения.

Быстрая адаптация и быстрое реагирование на индивидуальные потребности пользователей стали основной стратегической целью развития предприятия. С постепенным проникновением интернет-технологий в различные области и звенья производства проблема асимметрии в информации о спросе и предложении значительно уменьшилась. Производство переживает переход от «ориентированного на производство» к «ориентированному на клиента»; от «массового производства» к «мелкому заказу»;

от «стандартизации» до «персонализации»¹. Для того чтобы справиться с постоянным обновлением индивидуальных потребностей конечных потребителей, предприятия должны своевременно оптимизировать свои стратегические концепции и цели развития, напрямую собирать и сопоставлять потребности пользователей на основе Интернета и направлять потребителей к активному участию в жизненном цикле разработки продукта, производства, маркетинга и обслуживания. В каждом звене на основе решения основных проблем, таких как стоимость, качество и эффективность, мы можем быстро удовлетворить потребности персонализированного, гибкого и динамичного производства и обслуживания, а также ускорить формирование моделей производства и эксплуатации и бизнес-моделей на основе индивидуализированных продукции и услуги. Согласно данным опроса, проведенного китайским альянсом «два в одном», в котором приняли участие более 70 000 предприятий, персонализированная адаптация стала важным направлением стратегической трансформации многих предприятий. За последние три года доля предприятий в отдельных отраслях промышленности Китая, которые были настроены, увеличилась с 4,2% до 7,3%, средний темп роста достиг 31,8%, а общая ситуация находится в периоде бурного развития.

Инновации стали основной движущей силой преобразований и модернизации предприятий. Инновации являются основным двигателем развития предприятий, конкуренция между которыми в конечном итоге является инновационной конкуренцией. В эпоху цифровой экономики, с одной стороны, интеграция Интернета и обрабатывающей промышленности обеспечила огромную движущую силу для технологических инноваций, инноваций в продуктах, модельных инноваций, бизнес-инноваций и управленческих инноваций в обрабатывающей промышленности. С другой стороны, в процессе интеграции Интернета и обрабатывающей промышленности распределение ресурсов предприятия и ускорение организационных процессов сместились с ориентации на производителя к ориентации на потребителя, и это вынудило традиционные предприятия ориентироваться на рынок и ускорить построение комплексной инновационной системы. Усилить жизнеспособность инноваций и увеличить скорость инноваций.

¹ Масюк Н.Н. Управление изменениями и цифровые трансформации в бизнесе в эпоху цифровизации // В сборнике: Экономика регионов России: современное состояние и прогнозные перспективы Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов Ивановского филиала Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. — 2019. — С. 253–258.

Только твердо утвердив концепцию инноваций и развития, предприятия могут эффективно формировать новые способы, такие как совместное сетевое производство, персонализированная настройка и ориентированное на обслуживание производство, посредством совместных инноваций в области технологических продуктов, управления организацией и методов производства, а также серии интеллектуальных продуктов и систем. План ускорит развитие отрасли, будет непрерывно улучшать качество и эффективность развития, а также эффективно осуществлять цифровую трансформацию, модернизацию и устойчивое развитие.

2. Изменения в корпоративной организационной форме.

Организационная форма является опорой и воплощением бизнес-модели предприятия, режима управления бизнесом, режима организации производства, режима обслуживания и т.д. Бюрократическая организационная структура традиционных предприятий была трудной для удовлетворения потребностей предприятий в эпоху цифровой экономики. Это включает в себя бизнес-интеграцию, ориентированность на рынок, обмен информацией и деловое сотрудничество. В эпоху цифровой экономики распространение информации характеризовалось устранением централизации. Быстрая интеграция Интернета и обрабатывающей промышленности вынудила предприятия ускорить преобразование и инновации организационных форм.

Межотраслевая интеграция — это основа мышления для трансформации организационных форм в будущем. В будущем развитие предприятий будет сталкиваться с тем, как соответствовать потребностям развития предприятий, корректировать, оптимизировать или реконструировать традиционную организационную форму и рационально определять отношения между сотрудниками, клиентами и поставщиками. Вдохновлять инновационную жизнеспособность и потенциал развития сотрудников компании. Новая модель интернет-бизнеса, основа ее мышления — межотраслевая интеграция. В новых условиях компании должны тщательно рассмотреть вопрос об организационной модели предприятия. Если это только в соответствии с традиционной моделью, то это будет быстро устранено. Предприятиям необходимо внедрять новые инструменты информационных технологий, использовать различные экономические связи в качестве связующего звена для оптимизации организационной структуры, интегрировать ресурсы между отраслями на основе нового разделения труда и создавать межотраслевые организации, которые мотивируют творческий потенциал людей. Организационная форма представляет собой виртуа-

лизацию организационной функциональной единицы, децентрализацию организационного элемента, гибкость организационной формы и создание сетей. Такие особенности, как нечеткость между предприятиями, а также между предприятиями и потребителями, позволяют эффективно решать новые задачи¹.

Сеть является важным направлением развития корпоративной организации. Это дальнейшее углубление единой организации, выход за реальные границы организационной структуры, содействие преобразованию высокоцентрализованных организаций центра принятия решений в децентрализованные многоцентровые организации, принимающие решения, содействие сотрудничеству некоторых внутренних работников облегчает заимствование внешних сил и интеграцию внешних ресурсов. Следовательно, он может быстро реагировать на динамические изменения рынка, максимально удовлетворять потребности пользователей, создавать ценность для пользователей и улучшать устойчивое развитие предприятий. В последние годы было много практик и исследований вокруг организационных инноваций, таких как инновационное пространство сотрудников Haier, «боевая группа из трех человек» Huawei, система небольших команд Baidu и «команда разработчиков» Taobao. Активное изучение ценностного инновационного центра клиентов путем стимулирования их жизнеспособности и способностей к самоуправлению является важным направлением развития будущих организационных форм. Согласно данным опроса более 70 000 предприятий, входящих в китайский альянс интеграционных услуг «два в одном», доля предприятий, достигших сетевого сотрудничества в Китае в 2019 г., составляет 38%.

3. Цифровая информация становится основным активом предприятия.

В эпоху цифровой экономики цифровая информация является активом, ресурсом и фактором производства нового типа. Он использует новые технологии для автоматического сбора, передачи, сопоставления и анализа цифровой информации. Это может помочь предприятиям эффективно повысить уровень цифровизации, сетей и интеллекта, а также способствовать инновациям моделей предприятий и интеллектуальному обновлению.

¹ Масюк Н.Н. Инновационные форматы регионального развития на примере Приморского края // В сборнике: Экономика регионов России: современное состояние и прогнозные перспективы Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов Ивановского филиала Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. — 2019. — С. 44–49.

Цифровая информация стала основным активом предприятий и стратегическим базовым ресурсом. На фоне цифровой трансформации ведущая роль цифровой информации возрастает. Факторы производства с цифровой информацией в качестве основного, способствующие интерактивным инновациям и непрерывной оптимизации цифровых технологий, бизнес-процессов, организационной структуры, будут способствовать комплексным инновациям. С непрерывным развитием информатизации предприятия вертикальная интеграция и горизонтальная интеграция продолжают углубляться, своевременность, целостность и точность корпоративной цифровой информации продолжают улучшаться, и автоматический поток цифровой информации продолжает увеличиваться¹. Глубина разработки и использования цифровой информации, уровень интеграции потоков цифровой информации, логистики и движения капитала, уровень автоматизации цифровой информации и уровень интеллектуального принятия решений на основе цифровых моделей могут улучшить бизнес-управление в сложных экономических условиях. Это оказывает решающее влияние на основную конкурентоспособность будущих предприятий.

Применение цифровой информации является эффективным средством для построения новой бизнес-модели. В эпоху Интернета производственный режим предприятий постепенно изменился с продукта на цифровую информацию, а цифровая информация была ускорена благодаря интеграции производственных процессов и процессов управления предприятием. Углубленное изучение и развитие цифровой информации может помочь предприятиям узнать о поведении и потребностях пользователей, качестве продукта и точках его улучшения, внутренней эффективности и управлении организацией, микро-изменениях и тенденциях развития рынка. Постоянно исследовать новые технологии, такие как промышленная экосистема, основанная на цифровой информации и платформе интеграции и обмена производственной цепочкой, и предоставлять дополнительные услуги, такие как поддержка принятия решений для оптимизации всего процесса организации производства. Согласно данным опроса более 70 000 предприятий китайского альянса «два в одном», доля предприятий, которые могут собирать внутреннюю и внешнюю информацию в режиме онлайн и проводить комплексную оптимизацию принятия решений, ранее предупреждение и прогнозирование в 2019 г., состав-

¹ Масюк Н.Н. Использование инновационных цифровых технологий в сфере услуг // В книге: Методология развития экономики, промышленности и сферы услуг в условиях цифровизации. — СПб., 2018. — С. 220–243.

ляет 10%. Применение цифровой информации на предприятиях всё еще находится в зачаточном состоянии.

4. Постоянно улучшать способность обрабатывать цифровую информацию.

В эпоху цифровой экономики с серьезными изменениями во внутренней и внешней среде развития, быстрым развитием информационных технологий и растущей конкуренцией конкурентная ситуация, с которой сталкиваются предприятия, становится всё более сложной, а основная конкурентоспособность, необходимая для создания устойчивого конкурентного преимущества также меняется.

Предприятия должны сосредоточиться на способности обрабатывать и применять цифровую информацию в качестве приоритета для устойчивого конкурентного преимущества. Чтобы реагировать на быстрые изменения во внутренней и внешней среде и поддерживать устойчивость конкурентных преимуществ, компании должны улучшить свои возможности обработки цифровой информации. В будущем промышленное развитие будет реализовано с целью расширения основных возможностей предприятий и дальнейшего расширения возможностей для перехода от традиционных возможностей к новым возможностям¹. В эпоху цифровой экономики новые возможности предприятий должны формироваться и реализовываться посредством информатизации. Предприятия должны систематически анализировать свои собственные возможности в соответствии с требованиями формирования устойчивых конкурентных преимуществ, систематически и в соответствии с растущими требованиями основных конкурентов и пользователей к корпоративным возможностям. Контрастирование и анализ, а затем определение того, что новые возможности должны создаваться посредством информатизации, либо путем обновления первоначальных возможностей до новых высот, либо путем формирования новых возможностей в условиях информатизации.

В эпоху цифровой экономики спрос на основную конкурентоспособность предприятий постоянно меняется, и улучшение корпоративных возможностей должно идти в ногу со временем. В последние годы на основе анализа более 600 возможностей, которые создают предприятия, было обнаружено, что в эпоху цифровой экономики китайские предприятия обращают внимание на шесть категорий возможностей, включая инновации в области научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР),

¹ *Авдеева И.Л., Масюк Н.Н.* Цифровая экономика: проблемы и последствия технологий / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Среднерусский институт управления. — Орел, 2019.

контроль производства, управление цепочками поставок, финансовое управление и управление бизнесом. Возможности класса обслуживания пользователей претерпели значительные изменения по сравнению с традиционным промышленным периодом, и основная система компетенций предприятия постоянно меняется. В классической организации экономической системы развитие инновационного потенциала происходило за счет приобретения технологий, совершенствования систем автоматизированного проектирования, развития НИОКР и проч. В век умной, цифровой экономики главный акцент делается на мобильность и сетевое взаимодействие. Например, акцент ставится на развитие мобильных цифровых разработок, которые ориентированы не на совершенствование производственных систем и технологий, а на индивидуализацию продукции / услуги, продвижение последних через технологию интернет вещей. При этом производительность и технологические новации отходят на второй план, первую скрипку начинают играть цифровые платформы, продвижение продуктов и услуг. Причем развитие цифровых платформ позволяет интегрировать разнообразные ресурсы (технологические, творческие, финансовые и проч.) по всему миру, расширять производство продуктов и услуг по сетевому принципу, что существенно выгодней традиционных экономических форм (например, расширения производства, увеличения штата исследователей, разработчиков, маркетологов и т.п.). Поэтому предприятия должны точно понимать тенденции развития эпохи цифровой экономики, ускорить глубокое применение информационных технологий нового поколения во всех аспектах производства и эксплуатации, задействовать технологии, оборудование, системы, процессы, организацию и цифровую информацию предприятий, а также способствовать формированию новой эры корпоративной цифровой экономики.

Список литературы

1. *Авдеева И.Л., Масюк Н.Н.* Цифровая экономика: проблемы и последствия технологий / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Среднерусский институт управления. — Орел, 2019.
2. *Масюк Н.Н.* Использование инновационных цифровых технологий в сфере услуг // В книге: Методология развития экономики, промышленности и сферы услуг в условиях цифровизации. — СПб., 2018. — С. 220–243.
3. *Масюк Н.Н.* Управление изменениями и цифровые трансформации в бизнесе в эпоху цифровизации // В сборнике: Экономика регионов России: современное состояние и прогнозные

перспективы Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов Ивановского филиала Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. — 2019. — С. 253–258.

4. *Масюк Н.Н.* Инновационные форматы регионального развития на примере приморского края // В сборнике: Экономика регионов России: современное состояние и прогнозные перспективы Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов Ивановского филиала Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. — 2019. — С. 44–49.

5.19. Маленькие дети, большие данные и будущее городов Little children, big data and the future of cities

Купряшкин И.В., Купряшкина Е.А., Томашук С.М.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда ДВФУ и Дальневосточного Федерального Университета. Договор пожертвования от 28.01.2019 г. № Д-38-19 «Свои чужие дети: применение стратегии Case Study в исследовании интернет-практик детей из семей мигрантов в странах АТР».

Аннотация. Авторы очерчивают контуры модели для сборки исследовательских направлений социологии детства, урбанистики и футурологии. Дети и подростки сегодня гораздо более «оцифрованы», чем их «аналоговые» бабушки и дедушки. Город завтрашнего дня будет умной цифровой средой. Проектировать города будущего необходимо сегодня с учетом интересов юных горожан и их потомков. Отдельно подчеркиваются риски сверхконтроля и эксплуатации в случае доминирования политий или коммерческих проектов крупных корпораций. Позитивный сценарий предполагает использование потенциала глобализации для социально ориентированных вариантов будущего.

Ключевые слова: дети, городская среда, цифровая среда, умный город, «цифровое детство», риски.

Abstract. *The authors outline the model for assembling the research areas of childhood sociology, urban studies, and futurology. Children and adolescents today are much more «digitized» than their «analogue» grandparents. The city of tomorrow will be a smart digital environment. Designing cities of the future is necessary today, taking into account the interests of young citizens and their descendants. The risks of over-control and exploitation in case of dominance of policies or commercial projects of large corporations are separately emphasized. A positive scenario involves the use of the potential of globalization for socially oriented options for the future.*

Keywords: children, urban environment, digital environment, smart city, digital childhood, risks.

Большие данные, новые технологии и сервисы обещают городам новые возможности. Качество предоставляемых населению услуг будет расти, а экономия с точки зрения финансовых ресурсов, а также времени и энергии, которые потребуются для функционирования города, могут быть весьма значительными. Местные органы власти в городах по всему миру должны будут искать решения, которые позволят использовать современные технологии в процессах управления городом. В этих условиях значимость ме-

ждисциплинарных урбанистических исследований будет только возрастать¹. «Умный город» — результат смены технологических структур при переходе от постиндустриального общества к обществу знаний. Город является экономической и социальной лабораторией, в которой на каждом этапе исторического развития создается свой имидж города и человека в нем². Концепции умного города должны учитывать, что в разных городах видение и приоритеты для достижения своих целей могут различаться, но они должны способствовать комплексным улучшениям для своих жителей и гостей³. Умному городу необходимы и умные горожане. Мысль о первостепенной значимости человеческого капитала (факторов культуры)⁴ не нова, но актуализируется еще больше в современных тенденциях урбанизма. Городам будущего нужны коллективное восприятие, обработка, изучение и принятие решений в рамках коллективного мышления⁵. Городу завтрашнего дня потребуются новые правила для сообществ. Многие из проблем, связанных с реализацией проектов «умного города», в настоящее время связаны с традиционными методологиями планирования, в которых используется планирование «сверху вниз». Поскольку Smart Cities — это относительно новая и широкая концепция, необходимо вовлечь сообщество и его предпринимательские ресурсы, разработать многие аспекты сотрудничества сообщества, бизнес-модели, соглашения о распределении доходов и расходов и технологии⁶.

Города будущего должны быть доброжелательными к детям. Исследователи во всем мире настаивают на учете потребностей детей в городском планировании и проектировании в четырех ключевых областях⁷: общественное здравоохранение; охрана и безопасность;

¹ Ардалянова А.Ю., Винокурова А.В., Власов С.А. и др. Феномен города в фокусе гуманитарных наук // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 105–110. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/105-110.

² Shichiyakh R., Klyuchnikov D., Balashova S. et al. Smart City as the Basic Construct of the Socio-economic Development of Territories. International Journal of Economics and Financial Issues. 2016. No 6 (S1), pp. 157–162.

³ Albino V., Berardi U., Dangelico R.M. Smart Cities: Definitions, Dimensions, Performance, and Initiatives. Journal of Urban Technology, 2015. Vol. 22, no. 1, pp. 3–21. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/10630732.2014.942092>.

⁴ Ячин С.Е. Состояние метакультуры. — Владивосток: Дальнаука, 2010. — 268 с.

⁵ Hong Xu and Xuexian Geng People-Centric Service Intelligence for Smart Cities. Smart Cities, 2019. No 2, pp.135–152. DOI: 10.3390/smartcities2020010.

⁶ Sandel D. Smart Cities Are 90% Sociology and 10% Infrastructure. Chapter from book «Smart Cities, Local Community and Socio-economic Development: The Case of Bologna». — 2017. — Pp. 1033–1036. — DOI: 10.1007/978-981-10-1610-3_40.

⁷ Indicators for Child friendly Local Development, (I — CHILD). Delhi, India. NIUA. 2016. P. 100.

транспорт/мобильность; условия жизни. Исследования детства сегодня — это направление, собирающее интересы представителей различных академических дисциплин и пространство развития междисциплинарных научных и социальных проектов¹. Отметим здесь, что результаты исследований Владивостока² и других городов Приморского края³ созвучны выводам российских и зарубежных коллег. Детство, как и города, становятся всё более «цифровыми». В широком смысле концепция цифрового детства выходит за рамки социологического прочтения повседневной жизни детей и их семей и отражает различные контексты, в которые вовлечены дети⁴. Благополучие детей в цифровой среде не менее важно, чем их благополучие в любой другой обстановке. Проблемы влияния цифровой среды на здоровье детей и воздействие неподходящих материалов добавляются к перечню традиционных вопросов общественного здравоохранения⁵. Дети часто являются первыми пользователями новых сервисов, и мы должны адаптировать цифровую среду для них, думая не только о коммерческой выгоде⁶. Старшие поколения теперь учатся у младших — ситуация, которой не было прежде в истории человеческих обществ⁷. Нынешние тридцатилетние, кажется, гораздо ближе к своим детям, чем к родителям⁸. Конфликт поколений в цифровом мире выглядит так: бабушки и дедушки vs дети и внуки. При этом мир детей и подростков вообще едва ли, подобно миру их родителей, делится на онлайн и офлайн. Ми-

¹ Гончарова С.В., Купряшкин И.В., Лебедева Е.В. и др. Российская география детства: быть или не быть? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 34–42. DOI: 10.24866/1998-6785/2018- 4/34-42.

² Купряшкина Е.А. Подростковые мобильности в городской среде (на примере Владивостока) // Социология города. 2017. № 2. С. 30–43.

³ Купряшкина Е.А. Особенности детской независимой мобильности в городах Приморского края // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 2 (50). С. 115–123.

⁴ Digital Childhoods Technologies and Children's Everyday Lives / Editors: Danby S.J., Fleer M., Davidson C., Hatzigianni M. — 2018.

⁵ Vandewater A.E., Rideout J.V., Wartella A.E. Digital Childhood: Electronic Media and Technology Use Among Infants Toddlers, and Preschoolers // Pediatrics. 2007. 119. E1006-e1015. DOI:10.1542/peds.2006-1804.

⁶ Digital Childhood — Addressing Childhood Development Milestones in the Digital Environment / Baroness Beeban Kidron, Dr. Angharad Rudkin. — 2017. — Pp. 28.

⁷ Купряшкин И.В. Конец современности: впереди Средневековье? // Вестник Бурятского государственного университета. 2016. Вып. 6. С. 81–89. DOI: 10.18101/1994-0866-2016-6-81-89.

⁸ Радаев В. Миллениалы: Как меняется российское общество. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 224 с.

шель Серр называет поколение своих внуков «девочками с пальчик»¹. Ловкость, с которой подростки управляют гаджетом при помощи больших пальцев рук, поразительна. Пожилой философ замечает, как смартфон становится новой частью тела, второй головой. Этой части тела доверены процессы, которые обременяют первую. Например, поиск информации, которую теперь не нужно запоминать. Активных сотовых телефонов сегодня больше, чем людей на планете. Смартфон стал инструментом расширения возможностей в обществе², хотя ему немногим больше десяти лет.

Однако технологические возможности еще не гарантируют социальный прогресс сами по себе. Мир, сформированный проектами умного города, может стать миром экономических интересов капиталистических элит, миром контроля и эксплуатации³. Умным для чего и для кого будет город будущего? Это вопросы, на которые технический прогресс не может ответить без активного социального участия. По завещанию Дж. Урри осмыслению и проектированию будущего необходимо применять «демократический» подход. Важным направлением является борьба за будущее и попытки оспорить принадлежность будущего корпорациям⁴. Ричард Болдуин предостерегает⁵: прежние гарантии сохранения рабочих мест (требование личного присутствия и наличие интеллекта) скоро перестанут действовать. Взрывной рост технологий значит, что люди столкнутся с глобализацией и автоматизацией раньше, чем они предполагают. Глобализация теперь касается не столько товаров, как раньше, сколько сферы обработки и передачи информации. Структуры имеют большую власть над нами, но они не все-сильны. Условия сделки, которую нам предлагают, можно изменить, замечает Алан Гринфилд⁶. Будущим должны заниматься мы сами, иначе его присвоят себе корпорации или платформы, которые

¹ Серр М. Девочка с пальчик. — М.: Ад Маргинем, 2016. — 80 с.

² Ратти К., Клодел М. Город завтрашнего дня: Сенсоры, сети, хакеры и будущее городской жизни / Пер. с англ. Е. Бондал. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. — 248 с.

³ Cugurullo F. The origin of the Smart City imaginary: from the dawn of modernity to the eclipse of reason. In Lindner C. and Meissner M. (eds) The Routledge Companion to Urban Imaginaries. London: Routledge, 2018.

⁴ Урри Дж. Как выглядит будущее? / Пер. с англ. А. Матвеевко; под науч. ред. С. Шукиной. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. — 320 с.

⁵ Болдуин Р. Великая конвергенция: информационные технологии и новая глобализация / Пер. с англ. О. Левченко; под науч. ред. А. Белых. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. — 416 с.

⁶ Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни / Адам Гринфилд; пер. с англ. И. Кушнаревой. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. — 424 с.

становятся сегодня главными действующим лицом капитализма (по Нику Срничеку)¹.

Итак, технологии помогут нам изменить устройство наших городов, а что и как требуется трансформировать — спросим у наших детей.

Список литературы

1. *Albino V., Berardi U., Dangelico R.M.* Smart Cities: Definitions, Dimensions, Performance, and Initiatives. *Journal of Urban Technology*, 2015. Vol. 22, no. 1, pp. 3–21. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/10630732.2014.942092>.
2. *Cugurullo F.* The origin of the Smart City imaginary: from the dawn of modernity to the eclipse of reason. In Lindner C. and Meissner M. (eds) *The Routledge Companion to Urban Imaginaries*. London: Routledge, 2018.
3. Digital Childhood — Addressing Childhood Development Milestones in the Digital Environment / *Baroness Beeban Kidron, Dr. Angharad Rudkin*. — 2017. — Pp. 28.
4. *Digital Childhoods Technologies and Children's Everyday Lives /* Editors: Danby S.J., Flear M., Davidson C., Hatzigianni M. — 2018.
5. *Hong Xu and Xuexian Geng.* People-Centric Service Intelligence for Smart Cities. *Smart Cities*, 2019. No 2, pp.135–152. DOI: 10.3390/smartcities2020010.
6. Indicators for Child friendly Local Development, (I — CHILD). Delhi, India. NIUA. 2016. P. 100.
7. *Sandel D.* Smart Cities Are 90% Sociology and 10% Infrastructure. Chapter from book «Smart Cities, Local Community and Socio-economic Development: The Case of Bologna». — 2017. — Pp. 1033–1036. — DOI: 10.1007/978-981-10-1610-3_40.
8. *Shichiyakh R., Klyuchnikov D., Balashova S.* et al. Smart City as the Basic Construct of the Socio-economic Development of Territories. *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2016. No 6 (S1), pp. 157–162.
9. *Vandewater A.E., Rideout J.V., Wartella A.E.* Digital Childhood: Electronic Media and Technology Use Among Infants Toddlers, and Preschoolers // *Pediatrics*. 2007. 119. E1006-e1015. DOI:10.1542/peds.2006-1804.
10. *Ардальянова А.Ю., Винокурова А.В., Власов С.А.* и др. Феномен города в фокусе гуманитарных наук // Ойкумена. Регионовед-

¹ *Срничек Н.* Капитализм платформ / Пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 128 с.

- ческие исследования. 2019. № 3. С. 105–110. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/105-110.
11. *Болдуин Р.* Великая конвергенция: информационные технологии и новая глобализация / Пер. с англ. О. Левченко; под науч. ред. А. Белых. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. — 416 с.
 12. *Гончарова С.В., Купряшкин И.В., Лебедева Е.В.* и др. Российская география детства: быть или не быть? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 34–42. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/34-42.
 13. *Гринфилд А.* Радикальные технологии: устройство повседневной жизни / Адам Гринфилд; пер. с англ. И. Кушнаревой. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. — 424 с.
 14. *Купряшкин И.В.* Конец современности: впереди Средневековье? // Вестник Бурятского государственного университета. 2016. Вып. 6. С. 81–89. DOI: 10.18101/1994-0866-2016-6-81-89.
 15. *Купряшкина Е.А.* Особенности детской независимой мобильности в городах Приморского края // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 2 (50). С. 115–123.
 16. *Купряшкина Е.А.* Подростковые мобильности в городской среде (на примере Владивостока) // Социология города. 2017. № 2. С. 30–43.
 17. *Радаев В.* Миллениалы: Как меняется российское общество. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 224 с.
 18. *Ратти К., Клодел М.* Город завтрашнего дня: Сенсоры, сети, хамеры и будущее городской жизни / Пер. с англ. Е. Бондал. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. — 248 с.
 19. *Серр М.* Девочка с пальчик. — М.: Ад Маргинем, 2016. — 80 с.
 20. *Срничек Н.* Капитализм платформ / Пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 128 с.
 21. *Урри Дж.* Как выглядит будущее? / Пер. с англ. А. Матвеевко; под науч. ред. С. Шукиной. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. — 320 с.
 22. *Ячин С.Е.* Состояние метакультуры. — Владивосток: Дальнаука, 2010. — 268 с.

5.20. Анализ современных педагогических технологий, используемых для подготовки будущих юристов

Савченко О.С.

Актуальность рассматриваемой темы, по нашему мнению, обусловлена в первую очередь тем, что современные педагогические технологии, базирующиеся на широком и активном использовании глобальных информационных сетей, позволяют на порядок повысить эффективность традиционных педагогических технологий, отказаться от которых, по нашему мнению, категорически невозможно. Именно синтез классических и современных технологий позволяет и педагогам, и студентам существенно повысить возможность информационного доступа к первоисточникам, справочным данным, повысить скорость обмена информацией, в том числе учебной, создать возможность учебных контактов между студентами периферийных вузов и ведущими учеными крупнейших учебных центров, в том числе зарубежных.

Целью нашего исследования было выявление и описание тех преимуществ современных педагогических технологий, которые принципиально невозможно воспроизвести при использовании классических педагогических технологий.

Исходя из поставленной цели и нашего понимания проблемы, мы формировали и решали следующие основные задачи:

- сформировали и выполнили анализ классических педагогических технологий;
- проанализировали интерактивные педагогические технологии;
- изучили и описали достаточность и сложность применения в образовательном процессе игровых методов обучения.

В настоящее время к классическим педагогическим технологиям относят лекции, иллюстрации, объяснения и рассказы. Такой метод подразумевает одностороннее воздействие преподавателя на студента, а суть его заключается в передаче преподавателем информации, которую в дальнейшем должен воспроизвести студент.

Из всех вышеперечисленных классических методов обучения в педагогической практике в целом и в преподавании юридических дисциплин в частности самым популярным является лекция, которая выступает в качестве ведущего звена всего курса обучения будущих юристов и дает систематизированные, базовые основы знаний по всем дисциплинам.

Однако лекция имеет ряд недостатков, которые обусловлены следующим:

- студент во время лекции приучается пассивно слушать чужое мнение, что тормозит его самостоятельное мышление;
- не все обучающиеся успевают и записать слова лектора, и одновременно осмыслить их, что приводит к неравному процессу обучения;
- у студентов при таком методе, на наш взгляд, пропадает стремление к самостоятельной работе и к дополнительным знаниям.

Второй метод обучения, который раскроем в нашей статье, — интерактивный с использованием различных вспомогательных средств, например, интерактивные доски, видео, слайды и компьютеры.

Для студентов-юристов на таких занятиях было бы полезным просматривать какие-либо записи судебных заседаний, а затем обсуждать их, высказывать свое мнение на озвученную на заседании проблему и предлагать свои пути решения.

Сейчас большая часть преподавателей готовит на занятия не просто информацию, а слайды с данной информацией, что позволяет провести занятие и донести знания гораздо нагляднее и эффективнее.

Но стоит заметить, что такой метод предполагает гораздо больше времени на подготовку, чем лекционный.

Игровой метод обучения способствует групповой деятельности студентов, при которой все участники группы взаимодействуют между собой и тем самым обмениваются информацией, находят общие решения проблем, моделируют разного рода ситуации и, так скажем, погружаются в реальную обстановку делового сотрудничества.

В процессе подготовки юристов самым распространенным, на наш взгляд, игровым методом обучения является метод деловой игры, включающей в себя имитацию конкретных ситуаций. Цель такой игры состоит в формировании профессиональной компетенции при имитации реальных условий и моделировании рабочего процесса.

Еще один достаточно популярный игровой метод — учебный суд, позволяющий студентам разыграть судебный процесс. Первоочередной целью учебного суда считается понимание смысла самого судебного процесса, с помощью которого разрешается большинство конфликтных ситуаций. Но хочется отметить, что без базы знаний, полученной на лекционных занятиях, студентам будет довольно сложно справиться с таким методом.

Завершая нашу статью, приведем следующие ключевые выводы, которые можно считать главными результатами нашей работы.

При правильном применении интерактивных и игровых педагогических технологий происходит заметная индивидуализация процесса обучения и более глубокая интеграция знаний. С помощью интерактивности и использования инновационных методов достигается интенсификация процесса обучения.

В юриспруденции, как и во многих других науках, теоретические и практические знания сильно связаны. Если у студентов нет достаточной базы теоретических знаний и отсутствует способность применять их на практике, то интерактивные и игровые методы ему будут даваться довольно трудно. Соединение теоретического курса с практической деятельностью способствует дополнению к обучению и уже на студенческой скамье может дать студенту возможность ознакомиться с наиболее важными профессиональными навыками, которые пригодятся ему в дальнейшей профессиональной работе.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании Российской Федерации» (ред. от 01.05.2019).
2. Методика преподавания правовых дисциплин: учеб.-метод. пособ. / *Е.В. Евлова, Е.В. Гнатышина, М.В. Чередникова*. — Челябинск: Цицеро, 2016. — 149 с.
3. Приказ Минобрнауки России от 28.11.2012 № 994 «Об утверждении Порядка создания образовательными учреждениями высшего профессионального образования юридических клиник и порядка их деятельности в рамках негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи».
4. Приказ Минобрнауки России от 01.12.2016 № 1511 (ред. от 11.01.2018) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата)».
5. Приказ Минобрнауки РФ от 14.12.2010 № 1763 (ред. от 31.05.2011) «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «магистр»)».
6. *Ванюшин В.Н., Гвоздиков С.В., Лаврентьев А.Р., Орлова Л.А.* Деловая игра в обучении: научно-практическое пособие. — Дзержинск: изд-во «Конкорд», 2015. — 131 с.

5.21. Современные технологии и развитие государственно-правового регулирования экономических отношений

Евсеева Т.В.

Технологические изменения, в том числе развитие систем искусственного интеллекта, роботизированных технологий оказывают значительное влияние на экономические отношения в современном обществе. В то же время данные изменения стимулируют развитие правовых норм и вызывают необходимость создания механизмов регулирования новых возникающих общественных отношений. В доктринально-правовой сфере среди зарубежных ученых нет единой позиции относительно того, является ли ключевым фактором в развитии государственно-правового регулирования экономических отношений рынок (в том числе применяемые на рынке современные технологии), под воздействием роли которого осуществляются изменения на нормативно-правовом уровне уполномоченными органами государства, либо же под воздействием общественных институтов происходят трансформации общественных отношений и, соответственно, эволюция правовых норм, либо исключительным фактором, оказывающим влияние на изменение норм права является воля законодателя.

Причинно-следственная связь между такими сложными феноменами, как право и экономика в современном обществе, представляется, не подлежит определению в полной и абсолютной мере. Рассматривая аспект современных технологий (которые включают системы искусственного интеллекта, роботизированные системы) как составляющую рынка, следует отметить неоднозначность его роли в государственно-правовом регулировании.

В правовой доктрине зарубежных исследователей можно выделить как типичные для отечественного правопонимания, так и нетипичные подходы к развитию государственного нормативно-правового регулирования общественных отношений в экономической сфере. Рассмотрим некоторые концепции.

М. Фридман отмечает необходимость определения основной функции государства в том, чтобы защищать свободу его граждан как от «недругов», так и от сограждан: осуществлять поддержание законности и порядка, обеспечивать выполнение договоров между частными субъектами права, поощрять рыночную конкуренцию¹.

М. Фридман и Р. Фридман, пропагандируя идеи свободы личности и экономической свободы, в своей работе указывают на

¹ Фридман М. Капитализм и свобода / Пер. с англ. — М.: Новое издательство, 2006. — (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»). — С. 26.

необходимость принятия так называемого экономического Билля о правах, целью которого являлось бы ограничение власти правительства государства в экономической и социальной сферах¹.

Д. Лейцель полагает также, что право имеет возможность способствовать наиболее эффективным экономическим результатам с помощью установления детально определенных прав собственности на имеющие высокое значение экономические активы².

Более того, исследователь Д. Лейцель отмечает важную характеристику права, которая заключается в возможности оказывать влияние на транзакционные издержки путем детализации права собственности. Однако не во всех случаях нормативно-правовые акты способствуют положительному разрешению экономических проблем и предотвращению и минимализации негативных последствий на рынке путем снижения транзакционных издержек. Так, в случае низкого уровня таких издержек правовое вмешательство в экономику не требуется, а в случае высоких транзакционных издержек для получения эффективного экономического результата следует создать инструменты на нормативно-правовом уровне, которые позволят передать права собственности лицам, для которых они составляют большую ценность, поскольку значительные расходы на передачу соответствующих прав не способствуют возможности состояться иным обменам, желательным в противном случае. Исследователь отмечает недостатки как недостаточно детальной регламентации права собственности, так и открытого доступа или недостатка исключительных прав собственности, а также наличие большого числа различных видов права собственности³.

Сторонник иной концепции М. Олсен отмечал в своей работе, что вид государственного политического режима оказывает влияние на экономическое развитие государства. Демократический политический государственный режим требует существования тех же условий, что необходимы для обеспечения прав частной собственности и свободы заключения договоров (которые генерируют экономический рост)⁴.

¹ Фридман М., Фридман Р. Свобода выбирать: Наша позиция / Пер. с англ. — М.: Новое издательство, 2007. — (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»). — С. 336.

² Лейцель Д. Принципы права и экономики. Руководство для любознательных / Пер. с англ. И. Кушнareвой под науч. ред. М. Одинцовой. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. — С. 74.

³ Лейцель Д. Принципы права и экономики. Руководство для любознательных / Пер. с англ. И. Кушнareвой под науч. ред. М. Одинцовой. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. — С. 55, 75.

⁴ Olson M. Dictatorship, Democracy, and Development. *American Political Science Review*, 87 (03). — Pp. 567, 572.

Ф. Париси в своей работе «Правовой ракурс» рассматривает принцип разделения властей через призму теории общественного выбора. Исследователь дает оценку концепции разделения властей и говорит о преимуществах альтернативных источников права, уделяя особое внимание политической экономике установления обычного («не конституционного по своей природе») права¹.

Исследователь упоминает теорию спонтанного права, в соответствии с которой обычное право имеет преимущество над иными государственными средствами регулирования, поскольку ни одно правило, определенное путем рационального установления заинтересованными сторонами, не является выгодным обществу в целом².

В числе представителей концепции, основывающейся на общественных институтах, следует выделить Т. Веблена. В своей работе он отмечает, что некоторые вопросы невозможно урегулировать с помощью правовых средств, что вынуждает участников правоотношений использовать иные методы, не основанные на существующих правовых институтах (что способствует перемене стереотипов мышления)³.

Р. Коуз отмечает, что рынки являются институтами, которые способствуют обмену, иными словами, их существование имеет место с целью сокращения издержек по операциям обмена. Исследователь отмечает, что рынки требуют установления правовых норм, регулирующих права и обязанности лиц, заключающих сделки. Такие правовые нормы подлежат установлению теми, кто осуществляет организацию рынков, как это происходит в большинстве случаев при обмене товарами. Основные проблемы законотворчества, с которыми сталкиваются при обмене, — это обеспечение соглашения между участниками такого обмена и обеспечение государственного принуждения исполнения соответствующих правил⁴.

Р. Коуз указывает на то, что государственному вмешательству часто придается слишком большое значение, в результате такого вмешательства может возникнуть опасность защиты в течение дли-

¹ *Parisi F.* The Perspective of Law // Readings in Public Choice and Constitutional Political Economy / Editors: Rowley Charles K., Schneider F. — NY: Springer Science + Business Media, LLC, 2008. — Pp. 227–231.

² Там же. Pp. 227–247.

³ *Veblen Th.* The theory of business enterprise. — NY: Charles Scribner's sons, 1932. — Pp. 334–335.

⁴ *Coase R.H.* The firm, the market and the law. — The University of Chicago Press, 1990. — Pp. 7, 15.

тельного времени интересов стороны, которая ответственна за существование негативных последствий¹.

Лоуренс Фридман характеризовал право как продукт общества, который следует за социальными изменениями и адаптируется к ним, кристаллизует социальные изменения (как тотальные, катастрофические, революционные, так и эволюционные изменения); он полагал, что именно социальные силы подталкивают законодательные органы принять тот или иной закон (определяя при этом его форму и сущность)².

Дуглас Норт отмечает, что институты обеспечивают структуру стимулирования экономики, а в процессе развития структура формирует направления экономических изменений, способствуя росту, стагнации или упадку. В качестве основного назначения институтов Д. Норт усматривает создание порядка и сокращение неопределенности в обмене. В понимании Д. Нортона институты представляют собой созданные людьми ограничения, которые формируют структуру политического, экономического и социального взаимодействия. Исследователь выделяет два вида институтов: неофициальные ограничения (в число которых входят санкции, запреты, обычаи, традиции, правила поведения) и официальные правила (в числе которых указывает конституции, законы, права собственности)³.

Достаточно логичной представляется классификация видов институтов Д. Нортона, за исключением позиционирования прав в числе нормативно-правовых актов. Ввиду того, что соответствующее упоминание ведет к некорректности с позиции теории права, возможно предположить, что более гармонично в контексте официальных правил указанные «права собственности» могли бы заменить нормативно-правовые акты, регулирующие правоотношения, связанные с установлением, реализацией и отчуждением прав собственности.

Сторонники концепции об определяющей и ведущей роли права и воли законодателя в экономическом развитии общества полагают, что изменение законодательства, осуществляемое посредством изменения прав, норм, доктрин, влияет на изменение стимулов, с которыми сталкиваются члены общества, с помощью чего

¹ Coase R.H. The firm, the market and the law. — The University of Chicago Press, 1990. — Pp. 117–119, 133.

² Фридман Л. Введение в американское право. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. — С. 46, 84, 210, 236.

³ North Douglass C. Institutions // Journal of Economic Perspectives, 1991, 5 (1). — P. 97.

оказывает влияние и на их поведение, а новое поведение, в свою очередь, приводит к новым экономическим результатам¹.

Справедливо отмечают исследователи Н. Меркуро, С. Медема, которые не разделяют данное видение соотношения права и экономики, указывая, что причинно-следственная связь между «правом и экономикой» в действительности сложнее, чем в изложенной позиции представителей законоцентристского подхода, поскольку стимулы, основанные на санкционированных государством законах, не только оказывают влияние на экономические результаты, но и зависят от технологических изменений и социальных норм².

Таким образом, представляется, что изучение опыта зарубежной доктрины позволяет сделать вывод о существовании множества факторов, являющихся предпосылками как совершенствования государственно-правового регулирования экономических отношений, так и развития экономики общества. Такие феномены, как право и экономика, оказывают взаимовлияние, что в случае гармоничного развития и при учете множества различных аспектов, таких как развитие современных технологий, создание необходимых условий в социальной сфере, может приводить к эффективному правовому регулированию общественных отношений и стабильному росту экономики.

Список литературы

1. *Ackerman Bruce A.* Reconstructing American Law. Cambridge: Harvard University Press, 1984. P. 22.
2. *Coase R.H.* The firm, the market and the law. — The University of Chicago Press, 1990. — 217 p.
3. *North Douglass C.* Institutions // Journal of Economic Perspectives, 1991, 5 (1). — P. 97–112.
4. *Olson M.* Dictatorship, Democracy, and Development. American Political Science Review, 87 (03). — Pp. 567–576.
5. *Parisi F.* The Perspective of Law // Readings in Public Choice and Constitutional Political Economy / Editors: Rowley Charles K., Schneider F. — NY: Springer Science + Business Media, LLC, 2008. — 625 p.

¹ *Ackerman Bruce A.* Reconstructing American Law. Cambridge: Harvard University Press, 1984. P. 22; *Меркуро Н., Медема С.* Экономическая теория и право: от Познера к постмодернизму и далее / Пер. с англ. Т. Шишкиной; науч. ред. перевода М. Одинцова. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. — (Серия «Право и экономика») — С. 66.

² *Меркуро Н., Медема С.* Экономическая теория и право: от Познера к постмодернизму и далее / Пер. с англ. Т. Шишкиной; науч. ред. перевода М. Одинцова. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. (Серия «Право и экономика») — С. 67.

6. *Veblen Th.* The theory of business enterprise. — NY: Charles Scribner's sons, 1932. — 400 p.
7. *Лейцель Д.* Принципы права и экономики. Руководство для любознательных / Пер. с англ. И. Кушнаревой под науч. ред. М. Одинцовой. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. — 416 с.
8. *Меркуро Н., Медема С.* Экономическая теория и право: от Познера к постмодернизму и далее / Пер. с англ. Т. Шишкиной; науч. ред. перевода М. Одинцова. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. — (Серия «Право и экономика»). — 648 с.
9. *Фридман Л.* Введение в американское право. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. — 286 с.
10. *Фридман М.* Капитализм и свобода / Пер. с англ. — М.: Новое издательство, 2006. — (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»). — 240 с.
11. *Фридман М., Фридман Р.* Свобода выбирать: Наша позиция / Пер. с англ. — М.: Новое издательство, 2007 — (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»). — 336 с.

5.22. Реабилитирующие основания для прекращения уголовного дела в уголовном процессе Украины

Журавлев Н.А.

Прекращение (закрытие) производства по уголовному делу представляет собой одну из форм окончания предварительного расследования. Принятие такого решения влечет за собой полное прекращение процессуальной и иной деятельности по расследованию преступления, утрату лицами предоставленных в ходе предварительного расследования процессуальных статусов (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и др.) и, соответственно, освобождает участников процесса от несения процессуальных обязанностей. Прекращение уголовного преследования подразумевает прекращение обвинительной деятельности в отношении конкретного подозреваемого, обвиняемого. Существует два вида классификаций оснований для прекращения уголовного дела: реабилитирующие и нереабилитирующие. Далее, в данной статье, мы подробнее рассмотрим реабилитирующие основания.

Прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям — это заключительный этап в расследовании дела, где уполномоченный орган на основе своего анализа и с учетом всей доказательной базы, делает вывод о невозможности продолжения производства по делу в связи с отсутствием признаков преступления. В связи с чем лицо признается полностью реабилитированным. К реабилитирующим основаниям относятся: отсутствие события уголовного правонарушения; отсутствие в деянии правонарушения; отсутствие достаточных доказательств причастности лица к совершению преступления; принятие и вступление в силу закона о декриминализации деяния; отказ потерпевшего от уголовного преследования обвиняемого. Помимо всего прочего стоит добавить еще одно основание — возраст исполнителя¹. В статье 22 УК Украины этот возраст составляет 16 лет, как и в России².

По мнению Н. Жогина и Ф. Фаткулина, завершить производство по уголовному делу в связи с отсутствием события преступления можно только в следующих случаях³:

¹ *Благодир С.М.* Реабилитирующие основания к закрытию уголовного дела: актуальные проблемы совершенствования действующего законодательства Украины: сб. науч. ст. юр. факультета Прикарпатского университета. — Ивано-Франковское: Изд-во Плай.: 1997. — № 1. — С. 183–188.

² Уголовный Кодекс Украины от 05.04.2001 (ред. от 25.09.2019) [Электронный ресурс]. — URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/main/2341-14>.

³ *Жогин И.В.* Предварительное следствие в советском уголовном процессе: учеб. пособие для студ. вузов. — М.: Изд-во Юридическая литература, 1965. — 350 с.

1. Событие, в связи с которым возбуждено уголовное дело, вообще не происходило. Например, мать ребенка написала заявление о том, что учитель причинил ребенку телесное повреждение. В ходе расследования выяснили, что ребенок получил повреждения в ходе игры в заброшенном здании и, боясь сознаться матери, ложно обвинил учителя. В этом случае основанием для прекращения производства по уголовному делу является отсутствие события преступления (п. 1 ч. 1 ст. 284 УПК Украины)¹.
2. Событие имело место, но являлось результатом действия потерпевшего. Например, водитель двигался по автомагистрали и ему под колеса целенаправленно бросился человек. Виновником данного деяния является сам пешеход.
3. Событие было, но не являлось результатом действия человека. Например, загорелся дом, погибли люди, но всё это было следствием удара молнии и дальнейшего воспламенения здания. Подобной позиции придерживается Н.Б. Опарин².

По мнению А.Я. Дубинского, оценивая ситуацию, когда есть подозрения в отношении конкретного лица, необходимо с начала расследования проверить «возможность совершения преступления конкретным лицом». Если «обстоятельства дела исключают возможность совершения противоправного деяния другим лицом», то тогда уголовное дело подлежит прекращению «по мотивам недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления», так как по результатам расследования всё указывает на совершение преступления конкретным лицом³. Прекращение производства по уголовному делу в подобной ситуации по мотивам отсутствия события преступления недопустимо⁴.

Прекращение уголовного преследования в связи с отсутствием в деянии состава преступления реализуется тогда, когда нет доказательств, подтверждающих наличие состава преступления⁵.

Состав преступления — это совокупность признаков, свидетельствующих о совершении противоправного деяния. Если в ходе расследования преступления не была установлена причинно-след-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 Закон № 4651-VI [Электронный ресурс]. — URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/main/1001-05>.

² *Опарин Н.Б.* Прекращение уголовных дел следователем по реабилитирующим основаниям. — М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1984. — 23 с.

³ *Дубинский А.Я.* Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования: учеб. пособие для студ. вузов. — М.: Изд-во Госюриздат, 1958. — С. 168.

⁴ Там же.

⁵ *Каплина О.В.* Проблемы реабилитации в уголовном процессе Украины [Электронный ресурс]. — URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01000777097?#?page=3>.

ственная связь между действием лица и общественно опасными последствиями, которое лицо причинило, то дело прекращается согласно ст. 284 УПК Украины¹.

Как известно, субъектом преступления может быть лицо, достигшее возраста привлечения к уголовной ответственности, способное нести ответственность. Исследователи выделяют два признака субъекта преступления: возраст обвиняемого и его вменяемость. Невменяемость лица не является причиной отказа в возбуждении уголовного дела. Необходимо получить подтверждение психического состояния субъекта в момент совершения преступления посредством производства судебно-психиатрической экспертизы.

Статьей 509 УПК Украины предусмотрен порядок производства судебно-психиатрической экспертизы². По результатам производства судебно-психиатрической экспертизы суд может принять решение о применении принудительных мер медицинского характера (ст. 513 УПК Украины)³. Из особенностей прекращения производства по делу по этому основанию стоит отметить, что наступившая к моменту судебного разбирательства ремиссия у обвиняемого (подсудимого) не позволяет прекратить производство по уголовному делу.

В научной литературе выделяют специальных субъектов преступления, когда лицо признается виновным при наличии помимо общих еще и дополнительных признаков, которые предусмотрены Особенной частью УК Украины. Чаще всего под специальными субъектами понимаются лица, совершившие преступления, связанные с их служебной или профессиональной деятельностью. Такими субъектами могут являться: государственные служащие, работники медицинских учреждений, пилоты, капитаны и др.⁴

Одним из основных условий привлечения к уголовной ответственности является наличие причинно-следственной связи между деянием и наступившими последствиями. Так, например, если противоправным деянием не нанесен ущерб общественным интересам, то это деяние нельзя отнести к общественно-опасным, а, следовательно, уголовное преследование должно быть прекращено.

Кроме того, существуют частные случаи прекращения производства по уголовному делу. Так, согласно ст. 11 УК Украины это

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 Закон № 4651-VI [Электронный ресурс]. — URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/main/1001-05>.

² Там же.

³ Там же.

⁴ *Кашкаров А.А.* Должностная преступность в органах публичной власти и ее предупреждение в условиях смены государственной принадлежности территории [Электронный ресурс]. — URL: <https://dlib.rsl.ru/01008586193>.

может быть малозначимость деяния, которое украинский законодатель отнес к реабилитирующим основаниям прекращения производства по уголовному делу¹.

В уголовном законе нет точного перечня деяний, которые являются малозначимыми, поэтому следователь, основываясь на обстоятельствах дела, сам выявляет признак малозначимости.

Действия малозначимого характера следуют расценивать в большей степени как проступок, нежели как преступление, поскольку они не несут большой общественной опасности.

Одним из самых известных оснований освобождения от уголовной ответственности в связи с отсутствием состава преступления является необходимая оборона. Под превышением пределов необходимой обороны понимается вред, причиненный совершающему противоправное деяние лицу, несоизмерный характеру и опасности преступного посягательства². Вопросы необходимой обороны активно обсуждаются в научной литературе³. Необходимой обороной признаются действия, совершенные с целью защиты охраняемых законом прав и интересов лица, других лиц, государственных или общественных интересов, в ходе которых причинен вред нападающему лицу. Иными словами, каждый человек имеет право на защиту своих интересов от преступных посягательств всеми возможными способами, которые не превышают пределов необходимой обороны.

С понятием необходимая оборона связано понятие мнимая оборона (ст. 37 УК Украины). Мнимая оборона — это ситуация, когда лицо, неправильно оценив действия со стороны потерпевшего, причинило ему вред из соображений собственной безопасности⁴. Непривлечение к уголовной ответственности при мнимой обороне возможно лишь в том случае, если лицо имело достаточные основания полагать, что ему что-то угрожает, при этом лицо не понимало ошибочности своего предположения.

Также следует указать на еще одно основание освобождения от уголовной ответственности в связи с отсутствием состава преступления — крайняя необходимость (ст. 39 Уголовного кодекса Украины)⁵. Крайняя необходимость — это неправомерные действия лица в силу тех или иных опасных условий, направленные на достижение какой-либо общественно полезной цели. При наличии таких обстоятельств действия не квалифицируются как преступление.

¹ Уголовный Кодекс Украины от 05.04.2001 (ред. от 25.09.2019) [Электронный ресурс]. — URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/main/2341-14>.

² Истомин А.А. Самооборона: право и необходимые пределы [Электронный ресурс]. — URL: <https://dlib.rsl.ru/01002598216>.

³ Уголовный Кодекс Украины от 05.04.2001 (ред. от 25.09.2019) [Электронный ресурс]. — URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/main/2341-14>.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. К реабилитирующим основаниям прекращения уголовного дела относят случаи, предусмотренные ч. 1–4 ст. 284 УПК Украины. Реабилитированное лицо после его признания таким полностью восстанавливается в своих правах.
2. Уголовные дела прекращаются в следующих случаях: событие, по поводу которого было возбуждено дело, вообще не происходило; событие было, но возникло оно по причине действий самого потерпевшего; событие имело место, но возникло по причине, не зависящей от действий человека.
3. Отсутствие доказательств, подтверждающих причастность лица к совершению преступления.
4. Малозначимость деяния.
5. Необходимая оборона.

Список литературы

1. *Благодир С.М.* Реабилитирующие основания к закрытию уголовного дела: актуальные проблемы совершенствования действующего законодательства Украины: сб. науч. ст. юр. факультета Прикарпатского университета. Ивано-Франковской: Изд-во Плай.: 1997. — № 1. — С. 183–188.
2. *Жогин И.В.* Предварительное следствие в советском уголовном процессе: учеб. пособие для студ. вузов. — М.: Изд-во Юридическая литература, 1965. — 350 с.
3. *Опарин Н.Б.* Прекращение уголовных дел следователем по реабилитирующим основаниям. — М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1984. — 23 с.
4. *Дубинский А.Я.* Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования: учеб. пособие для студ. вузов. — М.: Изд-во Госюриздат, 1958. — С. 168.
5. *Каплина О.В.* Проблемы реабилитации в уголовном процессе Украины [Электронный ресурс]. — URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01000777097#?page=3>.
6. *Кашкаров А.А.* Должностная преступность в органах публичной власти и ее предупреждение в условиях смены государственной принадлежности территории [Электронный ресурс]. — URL: <https://dlib.rsl.ru/01008586193>.
7. *Истомин А.А.* Самооборона: право и необходимые пределы [Электронный ресурс]. — URL: <https://dlib.rsl.ru/01002598216>.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 Закон № 4651-VI [Электронный ресурс]. — URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/main/1001-05>.
9. Уголовный Кодекс Украины от 05.04.2001 (ред. от 25.09.2019) [Электронный ресурс]. — URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/main/2341-14>.

5.23. Общая профилактика сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенного с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»): на примере Приморского края

Назарова В.П.

В жизни современного общества средства массовой информации и сеть Интернет играют колоссальную роль, оказывая влияние на все ее сферы: от социально-экономической вплоть до политической. Именно поэтому ученые и общественные деятели полагают, что информационная безопасность в настоящее время является важнейшей составляющей национальной безопасности.

Деятельность интернет-пользователей далеко не всегда является законной: в наши дни мир столкнулся с проблемой распространения наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов с использованием средств массовой информации и глобальной информационной сети как внутри государств, так и на международном уровне.

В структуре нелегального наркорынка основным сегментом продолжают оставаться наркотические средства растительного происхождения (маришуана, гашиш и гашишное масло).

Так, из общего числа изъятых наркотиков более 68% составляют наркотики каннабисной группы, из которых 97% составляет маришуана, 2,9% — гашишное масло и 0,1% — гашиш.

Доступность и относительная дешевизна каннабисных наркотиков местного производства является основной причиной их потребления в большинстве районов Приморского края. Направление внутреннего наркотрафика определяется высокой концентрацией наркопотребителей в городах края. Как правило, сырьевая база размещается в сельской местности. В города доставляются готовые к употреблению и более компактные в перевозке концентрированные наркотики — гашиш, гашишное масло.

Вторым по распространению в настоящее время является героин афганского происхождения, который импортируется через Среднеазиатские республики и республики Северного Кавказа. Анализ имеющихся сведений позволяет сделать вывод, что героин поставляется небольшими партиями транзитом через Новосибирск, Екатеринбург, Омск, Красноярск, Иркутск и Хабаровск

в тайниках, оборудованных в транспортных средствах, а также с помощью наркокурьеров. На территории Приморского края оптовые партии поступают в Уссурийск, Спасск-Дальний, Артем, Владивосток и Находку, которые традиционно являются местом сосредоточения таких этнических групп, как цыганская, азербайджанская, таджикская и узбекская. Представители указанных этнических диаспор специализируются на поставках мелкооптовых партий героина, в том числе представителям славянских организованных групп, и розничном сбыте в городах края.

Из относительно новых видов синтетических наркотических средств на территории Приморского края наиболее часто документируются факты изъятий таких видов наркотиков, как синтетические каннабиноиды ряда JWH и его производные (JWH-18, JWH-122), амфетамин, метилэфедрон и их производные.

Приобретение данных веществ, как правило, происходит посредством Интернета, а поставка на территорию края осуществляется с использованием услуг почтовой связи и курьерских компаний, таких как DHL экспресс, СПСР-экспресс, Пони экспресс и пр.

При этом розничный сбыт наркотических средств синтетической и опийной группы осуществляется, как правило, с помощью закладок на придомовых территориях (в подпорных стенах, трубах, косогорах, вблизи мусорных контейнеров), а также в пригороде под столбами ЛЭП.

Также розничный сбыт осуществляется через посредников в общественных местах на придомовых территориях в районе проживания сбытчиков наркотиков.

Крупными поставками наркотических средств и психотропных веществ в настоящее время занимаются преимущественно лица славянской национальности, в связи с чем на складывающуюся в регионе наркоситуацию миграция не оказывает значительного влияния.

Анализ криминальной ситуации свидетельствует о том, что с целью увеличения числа потребителей наркотиков и психотропных веществ участники наркобизнеса всё активнее используют сеть Интернет, что позволяет не только применять повышенные меры конспирации, но и осуществлять оперативный поиск продавцов и покупателей, организовывать так называемый региональный маркетинг.

Для решения данной проблемы требуется немало времени и усилий, принятие мер по профилактике распространения наркотиков не только на федеральном уровне, но и на региональном и местном уровнях.

Так, на основании Закона Приморского края от 09.04.2007 № 53-КЗ «О профилактике незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, наркомании на территории Приморского края» закреплены основные направления деятельности Законодательного Собрания Приморского края, Администрации Приморского края, уполномоченного органа исполнительной власти Приморского края в сфере здравоохранения, уполномоченного органа исполнительной власти Приморского края, осуществляющего управление в сфере образования, уполномоченного органа исполнительной власти Приморского края в сфере социальной защиты населения, уполномоченного органа исполнительной власти Приморского края в сфере культуры, в сфере физической культуры и спорта, в сфере молодежной политики, уполномоченного органа исполнительной власти Приморского края в сфере средств массовой информации по вопросам профилактики незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, наркомании.

Например, уполномоченный орган исполнительной власти Приморского края в сфере здравоохранения в соответствии со своими направлениями деятельности и в пределах компетенции осуществляет в том числе содействие в реализации современных методов раннего выявления лиц, потребляющих наркотические средства и психотропные вещества, а также лечения и реабилитации больных наркоманией; помощь в осуществлении контроля за соблюдением стандартов оказания наркологической помощи; при наличии показаний медицинского характера выявление, учет, обследование и лечение несовершеннолетних, употребляющих наркотические средства, психотропные или одурманивающие вещества. Помимо этого осуществляется проведение профилактических медицинских осмотров обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях, а также в организациях высшего образования.

Кроме того, в соответствии с нормами вышеуказанного закона была принята государственная программа Приморского края «Безопасный край» на 2015–2017 гг., утвержденная постановлением Администрации Приморского края от 03.12.2014 № 495-па.

В рамках указанной государственной программы предусмотрена подпрограмма «Комплексные меры профилактики правонарушений, экстремизма и терроризма, незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ в Приморском крае», содержащая в том числе ряд мероприятий, направленных на противодействие правонарушениям в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (организация и про-

ведение обучающих семинаров по профилактике наркомании; распространение информационной продукции по профилактике правонарушений и незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, подготовка и выпуск различной методической литературы, организация и проведение тематических конкурсов, соревнований, концертов и т.д.).

По результатам оценки эффективности государственной программы «Безопасный край» на 2015–2017 гг. в 2017 г. было принято решение продолжить ее реализацию до 2020 г., в том числе подпрограмму «Комплексные меры профилактики правонарушений, экстремизма и терроризма, незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ в Приморском крае»¹. Постановлением Администрации Приморского края от 09.08.2018 № 381-па «О внесении изменений в постановление Администрации Приморского края от 03.12.2014 № 495-па «Об утверждении государственной программы Приморского края «Безопасный край» на 2015–2020 гг.» государственная программа продлена до 2021 г. Среди основных задач указанной программы является в том числе снижение масштабов незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ на территории Приморского края. В качестве ожидаемого результата планируемое снижение показателя первичной заболеваемости наркоманией к 2021 г. составляет на 100 тыс. населения Приморского края до 33,5 единиц.

В рамках реализации программных мероприятий органами исполнительной власти Приморского края организовано проведение обучающих семинаров по программам профилактики наркомании для 140 сотрудников организаций и учреждений, работающих непосредственно с детьми и молодежью во Владивостокском и Дальнегорском городских округах, Кавалеровском, Ольгинском и Чугуевском муниципальных районах; организовано проведение обучающих семинаров для 350 студентов и старшеклассников по программам профилактики наркомании по принципу «ровесник — ровеснику» на территории городских округов Спасск-Дальний и Большой Камень, Артемовского, Партизанского городских округов, ЗАТО г. Фокино, Анучинского, Спасского, Ханкайского, Чугуевского и Яковлевского муниципальных районов; обеспечено проведение форума «Молодежь Приморья без наркотиков» с участием представителей муниципальных образований края; обеспе-

¹ Об утверждении государственной программы ПК «Безопасный край» на 2015–2020 гг.: постановление Администрации ПК от 03.12.2014 № 495-па // Приморская газета, спецвыпуск. 2014. № 137 (1002) (с изменениями от 28.04.2018).

чена подготовка и выпуск 1000 экземпляров профилактических методических пособий для учителей общеобразовательных школ и родителей обучающихся; организовано проведение мероприятий по раннему выявлению потребителей наркотиков в образовательных организациях путем социально-психологического тестирования и профилактических медицинских осмотров обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях.

Также в крае действует государственная программа «Экономическое развитие и инновационная экономика Приморского края на 2013–2020 гг.», утвержденная постановлением Администрации Приморского края от 07.12.2012 № 382-па, которая включает в себя подпрограмму «Поддержка социально ориентированных некоммерческих и иных общественных организаций в Приморском крае» на 2014–2020 гг.¹

Данной подпрограммой предусмотрены мероприятия по оказанию поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям, осуществляющим деятельность в сфере профилактики незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, наркомании, социальной реабилитации, социальной и трудовой реинтеграции лиц, потребляющих наркотические средства или психотропные вещества.

В целях реализации подпрограммного мероприятия «Финансовая поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций путем предоставления субсидий из краевого бюджета на частичное возмещение расходов по реализации общественно значимых программ (проектов) по направлению деятельности: профилактика незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, наркомании, социальная реабилитация, социальная и трудовая реинтеграция лиц, потребляющих наркотические средства или психотропные вещества» в краевом бюджете предусматриваются бюджетные ассигнования.

Администрациями исправительных учреждений и следственных изоляторов ГУФСИН России по Приморскому краю проводится определенная работа, направленная на выявление наркотических средств, путей их доставки, а также по пресечению каналов их поступления на режимную территорию.

¹ Об утверждении государственной программы Приморского края «Экономическое развитие и инновационная экономика Приморского края» на 2013–2020 гг.: постановление Администрации ПК от 07.12.2012 № 382-па // Приморская газета. 2012. № 107 (724) (с изменениями от 04.05.2018).

Кроме того, разработан законопроект «О квотировании рабочих мест для лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации», предусматривающий меры поддержки, направленные на обеспечение занятости лиц, освободившихся из мест лишения свободы, лиц, прошедших курс лечения и реабилитации от наркотической зависимости, алкоголизации, токсикомании.

Анализируя динамику состояния преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств за 2018 г., необходимо отметить, что регистрация данных преступлений сократилась на 13,1% (с 6537 до 4901). Такая тенденция наблюдается на всей территории Российской Федерации и Дальневосточного федерального округа.

При этом наибольшее снижение регистрации преступлений указанной категории отмечено в Анучинском, Ханкайском районах, городах Находка и Партизанск¹.

Однако наркопреступность на сегодняшний день имеет высокие показатели латентности. Исходя из сложившейся ситуации, необходимо рассмотреть меры, которые применены в иных странах и которые стали действенными в стратегии борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. В этой связи определенное внимание заслуживает опыт Китая в сфере противодействия наркопреступности, поскольку китайские успехи антинаркотической политики признаны мировым сообществом. Китай расположен рядом с двумя мировыми источниками наркотиков: «Золотым треугольником» и «Золотым полумесяцем».

На сегодняшний день Китай превратился из страны, которая страдала от транзита контрабанды наркотиков, в государство, где появилось большое количество их потребителей. Наркотики причиняют вред не только государству, но и здоровью нации в целом. Борьба с ними вплоть до полного искоренения — такая историческая задача поставлена китайским правительством. Для защиты своего государства и населения от вреда, причиняемого наркопреступностью, власти Китая придают особую важность не только лечению от наркотической зависимости и реабилитации, но и повышению осведомленности правоохранительной деятельности по борьбе с наркотиками в зарубежных странах².

¹ Официальный сайт Прокуратуры Приморского края [Электронный ресурс]. — URL: <http://prosecutor.ru/statistika/>.

² *Кокоев А. Т.* Международный опыт противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции 15.12.2014 г. — М., 2015. — С. 99–102.

Антинаркотическая политика Китая осуществляется во взаимосвязи направлений, которые представляют комплексную государственную систему. В основу такой системы положено отсеивание позиции запрета наркотиков.

Гарантировать существование и развитие народа, обеспечить безопасность личной жизнедеятельности — вот задачи Китайского государства, которое для их решения разработало следующие политические установки:

- борьба с наркотиками рассматривается как дело, которое касается судьбы Китайского народа, поэтому она включена в программу социально-экономического развития, на основе которой создана система оперативной ответственности правительства всех уровней;
- необходимо проводить стратегию комплексных мер в борьбе с наркопреступностью, принимая различные средства, с мобилизацией сил общества;
- вести борьбу следует с наркотиками с помощью совершенствования законодательной системы. Строго и только по закону осуществлять контроль за потреблением, хранением и расходом наркотических и психотропных медикаментов, а также препаратов, из которых возможно получить наркотики;
- делать упор на запрет в потреблении, торговле, производстве и посеве наркотиков;
- поставить на первое место предупреждение потребления наркотиков среди молодежи и подростков. Основной упор сделать на воспитание, применяя действенные меры, организуя и координируя деятельность заинтересованных общественных организаций, воспитывать у молодого поколения чувство бережного отношения к жизни и непринятия наркотиков.

В Уголовном кодексе КНР действует принцип строгого наказания за наркопреступления — вплоть до смертной казни¹. В целом китайский законодатель предусмотрел наиболее жесткие меры наказания, нежели российский.

Суровое наказание, его неизбежность являются показателями принципиальной позиции китайского государства. В данном аспекте характерным является то, что несмотря на возникающие в ряде случаев со стороны «Международной амнистии» и других авторитетных правозащитных организаций протестные относительно жесткости наказаний, применение смертной казни китайский

¹ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики: принят на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей шестого созыва 14 марта 1997 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://legal-way.ru/other45.php>.

народ выслушивают спокойно, не собираясь в угоду репутации перед международным сообществом рисковать здоровьем нации и государственной безопасностью. Для китайских властей понятия здоровья нации и безопасности государства являются равносильными.

Китай рассматривает воспитательно-пропагандистскую работу с населением в качестве важной политической и стратегической задачи. В этой работе участвуют администрации всех уровней. Они разрабатывают годовые планы пропагандистско-воспитательных мероприятий, ставя целью профилактику и бойкот наркотиков.

На основании вышеизложенного следует отметить, что в целях предупреждения незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов необходимо выработать комплексную систему профилактических мер, которая будет эффективна только при выполнении поэтапных мероприятий. Особое внимание стоит уделить успешной политике в области борьбы с наркопреступлениями в иностранных государствах. Также особое внимание должно быть уделено антинаркотической пропаганде в форме различных социальных реклам, роликов и фильмов с помощью средств массовой информации, а также организации и систематическому проведению в учебных заведениях занятий по антинаркотической пропаганде, используя при этом институт семьи как основу противодействия незаконному обороту наркотиков. Кроме того, данные лекции должны проводить именно заинтересованные в этом люди, в частности, можно подойти к этому через реальный опыт, т.е. развивать общественные организации, где лица, ранее испытавшие на себе болезнь наркомании, а также их родные в добровольном порядке проводили бы лекции и делились своим опытом о тех страшных днях в их жизни, которые им удалось пережить, о моменте наркозависимости. Именно такая мера может быть действительно эффективной, ведь современное общество привыкло доверять опыту других лиц, так называемым отзывам. Для достижения данной цели необходима сильная программа со стороны государства по лечению и реабилитации лиц, страдающих наркоманией.

Кроме того, для решения проблемы устранения пробелов в законодательстве в области незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов и несовершенства деятельности правоохранительных органов по выявлению и предупреждению наркопреступлений, необходимо привести Российское уголовное законодательство в соответствие с нормами международного права.

Список литературы

1. *Коков А.Т.* Международный опыт противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции 15.12.2014. — М., 2015. — С. 99–102.
2. О профилактике незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, наркомании на территории Приморского края: Закон Приморского края от 09.04.2007 № 53-КЗ // Приморская газета. 2007. № 26 (с изменениями от 01.02.2017).
3. Об утверждении государственной программы ПК «Безопасный край» на 2015–2020 гг.: постановление Администрации ПК от 03.12.2014 № 495-па // Приморская газета, спецвыпуск. 2014. № 137 (1002) (с изменениями от 28.04.2018).
4. Об утверждении государственной программы Приморского края «Экономическое развитие и инновационная экономика Приморского края» на 2013–2020 гг.: постановление Администрации ПК от 07.12.2012 № 382-па // Приморская газета. 2012. № 107 (724) (с изменениями от 04.05.2018).
5. Официальный сайт Прокуратуры Приморского края [Электронный ресурс]. — URL: <http://prosecutor.ru/statistika/>.
6. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики: принят на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей шестого созыва 14 марта 1997 г. // [Электронный ресурс]. — URL: <http://legal-way.ru/other45.php>.

5.24. Некоторые вопросы регламентации института допустимости доказательств

Конопля Я.А.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство РФ закрепляет легальное определение доказательства. В соответствии со ст. 74 УПК РФ под доказательством понимаются любые сведения, на основании которых устанавливается наличие или отсутствие подлежащих доказыванию и имеющих значение для уголовного дела обстоятельств¹.

Несколько иная формулировка содержится в утратившем силу УПК РСФСР, где доказательство определялось как любое фактическое данное². Анализируя приведенное определение, П.А. Лупинская справедливо указывала, что понимание доказательств как «любых фактических данных» дает основание полагать, что достоверность таких сведений уже установлена³.

По нашему мнению, определение доказательства как некоего «сведения» в отличие от «фактических данных» исключает предварительную оценку доказательства как безусловного факта, т.е. априорно неоспоримого суждения, которое, исходя из словосочетания «фактические данные», не нуждается в какой-либо проверке, что противоречит основным принципам УПК РФ, в частности принципу свободы оценки доказательств.

Вместе с тем не все сведения являются доказательствами, признаваемыми УПК РФ. Так, доказательство должно обладать важнейшими свойствами, которые характеризуют его «пригодность» для процесса доказывания, к которым УПК РФ причисляет относимость, достоверность и допустимость. Об этом свидетельствуют положения ч. 1 ст. 88 УПК РФ, согласно которым в отношении каждого в отдельности взятого доказательства обязательна его оценка на предмет относимости, допустимости, достоверности⁴.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

² Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР утв. ВС РСФСР 27.10.1960 (утратил силу на основании Федерального закона от 18.12.2001 № 177-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/.

³ Лупинская П.А. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 5.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

Содержание понятия «относимось» может быть установлено путем анализа положений ст. 74 УПК РФ, и рассматривать такое качество доказательства возможно как связь между сведениями, которые доказательство содержит, с обстоятельствами, подлежащими доказыванию по уголовному делу, т.е. имеют ли такие сведения непосредственное отношение к рассмотрению дела.

В свою очередь, достоверность доказательства представляет собой свойство доказательства, отражающее надежность и истинность сведений, которые такое доказательство содержит¹.

Однако в рамках настоящей статьи мы остановимся на таком свойстве доказательств, как допустимость.

УПК РФ не содержит легального понятия «допустимость доказательства». Законодатель в данном случае действует «от обратного» — путем установления термина «недопустимое доказательство», под которым в соответствии со ст. 75 УПК РФ понимается доказательство, полученное с нарушениями норм УПК РФ.

В науке уголовного процесса под допустимостью доказательств понимается отсутствие каких-либо нарушений при собирании и проверке доказательств уполномоченным на то лицом.

Как указывал Н.В. Жогин: «Допустимость есть пригодность доказательства с точки зрения законности источников, методов и приемов получения сведений»².

По мнению С.А. Шейфера, под допустимостью доказательства следует понимать свойство доказательства, отражающее законность источника получения доказательства лицом, которое УПК РФ наделило полномочиями на собирание доказательств. Кроме того, С.А. Шейфер подчеркивает, что допустимыми могут считаться только такие доказательства, которые были получены при соблюдении требований, предъявляемых к самому процессу их собирания, а также процессу проверки полученных доказательств³.

Справедливо отмечает И.Б. Михайловская, что допустимость доказательства характеризуется соблюдением совокупности условий, которые позволяют исключить возможность признания доказательства недопустимым. К таким условиям И.Б. Михайловская, наряду с требованиями о надлежащем субъекте получения доказательства и законности источника сведений, также относит требо-

¹ Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. — М.: НОРМА. — 2009. — С. 34.

² Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н.В. Жогин; Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. — М.: Юрид. лит. — 1973. — С. 229.

³ Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. — М.: НОРМА. — 2009. — С. 59.

вания о получении доказательств в рамках того процессуального действия, которое предполагает возможность его получения, и законности проведения такого процессуального действия¹.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что в теории уголовного процесса допустимость доказательств характеризуется совокупностью элементов: происхождение доказательств, возможность проверки происхождения доказательств, получение доказательств управомоченным субъектом в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законом.

Соглашаясь с позицией И.Б. Михайловской, отметим, что наряду с требованиями соответствия доказательств УПК РФ, важной является, как отмечает П.И. Гребёнкин, «проверяемость доказательственного сведения»². Иными словами, например, произведенный следователем, в производстве которого находится уголовное дело, допрос свидетеля, оформленный в соответствии с требованиями, предъявляемыми УПК РФ, при разъяснении допрашиваемому лицу прав, обязанностей и ответственности свидетеля не может иметь доказательственной силы в случае, если ни одно иное доказательство уголовного дела не позволяет проверить изложенные таким свидетелем сведения.

Обращаясь к положениям ст. 75 УПК РФ, следует отметить, что перечень нарушений уголовно-процессуального закона, свидетельствующих о недопустимости доказательств, законодателем оставлен открытым, о чем свидетельствует п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ. Положения ч. 2 ст. 75 УПК РФ отражают лишь несколько видов недопустимых доказательств. УПК РФ к ним относит: показания лица, в отношении которого расследуется уголовное дело, полученные в отсутствие защитника, с учетом случаев отказа от защитника, и которые впоследствии не были подтверждены допрошенным лицом в ходе судебного разбирательства; показания потерпевшего или свидетеля, которые основываются на догадке, предположении, слухе, а также показаниях свидетеля, который не способен указать на первоисточник своей осведомленности.

Из буквального анализа ч. 1 ст. 75 УПК РФ следует, по мнению А.В. Верещагиной, что «законодателем декларирована абсолютная недопустимость доказательств, полученных с нарушением закона»³.

¹ Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. — М.: Изд-во Проспект. — 2008. — С. 105.

² Гребенкин П.И. Допустимость доказательств в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. — М, 2002. — С. 26.

³ Верещагина А.В. Конструктивные дефекты нормы ч. 3 ст. 7 УПК РФ // Российская юстиция. — 2005. — № 9. — С. 22–26 [Электронный ресурс]. — URL: <http://base.garant.ru/5194910/>.

Однако есть и иная позиция, в соответствии с которой не любое нарушение требований УПК РФ является основанием для признания доказательств недопустимым¹. В теории доказательств сформулирована и многими поддерживается концепция «неравнозначности процессуальных нарушений», согласно которой несущественные нарушения не могут являться основанием для признания доказательств недопустимым. К примеру, как указывает Н.В. Жогин, не может быть признан недопустимым доказательством протокол допроса свидетеля в случае, если в тексте протокола допущены неточности, опечатки в фамилии кого-либо из участников².

Соглашаясь с такой позицией, полагаем необходимым отметить, что закон в действующей на сегодняшний день редакции не разделяет по степени «важности» нарушения, свидетельствующие о недопустимости доказательств, т.е. концепция «неравнозначности процессуальных нарушений» в действующем законе проигнорирована.

Также не основана на положениях ст. 75 УПК РФ позиция Верховного Суда РФ, отраженная в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51, в соответствии с которой «доказательства признаются недопустимыми, в частности, если были допущены существенные нарушения установленного уголовно-процессуальным законодательством порядка их собирания и закрепления, а также если собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами»³.

Во-первых, УПК РФ не содержит разграничения между существенными и несущественными нарушениями закона, т.е. Верховный Суд РФ данным толкованием фактически создает новую норму права, в соответствии с которой несущественные нарушения УПК РФ не являются основанием признания доказательств недопустимыми. Во-вторых, анализируемый пункт Постановления Пленума Верховного Суда РФ не трактуется, что является существенным нарушением УПК РФ.

¹ *Лазарева В.А.* Доказывание в уголовном процессе: учебник. — М.: Юрайт, 2018. — С. 130.

² Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н.В. Жогин; Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. — М.: Юрид. лит. — 1973. — С. 242.

³ О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 // СПС «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285530/.

Закон, повторимся, также не определяет, какие нарушения, допущенные при собирании и закреплении доказательств, следует отнести к существенным, что, по нашему мнению, является недостатком УПК РФ. Не восполняется этот пробел нормами ст. 389.17 УПК РФ, поскольку они носят специальный характер и закрепляют основания отмены или изменения вынесенного судом первой инстанции судебного решения¹. Абсолютно очевидно, что даже несущественные нарушения, допущенные при закреплении доказательства, как, например, опечатка, могут повлиять на его доказательственное значение. Хрестоматийным примером тому является отсутствие в выражении «казнить нельзя помиловать» запятой, что лишает возможности установить истинный посыл высказывания. В связи с указанным, полагаем, что каждое нарушение УПК РФ должно рассматриваться в каждом конкретном случае через призму наступивших для доказывания последствий.

Таким образом, повторимся, Верховный Суд РФ не может и не должен восполнять пробелы УПК РФ в части признания (не признания) доказательства недопустимым. Критерий существенности нарушения закона должен иметь нормативное закрепление в УПК РФ. В свою очередь, полагаем, что указанные «огрехи» закона, как указала А.В. Верещагина, «могут способствовать злоупотреблениям и не всегда ведут к обоснованному устранению доказательства из процесса доказывания либо сохранению его юридической силы»².

Кроме того, по нашему мнению, также подлежит включению в УПК РФ требование об обязательном выяснении правоприменителем при рассмотрении вопроса о недопустимости доказательства, в чем выразилось допущенное нарушение в каждом конкретном случае, на что указывает Верховный Суд РФ³.

О необходимости совершенствования положений о недопустимости доказательств также свидетельствует и отсутствие единства правоприменения.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

² *Верещагина А.В.* Конструктивные дефекты нормы ч. 3 ст. 7 УПК РФ // Российская юстиция. 2005. № 9. С. 22–26 [Электронный ресурс]. — URL: <http://base.garant.ru/5194910/>.

³ О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 (ред. от 01.06.2017) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8847/.

В частности, анализ судебной практики показывает, что суды не всегда признают недопустимым доказательство, полученное неуполномоченным на то лицом¹. Примером может служить апелляционное определение Московского городского суда от 18.06.2015. Защитник указал, что доказательствами, положенными в основу обвинительного приговора, являлись: протокол обыска в квартире по месту жительства А.А., протокол опознания похищенных вещей потерпевшей, а также допрос потерпевшей, которые являются недопустимыми, так как указанные следственные действия произведены неуполномоченными на то лицами. Апелляционная инстанция отметила в своем решении, что довод защиты был оценен как судом первой, так и апелляционной инстанции, и что нарушений уголовно-процессуального законодательства РФ, влекущих признание доказательств недопустимым, не установлено². Такой же позиции придерживается в определении от 18.10.2000 Верховный Суд РФ³.

Нарушение процедуры следственного действия также не всегда влечет признание доказательства недопустимым, как это имеет место, например, в постановлении Арсеньевского городского суда Приморского края от 13.07.2018⁴. Обжалуя решение мирового судьи, защита указала, что в основу приговора легли доказательства, полученные с нарушением закона: протокол осмотра от 11.01.2017 в МИФНС России № 4 по Приморскому краю; протокол осмотра предметов. При производстве осмотров отсутствовали понятые и технические средства фиксации. Защита подчеркнула, что принтер не может быть отнесен к техническим средствам фиксации хода и результатов производства следственных действий. Суд апелляционной инстанции (Арсеньевский городской суд) фактически проигнорировал довод защиты, указав, что использование множительного аппарата в качестве технического средства фиксации следственного действия не нарушает требований УПК РФ.

Соглашаясь с позицией защиты, мы полагаем, что копировальный аппарат (принтер) не является, да и не может являться средством

¹ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 12.08.2016 по делу № 22-4984/2016 // СПС «КонсультантПлюс: Версия проф.» [Электронный ресурс].

² Апелляционное определение Московского городского суда от 18.06.2015 по делу № 10-6781/2015 // СПС «КонсультантПлюс: Версия проф.» [Электронный ресурс].

³ Определение Верховного Суда РФ от 18.10.2000 по делу № 85-О99-36 // СПС «КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

⁴ Апелляционное постановление Арсеньевского городского суда от 13.07.2018 по делу № 10-9/2018 // СПС «КонсультантПлюс: Версия проф.» [Электронный ресурс].

фиксации хода следственного действия, так как позволяет лишь размножить протокол следственного действия, либо копии иных документов, в отличие, например, от видеокамеры, фотоаппарата, которые в ходе указанных следственных действий не применялись.

Представляет также интерес приговор Уссурийского районного суда от 19.10.2017 по делу № 1-55/2017¹. В соответствии с вышеуказанным приговором суд принял в качестве доказательства и положил в основу приговора показания свидетеля ФИО23, которые были даны под псевдонимом «Иванов». В ходе допроса в судебном заседании свидетель ФИО23 указал, что показания, данные им под псевдонимом «Иванов», ФИО23 не подтверждает. Допрос под псевдонимом «Иванов» длился в течение 12 часов, он устал, поэтому подписал показания. Более того, как показал ФИО23, с ним неоднократно беседовали следователи и оперативные сотрудники, а также адвокаты осужденного. Указанные беседы его запугивали. Сотрудники правоохранительных органов говорили, что осужденный привлекается за посредничество в даче взятке. Угроз они не высказывали, но разъясняли, что существует уголовная ответственность за дачу ложных показаний, и он может быть привлечен к уголовной ответственности. Данные действия свидетель ФИО23 расценивал как психологическое давление.

Суд не принял во внимание доводы свидетеля и пришел к выводу, что показания, данные под псевдонимом, получены с соблюдением требований УПК РФ. Свидетелю в ходе допросов разъяснили его права и обязанности, в том числе право не свидетельствовать против себя, и положения закона о том, что показания могут быть использованы в качестве доказательств, в том числе и в случае последующего отказа от этих показаний. При этом суд расценил изменение свидетелем ФИО23 в судебном заседании показаний как желание помочь подсудимому избежать уголовной ответственности. Вывод суда выглядит не бесспорным. Указание на «возможное» желание свидетеля ФИО23 помочь подсудимому не подтверждается материалами дела, а, следовательно, Уссурийский районный суд немотивированно проигнорировал аргументы свидетеля, предпочтя его показания, обличившие осужденного.

В обоснование изложенной нами позиции приведем мнение Конституционного Суда РФ, согласно которому оценка формы доказательства с точки зрения соответствия уголовно-процессуальному закону «является гарантией принятия законного и обоснованного решения по уголовному делу. Суд обязан оценить все

¹ Приговор Уссурийского районного суда от 19.10.2017 по делу № 1-55/2017 // СПС «КонсультантПлюс: Версия проф.» [Электронный ресурс].

доводы сторон судебного процесса о признании тех или иных доказательств недопустимыми, а при возникновении сомнений в допустимости или достоверности этих доказательств — отвергнуть их в соответствии с требованиями Конституции РФ и УПК РФ»¹. Указанная позиция Конституционного Суда РФ, по нашему мнению, бесспорна, так как соответствует основополагающему принципу уголовно-процессуального законодательства РФ, а именно — принципу презумпции невиновности.

Таким образом, целью закрепления требования допустимости доказательств является обеспечение прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 18.06.2015 по делу № 10-6781/2015 // СПС «Консультант-Плюс: Версия проф.» [Электронный ресурс].
2. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 12.08.2016 по делу № 22-4984/2016 // СПС «Консультант-Плюс: Версия проф.» [Электронный ресурс].
3. Апелляционное постановление Арсеньевского городского суда от 13.07.2018 по делу № 10-9/2018 // СПС «Консультант-Плюс: Версия проф.» [Электронный ресурс].
4. *Верещагина А.В.* Конструктивные дефекты нормы ч. 3 ст. 7 УПК РФ // Российская юстиция. — 2005. — № 9. — С. 22–26 [Электронный ресурс]. — URL: <http://base.garant.ru/5194910/>.
5. *Гребенкин П.И.* Допустимость доказательств в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. — М, 2002. — 146 с.
6. *Лазарева В.А.* Доказывание в уголовном процессе: учебник. — М.: Юрайт, 2018. — 264 с.
7. *Лупинская П.А.* Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 5–8.
8. *Михайловская И.Б.* Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. — М.: Изд-во Проспект. — 2008. — 192 с.
9. О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285530/.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мясникова Евгения Викторовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 20.02.2014 № 277-О // СПС «КонсультантПлюс: Версия проф.» [Электронный ресурс].

10. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 (ред. от 01.06.2017) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8847/.
11. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мясникова Евгения Викторовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 20.02.2014 № 277-О // СПС «КонсультантПлюс: Версия проф.» [Электронный ресурс].
12. Определение Верховного Суда РФ от 18.10.2000 по делу № 85-О99-36 // СПС «КонсультантПлюс [Электронный ресурс].
13. Приговор Уссурийского районного суда от 19.10.2017 по делу № 1-55/2017 // СПС «КонсультантПлюс: Версия проф.» [Электронный ресурс].
14. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н.В. Жогин; Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждению преступности. — М.: Юрид. лит. — 1973. — 735 с.
15. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
16. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР утв. ВС РСФСР 27.10.1960 (утратил силу на основании Федерального закона от 18.12.2001 № 177-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/.
17. *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. — М.: НОРМА. — 2009. — 125 с.

**ИНФОРМАЦИЯ О ВУЗЕ
ПРОВЕДЕНИЯ
I ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО
МЕЖДУНАРОДНОГО ФОРУМА
«РОБОТЫ ЗАЯВЛЯЮТ О СВОИХ ПРАВАХ»**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса»

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса — один из сильнейших экономических вузов страны, расположенный в Дальневосточном Федеральном округе.

ВГУЭС — это опорный университет: способствующий решению социально-экономических задач региона; обеспечивающий высокое качество образования на основе современных технологий и стабильно высокую востребованность выпускников; развивающий эффективные партнерские отношения с органами государственной власти, бизнес-средой и местными сообществами; занимающий лидирующие позиции в образовательном пространстве на основе персонализации траекторий и практико-интегрированного обучения; представляющий признанную международную коммуникативную площадку в АТР; обладающий адаптивной системой управления.

За 50 лет истории ВГУЭС не только вошел в число вузов — лидеров высшего образования России, но и стал яркой визитной карточкой города Владивостока. Студенческий кампус университета, расположенный в самом центре города, выполняет функцию открытого креативного пространства для жителей и гостей города. Великолепный парк, дендрарий, японский сад камней, музейно-выставочный комплекс, спорткомплекс премиум-класса «Чемпион», современная медицинская клиника «Лотос», театр «Андеграунд», молодежные студии и объединения, торговые комплексы, многочисленные кафе — всё рядом. На территории университета есть всё для успешной учебы, отдыха и творческого развития. Здесь комфортно, красиво и, что очень важно, безопасно: система наблюдения и охраны ВГУЭС — одна из самых передовых. Инфраструк-

турная составляющая процесса обучения постоянно совершенствуется. Материальная база ВГУЭС — учебные корпуса, общежития, библиотека, спортивные и развлекательные комплексы — считается наиболее развитой и социально-ориентированной в регионе.

Достижения университета год за годом подтверждаются весомыми наградами, грантами и премиями как регионального, так и федерального и международного уровней.

В 2019 г. ВГУЭС прошел международную общественную аккредитацию, поднялся на несколько позиций вверх в национальных и международных рейтингах качества и надежности образования.

ВГУЭС получил международную аккредитацию образовательных программ по направлениям: Информационные системы и технологии, Экономика, Менеджмент, Бизнес-информатика, Туризм. Бакалаврские программы аккредитованы до 2025 г. В университете реализуются 5 программ по модели «двойных дипломов». Процедуру аккредитации проводил Национальный центр аккредитации России (НСРА) с привлечением сертифицированных экспертов со стороны Центра оценки высшего образования (НЕЕС) Министерства образования Китайской Народной Республики.

Студенты и преподаватели блестяще провели сезон демонстрационных экзаменов и чемпионатов профессиональных компетенций по стандартам WorldSkills, войдя по результатам сезона в состав национальной сборной. В финале III Национального межвузовского чемпионата «Молодые профессионалы» (Ворлдскиллс Россия) команду ВГУЭС представляли семеро студентов и две учащиеся школы-интерната для одаренных детей им. Н. Дубинина. Ребята выступили в 7 компетенциях и завоевали 6 серебряных медалей.

ВГУЭС — **единственный вуз в крае** — победитель конкурсного отбора 2019 г. на право реализации Федеральной программы профессионального обучения и дополнительного профессионального образования граждан предпенсионного возраста по международным стандартам WorldSkills.

В рейтинге вузов Евросоюза ARES-2019 подтвердил оценку ВВ в категории «Надежное качество преподавания, научной деятельности и востребованности выпускников работодателями (Good quality performance)», вошел в пятерку лучших экономических вузов страны по качеству образования и трудоустройству выпускников.

ВГУЭС входит в 100 лучших российских вузов по результатам мониторинга Министерства образования и науки РФ и национальных рейтингов университетов ИА «Интерфакс». Является единственным экономическим вузом России, победившем в конкурсе «Новые кадры ОПК (оборонно-промышленного комплекса)».

ВГУЭС входит в 1000 лучших бизнес-школ мира по версии фонда EDUniversal. Международная ассоциация SEEMAN (Ассоциация развития менеджмента в Центральной и Восточной Европе) признала ВГУЭС абсолютным победителем конкурса в номинации «Выдающиеся достижения в управлении организацией».

Сайт ВГУЭС вошел в сотню самых цитируемых сайтов университетов России в рейтинге Webometrix.

Одна из отличительных особенностей ВГУЭС как высшей школы — способность определить дух времени и вписаться в только еще намечающуюся парадигму перемен. Так, в 90-е гг. ВГУЭС первым взял курс на компьютеризацию, которая потом трансформировалась в информатизацию, и точно предопределил дальнейший переход к цифре.

ВГУЭС — единственный в России вуз, который в полной мере работает по модели практико-интегрированного обучения. Именно такой подход, где первые три года бакалавры изучают теорию, а на четвертом курсе проходят восьмимесячную стажировку на предприятиях Дальневосточного региона, позволяет соединить знания с компетенциями, поэтому работодатели заинтересованы в молодых специалистах с дипломом ВГУЭС, которых не надо переучивать, доучивать, «огранять».

Меняется философия и психология самого образовательного процесса: студенты на 1–2 курсах получают подготовку по фундаментальным дисциплинам, и дальше, через проектную деятельность, учатся интегрировать научные знания в жизнь. 70% выпускников ВГУЭС находят работу сразу после окончания университета.

Ректор ВГУЭС, доктор экономических наук, профессор Татьяна Терентьева: «Наш вуз позиционирует себя как университет Дальневосточного федерального округа, и основная наша цель — закрепление молодежи на Дальнем Востоке, Приморском крае и во Владивостоке. Мы делаем всё для того, чтобы наши ребята, а сегодня у нас учатся порядка 15 тысяч студентов из 50 регионов России и 25 зарубежных стран, понимали, какие перспективы и возможности будут у них после окончания вуза.

Еще 5–7 лет назад вопросы трудоустройства для университетов имели второстепенное значение. У нас была главная функция — учить. Сейчас университет гармонично встроен в интегрированную систему развития экономики. Мы уже давно вышли «в поля» — к работодателям. Университет проходит очередной этап совершенствования образовательного процесса — переход к проектному обучению.

ВГУЭС — территория новых возможностей. Наши студенты во время учебы в университете открывают свои бизнес-предприятия.

Бизнес-инкубатор ВГУЭС — площадка для молодежного предпринимательства.

Восемь научных коллективов ВГУЭС в 2018 г. получили статус научных школ и поддержку университета. У каждой школы есть свой бюджет, который покрывает расходы научного коллектива на международные поездки, публикации статей в статусных журналах, повышение квалификации и защиты диссертаций.

Ученые университета участвуют в научных проектах, исследовательских грантах РФФИ, Российского гуманитарного научного фонда, грантах Министерства образования и очень часто побеждают в этих конкурсах. Одна из последних крупных побед — применение технологии Big Data для обработки слабоструктурированных медицинских данных — проект под руководством доктора медицинских наук, профессора Бориса Израйлевича Гельцера.

Значительная роль в стратегировании научных исследований уделяется прикладным разработкам по заявкам реального сектора экономики.

Будущее образования — за молодежью, новыми образовательными технологиями».

В 2018 г. во ВГУЭС стартовал новый проект для молодых ученых: отбор талантливых аспирантов и магистрантов на целевую программу. У ребят, которые на нее поступили, много преференций. В частности, им предоставляется скидка на оплату обучения в размере 95%, а также для аспирантов-ассистентов — зарплата более 40 тысяч рублей, «подъемные», стипендия и другие льготы. В свою очередь, аспиранты должны защитить кандидатские диссертации в год окончания аспирантуры. На хорошую научную стипендию — порядка 15–20 тысяч рублей — могут рассчитывать также магистры и бакалавры, занимающиеся научно-исследовательской деятельностью.

Молодым исследователям также важно, чтобы их учили настоящие профессионалы, и материально-техническая база позволяла совершать открытия. ВГУЭС выбирают для старта и развития научной карьеры.

ВГУЭС всегда был и остается вузом динамичным, нацеленным на развитие, всегда стремящимся оказаться на шаг впереди. Мы ставим перед собой амбициозные планы и со свойственной молодости энергией претворяем их в жизнь.

Мне очень хочется, чтобы каждый год в студенческое братство и преподавательский состав ВГУЭС вливалось еще больше талантливой, умной, необыкновенной молодежи, которая завтра станет движущей силой развития экономики и социальной сферы Приморья и всей страны.

ВГУЭС активно участвует в международных проектах и имеет более 150 договоров о сотрудничестве с зарубежными университетами и организациями. Партнерами ВГУЭС являются ведущие вузы таких стран, как США, Япония, Китай, Южная Корея, Новая Зеландия, Нидерланды, Испания, Италия, Австрия, Болгария.

В университете накоплен огромный опыт подготовки высококвалифицированных специалистов по программам бакалавриата, магистратуры и аспирантуры для туристического, социально-культурного, транспортно-логистического кластеров, информационных технологий, охватывая тем самым основные социально-экономические направления для подготовки кадров в Дальневосточном регионе.

Контактная информация:

Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Ректор — Терентьева Татьяна Валерьевна

Телефон приемной ректората: +7 423 240-42-89

Телефон помощника ректора: +7 423 240-40-00

E-mail: rector@vvsu.ru

Президент — Лазарев Геннадий Иннокентьевич

Телефон приемной президента: +7 423 240-40-41

Председатель организационного комитета Форума —

Мамычев Алексей Юрьевич:

+7 984-14949-13,

E-mail: mamychhev@yandex.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Mohd Hazmi Mohd Rusli (Ph. D), an associate professor, Faculty of Syariah and Law, Universiti Sains Islam Malaysia, honorary Lieutenant Commander of the Royal Malaysian Navy.

Roman Dremluiga (Ph. D), an associate professor, the School of Law, Far Eastern Federal University (Vladivostok).

Алексеенко Александр Петрович, кандидат юридических наук, магистр юриспруденции, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. *E-mail: alekseenko.a.p@gmail.com.*

Али-Османова Екатерина Сергеевна, магистрант, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. *E-mail: ali-osmanova.k@yandex.ru.*

Басинская Анна Андреевна, студент, институт права, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.

Беспалова Татьяна Викторовна, доктор философских наук, Институт Наследия (г. Москва).

Бойчук Дмитрий Сергеевич, кандидат юридических наук, ассистент кафедры международного права, Национальный юридический университет имени Ярослава Мудрого, младший научный сотрудник отдела планирования и анализа правовых исследований, Национальная академия правовых наук Украины.

Вакуров Илья Петрович, студент группы БЮП-18-02, институт права, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.

Васильев Антон Александрович, доктор юридических наук, доцент, директор юридического института, Алтайский государственный университет. *E-mail: anton_yasiliev@mail.ru.*

Ветренко Инна Александровна, доктор политических наук, профессор, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. *E-mail: Inna-Vetrenko@yandex.ru.*

Воронин Александр Викторович, научная лаборатория «Искусственный интеллект в праве и правовой политике», Саратовский филиал ИГП РАН.

Воронцов Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры процессуального права, Российская академия народного хозяйства и государственная служба при Президенте РФ. *E-mail: raven_serg@mail.ru.*

Горян Элла Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. *E-mail: ella.goryan@vvsu.ru.*

Грогуленко Любовь Вадимовна, секретарь территориальной избирательной комиссии Красноармейского района Приморского края. *E-mail: lilasgrog@gmail.ru.*

Мамычев Алексей Юрьевич, доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории российского и зарубежного права, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. *E-mail: mamychhev@yandex.ru.*

Дремлюга Роман Игоревич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора Юридической Школы Дальневосточного федерального университета.

Евсеева Татьяна Витальевна, аспирант, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.

Жаров Сергей Николаевич, доктор юридических наук, доцент, Челябинский государственный университет. *E-mail: serzhar@mail.ru.*

Журавлев Никита Алексеевич, студент, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. *E-mail: normon007@mail.ru.*

Зарецкая Анастасия Яковлевна, магистрант Дальневосточный федеральный университет. *E-mail: zaretskaya12@gmail.com.*

Затонский Виктор Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук. *E-mail: zatonsky-va@yandex.ru.*

Иванова Арина Дмитриевна, магистрант, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. *E-mail: romanova.arina-jun2k@yandex.ru.*

Киришук Алина Сергеевна, бакалавр, третий курс, кафедра международных отношений и права, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. *E-mail: Kirishhuk@inbox.ru.*

Ковалева Виктория Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». *E-mail: v.v.kovaleva@list.ru.*

Кожемякина Анастасия Дмитриевна, магистрант, Челябинский государственный университет. *E-mail: Kozhemyakina_nastya230798@mail.ru.*

Комкова Галина Николаевна, доктор юридических наук, профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. *E-mail: komkova_galina@mail.ru.*

Конопля Ярослав Андреевич, магистрант, институт права, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.

Котляр Ольга Сергеевна, студент, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. *E-mail: niko.m_2002@mail.ru.*

Купряшкин Илья Владимирович, студент, Дальневосточный федеральный университет. *E-mail: kupryashkin.iv@dyfu.ru.*

Купряшкина Евгения Алексеевна, студент, Дальневосточный федеральный университет. *E-mail: zhenya.gorelowa@yandex.ru.*

Куршаков Захар, магистрант, института права, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.

Лобач Дмитрий Владимирович, доцент кафедры теории и истории, государства и права, Юридическая школа Дальневосточного федерального университета.

Люй Гуанхай, аспирант, третий курс, кафедра экономики и управления, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. *E-mail: 1215111712@qq.com.*

Милюев Владимир Вячеславович, студент, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.

Минникес Илья Анисимович, доктор юридических наук, профессор, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). *E-mail: iaminnikes@yandex.ru.*

Мордовцев Андрей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории российского и зарубежного права, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.

Мордовцева Татьяна Васильевна, доктор культурологии, профессор, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики». *E-mail: mvtvtaganrog@yandex.ru.*

Назарова Виолетта Петровна, магистрант, институт права, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.

Овчинников Алексей Игоревич, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ЮФУ, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории права и государства, ЮРИУ РАНХиГС при Президенте РФ, профессор кафедры гражданского права, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.

Омельяненко Мария Евгеньевна, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, Институт права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Омельяненко Мария Евгеньевна, старший преподаватель, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. *E-mail: mariyaomelyanenko@yandex.ru.*

Панкратова Лилия Сергеевна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии культуры и коммуникации, Санкт-Петербургский государственный университет.

Платонова Наталья Игоревна, кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых основ управления, МГИМО МИД России. *E-mail: platonovani@gmail.com.*

Савлук Анна Дмитриевна, магистрант, институт права, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.

Савченко Ольга Сергеевна, магистрант, Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) «РГЭУ (РИНХ)». *E-mail: o.savchenko94@mail.ru.*

Сергеева Ольга Юрьевна, научная лаборатория «Искусственный интеллект в праве и правовой политике», Саратовский филиал ИГП РАН.

Сергей Волобуев, философ, культуролог, координатор проекта «Гражданский экзамен».

Серобян Гагик Ашотович, магистрант, Дальневосточный федеральный университет. *E-mail: serobyan.g@bk.ru.*

Сон Дмитрий, магистрант, институт права, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.

Тен Екатерина, аспирант кафедры теории и истории российского и зарубежного права, институт права, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.

Томашук Светлана Михайловна, студент, Дальневосточный федеральный университет. *E-mail: svetlanatomashuk@mail.ru.*

Тризкин Бенедикт Мазаевич, Рефлексивный театр ситуационного центра (г. Омск). *E-mail: trizkin@yandex.ru.*

Углев Виктор Александрович, Сибирский федеральный университет (г. Железногорск). *E-mail: uglev-v@yandex.ru.*

Филимонов Вячеслав Аркадьевич, Институт математики им. С.Л. Соболева СО РАН (г. Омск). *E-mail: filimonov-v-a@yandex.ru.*

Чебунин Никита Алексеевич, студент группы БПЮП-15-01, институт права, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.

Чжао Чэнь, аспирант, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. *E-mail: 120725972@qq.com.*

Шашло Нина Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. *E-mail: ninellsss@gmail.com.*

Шпопер Дариуш, доктор юридических наук, профессор, Поморская академия (г. Слупск, Польша).

Яковенко Никита Сергеевич, студент, третий курс, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. *E-mail: yakovenko1380@gmail.com.*